

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
КАНГЮЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

**ARCHAEOLOGY AND HISTORY
OF KANGJU STATE**

Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П.,
Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж.,
Тур С.С., Иванов С.С.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КАНГЮЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Yatsenko S.A., Avizova A.K., Torgoev A.I., Saipov A., Kulish A.V., Kitov E.P.,
Rogozhinskii A.E., Smagulov E.A., Erzhibitova A.A., Torezhanova N.Zh.,
Tur S.S., Ivanov S.S.

ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF KANGJU STATE

**ШЫМКЕНТ
Shymkent
2020**

УДК 902
ББК 63.4(2)
А87

Рекомендовано Ученым советом ЮКУ им.М.Ауэзова

Ответственный редактор С.А. Яценко
Ответственный за выпуск А. Саипов

Рецензенты:

Кан Г.В. – доктор исторических наук, профессор университета Нархоз
Гаджиев М.С. – зав. отделом археологии института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С.

А87 **Археология и история кангюйского государства** монография. Шымкент: Типография «Элем», - 2020. – 216 с. – илл.

ISBN 978-9965-19-600-3

Коллективная монография является первым в науке большим специальным международным исследованием, посвященным малоизученной до сих пор «кочевой империи» Кангюй / Канга. Как политическое образование Кангюй существовал около пяти веков. Его расцвет пришелся на I–начало III вв. н.э., а центр находился в среднем течении Сырдарьи. История Кангюя – важная страница истории народов Казахстана, Узбекистана, части территории Кыргызстана и Таджикистана, заволжских степей России. В разделах книги представлены новые, еще не опубликованные материалы, даются новые трактовки уже известных фактов или же обобщаются материалы полевых исследований прошлых лет. Высказанные в разных разделах мнения отражают позиции их авторов.

The collective book is the first big special international study devoted to the little-studied Kangju / Kanga "nomadic empire". As a political entity, Kangju existed for about five centuries. Its heyday was in the 1st – early 3rd cc. CE and the center located in the Middle Syr Darya Basin. The history of Kangju is an important part of the history of peoples in Kazakhstan, Uzbekistan, some parts of Kyrgyzstan and Tajikistan and the Russian Steppe zone to the east from Volga. The chapters of the book present new, unpublished materials, give new interpretations of already known facts, or summarize the materials of field research of previous years. The opinions expressed in various chapters reflect the positions of their authors.

Монография издается в рамках проекта по приоритету: Научные основы «Мәңгілік ел» (образование XXI века, фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук); по подприоритету: Фундаментальные и прикладные исследования проблем модернизации общественного сознания; Общность истории, культуры и языка. Современная казахстанская культура в глобальном мире; и по научно-технической программе: ИРН: BR05233709 «История и культура Великой степи».

УДК 902
ББК 63.4(2)

ISBN 978-9965-19-600-3

© Республиканская научно-исследовательская лаборатория
«Физическая антропология» НАО «ЮКУ им. М.Ауэзова», 2020.
© Типография «Элем», 2020.

Содержание

Введение	
<i>Саипов А., Яценко С.А.</i>	5
Раздел 1. Источники и историография по «кангюйской проблеме»	
<i>Яценко С.А.</i>	7
Раздел 2. Очерк социально-политической истории «кочевой империи»	
Кангюй / Канга. Вассальные владения	
<i>Яценко С.А.</i>	23
Раздел 3. Кангюй в региональной торговле и культурном обмене.	
Кангюй и «аланская проблема»	
<i>Яценко С.А.</i>	50
Раздел 4. Укрепленные поселения	
4.1. Замок Бака-тобе и крестообразные постройки Кангюя	
<i>Торгоев А.И., Кулиш А.В., Торежанова Н.Ж.</i>	69
4.2. Городище Культобе в г. Туркестане: генезис поселенческой структуры	
<i>Торгоев А.И., Кулиш А.В.</i>	87
4.3. Хронология Культобе в г. Туркестане и следы ремесел на поселении	
<i>Торгоев А.И., Кулиш А.В., Ержигитова А.А.</i>	103
4.4. Поселения и города Отрарского оазиса	
<i>Авизова А.К.</i>	125
Раздел 5. Некрополи	
5.1. Генезис и вопросы хронологии погребальных сооружений Кангюя II в. до н. э. – IV вв. н. э.	
<i>Торгоев А.И., Ержигитова А.А.</i>	136
5.2. Некрополи Отрарского оазиса	
<i>Авизова А.К.</i>	153
Раздел 6. Тамги Кангюя	
<i>Яценко С.А., Кулиш А.В., Смагулов Е.А., Тарежанова Н.Ж.</i>	161
Раздел 7. Наскальные изображения поздней античности	
<i>Рогожинский А.Е.</i>	171
Раздел 8. Исторические процессы на Средней и Нижней Сырдарье по данным палеоантропологии рубежа н.э. - III-IV вв. н.э.	
<i>Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.</i>	176
Литература	186
Список сокращений	212
Авторы	213
List of Illustrations	287
Summary	298
Дополнительные иллюстрации	308

Contents

Introduction	
<i>Saipov A., Yatsenko S.A.</i>	5
Chapter 1. Sources and Historiography of “Kangju Problem”	
<i>Yatsenko S.A.</i>	7
Chapter 2. Essay on the Political and Social History of Kangju / Kanga “Nomadic Empire”. The Vassal Territories	
<i>Yatsenko S.A.</i>	23
Chapter 3. Kangju in the Regional Trade and Cultural Interactions. Kangju and the “Alanian Problem”	
<i>Yatsenko S.A.</i>	50
Chapter 4. The Fortified Settlements	
4.1. Baka-tobe Castle and the Cross-Shaped Buildings of Kangju	
<i>Torgoev A.I., Kulish A.V., Torezhanova N.Zh.</i>	69
4.2. Kultobe Hillfort in Turkestan City: Genesis of the Settlement Structure	
<i>Torgoev A.I., Kulish A.V.</i>	87
4.3. Chronology of Kultobe in Turkestan City and the Craft Traces in the Settlement	
<i>Torgoev A.I., Kulish A.V., Erzhigitova A.A.</i>	103
4.4. Settlements and Cities of Otrar Oasis	
<i>Avizova A.K.</i>	125
Chapter 5. Necropolises	
5.1. The Origin and Chronology Problems of the Burial Constructions of Kangju in the 2 nd c. BCE – 4 th c. CE.	
<i>Torgoev A.I., Erzhigitova A.A.</i>	136
5.2. Necropolises of Otrar Oasis	
<i>Avizova A.K.</i>	153
Chapter 6. Tamga-Signs of Kangju	
<i>Yatsenko S.A., Kulish A.V., Smagulov E.A., Torezhanova N.Zh.</i>	161
Chapter 7. Rock Art of the Late Antiquity	
<i>Rogozhinskii A.E.</i>	171
Chapter 8. The Historical Processes in the Middle and Lower Syrdarya Basin in the Turn of CE – the 3 rd -4 th cc. CE According to the Paleoanthropological Data	
<i>Kitov E.P., Tur S.S., Ivanov S.S.</i>	176
Bibliography	186
List of abbreviations	212
Authors	213
List of Illustrations	289
Summary	298
Additional Illustrations	308

ВВЕДЕНИЕ

Саипов А., Яценко С.А.

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография является результатом совместной творческой работы группы ученых из Казахстана и России, поддержанной по научно-технической программе: BR05233709 «История и культура Великой степи».

Организовать такое творческое содружество и сегодня непросто. «Кангюйский» проект на этот раз объединил группу археологов и палеоантропологов, проживающих в разных городах. Их мнения по конкретным вопросам различаются, порой довольно сильно. Изучение памятников древней «кочевой империи» Кангюй / Канга имеет, помимо чисто научного, большое общественное значение. Ведь Кангюй в I - начале III вв. н.э. был самой крупной по территории инаиболее могущественной державой западной части Центральной Азии. Китайские хроники дают нам яркое представление о его военно-политической силе. Расцвет Кангюя совпал с великим временем античности – с одновременным расцветом Римской империи, империи Хань, парфянского Ирана и Кушанской империи. Он был одной из основных политических сил, деливших огромные просторы тогдашней Евразии. Это было государство-долгожитель с 5-вековой историей.

Кангюйское раннее государство возникло как социокультурный синтез кочевников и оседлых земледельцев, пришлых с востока групп и потомков автохтонного населения Средней Азии. В его рамках взаимодействовали этнокультурные группы с берегов р. Арысь и гор Каратау, Ташкентского оазиса и горных районов Северного Тянь-Шаня, пустынных ныне старых русел Сырдарьи, сарматских кочевых племен Приуралья и жителей оазисов Самарканда и Бухары. На его территории проявляли активность согдийские купцы и китайские посольства. Сегодня есть все основания думать, что именно Кангюй содействовал с 20 г. до н.э. появлению «северной дороги» - важной ветви только что возникшего Великого Шелкового пути. С историей этого государства тесно связана ранняя судьба знаменитых народов прошлого – аланов и гуннов. Кангюйцы первыми создали на обширных территориях в самых северных оазисах Сырдарьи и Северного Тянь-Шаня серии укрепленных поселений и среди них – несколько городов, проложили здесь дороги, первыми использовали там (пусть и ограниченно) монетное обращение. Их традиции жилищного строительства имели затем долгую жизнь. История, памятники и культурное наследие Кангюя – общее наследие народов Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и, отчасти, Таджикистана. Как и казахи, нового времени, кангюйцы принадлежали к мирам и кочевой и оседлой культур.

Однако при этом парадоксальным образом мы сегодня знаем о Кангюйском государстве гораздо меньше, чем, например, о саках Семиречья, племенах пазырыкской культуры, восточных группировок сарматов и других древних жителях Казахстана античного времени. Слои кангюйской эпохи

залегает на древних поселениях под солидными напластованиями более поздних эпох, и археологам непросто их изучать. Могилы кангюйской элиты почти всегда разграблены еще современниками, а новые научные раскопки больших курганов - дело очень трудоемкое. Много объективно еще мешает изучению этой древней державы Центральной Азии. Казахское государство с первых лет независимости уделяет решению «кангюйской проблемы» немало внимания.

Последние три поколения археологов много сделали по кангюйской тематике, но куда больше предстоит сделать. Разные стороны жизни этого древнего государства еще практически не изучены. Поэтому наша книга во многом обращена в будущее. Мы не пытались создать что-то вроде обобщающего справочного труда по Кангюю (такие обобщения в прошлом уже делались не раз на весьма ограниченном материале). Позиции авторов разных разделов и параграфов книги подчас заметно различаются. В разделах монографии ставятся вопросы, предлагаются новые интерпретации, типологии, датировки. Одни из соавторов сделали основной акцент на публикации неизвестных ранее материалов, принципиально новых выводов. Другие склонны обобщить изученное в прошлые годы. Но, так или иначе, читатели найдут в этой книге много нового, достаточно целостное и при этом - разноплановое видение прошлого Кангюйского государства.

Мы решили посвятить один из разделов книги памяти ушедшего от нас в октябре 2019 г. одного из основных специалистов по археологии этой древней страны, известного казахстанского археолога *Ербулата Акижановича Смагулова*, который являлся одним из участников выполняемой программы - «кангюйского проекта». Многие годы Ербулат Акижанович руководил Туркестанской экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана, которая впервые широкими площадями раскопала один из эталонных ныне памятников Кангюя. Неожданная смерть помешала ему написать многие части этой монографии, как он собирался сделать. Но его участие ощущается в одном из разделов.

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО «КАНГЮЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ»

Яценко С.А.

Кангюйское политическое образование появляется в письменных источниках после середины II в. до н.э., видимо, в результате перемещения ряда кочевых племен с востока, чья культура наложилась на местную, позднесакскую (это смешение подтверждается современными антропологами). Результатом культурного синтеза стало постепенное сложение на Средней Сырдарье раннего государства с преимущественно полукочевым населением, которое к концу I в. н.э., судя по китайским источникам, стало самой мощной политической силой в Средней Азии.

Постепенно, по мере расширения Кангюя, его основная территория включала, по современным представлениям, три близкие культуры: оттаро-каратаускую (на Арыси, в Туркестанском оазисе, в горах Каратау и др.), каучинскую на территории преимущественно древнего Чача и более позднюю кенкольскую, памятники которой концентрируются во внутреннем Тянь-Шане, а также долинах Чу и Таласа¹.

Из существующих позднеантичных государств запада Центральной Азии именно история и культура т.н. «кочевой империи» Кангюй (см. раздел 2), пожалуй, вызывают наибольшее число неясностей и разногласий среди ученых, породив т.н. «кангюйскую проблему». Нетрудно заметить, что, при весьма недостаточной комплексной изученности, и в прошлом и сегодня в сознании коллег не существует особой серьезной «усуньской проблемы» или «проблемы доимперских юэчжей Бактрии».

Наличие важной и сложной именно «кангюйской проблемы» объясняется, во-первых, тем, что из созданных кочевниками после середины II в. до н.э. больших политических образований *Усунь* подпитывалась постоянной разноплановой поддержкой могущественной китайской империи Хань, но вскоре ослабела и распалась (после 3 г. до н.э. о ней нет никаких подробных сведений)²; возникшая при Виме Такто *Кушанская империя* имела центр вне Средней Азии (в Афганистане), да и большую часть владений на территории древней Индии, и, как сейчас ясно, мало занималась экспансией в Средней

¹ Еще недавно основными исследователями Кангюя предлагалась иная «тройка» базовых культур, которую предложила когда-то Л.М. Левина (Левина, 1971, с. 241). Она включала, кроме оттарско-каратауской и каучинской, джетысарскую культуру (нижняя дата которой ныне омоложена на 1000 лет (!) (см. ниже), но не включала тесно связанную с первыми двумя кенкольскую культуру (см. подробнее: Байпаков, Смагулов, Ергигитова, 2005, с. 150 сл.).

² Ряд исследователей полагает, что центр раннего Усунь находился в пограничных районах китайского Синьцзяна и к востоку от Иссык-Куля (Боровкова, 1989, с. 61-64).

Азии. И только Кангюй (кит.) / Канга (пехлеви) осуществлял экспансию в первую очередь именно в Средней Азии. Поэтому логично ожидать, что воздействие этого раннегосударственного образования на политическую жизнь, элитарные группы и некоторые стороны бытовой культуры синхронного и отчасти последующего населения региона было гораздо более заметным. Применительно к Южному Казахстану, да и не только к нему, мы можем говорить о «кангюйском времени» (Свиридов, 2011, с. 132).

Во-вторых, сегодня есть много оснований думать, что именно с территорией Кангюйской державы в разные периоды ее истории прямо и косвенно связаны ранняя история и будущее возвышение таких знаменитых народов поздней античности – начала средневековья, как аланы и европейские гунны (действовавшие затем на западе), а также хиониты (активность которых документируется к югу). Иными словами загадка истории Кангюя тесно переплетена с во многом загадочной ранней историей этих народов. Это относится и к тем кочевым народам его северной периферии, которые затем в основном попали в Европейские степи, и в начале I в. н.э. создали блестящую, буквально утопающую в золоте «среднесарматскую культуру», а в середине II в. н.э. – воинственную «позднесарматскую культуру» (обе они или их варианты в короткий срок распространились на запад до Румынии и Венгрии, создав немалые проблемы для Римской империи и государств Кавказа).

В-третьих, судя по письменным источникам, правящая элита Кангюя (довольно долго сохранявшая, по официальным китайским данным, кочевой образ жизни) сумела активно опираться в своей политике на разные кочевые группировки – беглецов и отщепенцев и среды северных сюнну и усуней (их селили на кангюйских землях для усиления военного потенциала), племенные союзы сарматов и аланов и другие объединения номадов. В результате такой политики владения Кангюя в кочевой степи до начала III в. простирались на запад вплоть до страны номадов Лю / 柳, граничившей с Дацинь-Римом (волгодонские степи). Власть Кангюя над северными и западными номадами была довольно долгой, а зависимость – «сильной», но как именно она сказалась и на Кангюе и на его кочевых вассалах – пока неясно.

*Китайские хроники практически изначально особенно выделяют Кангюй из стран региона по нескольким причинам*³. Прежде всего – это (в противоположность Усунь) стабильная антикитайская позиция властей названной страны. Вторая причина – это важная роль Кангюя на торговой «северной дороге», которая, собственно, и оформилась во многом по его инициативе с 20 г. до н.э. Торговые по своим целям посольства из Кангюя по важным поводам приезжали в Китай вплоть до гибели государства. И, наконец, примерно с середины I в. н.э. Кангюй, судя по китайским хроникам, становится

³ См. в списке литературы подборку основных доступных в Интернете аутентичных текстов на китайском, касающихся Кангюя, со ссылкой на конкретные главы (Ban Gu; Chen Shou; Fan Ye; Fang Xuanling; Li Yanshou; Sima Qian).

самой сильной державой Центральной Азии. Поэтому не приходится удивляться тому, что сведения о Кангюе весьма обильны и разнообразны большую часть его истории (кроме периода после середины III века, когда интерес царств раздробленного Китая к дальним западным странам существенно упал). Для нас важно, что они происходят из целой серии работ официальных историографов, и эта информация проверена и достоверна. В переводе ряда частей этих текстов с древнекитайского (из русскоязычных авторов см., например: Бичурин, 1950; Кюннер, 1961; Боровкова, 1989; Зуев, 1995; Ходжаев, 2006) изредка имеются важные для нашей темы расхождения (впрочем, каждый такой случай оговаривается в ряде научных публикаций, так что преувеличивать значение этих затруднений не стоит). При этом в китайских хрониках обычно ясно указаны направления (по сторонам света) между политическими центрами государств и расстояния до них (в *ли*) по тогдашним дорогам⁴ (увы, не все ученые готовы ими воспользоваться, если данные современников событий противоречат очередным нынешним теориям). Думается, в литературе преувеличивается подчас и неопределенность с указанием *дорожных* расстояний между странами и городами региона, т.к. дорожная сеть (включая речные переправы, переход по перевалам, обход природных препятствий и т.п.) в регионе веками была весьма стабильной, она подробно описана и у раннеисламских арабо-персидских авторов и позже.

Названные выше объективные проблемы осложняются несколькими дополнительными обстоятельствами. Дело в том, что культура и быт, а, стало быть, и многие аспекты истории и собственно Кангюя, и его ближайших вассалов изучены сегодня, несмотря на героический труд и большие интеллектуальные усилия трех поколений археологов и других специалистов, все еще очень *неравномерно и фрагментарно*.

Прежде всего, из многих категорий памятников, остающихся от крупных раннегосударственных образований такого типа, раскопкам более всего подвергались *сравнительно крупные укрепленные поселения* с двух-трехчастной внутренней структурой. Обычно такие поселения обживались долгое время и после крушения Кангюя около середины IV в. н.э. Как правило, вскрываются верхние, поздние слои и, в лучшем случае, немногочисленные материалы времен расцвета Кангюя в I-III веках обнаруживаются в стратиграфическом шурфе или небольшом раскопе. Малые площади вскрытых культурных слоев времен «кочевой империи» Кангюя являются на деле большой проблемой для ее изучения. Это касается и выделения вероятных городских центров в бассейне Арыси, какими могли быть Мардан-Куик, Отрар, Жуантобе и Кок-

⁴ Не забудем, что в Китае во времена династии Хань впервые в мире появились и аналог компаса, и специальная повозка, замерявшая дорожные расстояния. Другие страны мира ничем подобным долгое время пользоваться не могли.

Мардан⁵. Вскрытые широкими площадями слои этого времени на таких памятниках, как Шаштепа периода IV в Ташкентском оазисе (Филанович, 2010, с. 111-139) и Культобе Туркестанское (Смагулов, Ержигитова, 2013а; Смагулов, 2019), являются пока отрадным исключением. Благодаря им мы имеем представление о системе жилой и общественной застройки не очень больших населенных пунктов.

Второй популярный объект изучения – довольно крупные *курганные могильники* (часто связанные с оседлыми жителями ближайших укрепленных поселений), в том числе иногда – такие огромные, как Борижары на р. Арысь (около 1500 курганов) и Торкент (около 900 курганов) в среднем течении р. Нарын. Вероятно, такая концентрация курганов одного короткого периода обязана почитаемому святому месту⁶. Благодаря курганным некрополям мы неплохо представляем сегодня погребальную обрядность и набор вещей, по обычаю помещаемых в могилу. Однако такие раскопки в могильниках вынужденно выборочны, как правило, не являются сплошными на большой площади, и, следовательно, не дают представления о планиграфии некрополя в целом в определенный хронологический период (см., впрочем: Байпаков и др., 2008). Пестрота состава местного населения из исходно разных кочевых и оседлых групп, нередкая для образований типа «кочевых империй», отразилась, вероятно, в погребальной обрядности жителей основного ядра Кангюя. В курганных могильниках мы видим как одиночные, так и коллективные могилы в катакомбах, а также подбоях и грунтовых ямах; есть захоронения на платформах и детские – в пристройках к ним, погребения в сосудах (хумах); на севере известны курумы – каменные склепы. Ориентация умерших головой по сторонам света весьма разнообразная.

Что касается *элитных погребений* (в высоких курганах, требующих весьма трудоемких и затратных раскопок, изредка – для кангюйских вассальных территорий – на заброшенных городищах (Коктепе в Согде) и т.п., то первые

⁵ Мы знаем довольно детальное китайское описание одного из городов на окраинной территории Кангюя. Этот город был построен в короткий срок – за 2 года, имел деревянную и земляную внешнюю стену и цитадель. Но это была личная инициатива приглашенного в Кангюй сюннуского шаньюя Чжичи. Другой город также был построен внешними силами – его создали, судя по эпиграфике на закладных кирпичах, правители соседнего Чача на месте нынешнего городища Культобе Арысское (см. раздел 2). Кангюйне мог иметь собственных морских портов. Он мог лишь использовать для торговли такой «варварский» город на северо-восточном побережье Каспия, как Каракабак (см.: Астафьев, Богданов, 2019), возникший на рубеже II-III вв. н.э.; заметное место в его населении занимали выходцы из вассального тогда Кангюю Южного Приуралья (см.: Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019).

⁶ Это можно предполагать у ранних кочевников Семиречья для таких обширных курганных кладбищ, как Каратума и Беркара, а в европейских степях – для резко выделяющихся размерами крупнейшего могильника Скифии – Мамай-Гора под Запорожьем и крупнейшего некрополя Сарматии в Новом в низовьях Дона.

обычно основательно разграблены (чаще всего – современниками), а вторые обнаруживаются очень редко и случайно. Погребения времени позднего Кангюя с серией золотых украшений, ламеллярным и комбинированным доспехом катафрактариев (см., например: Кожомбердиев, Худяков, 1987) известны в могильниках кенкольской культуры Торкент и Акчий-Карасу, но их материалы до сих пор остаются практически не опубликованными. Такая ситуация, увы, не позволяет пока уточнить стратификацию кангюйского общества.

Явственная стабилизация и рост численности оседлого населения ядра Кангюя относится, на наш взгляд, ко II – первой половине IV вв., то есть к позднему периоду его существования по письменным источникам. Этим временем датируется сегодня и раннее поселение Культобе – предок будущего Ясы / Туркестана (см. раздел 4.3). В это время возникла и ранняя, катакомбная часть самого крупного курганного некрополя – Борижары (который расположен у двух соседних крупных городищ – Жуантобе и Караспантобе).

Важные сведения по культурной принадлежности, связям и миграциям населения Кангюя и его вассальных территорий уже сегодня дает *физическая антропология*. Существенным для нашей темы является в этом плане анализ крупнейшего некрополя Южного Казахстана – Борижары III-IV вв. (Герасимова, Лейбова, 2009; Китов, Ходжайов, 2013; Китов, Саипов, 2015) и ряда некрополей поблизости (Исмагулова, 2010; Саипов и др, 2018; 2019), а также территорий, примыкавших к ядру Кангюя с юга и востока (Перевозчиков, 1967; Ходжайов, 1980; 2013; Тур, 1997; Саипов и др., 2018), и с севера - кочевых сарматских вассалов (Балабанова, 2013; ср. Чикишева, 2011). Для понимания особенностей хозяйства населения, активности мигрантов и других ситуаций весьма важно изучение *истории климатических изменений*. Пока что мы имеем информацию на этот счет по северо-западным степным вассалам Кангюя, но эти сведения во многом касаются и его самого (см., например: Демкин и др, 2012).

Керамика Кангюя основательно изучалась Л.М. Левиной, прежде всего – в ее классической монографии (Левина, 1971). Для каунчинских памятников она выделила три периода с рубежа н.э. до арабского завоевания, для оттарско-каратауских – примерно те же три периода с I в. н.э. По ее мнению, основной этнический состав населения, его ядро, во все эти века был почти неизменным, в том числе – на фоне миграций кочевых групп. Однако за последующие полвека накопился огромный новый материал, который объективно требует осмысления и объективно корректирует наблюдения Ларисы Михайловны в плане классификации, датировок и ряда других общих выводов.

Сегодня мы немало знаем о важной *знаковой системе тамг / нишан*, во многом благодаря специальному проекту МИЦАИ ЮНЕСКО 2016-2017 гг. по тамгам доисламской Средней Азии. Они позволили в ряде случаев выделить эмблемы аристократии собственно Кангюя и вассальных территорий (Чач, сарматы), вероятный знак правящей в нем династии (см. главы 5 и 6 Е.А. Смагулова и С.А. Яценко в коллективной монографии: Яценко и др., 2019, с.

162-179, 199-203), выявить перемещение хозяев таких знаков в результате миграций на запад, в Сарматия и т.п.

Искусство Кангюя на сегодня представлено, в основном, *резьбой по кости* на вассальных территориях (Орлат) и в пограничных районах Усунь (Кызылбулак-4) с «воинскими» сценами из героического эпоса или военного триумфа (Яценко, 2000; Pyasov, 2003; Горячев, Яценко, Егорова, 2016), а также разнотипными золотыми украшениями (они пока тоже куда лучше представлены на связанных с ним политических территориях). Отдельной проблемой является попадание серии высококлассных ювелирных изделий возможного кангюйского производства в Сарматия в I в. н.э. – в период, когда Кангюй стал самой сильной и обширной державой Средней Азии (Treister, Yatsenko, 1998; Яценко, 2020)⁷.

Предметом нескольких публикаций стали *ранние монеты* Чача III или IV вв., чеканка которых, видимо, связана с потомками правившей кангюйской династии (Шагалов, Кузнецов, 2006; Ртвеладзе, 2006; 2008; Яценко и др., 2019, с. 163-164). Однако, вероятно, кангюйцы шире использовали в торговле «живое золото» – пушнину от северных данников (см. раздел 3).

Многие другие категории и территориальные группы памятников на основной территории Кангюйского раннего государства – на Средней Сырдарье – изучались редко или не изучались совсем. Отсутствие регулярного, в пределах какого-либо микрорайона и вдоль древних дорог системного исследования нижних слоев небольших крепостей не позволяло до сих пор выявить *систему малых, индивидуальных по облику крепостей Кангюя*, которая здесь наверняка, по примеру более южных государств, была. Лишь эпизодически, часто – в ходе разведок, осматривались *малые неукрепленные поселения*⁸. На территории, где, по данным китайских хроник, значительная часть населения была кочевой, специально не выявлялась разведками система *сезонных стоянок* кочевников и пастухов из оседлых поселений.

Почти не исследовано *ремесло*. Так, для бассейна Арыси и Туркестанского оазиса мы имеем следы кузницы, найденной в 2004 г. на Караспантобе (Шербаев, Дудаков, 2005, с. 170), остатки ювелирного производства в одном из помещений в Культобе в Ясы / Туркестане (см.: раздел 4.3) и несколько других, еще не опубликованных находок; соответственно – не изучены специально его

⁷ Среди сарматологов какое-то время была популярна версия о якобы массовом и целенаправленном торговом импорте больших серий уникальных золотых полихромных изделий в «зверином стиле» в Сарматия из...гораздо более удаленной юэчжийской Бактрии (Сарианиди, 1987; Гугуев, 1992). Эта версия подвергалась нашей системной критике.

⁸ Для сравнения: в гораздо лучше изученном в этом плане западном Семиречье небольшие «основные» родовые поселения культур ранних кочевников в предгорьях включали до 15 построек и жилые дома из 1-3 комнат. Они были разнообразны по облику – каркасные юртообразные, полуземлянки, изредка землянки и двухэтажные однокомнатные постройки (Горячев, Сараев, 2015, с. 7; Джумабекова, Базарбаева, 2018, с. 470-472).

технологии. Кангюйская *ирригация* района также выявлена лишь в единичных случаях в Отрарском оазисе (Байпаков, 2012, с. 88-89; Грошев, 2012). В Чаче специального выделения ирригационных сооружений данного периода пока практически не проводилось (см.: Массон, 1953; Буряков, 1975; Ирригация Узбекистана, 1979). Система земле- и водопользования остается пока неясной.

Горы бассейна Средней Сырдарьи и сегодня богаты *полезными ископаемыми*, добываемыми с эпохи бронзы. О видах вывозимого отсюда сырья для раннего средневековья есть важные свидетельства китайских и арабских авторов, в основном касающиеся Чача. Мы знаем, что этот сырьевой экспорт включал медь, серебро, золото, а также бирюзу и цветные соли. В Чаче выявлена серия рудников кангюйского времени, в том числе по добыче драгоценных металлов (Буряков, 1986). Однако для Каратау и территории кенкольской культуры такая работа еще на проделана. Этому мешают и более активные следы поздних, средневековых горных разработок тех же месторождений. В регионе, богатом *петроглифами* разных эпох, гравировки на камне времен Кангюя лишь начинают выявлять стилистически и сюжетно. Особую ценность в художественном плане представляют несколько лишь частично опубликованных зооморфных петроглифов с ранними тамгами в Жалтырак-Таше, в верховьях Таласа. В зачаточном состоянии находится и выявление *ранних топонимов*, предположительно связываемых с Кангюем (Шуховцов, 1978; Попова, 1997; Смагулов, Григорьев, 1997, с. 70-73; Байтанаев, 2002; 2011; см. также Lutje, 2010).

На Средней Сырдарье, несомненно, в I в. н.э. уже использовалась *письменность*. Речь идет о серии закладных кирпичей в Культобе Арыском (целый образец впервые найден в 2020 г.)⁹ с надписями о строительстве здесь крепости на землях кочевых «людей шатров» властями Чача (полководцем Сападани и др.), при поддержке коалиции более южных согдийских городов (Sims-Williams, 2009; Подушкин, 2013). Сегодня еще трудно сказать, была ли эта письменность чачской (как следует из содержания текстов), раннесогдийской (как, с оговорками, предполагает Н. Симс-Вильямс) или даже, собственно, кангюйской как допускает А.Н. Подушкин. Почти отсутствуют пока публикации *по сфрагистике*, хотя оттиски личных печатей местного производства на керамике и престижные сасанидские псевдо-перстни с определенными сюжетами (возможно – специально выбранными для местных нужд), встречались неоднократно.

Несмотря на многочисленные, довольно смелые высказывания в публикациях, мы на деле почти ничего не знаем сегодня *о религии* культур Кангюя. *Исключительно* храмовая принадлежность многих вскрытых зданий остается под вопросом; очень мало известно культовых изображений (на

⁹ См предварительную информацию А.Н. Подушкина: KazakhstanTV, 30.06.2020 - https://kazakh-tv.kz/.../page_214375_novosti-s-arkheologiches... .

Средней Сырдарье это обычно небольшие женские статуэтки, связанные скорее с домашними обрядами); детали многих ритуалов, совершаемых при погребении, остаются неясными. Обычно коллеги вместо единой религиозной системы (какой она была в реальной жизни) предпочитают говорить отдельно о «культе огня», «почитании предков», «домашних культах плодородия», «культе барана (фарна)» и т.п. Немало внимания уделяется *керамике с зооморфными ручками*, особенно – в виде барана (см., прежде всего: Литвинский, 1968, с. 12 сл.). Они были распространены с первых веков н. э. как на востоке Средней Азии, так и на юге сарматской Степи. Думается, их происхождение во многом связано с подражанием металлической посуде с такими ручками, известной в регионе со времени Ахеменидов, но бывшей популярной и в позднепарфянской империи и у его соседей (сарматов и др.). Религия жителей на Арыси и в Чаче (как и в соседней Фергане и в низовьях Сырдарьи) в это время явно представляла собой конгломерат близких локальных верований, во многом оставшихся от более раннего сакского населения.

Существует и ряд других, немалых трудностей, связанных с изучением исторического Кангуйского государства. Одной из главных являются *весьма расплывчатые датировки*, которыми привыкли оперировать коллеги (плюс-минус два-три столетия). Например, распространенные до сих пор датировки «III-V вв.» или «I-IV вв.» уже давно не могут удовлетворить исследователя, пытающегося воссоздать реальную историю тех или иных частей Кангюя. Ведь за это время, как мы знаем из письменных источников (см. раздел 2), наблюдались и пик могущества этой державы, и начало серьезного кризиса к 230 году, и гибель около середины IV в., и утверждение в регионе власти кочевников – хионитов и затем – эфталитов... Серьезной проблемой является то, что *по многим раскопанным ключевым памятникам публиковалась лишь краткая предварительная или выборочная информация*; многие материалы крупных археологических памятников, фактически, так и остались не опубликованными (и весьма неполная информация о них из полевых отчетов, тезисов докладов для конференций, никоим образом не заменяет полноценных публикаций). Значительная часть первоначальной полевой информации при этом неизбежно со временем теряется.

В литературе на сегодня имеются лишь два разноплановых достаточно подробных *очерка историографии* и связанных с нею собственных суждений по «кангуйской проблеме». Один из них (глава монографии, подготовленная К.М. Байпаковым и Е.А. Смагуловым (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 149-1670), посвящен именно Кангюю¹⁰. Более поздняя чисто историографическая ценная статья А.Н. Свиридова рассматривает на деле более широкий круг вопросов, и авторские акценты в ней поставлены менее четко (Свиридов, 2012). Для сравнения, в отличие от Кангюя, по истории изучения саков Казахстана имеются кандидатские диссертации (Бедельбаева, 2010). Есть и обобщающие разделы по Кангюю в многотомных исторических

¹⁰См. также небольшой вводный раздел по Отрарскому оазису в кангуйский период (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 41-430).

изданиях (см., прежде всего: Байпаков, Смагулов, 2010) и на официальных сайтах (Конгюйское государство...).

В историографии «кангюйской проблемы» есть *несколько давно излюбленных исследователями тем.*

Часть из них связана с *интерпретацией данных китайских династийных историй современными археологами.* Это определение политического центра Кангюя – *области Лёюань* (сегодня границы политического ядра державы помогает уточнить археология, и его основные исследователи локализуют в бассейне Арыси). Вопреки многим деталям китайских описаний региона, С.П. Толстов видел его в Хорезме (Толстов, 1948а, с. 20-21), Ю.Ф. Буряков – в болотистых низовьях Сырдарьи (Буряков, 1982, с. 107; 1986, с. 56), А. Ходжаев – в Ташкентском оазисе (Ходжаев, 2006, с. 308) (см. раздел 2). Далее, многократно дискутировалась локализация пяти ближних, «малых» вассалов: она весьма различается, т.к. в источнике не указаны направление по сторонам света (см. прежде всего: Толстов, 1948б, с. 146-147; Бернштам, 1952, с. 216; Боровкова, 1989; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 164-165). На сегодняшний день эти вопросы уже не вызывают прежних существенных споров, т.к. это редкий случай, когда китайская информация на сей счет недостаточна. Ряд авторов интересуют этнические процессы, происходившие в I-IV вв. в нижнесырдарьинской области Яньцай / Аланья / Сутэ (Зуев, 1995; Цуциев, 1999; Боталов, 2009 и др.). Сейчас яснее стало *положение большей части Согда под властью Кангюя* (см. раздел 2), и достаточно наглядны его последствия для обеих сторон.

Сегодня для большинства коллег вполне ясно отсутствие влиятельных и сильных политических групп *сюнну* в Казахстане I-III вв., которые до середины IV в. археологически почти неуловимы (также, как ранние кок-тюрки на своей легендарной прародине у Турфанского оазиса, будущие европейские скифы-сколоты в Центральной Азии и многие другие знаменитые кочевые, и не только, народы прошлого). Хорошо информированные в таких вопросах китайские авторы между уничтожением китайцами на окраине Кангюя беглой орды шаньюя Чжичи в 36 г. до н.э.¹¹ и захватом группировкой потомков сюнну области Яньцай около середины IV в.¹², то есть в течение более 5 веков, никаких групп сюнну в Средней Азии и Казахстане не упоминают, несомненно – потому, что они реально не влияли на региональную политику (см. подробнее разделы 2 и 3). Предполагается, что сюнну перед тем долгое время пребывали неизвестными где-то на просторах Казахстана (ср.: Смагулов, Павленко, 1998; Подушкин, 2009; Боталов, 2013); среди прочих, предлагается, например, версия

¹¹Версия А.Н. Берштама о том, что орда шаньюя Чжичи не только не была уничтожена китайцами, но и каким-то образом уцелела, поселилась на р. Талас, и вскоре размножилась и захватила обширные территории (Бернштам, 1940, с. 72-73), сегодня практически не имеет сторонников. Китайские источники также не дают оснований для ее существования.

¹²До прибытия в Китай к императору Вэньчэнди около 455 г. посольства местных сюнну прошло три поколения с установления их власти.

о принадлежности весьма скромных памятников им т.н. коргантасского типа в Центральном Казахстане, для которых постулируется максимальная близость к погребальной обрядности рядовых монгольских сунну (Бейсенов, 1997). Попытки искать прародину будущих европейских гуннов («гунно-сарматов») среди племен позднесарматской культуры Южного Урала (Янь – северный данник Кангюя) (см., например, Боталов, 2009; 2013) не вызвали энтузиазма почти у всех сарматологов, зато вызвали много серьезных возражений из-за особенностей аргументации автора и манеры подачи материала (см., например, Малашев, Мошкова, Болелов, 2007). Между тем, обстоятельства гибели Кангюя, выявляемые сегодня археологией, показывают, что в ней есть серьезное рациональное зерно (см. раздел 2).

Непопулярна сегодня и версия о завоевании территории будущей державы Кангюя западными *обителями сарматских степей* еще в конце II в. до н.э. Начало ей было положено в диссертации О.В. Обельченко, который предположил связь подбойных могил Согда с сарматами Поволжья (Обельченко, 1954, с. 10-15)¹³. Ее поддержал ведущий тогда сарматолог К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1964, с. 289). Напротив, Ю.А. Заднепровский называл Кангюй уже раннего времени «непреодолимым барьером для проникновения сарматов» (Свиридов, 2012, с. 121). Подчас весь Кангюй в глазах некоторых коллег выглядел как своего рода сарматские (аланские) выселки (правда, гораздо более развитые, чем степная Сарматия), а Н.Н. Лысенко просто назвал большую гл. 5 своей книги «Аланская империя Кангюй» (Берлизов, Каминский, 1993; Лысенко, 2002, с. 273-338). Существует мнение о присутствии сарматов в самом политическом центре Кангюя (см.: Подушкин, 2002). С другой стороны, есть основания думать, что дальняя северная периферия Кангюя была начальной или промежуточной территорией обитания создателей в Европе позднесарматской культуры еще в начале II в. н.э. Элементы ее будущей погребальной обрядности обнаруживаются как в Центральном Казахстане, так и у юэчжей Северной Бактрии (Малашев, 2011; 2013). Однако нельзя игнорировать и факт переименования еще в I в. н.э. области Яньцай в Аланья, с сохранением подчинения Кангюю (см., например: Цуциев, 1999), а также ряд фактов, говорящих о кангюйском влиянии на европейских сарматов с I в. н.э., особенно – на их элитарную культуру (Яценко и др., 2019, с. 163-169; Treister, Yatsenko, 1998; Яценко, 2014; 2017; 2019; 2020). О сармато-аланском влиянии в самом начале гуннской экспансии в Средней Азии, можно говорить в связи с гибелью Кангюя (см. раздел 2).

Более важными для решения «кангюйской проблемы» представляются вопросы о роли в правящей элите разных государств Средней Азии отдельных знатных кланов *больших юэчжей* (поселившихся в основном в Бактрии и части Усунь, но, похоже, пришедших к политической власти также в Хорезме, Кангюе и Согде) и о *хионитах*. Уже о раннем Кангюе рубежа II-I вв. до н.э. сообщается не только о зависимости его южных окраин, но и о максимальной

¹³ В дальнейшем О.В. Обельченко отошел от этой позиции (Обельченко, 1992).

близости его культуры (элитарной) именно к юэчжийской. Действительно, серия тамг на петроглифах II-I вв. до н.э. Семиречья, Восточного Казахстана и Северного Прибалхашья в контексте оригинальных сюжетных зоо- и антропоморфных изображений содержат... будущие эмблемы великого кушанского императора Канишки I, нескольких первых правителей Хорезма, чеканивших монеты, будущего сарматского царя Инисмея с Западной Украины и других представителей элиты разных территорий; их наиболее убедительно трактовать именно как юэчжийские, а не усуньские (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015; Яценко и др., 2019, с. 141-158). Впервые вопрос о роли юэчжей был поднят в начале 1970-х годов Ю.А. Заднепровским на материале ряде типов погребальных сооружений (см., например: Заднепровский, 1997, с. 37) и затем на материалах тамг – от «юэчжах рода Чжаову», т.е. проживавших на части китайской Ганьсу, Б.И. Вайнберг и Н.А. Новгородовой (Вайнберг, Новгородова, 1976). Сегодня он продолжает оставаться непроясненным. В китайских хрониках «Вэй люэ» и «Бэйши» для областей Согда ясно говорится, что это, одной стороны, недавняя территория Кангюя, а с другой – что в них стабильно правят люди юэчжийского (не кушанского, а, как подчеркивается, именно общеоэчжийского, от области Чжаову в Ганьсу) происхождения (см. раздел 2).

Вопрос о происхождении и формировании культуры ранних *хионитов*, деятельность орды которых письменные источники освещают к югу (в Индии, а также на границах Ирана – в качестве то союзников против Рима, то опасных врагов) сегодня проясняется благодаря данным археологии. По времени их могущество в Средней Азии и вне ее в середине IV века как раз совпадает с гибелью в пламени пожаров городов и случаев помещения у пожарищ единичных могил воинов-победителей явно кочевого облика (по культурному облику они весьма далеки как от древних монгольских сюнну, так и от будущих европейских гуннов) (рис. 2-14). Судя по западным элементам в их погребениях, сегодня можно считать, что Кангюй погиб от северных соседей (связанных, в том числе, и с восточными группами «поздних сарматов»), которые затем вторглись и в Согд.

Важной восточной частью владений Кангюя позднего периода его истории сегодня можно считать близкую сырдарьинским *кенкольскую культуру* на Тянь-Шане, выявленную первоначально в кыргызстанской части долины р. Талас. Ее общая характеристика и признаки были впервые сформулированы И. Кожомбердиевым (Кожомбердиев, 1983, с. 51-52). Историю изучения этой культуры см. (Кожомбердиева, 1997). Со временем произошло омоложение первоначальной датировки начала наполнения эпонимного Кенкола со II в. н.э. (Сорокин, 1956; Мокрынин, 2010, с. 44), а в последнее время – с первой половины III в. (Малашев, Торгоев, 2018, с. 46).

Довольно активно дискутировалась также оправданность существования в науке особой *арысской культуры* (Байпаков, Подушкин, 1989; Подушкин, 2000; 2003), выделенной А.Н. Подушкным (Смагулов, 2004; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 159-164).

Одной из больших проблем археологии и истории Кангюя является *изучение и интерпретация джетыасарской культуры* на высохших руслах низовьев Сырдарьи. Основной ее исследователь Л.М. Левина весь долгий период работы над ней датировала ее памятники с VII в. до н.э. (Левина, 1996, с. 10). Часть времени ее существования относили к периоду возвышения Кангюя и считали эту культуру важной его составляющей (см., например: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 165). Однако недавнее повторное рассмотрение материала из Джетасарского урочища В.Ю. Малашевым и С.Б. Болеловым показало, что полноценное функционирование ее могильников началось лишь с III в. н.э.; иными словами, начало этой культуры передатировано на 1000 лет позднее (!), что в мировой археологии для столько поздних обществ является редчайшим казусом. В свете этого и с учетом военного ослабления Кангюя по письменным источникам, пока трудно понять, было ли заселение этой территорией очередной инициативой Кангюя по приглашению новых поселенцев (притом, что не позже 230 г. Кангюй эту территорию, по китайским данным, потерял), самостоятельными акциями его подданных¹⁴, или уже первые «джетыасарцы» (их могилы содержат высокий процент оружия, в том числе – у женщин) были врагами Кангюя, близко проживавшими к нему. Базовый для этой культуры керамический материал с привязкой к стратиграфии был получен на городище Джетыасар 3 / Алтын-Асар (Левина, 1996, рис. 31; илл. 4). Здесь в раскопках «большого дома» - бугра со спиральной планировкой (Там же, рис. 10) был выделен более ранний горизонт, более четко выраженный, однако, в нижних слоях Бедаик-асара и Томпак-асара.

Подчас увлеченность материалом конкретной территории, изучаемой исследователем, заметно сказывается на выводах в более широком масштабе, применительно к «кангюйской» проблеме в целом. Так политический центр Кангюя часть коллег из Ташкента видела на территории Ташкентского оазиса с его довольно плотным в основном оседлым населением (при том, что китайские официальные документы локализуют его к северу, а отнюдь не к западу от Ферганы, указывают на преимущественно кочевое население и отмечают там всего один, иногда - два городских центра, и не фиксируют развития земледелия). Часть российских археологов, вопреки ясным и конкретным указаниям китайских дипломатических источников (говорящих о том, что во второй половине II в. до н.э. значительная часть региона была завоевана именно пришедшими с китайских границ юэчжами и усунями, вызвавшими также движение прежнего населения – саков-сэ – к югу), долго поддерживала концепцию О.В. Обельченко «сарматского завоевания Средней Азии» в это время с запада, из Южнорусских степей. Сегодня часть сарматологов России и Украины, думается, еще психологически не готова к системному изучению

¹⁴ В пользу первых двух вариантов, вроде бы, говорит то, что антропологически люди из важнейшего некрополя Борижары ближе всего к умершим из джетыасарских некрополей Косасар и Томпакасар (Китов, Ходжайов, 2013, с. 455).

документированного китайскими хрониками кангюйского воздействия на Степную Сарматию (ведь культурное влияние на сарматов, по преобладающему мнению, исходило, прежде всего, от Рима и его вассала – Боспора).

Активно обсуждается в литературе за последние 10-15 лет вопрос о *назначении общественных зданий в форме креста* (часто с закругленными концами) (см., например: Терновая, 2008; Филанович, 2010, с. 98-139; Богомолов, Ильясова, 2010а; 2010б; Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011, с. 67-71; Смагулов, 2019 и др.). Сама подобная форма зданий довольно широко распространена на разных континентах, и, естественно, с древнейших времен имела и определенные религиозные ассоциации. Однако некоторые из их форм специфичны для бассейна Сырдарьи, и могут для I-IV вв. н.э. считаться архитектурной спецификой оазисной территории Кангюйской державы и ближайших к ней (Фергана) областей. Такие здания стоят подчас отдельно от остальных селений и явно были замками (Грене, Рапен, 2013, с. 24). Нередко такие постройки имеют в стенах серию бойниц, характерных для небольших крепостей. Это подчас воспринимается так, что «крестовины» по каким-то причинам лишь воссоздавали тип престижного светского жилья (Богомолов, Ильясова, 2010а, с. 111). В некоторых помещениях иногда, как будто, совершались религиозные обряды, связанные с жертвоприношениями, возжиганием священного огня и т.п. Соответственно, в последнее время преобладала версия об их чисто религиозном назначении¹⁵. Однако сегодня характер их использования предполагает иное толкование – в качестве, за редким исключением, семейно-клановых крепостей, классификация которых нуждается в уточнениях (см. раздел 4.1).

Малопроясненной проблемой все еще является *степень и характер культурной преемственности* от трех близких культур Кангюя после крушения его политического центра в середине IV в. Эта этнокультурная преемственность вполне наглядна до арабских завоеваний первой половины VII в., для Средней и Нижней Сырдарьи. Обычно считается, что она проявилась, прежде всего, в типах жилых построек и технике строительства, в ремесле (особенно – гончарном), некоторых религиозных обрядах (хотя с IV в. и облик погребальных сооружений, и помещений с сакральными функциями заметно изменился), в ряде элементов костюма, в орнаментике и в формах части кланово-семейных знаков-тамг. Уточнение многих деталей культурной преемственности, вплоть до этнических казахов, узбеков и кыргызов – дело будущего.

Заметим, что обширные историко-археологические эпопеи, где излагается широкими мазками сразу большое количество проблем, включая культурную ситуацию в Кангюе и на его границах (Вайнберг, 1999; Лысенко, 2002; Боталов,

¹⁵Характерна позиция Е.А. Смагулова в отношении такого здания, ставшего основой сооружения кангюйской крепости в Культобе Туркестанском: в разные годы он уверенно считал его то первоначальным замком, то храмом.

2009 и др.), в целом не были позитивно восприняты коллегами из-за преждевременности многих обобщений и выраженной тенденциозности в позиции авторов.

Первые раскопки кангюйских памятников с 1887 г. проводил А.П. Остроумов (это такие значимые сегодня объекты, как огромный курганный некрополь Борижары и соседнее городище Жуантобе на р. Арысь, но также один из некрополей у Ташкента). В 1930-е годы этим активно занимался Г.В. Григорьев. В Ташкентском оазисе ему удалось открыть и исследовать памятники выделенной им каунчинской культуры, представленные большим количеством поселений в оазисе и обширными могильниками на границе со степью. Наиболее важными были его работы на Каунчи-тепе в Янгиюле в 1933-35 гг. и исследование обширного могильника на арыке Джун. Большое количество погребений в разных районах, в свое время контролируемых Кангюем, удалось исследовать А.Н. Бернштаму (Свиридов, 2012, с. 113-115).

После окончания 2-й Мировой войны настало время исследования Средней Сырдарьи многолетними научными экспедициями. Сразу после войны начались широкие археологические исследования Южного Казахстана, которые возглавил А.Н. Бернштам. Уже в 1946 г. *Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция* под руководством А.Х. Маргулана провела археологические работы на интересующих нас памятниках на северных склонах Каратау. Во второй половине 50-х гг., в рамках *Южно-Казахстанской археологической экспедиции* было организовано масштабное изучение поселения оттарско-каратауской культуры Актобе 2 на севере Каратау. А.Н. Бернштам на еще очень скромном материале немалое внимание уделял этнической атрибуции памятников (не всегда затем разделяемой коллегами) (Бернштам, 1949). В числе прочих, им разрабатывались вопросы локализации политического ядра Кангюя, его взаимодействия с Китаем и государствами Центральной Азии. Важными были многолетние разведочные и раскопочные работы Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича в Южном Казахстане. Сведения о памятниках каунчинской культуры значительно дополнили работы *Чардаринской археологической экспедиции*, в 1959-1963 гг. производившей раскопки поселений Актобе-1 и 2, Шаушукумтобе и соседних некрополей на границе исторического Чача (Максимова и др., 1968). В конце 60-х гг. начали работу Оттарская экспедиция, а с 1970 года Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ). Обе они были организованы Институтом истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР (с 1991 г. Институтом археологии). ЮККАЭ возглавлялась многие годы К.А. Акишевым, 1993 по 2018 г. - К.М. Байпаковым, и работает поныне. «Кангюйская проблема» традиционно весьма активно разрабатывалась в рамках ее научной тематики. Работы велись на Сырдарье, в бассейне Арыси, в предгорьях Таласского Алатау, на склонах Каратау.

Немаловажную роль в изучении памятников Кангюя сыграла большая работа по составлению Сводов памятников истории и культуры по регионам Южного Казахстана. В Сводах преобладают археологические памятники:

даются их описания, иногда – планы, библиография по ним (Свод, 1994; 2002). Был даже издан особый такого рода Свод для Отрарского района, особенно богатого памятниками эпохи Кангюя (Свод, 2007). Начиная с 2004 г., в Казахстане осуществлялась государственная программа «Культурное наследие», также весьма значимая для кангюйской археологии. Археологические объекты, предлагавшиеся для изучения в ее рамках, в том числе и масштабных раскопок, выбирались с учетом значимости и наличия определенного задела в предыдущих изысканиях.

Помимо Казахстана, памятники эпохи Кангюя широко исследовались в соседних государствах.

На территории Кыргызстана в 50-70-х гг. И.К. Кожомбердиевым активно изучались памятники кенкольской культуры. К сожалению, преждевременная кончина прервала его планы по изданию материалов. Материалы подавляющего большинства раскопанных им курганов пока так и не изданы. В те же годы очень интересные курганы с подбойно-катакомбными погребениями изучались Ю.Д. Баруздиным и А.К. Абетековым на Алае. О этих раскопках существует только самая общая информация, материалы их тоже не опубликованы. Подбойные и катакомбные могилы горного обрамления Ферганской долины изучались Ю.А. Заднепровским и Г.А. Брыкиной. Эти раскопки также получили слабое освещение в научных изданиях. В 80-х – начале 90-х гг. XX в. в Центральном Тянь-Шане памятники, близкие кенкольским, исследовались К.И. Ташбаевой. Важная работа по изучению памятников эпохи Великого переселения народов с конца 80-х гг. XX в. проводит К.Ш. Табалдиев. В 2001 г. памятники кенкольской культуры были открыты А.И. Торговым в котловине озера Иссык-Куль.

В Узбекистане, в 1930-х гг. курганы под Ташкентом исследовала Т.Г. Оболдуева, после войны защитившая по ним кандидатскую диссертацию (впрочем, до сих пор неопубликованную). Обширный Пскемский могильник исследовал репрессированный в конце 30-х гг. А.А. Потапов: материалы его раскопок и рукопись сохранились, но также не изданы. После войны курганы у ст. Вревская (ныне с. Алмазар) изучали сначала М.Э. Воронец и В.И. Спришевский, а потом Т.Р. Агзхамходжаев. Последний также провел важные раскопки погребальных памятников в долине Ангрена. В 50-80-е гг. курганы и городища в окрестностях Ташкента исследовали сотрудники кафедры археологии Ташкентского государственного университета (Н.И. Крашенинникова, С. Б. Лунина, З.И. Усманова, Г.Я. Дресвянская). Большие работы на новостройках Ташкента и Ташкентской области проводили ученые Ташкентского отряда Института археологии АН УзССР (позже Институт Археологии им. Я.Г. Гулямова) Ю.Ф. Буряков, Х. Дуке, М.И. Филанович, Г.Д. Дадабаев, К.А. Алимов, Г.И. Богомолов, С.Р. Ильясова и др. Многие годы экспедиция под руководством Ю.Ф. Бурякова исследовала крупнейший древний памятник Ташкентского оазиса — городище Канка.

В Бухарской области древнего Согда, сначала под руководством академика Я.Г. Гулямова, а позже Р.Х. Сулейманова и А.Р. Мухамеджанова были

полностью исследован ряд позднеантичных памятников, связанных с каунчинской культурой. Пионером и основным исследователем курганов Бухарской и Самаркандской областей являлся О.В. Обельченко.

В пределах Узбекистана и на его границе с Таджикистаном. В.Ф. Гайдкевич, руководивший археологической экспедицией на строительстве Фархадской ГЭС, в 1943-1944 гг. раскапывал некрополь Ширин-Сай и городище Мунчак-тепа у г. Бекабад и ряд других памятников. Начиная с 50-х гг. раскопки курумов и курганов на восточной экспликации Кураминского хребта проводил Б.А. Литвинский. Позже курумы и курганы, расположенные на границе древних Чача и Ферганы / Давани, исследовались Е.Г. Салтовской в составе Северо-Таджикистанской археологической экспедиции, руководимой Н.Н. Негматовым. Были отчасти исследованы важные некрополи, которые можно связывать с каунчинской культурой – Ашт, Чодак и Пунук. Также под общим руководством Н.Н. Негматова исследовалось городище Ширин у с. Куруш, которые осуществил в 1978-1984 гг. А.К. Мирбабаев (предполагаемый город Курушкат / Кирополь). На городище и могильнике Куркат были получены важные материалы кангюйского периода.

РАЗДЕЛ 2. Очерк социально-политической истории «кочевой империи» Кангюй / Канга. Вассальные владения

Яценко С.А.

2.1. Предыстория «кочевой империи»

Раннегосударственное образование с именем Kanga / Kangju / 康居 появилось в текстах других стран после 130 г. до н.э. – в период, когда под давлением монгольских сюнну их западные кочевые соседи (юэчжи / Yuezhi / 月氏 и усуни / Wūsūn / 烏孫)) были вынуждены уйти через Синьцзян и горы Тянь-Шаня, втянув в свои передвижения жившие на юге Казахстана племена саков / Saka. Усуни около 132 г. до н.э. перекочевали на запад вслед за своими врагами-юэчжами в долину р. Или, настигли их там, частично подчинили, а частично заставили бежать дальше на юг (Beckwith, 2009, pp. 6-7). В ходе этих передвижений серьезно пострадали более южные эллинистические державы: Иран династии Аршакидов в 129-123 гг. до н.э. (Justin. XLII. 1-2) (Дибвойз, 2008, с. 54-57) и Греко-Бактрийское царство (последнее погибло около 125 г. до н.э., видимо – при участии беглецов-саков: Захаров, 2001, с. 446-454), а вскоре и северо-западные районы Индии. Существование Кангюя в более раннее время (в III в. до н.э. или еще раньше) (Агеева, Пацевич, 1958, с. 203-210 и др.), которое часто постулируется в литературе, ничем и сегодня реально не подтверждается ни археологически, ни по письменным источникам.

Действительно, ни тексты Ахеменидского Ирана, ни основывающиеся на сведениях времен Александра Великого и эллинистических монархий до конца II в. до н.э. греко-римские авторы ничего не знают о стране под названием Канга. В более раннее время официальные ахеменидские источники конца VI-V вв. до н.э. в районе Средней Сырдарьи называли группу племен *Saka Tigrhauda* (с которыми персы имели ряд столкновений), а восточнее (примерно в районе Семиречья) - *Saka Naumavarga* (Яценко, 2016, с. 495-510)¹⁶. Кангюй воспринимается исследователями как государство с позднесакской этнокультурной основой (Литвинский, 1967, с. 36), к которой после середины II в. до н.э. присоединились инновации, внесенные кочевыми завоевателями с востока. На наш взгляд, само Кангюйское раннее государство возникло именно как результат такого синтеза. Элита возникшего государства была явно пришлой, а оформившиеся на его территории археологические культуры во многом - инновацией.

По мере роста Кангюя его базовая территория включала, по современным данным, три схожие культуры: отаро-каратаускую (на Арыси, в

¹⁶О сырдарьинских массагетах персидские авторы клинописных текстов (хорошо знавшие народы Средней Азии как подданных и врагов), ничего не слышали. Между тем, по Геродоту, сам основатель державы Кир Великий погиб именно в борьбе с массагетами. Дело в том, что тогда в Иране было принято именовать всех степных номадов от Алтая до Украины «Saka» («кочевники»), с уточняющим определением.

Туркестанском оазисе и в горах Каратау), каучинскую на территории древнего Чача и возникшую позже и восточнее кенкольскую (на границе Северо-Западного Кыргызстана и Южного Казахстана). Эти культуры, при сохранении немалой части старого населения, во много были вызваны к жизни смешением с кочевыми пришельцами (что показывает нам и антропология).

В персидских текстах название этого политического объединения, как принято думать, закономерно передается в виде «**Канга**» (с эпитетами «высокая», «благородная») в поздних частях священной зороастрийской Авесты (Ардвисур-Яшт V. 14. 54, редакция которого, по ряду деталей, относится к I в. н.э.). Это эпизод с воителем Тусом, который молит богиню Анахиту о помощи в штурме горных «ворот» рядом с Кангой и на подходе к кочевым племенам: «Дай мне, о святая и благодетельная Ардвисура Анахита, победить Урва Хунава Весхаки у ворот Кшатрасаока, ближайших к *Канге высокой и священной*, чтобы я разгромил страны Турана...». В более поздних, переработанных древних иранских хрониках в «Шахнаме» Абдулкасима Фирдоуси фигурирует **крепость Канг**, которую строит сам Сиявуш. Здесь, в сюжете о Сиявуше, поэт именует так столицу его врага Афрасиаба. *Для нашей темы важна весьма точная локализация крепости-столицы: непосредственно к северу от Шаша / Чаша и Испиджаба (на Средней Арыси), то есть, видимо, где-то у устья Арыси* (весь сюжет о Сиявуше и Афрасиабе см.: Фирдоуси, 1960, с. 97-252). Интересно, что если персидские источники называют Кангой и страну, и *столицу* этой страны, то примерно в то же время для китайских хронистов (писавших со слов китайских и среднеазиатских дипломатов) Кангюй – это только название страны (столица ее имеет совсем иное название). Важно, что в текстах Ирана обитатели этого края, с одной стороны, описываются как кочевники-туранцы¹⁷ - серьезные враги оседлых жителей Ирана, но с другой – *сама Канга именуется в Авесте «священной» с точки зрения зороастрийцев*. Это проясняет чуть более поздняя пехлевийская религиозная литература, где **Кангдеж** выступает как *место древнейшей оседлости иранцев* после перехода ими «моря» Воорукаша и как страна, прямо соседствующая с прародиной иранцев Арианам Вайджа (см, например: Толстов, 1948а, прим. 72 сл.).

*Последний из двух китайских иероглифов, составлявших название страны, в древности китайцы читали не как «цзюй», а как «кия», то есть первоначально название страны звучало для древних китайцев как **Кангия*** (Хаджаев, 2006, с. 297).

Относительно языковой принадлежности кангюйцев А.Н. Бернштам предполагал их тюркоязычие (Бернштам, 1949, с. 90-98). В дальнейшем А. Кайдар выводил это название от слова «вода, река» (Кайдар, 2004). Напротив, один из самых влиятельных мировых востоковедов XX в., академик Б.А.

¹⁷ Много позже, при первых Сасанидах провинция Турестан находилась в месте концентрации кочевых подданных на востоке державы, рядом с Сакастаном (Систаном), на стыке Афганистана и Пакистана.

Литвинский был уверен в их ираноязычности, и само их название, после консультаций лингвистов, переводил его от «kaŋgā» («люди в кожаных одеждах / доспехах») (Литвинский, 1968, с. 22-23). С одним из иранских языков (хотано-сакским на западе Синьцзяна) или с тохарскими (со словом «каменный») связывает происхождение названия Кангюй П. Аальто (Аальто, 2005, с. 101-115). Целый ряд других соображений (именование в позднейшей Авесте Канги «священной» для зороастрийцев и тесная связь ее с прародиной иранцев в пехлевийской литературе; тесная и разнообразная взаимосвязь с Кангюем аланов, чья ираноязычность разделяется всеми крупными лингвистами; постоянно подчеркиваемая уже в первых сообщениях китайцами теснейшая связь обычаев кангюйцев и бактрийских юэчжей, особая иранская письменность которых давно дешифрована, а ираноязычность поддерживается большинством исследователей; см. детальный обзор: Tezcan, 2002, p. 258–264), позволяет сегодня *поддержать точку зрения Б.А. Литвинского*. Эта версия подкрепляется и образцами письменности I в. н.э. Чача (бывшего частью Кангюя и тесно связанного с ним культурно), найденными на территории Культобе Арысского (см. ниже). Однако дискуссии на эту тему во многом лишены смысла. Дело в том, что главное свидетельство о языке кангюйцев оставлено их *компетентным современником*, известным древнекитайским историком Бань Гу в своей хронике Старшей Хань (Цяньханьшу, 96: см. перевод Н.А. Бичурина: Бичурин, 1950, с. 142) при описании Ферганы (Давань) и соседних территорий: «от Давани на запад до государства Аньси (парфянский Иран) хотя и есть разница в наречиях, но язык весьма сходен, в разговорах понимают друг друга». И, поскольку достоверно известно, что языками ряда из этих стран (Согда, Хорезма, Ирана) были иранские, вопрос о том, на языке какой группы говорили кангюйцы, можно считать вполне решенным.

Приводимые ниже сведения о Кангюе во многом основаны, прямо или косвенно, на письменных источниках, со всеми их достоинствами и недостатками. Конечно, доверять каждому слову любого древнего текста было бы крайностью. Они выглядят неполноценными без обширного археологического материала. Сегодня у исследователей, как уже отмечалось, оформляется представление о том, что основную территорию кангюйской державы представляют три родственные и тесно контактировавшие археологические культуры: *каунчинская* на юге - в Ташкентском оазисе (его столицей было нынешнее городище Канка); на востоке - более поздняя *кенкольская* с III в. н.э. (в основном – на территории СЗ Кыргызстана) и между ними, занимая *центральное* положение – *отрарско-каратауская*. До недавнего времени в эту «троицу», вместо кенкольской, входила джетысарская культура на старых руслах Сырдарьи с центром на городище Алтынасар; этот вариант постулировался еще Л.М. Левиной (Левина, 1971, с. 242). Однако исследования В.Ю. Малашева и С.Б. Болелова показали, что ее могильники активно функционировали с III в. н.э. (см., например: Малашев, Мошкова, 2010, 37-56), а разбор самых ранних материалов показал их незначительное сходство с

отрарско-каратаускими¹⁸. Для ряда исследователей представляется возможным даже говорить *об одной культуре* и трех ее локальных вариантах (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 164). Думается, сегодня это можно делать, в первую очередь, в плане социально-политической жизни людей этих культур. Часть коллег разделяет версию К.А. Акишева и Л.М. Левиной о кенкольских памятниках как о локальном варианте каунчинской культуры. Пока еще трудно сказать, насколько заметно, например, памятники бассейна Арыси – столичной области (Подушкин, 2000) отличаются от соседнего Туркестанского оазиса или синхронных памятников Каратау.

Интересно, что в китайских хрониках, несмотря на многократные посольства, посылку Кангюем заложников в столицу Китая, интенсивную торговлю и периодические прямые войны с ним, в отличие от соседних Усунь, Давани и бактрийских юэчжей (и даже для позднейшего гуннского правителя бывшего Яньцай в середине V в. н.э.) для кангюйских правителей почему-то не называют ни имени кого-либо из них, ни титула. Исключение – имя сына правителя, присланного в 20 г. до н.э. заложником в китайскую столицу – Мужэнь в китайской передаче (см. ниже). Дело в том, что для китайцев Кангюй явно находится на границе той «зоны удаленности» (подобно Парфии, Риму и некоторым царствам Индии), за которой такие персоналии уже не важны.

Как политическая единица Кангюй упоминается впервые в «Шицзы» («Исторических записках») великого историка Сыма Цяня (*Sima Qian. Shiji* / 史記 / Recors of the [Grand] Scribe), в цзюане / главе 123 大宛列傳 «Страна Давань» (<http://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/XI-3-A-b-124/V-123/index.html.en>). Он опирается на отчет первого китайского посла на Запад Чжан Цяня, который *лично побывал там в 126 г. до н.э.* и дал первое краткое описание страны (Бичурин, 1950, с. 182-183). Со слов посланника, это еще небольшое и «слабосильное» кочевое владение (последнее означает для хрониста, прежде всего, страну, где правящая элита ведет кочевой образ жизни), войско которого в случае большой войны (когда обычно от каждой семьи выставляли по одному-двум воинам) всего 90 000 человек; поэтому его окраины платили дань новым тогдашним гегемонам Центральной Азии (восточные – сюнну, южные – переселившимся в Бактрию юэчжам, скорее всего - асиям-асианам античных источников (о последних см.: Tezcan, 2002, p. 161). Даже у его северо-западного прямого соседа – владения Яньцай – «армия мобилизации» была больше. То, что отдельные территории могли самостоятельно платить дань другим политическим группировкам, говорит о Кангюе раннего времени как об обществе без жесткой централизации (возможно, как у скифов-сколотов в степях Украины – в основе *федерацию кочевых племен* с одним господствующим племенем и правящим кланом). Однако вскоре (в период активной внешней экспансии), судя по данным китайских хроник, власть верховного правителя заметно возросла. Считать же кангюйское объединение

¹⁸

При этом немного южнее, на русле Жанадарья, поздние памятники наследников чирикработской культуры еще продолжают, как недавно выяснилось, существовать.

«конфедерацией», то есть аморфным и во многом формальным объединением разномастных группировок (вроде священного союза этрусских городов или греческих полисов на время проведения важных регулярных религиозных обрядов или же позднейших объединений европейских анархистов) (см., например: Филанович, 2010, с. 139), у нас нет реальных оснований.

Чжан Цянь особо подчеркивает, что тогдашние кангюйцы (знать?) *очень близки по обычаям бактрийским юэчжам* (которые на тот момент были наиболее сильными в военном отношении в Средней Азии и поселились в Северной Бактрии до Амударьи, налагая дань на децентрализованную Южную Бактрию). У собственно юэчжей (без зависимых племен) тогда было *более чем в два раза больше войска* в случае всеобщей мобилизации (до 200 тысяч). *Группы юэчжиской знати* (связанные на своей исторической родине, в провинции Ганьсу, с городом Чжаову, отчего поздние китайские хронисты именовали так их знатные кланы) *оказались в конце II в. до н.э. у власти и в соседнем с юга Согде (их династии в согдийских Бухаре / Ань и Самарканде / Кан, в ряде районов Ферганы продержались, судя похронике «Бэйши» (659 г.), вплоть до арабского завоевания)*. Одна при этом окрестности и Бухары, и Самарканда названы в хронике «Бэйши» (гл. 97) «бывшими землями Кангюя» (см. ниже); иными словами, *кангюйская власть означала власть элиты юэчжиского происхождения*. О том же для III-IV вв., видимо, говорится в «Вэй люэ» в отношении Согда: «то, что было владением Кан (Самарканд), это потомки Кангюя. Его князь – юэчжиец» и т.п. (Кюннер, 1961, с. 131) (см. раздел 1).

Уже в это время *владения Кангюя напрямую граничили с Ферганой - Давань (Dayuan/ 大宛)*, то есть, видимо, доходили до р. Талас, и ферганский верховный правитель переправил китайского посла в Кангюй по некой существующей, *оборудованной дороге*. В этом первом известном пространном сообщении о Кангюе ничего не говорится о каких-либо его вассальных владениях (которые явно появились позже). Но при этом указывается, что кочевая элита *области Яньцай (Yancai / 奄蔡)* (это одно из соседних к северо-западу «кочевых владений», центр которой очень точно и ясно локализован - в 800 км на северо-запад от кангюйского, с учетом изгибов тогдашних дорог - то есть в самых низовьях Сырдарьи) имеет обычаи, очень близкие кангюйским. В 103 г. до н.э. Кангюй впервые столкнулся с китайскими войсками в Фергане, которой, еще сильно рискуя, он предоставил помощь, спасая ее столицу от элитных отрядов китайских арбалетчиков, и способствовал заключению мира (Бичурин, 1950, с. 165).

2.2. Первый этап политического усиления и территориального роста

Кангюя / Кангкии (около 20 г. до н.э. - 60-70 гг. н.э.)

Новый этап социально-политической истории Кангюя отражен на конец I в. до н.э. в хронике Бань Гу «Цяньханьшу», иначе - «Ханьшу» (Ban Gu. “Book of Han” / *Hànshū* / 漢書), в цзюане / главе 96 «西域傳 - «Традиции западных стран»: <https://zh.wikisource.org/wiki/漢書/卷096上> (см., также, например: 1950, с. 184-186).

За прошедшие столетие число семей собственно кангюйцев возрастает не слишком значительно (с 90 до 120 тысяч семей). Однако *налицо несомненное усиление этой политической единицы и активизация ее внешней политики*. В связи с его активностью против Китая и его союзников в регионе сведения о Кангюе в китайском источнике вынужденно подробны. Эту новую информацию можно свести к следующему.

1. Дается подробное описание «хозяйственных ресурсов» собственно Кангюя: «Страна теплая, изобилует деревом тунг, ивою, виноградом, имеет много рогатого скота, баранов, производит хороших лошадей» (Кюнер, 1961, с. 129). При описании растительности имеется в виду дикая: два вида деревьев речных пойм. Особенно важны сообщения о высоких качествах лошадей: кангюйские посольства дарили их Китаю до конца III в. н.э. Названо только развитое скотоводство.

Однако на деле ситуация была не совсем такой, как описано выше. Земледелие в Кангюе имелось, и среди земледельческих культур важнейшее место занимало просо. Оно лучше ячменя и пшеницы переносило засушливый климат, т.к. его корни способны извлекать даже ничтожные остатки влаги из почвы. При орошении можно было получать по два урожая проса в год. Один из «минусов» этого злака – он боится сорняков и требует прополки или посева на целине. Это подтверждают, например, данные из позднекангюйского слоя поселения Караспан-тобе на реке Арысь. То же сообщают об основной посевной культуре на Средней Сырдарье и в предгорьях Каратау и средневековые авторы – Йакуби («в Туркестане нет земледельцев, кроме сеющих просо») и ал-Омари («чаще всего у них встречается просо, они им питаются») (Баштанник, 2006, с. 102). На втором месте в Караспан-тобе стояла другая, достаточно засухоустойчивая культура – двухрядный ячмень. Из-за сухости и скудности почв выращивали его мелкозернистые сорта. Ячмень удобен для раннего посева (легко переносит холод) и скороспел, что позволяет ему не переносить пика летней засухи. Выращивалась также пшеница – в основном мягкая и карликовая (устойчивая к полеганию) с мелким зерном. Совсем немного обнаружено риса, который явно был привозным. Из бобовых найден влаголюбивый горох, требующий искусственного орошения. Много обнаружено косточек винограда – как винных, так и столовых сортов, подтверждая описания китайского хрониста. Горы Каратау, как известно, входят в зону обитания дикого винограда и его древнего окультуривания (Жуковский, 1964, с. 568). Из других садовых растений представлена слива.

Земледелие в политическом центре Кангюя отчасти нуждалось в искусственном орошении. Здесь оно было лиманно-озерного типа. В Отрарском оазисе ранние оросительные системы выявлены, например, неподалеку от впадения Арыси в Сырдарью (у пос. Кзылту). Здесь рядом с позднекангюйским поселением русло речной старицы было искусственно обваловано (валиками высотой 25 см), прослежен арык шириной 3 м, соединявший протоку с краем поселения. В центре оазиса вдоль древних русел видны следы арыков, подававших воду к многочисленным здесь мелким селениям. В целом примерно с I в. н.э. в Отрарском оазисе стали использовать для орошения полей и огородов небольшие арыки от обвалованных русел (Грошев, 2012, с. 181-182, 186).

2. Уже не говорится о зависимости окраин страны от соседних юэчжей (которые распались на пять племенных владений с начавшимися междоусобицами). Зависимость же восточных окраин от сюнну (если это только не повторение устаревшей информации), при расположенными между ними владениями Усунь и империи Хань, явно оказалась скорее формальной.

3. Страна теперь враждебна к сильному восточному соседу и неустойчивому китайскому союзнику Усунь. Она также попыталась сыграть на противоречиях Китая и Усунь с правителями северных сюнну, формальная зависимость от которых сохранялась, и на ссорах в правящем доме Усунь. В целом именно Кангюй наиболее эффективно в течении долгого времени противостоял усилению китайского и усуньского влияния в Средней Азии. В это время ясно проступает один из эффективных методов укрепления военно-политического могущества Кангюя: достаточно регулярное приглашение для поселения на своей территории кочевых группировок, чьи лидеры не смогли закрепиться у себя на родине (в данном случае – групп «диссидентов» из северных сюнну и усуней). Так, бежавшего из Монголии шаньюя Чжичи с остатками войск кангюйский правитель в 48 г. до н.э. приютил у себя, закрепил союз обоюдными браками с дочерьми, дал под его командования часть собственной армии и затем на восточной окраине страны (где-то у р. Талас, на границе с Усунь) позволил построить собственный городок и сделать его базой набегов на соседей – Усунь и Фергану. Несмотря на начавшиеся вскоре взаимные обиды, союзники по разным причинам держались вместе до конца, пока китайские войска в союзе с усунями не захватили «твердыню» Чжичи шаньюя – построенный им городок – в 36 г. до н.э., перебив, среди прочих, и все полторы тысячи находившихся там знатных сюнну. Небольшая орда Чжичи шаньюя была истреблена. В результате же в 36 г. до н.э. Кангюй избавился как от вышедших из повиновения беглых сюнну, так и от появившихся китайских окупантов. В 11 г. до н.э. брат убитого в смуте усуньского правителя Бичуанчжи, желая отомстить и захватить власть, бежал в Кангюй за военной помощью всего с 80 000 поданных (включая 15 000 воинов). Как видно из последующих событий, он эту помощь от кангюйской верховной власти получил и стал притеснять своих врагов в Усунь, за что был уничтожен китайским наместником в 3 г. н.э.

4. Китайцы за истекшее время многократно отправляли в Кангюй послов, но последние были вынуждены терпеть здесь грубые и сознательные нарушения принятого в ханьском Китае дипломатического протокола (их демонстративно сажали на менее почетные места, чем посланников того же Усунь, кормили позже собственной знати и т.п.). Для самой великой державы тогдашнего мира это было крайне досадно. Мы многократно встречаем сетования китайских хронистов: «Кангюй своеволен и хитер: посла от наместника сажали ниже посла Усунь. Князь и вельможи первыми пили и ели»; Кангюй «независим и своеволен, не соглашался считать другие владения равными себе»; «Ближние (с ним) государства ныне служат Китаю... Кангюй же не склоняется, не оказывает почтения Китаю» (Кюнер, 1961, с. 129). И это неудивительно. Как уже отмечалось, только Кангюй во всей Средней Азии долго и в целом эффективно противостоял усилению китайского и усуньского влияния в регионе (в т.ч. в Фергане).

5. Вскоре после поражения Чжичи кангюйский правитель объявил об отправке своего сына в качестве пожизненного заложника в столицу Китая, как прямо указывали хронисты – *единственно в целях получения китайских товаров* (в соседней Фергане в это время уже официально хронистами отмечалось обилие престижных шелка и лаковых изделий; там же наладили производство китайскими беглецами качественного оружия ханьского типа, видимо - мечей). Как отмечалось в тогдашнем докладе наместника Западного Края Го Шуня императору, «Нетрудно отгадать, для чего он (кангюйский правитель) оправляет сыновей на службу при китайском Дворе. Это есть хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю». Однако государь Кангюя пожалел сына, и вначале отправил туда псевдо-наследника. Когда обман был раскрыт, пришлось ехать самому сыну государя – Му-женю. Когда он прибыл к китайскому двору *в 20 г. до н.э.* (согласно «Цзяньшинлинь», цитируемой Суй Юном) (Кюнер, 1961, с. 131), это означало установление мира между державами более чем на 100 лет. Кангюй впервые меняет свою открытую враждебность Китаю «ради выгод торговли». Таким образом, *после 20 г. до н.э. Кангюй активно включился в ту сферу международного товарного* (в условиях тогдашнего Китая - во многом контрабандного), *культурного и идейного обмена, которая была условно названа в 1877 г. немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном в его многотомном сочинении «Китай» «Великим Шелковым путем».*

6. Всего списки вассалов Кангюя даются в китайских хрониках *три раза*, в трех версиях, дополняющих друг друга. Ранее всего, для конца I в. до н.э. в «Цяньханьшу» (Бичурин, 1950, с. 184-186) перечисляются *пять соседних вассальных княжеств*. При этом расстояния до них указаны от Янгуань (ниже даются первыми) и от ставки наместника духу (ниже даются вторыми) по-разному, с разночтениями, и с этим приходится считаться: ближайший *Сусе* назван первым (он всего на 90 км / 225 ли или на 30 км / 76 ли дальше от ставки китайского наместника в Дянь, далеко на востоке, чем столица Кангюя город Битянь). Далее следуют *Фумо* (соответственно - 90 км / 225 ли или 106 км / 257

ли), **Юйни** (90 км / 225 ли или 106 км / 257 ли) (90 км / 225 ли или 106 км / 267 ли), **Цзи** (302 км / 755 ли или 384 км / 796 ли) и **Юйцзянь** (222 км / 555 ли или 562 км / 1406 ли) (Боровкова, 1989, с. 65, 80-81). К сожалению, направления по сторонам света здесь не указаны, что в еще большей мере делает определение расстояний гадательным. Первая группа расстояний (от Янгуань) в целом для «Цяньханьшу» оказывается более корректной (Там же, с. 66). Интересно, что, судя по расстояниям, здесь нет владений, более близких территориально к Китаю, чем Кангюй. Это значит, среди прочего, *отсутствие у Кангюя на тот момент владений с городами к востоку* – на реках Талас и Чу. Это также означает, что границы Усунь к концу I в. до н.э., вероятно, проходили западнее, чем в более позднее время, когда Кангюй усилился.

Как видим, эти соседи – новые вассалы явно разного размера и на разном расстоянии от столицы Кангюя (начиная от расположенного примерно в 30 км Сусе до наиболее удаленного – на 560 км – Юйцзянь / Юэгянь). Эти расстояния даны вдоль неких дорог. Обращает на себя внимание их число пять – несомненно, сакральное. Так, именно на пять княжеств разделились завоевавшие Бактрию юэчжи (часть из них названо, в отличие от кангюйских, не по городу с администрацией); именно пять племен полукочевых аланов проживало в VI в. н.э. на Северном Кавказе по Захарию Ритору; пять министров было обычно у раджей в древних царствах Индии и т.п. Интересно также, что даны не сколько названия вассальных владений, сколько названия городов – их административных центров.

С точки зрения С.П. Толстова, вассальные владения находились, в основном, в Согде и Уструшане (что вполне логично при размещении политического центра в Хорезме) (Толстов, 1948б, с. 146-147). А.Н. Бернштам, при опоре на известные тогда археологические материалы и считая, что столица находилась севернее Чача, предлагал иную локализацию: из сравнительно дальних вассалов – Юйцзянь (Юэгянь) в Хорезме, Цзи (Ги) на старых руслах Сырдарьи; Фумо (Фуму) – земли ниже по течению Сырдарьи от г. Туркестан, Юйни (Юени) – Чач (Ташкентский оазис) (Бернштам, 1952, с. 216). Близко позиции С.П. Толстова и размещение пяти владений у Т.А. Габуева, с той разницей, что он попытался найти дополнительные обоснования этой идентификации в поздних описаниях среднеазиатских владений в «Синьтаншу» Оуян Сю XI в. (Габуев, 1999, 102-109). Ю.Ф. Буряков считал территорией Кангюйской державы земли по Сырдарье от района Ташкента до устья (то есть без кенкольских памятников). Вассальные территории в его варианте расположены не вокруг Кангюя / Джеты-асарского урочища (как это чаще всего бывало в действительности), а *исключительно к югу*: из более дальних Юэцзянь = Хорезм, Цзи = Самарканд, Юйни = Чач (что в таком случае никак не соответствует расстоянию между ними в 90/106 км), Фумо (на таком же удалении) = княжество Гуйшуан / Кушан (сейчас его обычно размещают в Северном Афганистане), Сусе (удаленный всего на 90/30 км) = г. Суяб (Буряков, 1982, с. 107; 1986, с. 56). Последней была предложена версия К.М. Байпакова и Е.А. Смагулова, которая высказана, но не аргументирована

(Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 164-165). В их трактовке самые дальние вассалы располагались *к северу от центра*: Юйцзянь соответствует Джеты-асарскому урочищу, Цзи – в районе Туркестанского оазиса. Из ближних Юйни (в 90/106 км) – в Ташкентском оазисе (при этом современное дорожное расстояние Ташкент – Отрар = 361 км!), Фумо (на таком же расстоянии) = большая часть долины Арыси поблизости и, наконец, ближайшее – Сусе – в долине Арыси. По этой версии, внутри самого Сусе находится и центр Кангюя – Отрарский оазис. Между тем, в «Хоуханьшу» сказано, что столица находится в особой области.

Мы полагаем, что время для такой работы еще, увы, не наступило. Локализация пяти ранних владений будет наиболее адекватной, если удастся учесть, с одной стороны, все филологические и исторические особенности китайского текста, а с другой – широко привлекать известные на сегодня археологические и географические материалы по Средней Азии. Лучшим выбором было бы совместное сотрудничество китайских, российских и казахских специалистов, но это вопрос будущего.

7. В хронике, подготовленной Бань Гу, есть интересные сведения о жизни политической элиты Кангюя. Во-первых, зимняя резиденция правителя, ***столица Битянь в области Лёюань*** размещалась у озера Тяньчи, отчего происходило и ее название (Кюнер, 1961, с. 128). От Битяни до столицы враждебного Усунь было 3400 ли (1360 км) дорожного расстояния. Речь явно идет об одном из озер в пойме Сырдарьи; увы, после очередного усыхания климата в регионе к началу XVII в. таких озер явно стало меньше, а размеры многих сократились... Сегодня *кажется наиболее вероятной локализация политического центра Кангюя именно в среднем и нижнем течении р. Арысь*, наиболее богатых крупными поселениями того времени (см. археологическую аргументацию: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 164, 167) (рис. 2-2). Этот район подходит и по китайским описаниям: находился к северу от Ферганы, не имел к I веку городов, кроме столицы (для сравнения: в тогдашней соседней Фергане китайцы застали 70 городов), но имел преимущественно (полу)кочевое население. Ташкентский оазис выглядит маловероятным претендентом, т.к. китайские хроники размещают собственно центр Кангюя к северу от Ферганы, а в «Шахнаме» Канга расположена к северу от Чача. Вполне внятное противопоставление «цивилизованных» чачцев и их прямых северных соседей – «людей шатров» видим в эпиграфике Культобе Арысского (между тем, по письменным источникам, в начале н.э. кангюйцы сохраняли именно полукочевой образ жизни).

Локализация *политического центра Кангюя* долгое время (хотя и вяло) дискутировалась (см.: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 149, 161, 167). Однако нельзя не признать, что большинство этих версий парадоксальным образом противоречат деталям описаний самих китайских текстов, на которые они, вроде бы, должны были опираться. Увы, подчас обширные научные познания, опыт и интуиция не мешают ученым проявлять субъективность в этом вопросе. Так, Ю.Ф. Буряков видел центр Кангюя на крайнем севере

распространения археологических культур, связанных с этим государством – на территории весьма поздней (с III в. н.э. по современным данным) джеты-асарской культуры (в этом случае непонятно, как эта «коренная земля кангюйцев» могла изначально граничить с Ферганой). Автор первого детального анализа локализации пяти вассалов С.П. Толстов – директор Института этнографии АН СССР – в своем капитальном труде «Древний Хорезм» считал, что центр Кангюя находился в Хорезмском оазисе (вопреки многократным прямым указаниям китайских хроник, что коренная земля Кангюя граничила на востоке как с Усунь, так и с Ферганой / Даванью) (Толстов, 1948а, с. 20-21). А. Ходжаев склонен видеть столицу Кангюя Битянь рядом с Ташкентом (Ходжаев, 2006, с. 308); в этом случае непонятно, почему Кангюй находится не к северу (как сказано в хронике), а к западу от Давани. Как отмечалось выше, наиболее вероятным сегодня представляется локализация Битянь / Beitian / 卑田 в бассейне Арыси (ср.: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 164, 167) (рис. 2-2). Помимо концентрации множества памятников кангюйской эпохи (около 200), этот район находится примерно посередине между крайними из достоверно известных культурных массивов, относившихся к Кангюю: высохшими устьями Сырдарьи северо-западе, Ташкентским оазисом и более поздними памятниками кенкольского типа на востоке. Важным моментом с точки зрения торговли, снабжения товарами и продовольствием является положение Отрарского оазиса при впадении в Сырдарью крупной реки Арысь.

Во-вторых, у правителя теперь появилась и летняя резиденция *Фаньнэй*, которая находилась в семи днях пути (священное число) от столицы. Наличие зимней и летней ставки было обычно для многих влиятельных кочевых правителей Степи и в средневековье. Логично думать, что летняя ставка находилась к юго-востоку, в прохладной горной местности, обильной родниками и хорошими пастбищами. Показательно, что эта стабильная резиденция находится на столь большом расстоянии от «ядра» Кангюя: несомненно, правитель страны обладал уже в это время большой и прочной властью, если мог себе позволить ежегодно, с приближенными, ездить в довольно удаленные края. В-третьих, при описании приема китайских и ферганских послов фигурируют две категории местной знати (но, увы, не указывается, в чем были их различия). Исходя из деталей отношений кангюйской власти с получившей убежище на 12 лет (48-36 гг. до н.э.) ордой северных сунну, можно предполагать явные разногласия среди правящей элиты страны по сунну-китайско-усуньской проблеме. Показательно, что убийство шаньюем Чжичи собственной супруги – дочери правителя Кангюя, ряда нескольких представителей местной знати, недостаточно эффективная защита доверенных ему восточных границ державы, его неуважительное отношение к ряду местных традиций, привело не к его казни или изгнанию с территории страны, а лишь к удалению из столицы в выделенный ему удел на реке Талас. Можно допустить, что его руками верховный правитель расправился с какой-то внутренней оппозицией.

2.3. Резкий рост внешней экспансии (середина – вторая половина I в. н.э.).

Расцвет политической активности Кангюя в I в. н.э. отражен в *хронике Фань Е «Хоуханьшу»* (Fan Ye. “The Book of the Later Han” / *Hou Han Shu* / 後漢書), в цзюане 88 - 卷八十八西域傳第七十八 – «Трактат о западных землях») - <https://zh.wikisource.org/wiki/後漢書/卷88> . Он имеет основой, прежде всего, сведения от западных посольств, прибывавших в Китай с 94 г. н.э. (после перерыва 25-94 гг. н. э.), и вначале был обобщен в докладе Бань Юна / Ban Yong.

Здесь не повторяется старая информация о самом Кангюе и пяти его вассальных владениях. По переводу К. Сиратори, сообщается лишь, *что народ уже живет «внутри глиняных стен», то есть во вполне оседлых поселениях* (Shiratori, 1956, р. 226), иными словами – *часть народа через два столетия выглядит как более оседлая*. Также даются дополнительные сведения о трех новых обширных вассальных владениях, явно – весьма ценных «приобретениях» этой державы: Яньцай, Янь и Суи (ср.: Бичурин, 1950, с. 229). Мы можем уточнить, когда именно в Китай поступила эта последняя информация. С конца Старшей династии Хань (8 г. н.э.) и до конца 80-х годов Китай (то есть в правления императоров от Гуаньбу, 25-57 гг., по Чжанди, 76-88 гг.), в силу разных причин, не интересовался странами западнее Синьцзяна, посольств из Средней Азии и в нее не было. Лишь в период между 94 и 101 гг., после новых побед полководца Бань Чао, в Китае оказались послы Парфии (Аньси) и среднеазиатских стран, и именно их информация отразилось в т.н. дополнительном отчете Бань Юна 125 г. (Яценко, 2011, с. 208). Сложнее с уточнением времени установления вассальной зависимости внутри интервала 8-94 гг. н.э. (что важно и для сармато-аланской археологии).

Итак, у Кангюя появляются два больших вассала на северо-западе с преимущественно кочевым населением - Яньцай у устьев Сырдарьи / **Yancai**/ 奄蔡 (к этому времени, однако, переименованный Аланья / **Alanliao** / 阿蘭聊) и Янь / **Yan**/ 嚴 на Южном Урале (**рис.2-1**). Обе страны платят тяжелую дань северными мехами.

Соседний (к северо-западу) и сильный Яньцай стал зависимым¹⁹ и переименовался в Аланья (у Н.Я. Бичурина неточно - Аланья), при этом сходным с кангюйскими стали не только обычаи, но и костюм его населения. Правитель страны «живет за земляными (крепостными) стенами и зависит от Кангюя... Обычаи и одежды населения одинаковы с кангюйскими» (Зуев, 1995, с. 38-39; ср.: Кюннер, 1961, с. 105-106).

Для многих исследователей проблемы не только Кангюя, но и ранней

¹⁹Ю.А. Зуев допускает, что зависимость Яньцай от Кангюя возникла на столетие раньше, еще после 47 г. до н.э., после перехода на сторону Кангюя и временного поселения там хуннской группировки Чжичи шаньюя. Согласно «Жизнеописанию Чэн Тана», цитируемому в «Шицзы», Чжичи ежегодно стал собирать дань с Давани / Ферганы и страны Хэсу, в которой можно видеть Яньцай (см.: Зуев, 1995, с. 41).

истории аланов упираются в локализацию и характеристики зависимой от Кангюя *страны Яньцай*. Сведения о *Яньцай* были изначально важны для китайских дипломатов и хронистов. Уже в «Шицзы» Сыма Цяня по данным посла Чжан Цаня, прибывшего в Кангюй в 126 г. до н.э. (и побывавшего, как минимум, у самых границ Яньцая), описание стран Средней Азии выстроено в соответствии с определенной логикой (в данном случае это логика продвижения посла на запад). После Давани / Ферганы и Усунь, дается характеристика Кангюя. Затем, между ним и юэчжами, помещено, как весьма значимое, описание Яньцай. Этот интерес понятен: его войско (100 000 в случае большой войны, когда в регионе, судя по данным китайских хроник, мобилизовывали каждого четвертого-пятого из любой семьи) на тот момент превосходило как войско союзника Китая – Усунь (несколько десятков тысяч), так и войско самого Кангюя (до 90 000) и примерно равнялось силам юэчжей. Иными словами, Яньцай в конце II в. до н.э. был (наряду с еще не распавшейся группировкой юэчжей) одной из двух ведущих военно-политических сил региона. В описании Бань Гу в хронике «Цяньханьшу» на конец I в. до н.э. место для Яньцай отведено своеобразно: хотя оно еще независимо, его характеристика помещена между собственно Кангюем и пятью его новыми малыми зависимыми владениями. Однако здесь нет новых деталей. Важным этапом в получении новой информации по Яньцаю после долгого перерыва в политических контактах Китая со Средней Азией (между 8 и 94 гг. н.э.) остаются сведения в хронике «Хоуханьшу» Фань Е (характеристику самого Кангюя, как уже известную, хронист не приводит). Яньцай здесь размещен в конце списка трех вассалов (вслед за находящимся к северу от него Янь).

Первое описание страны у Сыма Цяня со слов первого китайского посла – деловое, краткое и реалистичное: находится у очень большого озера (Северного моря) с низкими берегами. В «Хоуханьшу» деталей больше: в стране много сосновых рощ, и здесь имеется много соболиных шкурок. Обилие соболя понятно: от всех северных кочевых соседей, как известно, Кангюй требовал дань пушниной, и ее покупали...

Популярен *вопрос о локализации Яньцая*. Китайских хронистов, несомненно, привлекало внимание то, что Яньцай (Yent'sai) – единственное владение, расположенное у крупного водоема - у большого озера / болота с низкими берегами (Северное море; в других ситуациях, наряду с ним, упоминается и Западное море – явно Каспийское). Многие исследователи считали, что речь идет о северном побережье Капийского моря (некоторые авторы делали еще более смелые отождествления с побережьем Азовского и даже Черного морей). Между тем, это озеро находилось (как и сам Яньцай) *недалеко от политического центра Кангюя*, т.к. от него до центра Яньцай было около 800 км (2000 ли) *на северо-запад* даже с учетом всех изгибов тогдашних трасс, и *не к западу* (как далекое Каспийское море, до северо-восточного угла которого до центра Кангюя по дорогам было примерно в три раза больше - около 2000 км) (ср.: Цуциев, 2001, с. 43-49), *а к северо-западу от него* (именно как Арал). В целом Северное море (как и центр Яньцая) в данном случае вполне

ясно локализовано и может быть *по трем этим параметрам* (расстоянию, географическому направлению и соседству с Кангюем) только *Аральским*. Подходит оно и по особенностям местности (обилию болот, низкому побережью у восточных берегов и т.п.). Яньцаю более всего соответствует район северного устья Сырдарьи в Восточном Приаралья (соответственно, эту версию поддержали Б.А. Литвинский, Л.А. Боровкова, А.А. Цуциев и др.). III в. до н.э. – I в. н.э. считаются временем повышения уровня Аральского моря, так что площадь болот была больше обычного. Обилие сосны здесь тоже не удивительно: о хвойных деревьях за Яксартом / Сырдарьей писал еще Страбон (Strabo. Geogr. XI, 7, 4); на сегодняшний день от них давно не осталось и следов. Яньцай был тогда крупной и заселенной областью, так что он мог находиться по обоим берегам Сырдарьи. На правом берегу ее низовьев ныне активно наступают пески; этот район плохо изучен археологически. Населением Яньцай ранее были потомки «болотных» массагетов Геродота, Страбона и других авторов (по персидской терминологии они, видимо, были северной частью Saka Tigrhauda). Еще в конце VI и V вв. до н.э. персы осознали в них серьезных военных противников.

Наиболее основательно проблема локализации Яньцай была проработана в диссертации осетинского археолога Аслана Цуциева (Цуциев, 1999, с. 15; 2001, с. 43-49). Оригинальна позиция С.Г. Боталова. Для него китайские хроники на деле ориентиром почему-то не являются: им служат препарированные греко-римские сочинения, в частности – текст Страбона о силе и богатстве заволжских верхних аорсов. Желая соединить Страбона и Бань Гу, он растягивает Яньцай огромную территорию от Волги до Аральского моря (Боталов, 2009, с. 167). А поскольку известно, что Яньцай были прямым соседом ядра Кангюя, то в таком случае политический центр должен, исходя из китайских хроник, находиться на самой кромке восточной границы. Еще одним вассалом становится, как уже говорилось, страна Янь на север от Яньцай, поставляющая в качестве дани еще более северную пушнину («отсюда поступают шкурки соболя»). Большинство специалистов отождествляют ее с Южным Приуральем.

Третий новый вассал Суи / **Suyi** / 粟弋 находится к югу от метрополии (по Паллэйбэнку его первоначальное звучание восстанавливается как **Sah-gleats** - «Согд» (Pulleyblank, 1962, p. 219-220). Суи / Согд славился в Китае, помимо породистых лошадей и плодородных почв, виноградом, фруктами и качественными винами. О причинах и возможностях его присоединения можно высказать ряд вполне обоснованных предположений. Во-первых, важнейшим успехом Кангюя на юге можно считать *замирение с давними врагами – юэчжэями Бактрии*. В 80-х годах был заключен важный династический брак с кушанским правителем (по современным представлениям о кушанской хронологии, это был Вима Такто, ставший реальным создателем Кушанской империи) (рис. 2-5, 1). Фактически, это означало мирный раздел Согда, лежавшего между двумя державами, причем, судя по китайским сведениям, почти весь он достался Кангюю. Действительно, даже куда более поздняя

«Бэйши» /北史, соданной Li Yanshou / 李延壽 в 659 г., цзюань 97 - 西域 «Западный край» (<http://chinesenotes.com/beishi/beishi097.html>), описывающая события в V - начале VII столетий, постоянно называет разные владения самаркандского и бухарского Согда «бывшими владениями Кангюя»: для Кана / Самарканда и Ань / Бухары, а также нескольких небольших по территории владений, находившихся в Согде вдоль поздней основной торговой трассы (Хэ, Ми и Шы, оказавшихся под властью Самарканда) каждый раз это прямо указывается (см. также: Бичурин, 1950, с. 271-272, 274-275). Кроме названных, в этом обзоре есть и другие владения, где также правили (кроме Бактрии) представители династии, связанной с потомками юэчжей («дом Чжаову»), но не принадлежали ранее Кангюю. К западу от Согда это Му и Унагэ(см., например: Боровкова, 1989, схема 5).

Если исходить из наиболее вероятного размещения политического центра Кангюя недалеко от впадения р. Арысь в Сырдарью, то понятными становятся некие важные события, которые кратко описаны в уникальной *эпиграфике городища Культобе Арысского*. В ней содержатся прямые доказательства военных действий южный соседей - Чача в союзе с целой коалицией городов Согда - против Кангюя. Речь идет о серии из 14 образцов стандартных надписей на необычном раннесогдийском (или, скорее, по контексту надписей – на чачском) языке на специальных обожженных кирпичках, найденных экспедицией А.Н. Подушкина (Sims-Williams, Grenet, Podushkin, 2007; Sims-Williams, 2009; Подушкин, 2013) (рис. 2-4). Датировка кирпичей, в силу обстоятельств их находок (вымытые рекой, на периферии городища, во вторичном использовании в постройках) была затруднена, и определялась Н. Симс-Вильямсом очень широко - с I в. до н.э. по III в. н.э. Это самые ранние из известных на Средней Сырдарье текстов, и их значение велико. Надписи сходны по содержанию, являются «владельческими» и прокламируют от имени коалиции оккупантов более южного происхождения (чачцев и разных согдийцев) захват ими территории на реке Арысь и строительство ими здесь нового города. В 2020 г., наконец, был найден полностью сохранившийся подобный кирпич и в более удачном археологическом контексте (см.: 30.06.2020 Tengrinews. kz - https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/unikalnyi-artefakt-obnarujili-arheologi-shyimkenta-406781/) (рис. 2-3). Он еще будет детально публиковаться и комментироваться, но у А.Н. Подушкина есть основания датировать надпись именно I веком н.э. В личной консультации,данной А.И. Торгоеву П.Б. Лурье (Гос. Эрмитаж) также датировал надпись по ее характеру доII века и отметил в ее орфографии

Эта, самая последняя и полная надпись из 7 строк (обнаруженная в кладке стены помещения) наиболее важна. Судя по предварительному прочтению Н. Симс-Вильямса, речь идет о создании города (ныне – городище Культобе, возникшее именно в I в. н.э.) руководителем войск Чача по имени Сападани на землях «людей шатров» - кочевников (явно – местных кангюйцев). Эта попытка увенчалась успехом, похоже, лишь при активной помощи союзников – правителей городов Согда (Самарканда, Бухары, Кеша и Нахшаба). При этом

один из лидеров коалиции был убит, но в данной местности захвачены немалые сокровища, отправленные в Чач.

Два наиболее крупных фрагмента кирпичей менее информативны. Вот их тексты в переводе Н. Симс-Вильямса (Подушкин, 2013, с. 82-95): «Этот город принадлежит предводителю армии народа Чач лично»; «Этот город был построен предводителем армии...(Чача) Шат., сыном ... Он пришел сюда затем, чтобы (земля), принадлежащая нашим людям и (принадлежащая) людям шатров (могла быть... и)... государи Самарканда и К(еша и) Нахшаба и Навакме(тана) [Бухары] согласились; и он забрал все сокровища и (теперь эта земля) принадлежит (лично ему)».

Ясно, что такое вторжение в политический центр Кангюя целой армии большой коалиции и строительства там города, заселенного оккупантами, реально могло произойти *лишь в первой половине - середине столетия*, когда Кангюй еще не вызывал тревогу своей силой у Империи Хань. Ясно и то, что месть кангюйцев за такое вторжение впоследствии была неизбежной. Действительно, уже в том же I веке названные территории сравнительно далекого Согда уже вошли в состав Кангюя, не говоря уже о Чаче (см. выше).

Сразу после заключения союза с кушанами, в 84-85 г. н.э. Кангюй посылает помощь в далекий Синьцзян восставшему оазисному княжеству Кашгар / Shule / 疏勒 (где тогда правил поставленный вначале китайцами князь Чжун; вскоре, однако «он поднял бунт») против знаменитого китайского полководца Бань Чао / Ban Chao / 班超 (рис.2-5, 2). Но последний в этом случае не преуспел, и в 85 г. кангюйцы вторгаются еще восточнее – в оазис Турфан (на крайнем востоке Синьцзяна). Только давление новых союзников – кушан (не заинтересованных из-за торговли в ссоре с Китаем) спасает китайскую власть в регионе, и Кангюй выводит войска. Важно, что при этом этот через всю территорию ослабевшей Усунь кангюйские армии проходили в обе стороны без каких-либо проблем.

Хоуханьшу» конкретно описывает *и торговый путь, оформившийся чуть раньше* (после 20 г. до н.э.). Если «южная дорога» вела в юэчжийскую Бактрию и далее – в парфянский Иран (Аньси), то другая из китайской столицы Лоян *«идет на запад до Кашгара... Северная дорога... на запад ведет в Давань, Кангюй, Яньцай и Яньци (Янь)»* (Бичурин, 1950, с. 170), то есть через

2.4. Пик могущества (II – первая треть III вв.)

В этот период Кангюй уже не участвует активно в мировой политике, добившись максимальных приобретений и, видимо, стабильности. Похоже, в это время в стране происходит демографический рост и более активное строительство, отраженные в материалах раскопок поселений.

Расширение происходит только на дальнем западе за счет крупнейшей из сарматских группировок в Европе. Это известно из «Вэйлюэ» / “Weilue” - «Обзора династии Вэй» (Вэйши, III. ба) – сочинения конца III в. н.э.; оно дошло до нас, в основном, в виде выписок из более позднего, написанного Чэнь Шоу / Chen Shou, «Сангочжи» (“Records of the Three Kingdoms” / Sānguózhì / 三國志, цзюань 30 - 烏丸鮮卑東夷傳 / Biographies of the Wuhuan, Xianbei and Dongyi -

<https://zh.wikisource.org/wiki/三國志/卷30>) и сохранившегося в выписках Пэй Сунчжи / Pei Songzhi. Это известие пришло в Китай в 230 г. с посольством кушанского императора BoTiao (один из Васудэв: Züher, 1968, p. 371).

Этот новый вассал - кочевая страна Лю / **Liu** / 柳, граничащая с зоной влияния Рима / DaQin (сарматы Дона и Волги) (рис. 2-1). В целом этот отрывок важен. Яньцай здесь именуется *Алань*: (перечисление идет с запад на восток): «Есть еще государство *Лю*, есть государство *Янь* и еще государство Яньцай, называемое *Алань*. Все они одних обычаев с Кангюем. На западе (в совокупности – Я.С.) граничат с Дацинь / Римом, на юго-востоке с Кангюем. Там много соболя (от северных данников – Я.С.), который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы: прилегают (вместе на востоке – Я.С.) к большому озеру / болоту. В прежние времена (до 230 г. – Я.С.) весьма зависели от Кангюя, а ныне не зависят» (пер. Ю.А. Зуева: Зуев, 1995, с. 39-40). Столицей области Яньцай, по «Вэй люэ», был город Хулу (Сяньтаншу, 43б), который Ю.А. Зуев отождествляет с городом Хаврана у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. Resgestae. XXII, 6, 63).

2.5. Начала кризиса Кангюя. Войны с первыми Сасанидами и потеря вассальных территорий (225-262 гг. н.э. - 1-я половина IV в. н.э.)

Процветание крупных держав не вечно. Несомненно, решающие события начавшегося кризиса Кангюя связаны с системой мировой политики. А она дала серьезный «сбой» в начале - середине III в. н.э. В начале столетия распался на части Китай, с 239 г. начался полувековой кризис Римской империи (эпоха «солдатских императоров» и варварских вторжений), что не могло не сказаться на мировой торговле. Сильно уменьшились владения Кушанской державы на юге.

Но главные проблемы для ближних и дальних стран исходили от «обновленного» Ирана. После свержения в 224 году *Арташиром I* (224-240) парфянской династии Аршакидов в Иране к власти пришли воинственные и идеологизированные Сасаниды. Эту династию не признала ни одна из крупных соседних стран (Рим, Кушания, Армения и др.), что вызвало длинную цепочку войн с участием большой антисасанидской коалиции. Сасанидом фактически удалось победить или остановить основных ее участников.

Уже в следующем 225 году Арташир I начал там большую войну. Согласно выпискам из сасанидских хроник («Книга пророков и царей» **ат-Табари**), на втором этапе этой военной компании «Арташир отправился... в *Балх, Хорезм*— до крайних пределов страны Хорасана. После того...он (**около 230 г.**) вернулся из Мерва в Парс... Сюда пришли к нему послы от *кушанского царя*...с выражением покорности» (пер. В.Г. Луконина: Луконин, 1969, с. 51). В ходе компании была захвачена кушанская столица.

Участие в этой войне самой сильной региональной державы Средней Азии было почти неизбежным. *И мы точно осведомлены о прямых ее последствиях.* В «Вэйлюэ», со слов кушанских послов, которые как раз в том же 230 г.

привезли в Китай свежую информацию, что недавние северо-западные кочевые вассалы *Лю, Янь и Яньчай* от него «ныне уже не зависят».

Особых успехов персы добились в регионе в течение долгого правления выдающегося государя и полководца *Шапура I* (240-272) (рис.2-13, 1). Он сумел в полной мере воспользоваться ослаблением своих соседей. Как сообщает христианская ассирийская «Хроника Арбелы», он в первый же год пошел войной на *Хорезм* и победил его. Решающий натиск на остатки Кушании и на ее северных соседей состоялся в конце 250-х годов. *Надпись 262 г. ŠKZ в «Каабе Зороастра» в Наки-и Рустаме* о трех войнах с Римом Шапура I особенно важна для нас (<http://parthiansources.com/texts/skz/skz-translation/>) (рис. 2-13, 2). Перед тем, в том же году «царь царей» отправил всем соседям письма с требованием признать его власть и насаждаемый им силой «истинный зороастризм». Мы знаем, что в числе прочих это требование отвергли кушаны²⁰. В надписи дается, помимо остального, *длинный список новых областей и провинций (š'hr u p'tkws, которые вошли во состав империи: «Кушаншахр и дальше, вплоть до Пешавара, и вверх до Каша [Кашгара], Согда и пределов Чача»*. Шапур I сообщает, что «все эти царства (шахры) и владетели (шахрдары) и владетели провинций (ptykwspn) стали приносящими нам дань или подчинились» (Луконин, 1979, с. 62). Итак, персидские войска захватили Согд и часть Чача, которые Кангюй считал своими. Известно, что в тогдашней ситуации некоторые из завоеванных Шапуром I стран лишились своих династий, а их бывшие владения перешли в собственность семьи «царя царей».

Как действовала тогда иранская армия, хорошо известно по описаниям римских авторов. Основной силой были крупные отряды всадников в тяжелом доспехе (катафрактариев), широко использовались при штурмах крепостей мощные осадные машины. Шапур I прибегал к стабильной тактике устрашения и террора против мирного населения, заполняя обширные пространства горами трупов. Особенно его должна была волновать в Средней Азии проблема насаждения «очищенного», имперского и жестко иерархичного «истинного» зороастризма вместо местных древних иранских маздеистских традиций. В этом ему активно помогал верховный жрец страны (магупат) *Картир*. Так, в секции 13 надписи Картира в той же «Каабе Зороастра» говорится о захваченных персами территориях: «...царей тех магов и огней, что были в тех странах, я упорядочил, я не допускал совершать обиды и грабежи, и то, что было у них отнято, я также возвратил; и я привел их в свою страну, и я веру маздаяснийскую и *хороших магов* сделал превосходными и почитаемыми. *А еретиков и утративших веру людей, которые в Магустане [землях еретиков] воздерживались от веры и религиозных деяний, их я наказал*» (пер. С.Ю. Касумовой).

²⁰ Еще раньше, в 260 г., судя по «Священной истории августов», Шапур I отправил в Бактрию (Кушанию) официальное письмо по поводу пленения императора Валериана. Кушаны не приняли его и предложили Риму помощь (Iul. Capitol. Duo Aurelian. 7).

Интересно, что в следующем веке в погребальном обряде и облике культовых построек мы видим заметные новшества. Известно, что в присырдарьинском регионе с IV в. н.э. и до арабского завоевания широко распространяются в некрополях т.н. наземные склепы. Ранее считалось, что это было результатом миграции вверх по реке носителей джетыасарской культуры, у которых сходные постройки, якобы, появились раньше²¹; однако полуподземные сырцовые склепы появились на Средней Сырдарье и в Джетыасарском урочище одновременно. Важно, что речь идет и об определенных идеологических переменах. Не исключено, что здесь имело место косвенное влияние активного насаждения официального персидского зороастризма (в частности – погребальной обрядности) в тех районах, которые достоверно оказались затронутыми действиями персидской армии (Согд, Чач и Тохаристан). При этом в Чаче не только захоронения в подкурганых катакомбах сменяются наземными склепами, но также распространяется обряд захоронения очищенных костей в фигурных глиняных ящиках-оссуариях.

Возможно, именно со второй половины III или с IV в. н.э. началась самостоятельная монетная чеканка в южном владении Кангюя – Чаче (Ташкентский оазис), вероятно - с клановой тамгой кангюйской династии (Яценко и др., 2019, с. 162-179, 199-203) (рис. 2-6, 3-4)²², надписями на согдийском (или чачском?) и портретом правителя, первыми из которых были Ванун (Wnwn) и Заббаг (Zbbgn) (Ртвеладзе, 2006, с. 65-73; 2008, с. 64-74) (рис. 2-6, 1, 5). По другой версии, это случилось уже в V в. (см., например: Fedorov, 2010). Пока находки самых ранних монет в археологическом контексте крайне редки и представлены для периода Каунчи-3.

Отпадение от Кангюя северных кочевых «позднесарматских» вассалов можно объяснить, видимо, не только неудачами державы в войнах с персами. Важен мог быть и сам фактор участия в кризисных процессах этого времени в крупных государствах соседних *кочевых группировок*. Как раз перед тем, в середине II – сер. III вв. н.э. как в степях, так и в целом на обширных территориях Евразии по новейшим данным почвоведов, был *очередной засушливый период* (см., например: Демкин и др., 2012, с. 176), что к концу его существенно обеднило интересующие нас кочевые племенные объединения, заставляло их активно мигрировать и атаковать ближних и дальних соседей. Известно, что крупные страны, затронутые евразийским военно-политическим кризисом III в. (в том числе - выступившие в 225-262 гг. н.э. против Сасанидов), оказались во многом и жертвой кочевых соседей: от Рима и его союзников Боспора и Армении (Яценко, 1997, с. 154-163; 2001, с. 50-60) до Китая.

²¹ См. Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 141, 147. По Б.И. Вайнберг это началось со II в. до н.э. (Вайнберг, 1999, с. 191). У кочевников на Узбое сходные склепы известны еще в IV в. до н.э.

²² Котел с такой тамгой III-IV вв., случайно найденный в 2008 г. в разрушенном кургане с разновременными могилами (?) у г. Шымкент (рис. 2-6, 4), уникален по форме и сам по себе не имеет ясной датировки; выяснить ее помогает именно тамга (Яценко и др., 2019, с. 164).

Итак, Кангюй между 230 и 262 гг. потерял основные вассальные владения. Однако до гибели страны было еще далеко: у Кангюя явно имелся известный «запас прочности». Так, продолжается торговля с царствами Китая. Туда прибывают посольства из Кангюя **около 270 года** (в середине эры правления Тайши, 265-274, к императору У династии Цзинь). **В 279 г.**, в первый год правления Фу Цзяня (Fu Xian, 279-294) прибыло второе посольство, подарившее породистых лошадей, которыми страна славилась. Последнее было **(в 287 г. (Fang Xuanling /房玄齡. Jinshū .3 武帝 / Emperor Wu)** (<https://zh.wikisource.org/wiki/晉書/卷003>).

Похоже, что отпадение вассалов отнюдь не остановило обычную жизнь кангюйцев. Напротив, например, именно II - первой половиной IV вв. н.э. датируется основная масса вскрытых катакомб на крупнейшем в Южном Казахстане Борижарском могильнике (рис. 2-12).

Упомянутая хроника «Бэйши», характеризуя различные княжества в Согде, бывшие кангюйскими владениями, особо выделяет *Бухару* (Ань) из-за ее обычаев, спустя 2-3 века все еще похожих на кангюйские. Вместе с тем, она подчеркивает у бухарцев некоторые отличные от кангюйцев брачные традиции (первым дозволялось жениться на сестрах и на бывшей жене отца). Соблазнительно увидеть сохранение традиций Кангюя в обычае бухарцев и правителя Хэ восседать на зооморфном «золотом» троне в виде скульптуры, соответственно, верблюда и барана (см. также: Ртвеладзе, 2007, с. 22-27). Не исключено также, что упомянутая здесь же традиция, когда государю и в Бухаре и Самарканде помогали в управлении три министра, тоже исходит из Кангюйской державы.

2.6. Гибель Кангюя (середина IV в. н.э.)

О ней мы имеем яркие, но отрывочные сведения, в первую очередь – по данным археологии. Она связана с вторжением кочевников, оставивших многочисленные пожарища.

Показательно, что в текстах разных стран упоминаются в середине века только *хиониты* (о происхождении которых не сообщается). Еще в 305 г., согласно Бируни, столица Хорезма переносится на другой берег, в Кят, и вскоре, при официальном единстве государства, в стране начинается строительство замков...Однако Хорезм (как и пустынные берега Каспия) грозный враг прошел вскоре стороной, он оставил свои многочисленные следы именно вдоль Сырдарьи. О хионитах из текстов мы знаем пока именно по их завоеваниям и большой опасности, которую они для всех представляли. Судя по написанному самым детальным и компетентным историком – приближенным к императорскому двору и имевшим всю полноту внешней информации Аммианом Марцелином, лично видевшим царя хионитов Грумбата на поле боя и т.п. (Amm. Marc. Resgestae. XVII. 3.13; XIX. 9.4), **к 359 году** они уже господствовали вместе с персами на восточных границах тогдашнего Ирана. И столетие спустя на печати, найденной в долине Свата (в горах Гундукуша) упомянут «правитель хионов Огхлар, великий кушаншах и

афшян Самарканда» (Grenet, 2010, p. 272). Сегодня происхождение хионитов можно вполне надежно уточнить. Гибель Кангюя явно пришла с севера, *из степей Южного Приуралья и соседних территорий*. Мы знаем об этом благодаря тому, что в руинах кангюйских поселений известные одиночные могилы погибших участников их штурма, имеющих явно кочевнический степной облик (рис. 2-14). Некоторые основания западного происхождения этих варваров разбираются в разделе 4.3. Ясно, что речь идет о тех, кто вошел в середине IV в. в состав формирующегося гуннского союза перед самым его вторжением в Европу (включая восточные группы «поздних сарматов»). *Похоже, что номады целенаправленно двигались именно на Кангюй вверх по Сырдарье*: Средняя Сырдарья и, например, Бухарский Согд, оказались в «зоне войны». Возможно, это была своеобразная месть: ведь еще за столетие с небольшим до того Южный Урал, как отмечалось, платил Кангюю большую дань.

Первой на их пути лежала соседняя с Кангюем крупная область *Яньцай*. Вероятно, она стала первым владением завоевателей, и была затем переименованная в *Сутэ*. В гл. 31 китайской «Шофанбэйчэн» говорится, что около 455 г. властитель бывшего Яньцай Хур отправили посольство в царство Вэй. Он был уже третьим местным правителем из новой династии, воцарившейся здесь в IV веке. Важно, что китайский автор здесь единственный раз после молчания с конца I в. до н.э. до середины IV в. н.э. сообщает, что завоеватели были именно бывшие древние *сюнну* / Xiongnu / 匈奴, их потомки: «сюнну убили их правителя и завладели государством» (Кюнер, 1961, с. 131). После разгрома Кангюя в середине IV в. н.э. его ядро также перешло под власть этих кочевых завоевателей и их потомков. До времени утверждения во многих регионах Средней Азии власти эфталитов бывший Кангюй официально поменял название, и его история завершилась. Согласно главе 102 хроники «Вэйшу», он теперь стало именоваться *Чжэшиэ*. В главе 3 той же хроники указано, что это владение отправило свое посольство в китайское царство Вэй в 437 г. (см, например: Кюнер, 1961, с. 130).

После крушения Кангюя торговлю на его и прилегающей территории, похоже, захватили согдийские купцы. Так, в более далеком от Согда бывшем зависимом кангюйском владении Яньцай (Аланья, ставшим Выньнаша, а затем Сутэ) иероглифы названия ее столицы Хулу по-китайски читались как «Согдийская дорога», а позже, в «Танском обозрении» она названа «согдийским городом Чу-чжэн» (Зуев, 1995, с. 42-43, 46-48)²³. В IV-V вв. купцы из этой страны (видимо – те же согдийцы) «во множестве приходили» в Ланьчжоу (пров. Ганьсу) для торговли с китайцами (Бичурин, 1950, с. 260-261).

Особое место в понимании наследия Кангюя для средневековых тюркских народов Казахстана занимает вопрос об этнонимах и топонимах с корнем «канг» (Кляшторный, 1964, с. 165-179). Так, в VIII в. а надписях

²³См. о более ранней торговле согдийцев в I – первой половине IV вв. н.э.: (Henning, 1948; Vaissère, 2005, p. 37-50).

восточнотюркских каганов фигурирует заселение тюрками земель на запад вплоть до страны *Кангу Тарбан*, в которой С.Г. Кляшторный видит район на средней Сырдарье, заселенный племенем *кангар*. Судя по трактату Константина Багрянородного, наиболее благородными считались именно те племена печенегов, которые происходили из этих мест (Там же, с. 163, 165, 179). Дальнейшая модификация «кангар» в «канглы» произошла в среде кимаков и кипчаков X-XI вв. после их завоеваний в сырдарьинском регионе. По Махмуду Кашгарскому, «канглы у кипчаков – наименование знатного человека» (Толстов, 1947, с. 93-101). Так имя исчезнувшей «кочевой империи» и наименование ее политического центра стали символом престижности и одним из средств культурной адаптации новых групп тюркских поселенцев на юге будущего Казахстана.

2.7. Тип ранней государственности Кангюя

Исходя из китайских описаний, элиту в кангюйском обществе образовывали долго сохранявшие традиции кочевого образа жизни знатные кланы потомков номадов-завоевателей (ср., например: Хазанов, 2000) (судя по материалам, приводимым выше, знать уже на раннем этапе рубежа II-I вв. до н.э. была тесно связана с самой сильной тогда группировкой юэчжей); отсюда – китайское определение «*кочевое владение*». Эти правящие номады проживали в непосредственном соседстве с подчиненным туземным населением сакского происхождения и постепенно оседали на их землях. Местное население тоже, в основном, кочевало «со скотом в поисках воды и травы». С I-II вв. н.э. налицо археологические проявления полуседлого и оседлого быта. С конца I в. до н.э. – середины I в. н.э. очевидно также быстрое овладение Кангюя огромной территорией (рис. 2-1), которую он стабильно удерживал более 200 лет (при этом даже самые дальние территории, вроде северо-западных кочевников, «зависели весьма сильно» и платили большую дань мехами). Для стабильного контроля над столь дальними от политического центра областями *необходима хорошо организованная и вполне стабильная «армия мобилизации»*. Ядро ее, несомненно, составляла тяжелая конница в доспехах (катафрактарии), позднекангюйскую версию которой мы видим в воинских погребениях в Кош-Агаше и Акчий-Карасу, а в искусстве – на знаменитом поясе из Орлата (рис.2-10). Изначально из всех китайских текстов следует, что (в отличие от соседних Усунь или Ферганы-Давани) *все важные решения в собственно Кангюе принимал лишь правитель*. Масштаб этих решений был таков, что кангюйская армия очень успешно воевала в 84-85 гг. н.э. против самого сильного полководца тогдашнего Китая в глубине далекого Синьцзяна, на расстоянии более 1500 км дорожного пути от своих баз. В восточных сарматских степях до начала III в. н.э. зона контроля Кангюя была до владений Рима / Дацинь, то есть примерно 2,5 тысячи километров на запад от политического ядра. *Понятно, что без весьма сильной единой власти такой контроль невозможен*. Портретов кангюйских верховных лидеров не сохранилось. Но об их облике можно составить представление по первым монетам только что вернувшегося независимости Чача III в. н.э. (рис. 2-6, 1). Один из локальных правителей восточных областей показан на явно кангюйской гравировке по кости

жеребенка из Кызылбулака IV в Южном Семиречье (Горячев, Яценко, Егорова, 2016) (рис. 2-7, 1). Здесь он восседает в дорожной кибитке и приветствует, вместе с приближенными, предводителя войска в катафракте, принесшего ему отрубленную голову врага.

Описанный характер отношений кочевников с покоренным населением и вассалами, направление их эволюции, как сегодня известно, свойственен одному из вариантов политий - т.н. «кочевых империй» (III-й или завоевательный их тип по классификации Н.Н. Крадина), и *только он обычно приводил кочевников к реальной государственности* (см., например: Крадин, 2006, с. 493-495) часто – весьма длительной. Большинство же «кочевых империй» Степи были явно догосударственными образованиями типа сложных вожеств. Это важно, поскольку сегодня многие ведущие кочевниковеды разных стран убеждены: государственность у кочевых группировок не являлась внутренне закономерным явлением, была связана скорее с воздействием внешних факторов (воздействие или давление земледельческих соседей), была непрочной и обратимой. Важно учесть, что немалая часть влиятельных западных политологов и социологов полагает, что государственность – не единственная возможная форма сложной организации общества и его ответа на вызовы времени (в том числе – в будущем). С другой стороны, еще недавно (в советской марксистской литературе) вопросу достижения рубежа государственности конкретными этносами придавалось совершенно особое, почти мистическое значение.

По выявленным признакам Кангюй (не сразу, а примерно с конца I в. до н.э.) – т.н. *раннее государство*, находящееся как бы посередине между негосударственными обществами (вождествами разных уровней) и поздними, т.н. «зрелыми» государствами. Судя по критериям такого авторитетного современного исследователя проблемы, как Х.Дж. Классен, Кангюй, с целым рядом оговорок, скорее можно считать *типичным* ранним государством. Его признаки, при обилии разнотипных источников: при передаче должностей наследственность уравнивается назначением; наряду с функционерами, получающими эпизодическое вознаграждение, появляются те, кто получает стабильное жалование; рост влияния государственной собственности при все еще ограничении частной и преобладании общинной; регулярный сбор налогов (натурой и услугами) при том, что часть строительных работ проводится подневольным трудом; развитие торговли и рынков на надлокальном уровне; начало кодификации законов (Классен, 2012, с. 198-199). Основными факторами, способствовавшими его появлению, считают постепенный рост населения и давление демографических проблем; войну, набеги или угрозу войны; некоторый прогресс в производстве и стимулирование избытка; идеологию и эффективную легитимизацию власти; влияние уже существующих государств (Там же, с. 204-205). Власть в таком обществе относительно стабильна, по мнению Х.Дж. Классена, благодаря ее *легитимности* в глазах населения (для чего правитель предоставляет подданным защиту, щедрость и, благодаря своему сакральному статусу, сверхъестественную помощь).

2.8. Кангюйская знать

Наши сведения об *элитарных слоях* Кангюя сегодня очень ограничены. Во-первых, китайских и других авторов они не интересуют. Во-вторых, элитные погребения в собственно ядре Кангюя еще не раскопаны, кроме ограбленного погребения катафрактария 2009 г. у с. Косагаш на границе с древним Чачем в изолированно стоявшем у р. Донгустау, в кургане 5-метровой высоты (Подушкин, 2002, с. 71-76). Весьма важны пока практически не опубликованные погребения кенкольской культуры с престижными украшениями, стеклянной посудой и вооружением, исследованные И.К. Кожомбердиевым на могильниках Акчий-Карасу, Торкент, Алмалуу и Джал-Арык в Кетмень-тюбе (Кожомбердиев, 1977). На предполагаемой территории крупного вассала Яньцай мы имеем пока разрушенные могилы с отдельными эффектными золотыми находками (фигурка верблюда в Кок-Сенгире, один из браслетов в Дуздаке). На территории южного вассала – Согда, к северу от его столицы Самарканда, важны уцелевшие комплексы I в. н.э.: погребение в Орлате с великолепной резьбой по кости на поясе (Pyasov, Rusanov, 1998) (рис. 2-7, 2) и женская могила на заброшенном городище в Коктепе (Rarin, Ismaiddinov, Khasanov, 2001). Особняком по культурным особенностям стоит разграбленное погребение вождя начала II в. н.э. в кургане 2 у Аралтобе у р. Эмба / Жем, со сложной каменной конструкцией (оградой в форме колеса – центрального круга и 8 линий-«спиц», на которых была сплошная чешуйчатая, под углом, наброска из камней, с ритуальным очагом в центре). Здесь в 1999 г. была раскопана могила супругов с конем у каждого, с набором оружия, у мужчины - с длинным золоченым жезлом, увенчанным грифонами, и, вероятно, сплошным покрытием из золотых аппликаций, характерным для «золотых людей» Центральной Азии, с трупом орла-беркута с простертыми крыльями в яме над умершими (Самашев и др., 2007, с. 170-177) (рис. 2-9). У «поздних сарматов» зависимой страны Янь / Южного Приуралья элитные могилы встречены среди рядовых родственников в таких некрополях, как Лебедевка, Целинный, Покровка, Большекараганский, Дербенево.

Итак, пока единственной аристократической могилой на территории ядра Кангюя можно считать разрушенное грабителями погребение в предгорьях, в 200 м от реки, у с. Косагаш Толебийского района Южно-Казахстанской области (Подушкин, 2002) (рис. 2-8). Могила (углубленная от дневной поверхности примерно на 5 метров) представляла собой катакомбу необычного облика: с двумя соединенными погребальными камерами. Необычна и аккуратная вымостка полов в них битой старой керамикой – черепками хумов и хумчей), которая иногда встречается в парадных жилых комплексах Кангюя: вероятно, камеры имитировали реальное жилище. В первой и в ней большую часть площади занимала единая невысокая лежанка-суфа шириной около 1 м П-образной формы. Вторая, внутренняя камера воспроизводила жилище, по форме близкое к квадрату и с четырехскатной кровлей. Катакомба явно предназначалась для захоронения, как минимум, четырех умерших – членов знатной семьи. Однако в ней успели похоронить лишь одного мужчину на суфе

напротив входа (*видимо – из-за гибели семейства* - С.Я.), при этом на этом возвышении какое-то время жгли небольшой костер. Несмотря на то, что грабители оставили после себя лишь фрагменты некоторых вещей (только неинтересные им железо и дерево), ясно, что он был снаряжен как типичный знатный тяжеловооруженный всадник-катафрактарий. Он сопровождался чешуйчатым доспехом (на кожаной и отчасти деревянной основе), длинным копьем, мечом и луком; плетеный из лозы щит, покрытый железными пластинами, видимо, укрывал труп воина. Его тело было обернуто в шелк и затем – в более грубую ткань. Была символически положена и конская упряжь. Судя по фрагментированному железным изделиям, между похоронами и ограблением прошло несколько лет (может быть – одно поколение, пока бдительность живых родственников не уменьшилась). Такая картина преобладала и в курганах знати связанных с Кангюем племен среднесарматской культуры бассейна Дона (Яценко, 2015, табл. 1-2).

О том, как выглядели такие воины в натуре, мы можем судить по гравировкам на костяных пластинах парадного пояса из кургана I-II вв. н.э. некрополя *Орлат* в Согде, контролировавшемся тогда Кангюем (Pyasov, Rusanov, 1998). Судя по многим деталям, здесь изображена сцена из эпоса, имеющая прямые иконографические параллели в искусстве иранских народов античности – скифов, сарматов, а также средневековых аланов (Яценко, 2000, с. 186-204) (**рис. 2-7, 2**). В двух сценах, отражающих основные занятия знатных воинов - сражения и коллективные охоты, мы видим аристократов одного и того же облика: с очень тонкой («осиной») талией, удлинёнными руками и часто – ногами, узкое и высокое лицо с торчащей вперед клиновидной бородкой, на высокородных лошадях с длинными, тонкими ногами и удлинённой шеей (это именно телошади, которыми Кангюй торговал и которых дарил по прибытии посольств). В сцене боя представлены атрибуты этих степных рыцарей (конных и пеших) в длинных комбинированных доспехах, с плеч которых свисают султанчики: длинные и сильно согнутые при стрельбе луки и 4-5-метровые копья всадников, упершиеся в животы врагов; мечи с очень длинной рукоятью; каркасные шлемы с султанчиками на макушках; штандарт со стилизованным, раздувающимся на ветру драконом; отрубленная голова врага, подвешенная на груди у своего коня...

Одежда кангюйцев крайне плохо сохранилась в могилах, и это создает большие проблемы. Иную картину мы наблюдаем как для покоренного ими Согда I-III вв. н.э., где она хорошо представлена на терракотах из Самарканда (Яценко, 2006а, рис. 152-153). То же можно сказать о явно не входившей в Кангюй джетыясарской культуре скотоводов на одном из прежних низовых русел Сырдарьи (Левина, 1996, с. 264-265; рис. 113-114, 118; Яценко, 2006б). Ее подлинные образцы найдены для конца кангюйской истории в катакомбе 9 Кенкольского могильника, где в камере похоронены мужчина и женщина (рубашка первого украшена по краям и выглядит более эффектно; платье женщины дополнено головной повязкой) (Бернштам, 1940, табл. IX, XXXI, XXXIII) (**рис. 2-11, 2-3**).

На одной из костяных пластин пояса в Орлате видим мужчин-кангюйцев на охоте в оригинальном кангюйском костюме: у них короткие верхние рубахи или распашные, запахнутые кафтаны (в т.ч. с короткими рукавами), на ногах – длинные чулки-ноговицы, крепящиеся к поясу; короткая стрижка с тонкой и узкой «козлиной» бородкой (рис. 2-11, 1-3). На описанной выше пластине того же пояса со сражением у воинов видны также вислые усы; прическа с волосами, собранными в пучок на макушке; сапоги, перевязанные у щиколоток и под сводом стопы. На обеих пластинах мужчины имеют подчеркнута стройную талию и явно предпочитают одежду из пестрых тканей (сетчатых, иногда с узором в ячейках). У персонажей на охоте голова, похоже, имеет искусственную деформацию, популярную в Кангюе. Такая особая кольцевая деформация черепа делалась еще в детстве с помощью особых повязок. Она, видимо, была важной особенностью некоторых кланов (как, впрочем, и в юэжийской Бактрии, у «поздних сарматов»). Видимо, речь шла о благородстве происхождения, что, конечно, отнюдь не гарантировало богатства (в таких кланах было немало и небогатых людей, что отражено в материалах могильников).

Список иллюстраций.

Раздел 2:

Рис. 2-1. Карта Кангюйского государства с основными памятниками, упоминаемыми в тексте. Границы водоемов даны на 1871 г. Сост. С.А. Яценко.

Рис. 2-2. Предполагаемый политический центр Кангюя у низовьев Арыси с рядом упоминаемых памятников. Сост. С.А. Яценко.

Рис. 2-3. Наиболее целые кирпичи I в. н.э. с надписями чачской администрации из Культобе Арысского (фото А.Н. Подушкина).

Рис. 2-4. Основные пункты находок обломков кирпичей с надписями в Культобе Арысском до 2020 г. (фото А.Н. Подушкина).

Рис. 2-5. Материалы в связи с кангюйской экспансией в Синьцзян в 84-85 гг. н.э.: 1 – кушанские монеты Вимы Такто

(https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/4e/Coin_of_Vima_Takto.jpg; https://www.vcoins.com/en/stores/numiscorner/239/product/coin_india_kushan_empire_didrachm_80113_uncertain_mint_bronze/1212351/Default.aspx); 2 – памятник полководцу Бан Чао в г. Кашгар.

Рис. 2-6. Предполагаемая династийная тамга правителей Кангюя и производные от нее сарматские знаки аристократии Южного Приуралья: 1, 3, 5 – ранние монеты Чача III-IV вв. (по В.Д. Шагалову, А.В. Кузнецову); 2 – упряжь из Покровки 2, курган 9 (по Л.Т. Яблонскому); 4 – котел, случайная находка у г. Шымкент (по Ю.В. Демиденко).

Рис. 2-7. Сцены сражения и триумфа в художественной резьбе по кости Кангюя: 1 – Кызылбулак-IV (по А.А. Горячеву); 2 – Орлат (рис. С.А. Яценко).

Рис. 2-8. План погребения знатного кангюйца у с. Косагаш (по А.Н. Подушкину).

Рис. 2-9. Кочевой аристократ из кургана 2 в Аралтобе (реконструкция К. Алтынбекова).

Рис. 2-10. Кангюйские воины в доспехах, по гравировкам в Орлате (цветные реконструкции – К.С. Ахметжан).

Рис. 2-11. Костюм Кангюя: 1-3 – Канкол, катакомба 9 (по А.Н. Бернштаму); 4 – Орлат (рис. С.А. Яценко).

Рис. 2-12. Участок крупнейшего курганного некрополя Южного Казахстана кангюйского времени – Борижары (по К.М. Байпакову и А.А. Ержигитовой).

Рис. 2-13. Материалы к столкновению Кангюя с сасанидским Шапуrom I около 260 г. н.э.: 1 – золотой динар Шапура I (<https://www.the-saleroom.com/en-us/auction-catalogues/goldberg-auctioneers/catalogue-id-srgol10007/lot-6ca2a6cf-2134-4343-95f5-a492010923be###lotDetails>); 2 – надпись Шапура I 262 г. г. н.э. на «Каабе Зороастра» в Накш-и Рустаме

(https://en.wikipedia.org/wiki/Shapur_I%27s_inscription_at_the_Ka%27ba-ye_Zartosht#/media/File:Shapur_Kabe_Zartosht_Pahlavi_scripts.png).

Рис. 2-14. Некоторые из погребений кочевников, уничтоживших Кангюй в середине IV в. н.э.

Рис. 2-3. Наиболее целые кирпичи I в. н.э. с надписями чачской администрации из Культобе Арысского (фото А.Н. Подушкина).

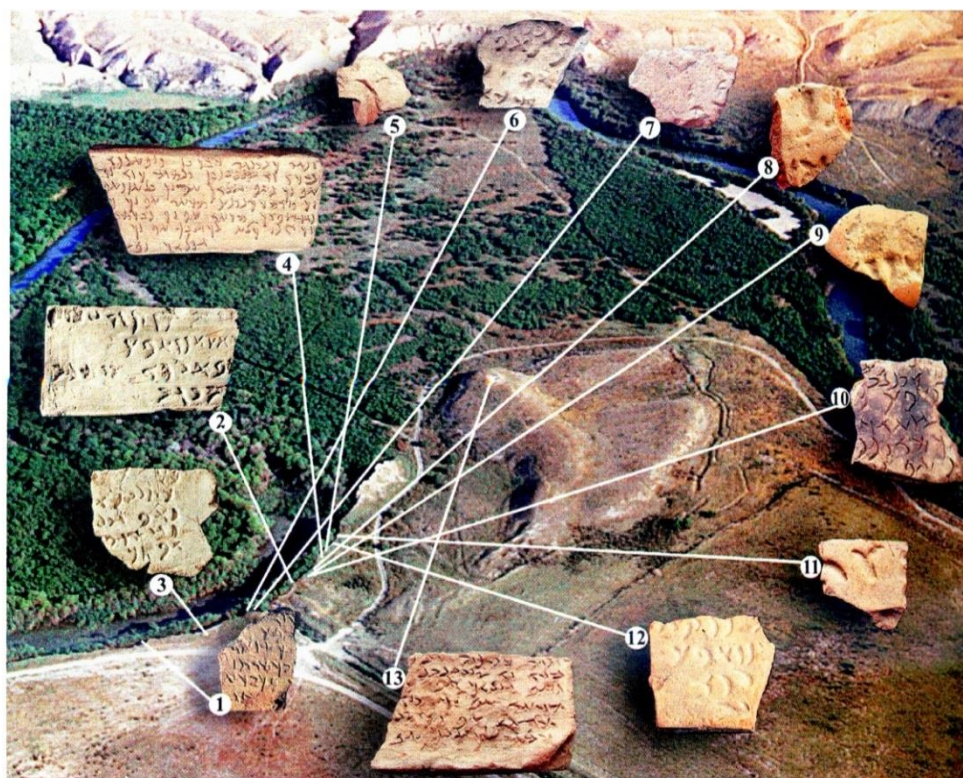

Рис. 2-4. Основные пункты находок обломков кирпичей с надписями в Культобе Арысском до 2020 г. (фото А.Н. Подушкина).

Рис. 2-5. Материалы в связи с кангюйской экспансией в Синьцзян в 84-85 гг. н.э.: 1 – кушанские монеты Вимы Такто (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/4e/Coin_of_Vima_Takto.jpg; https://www.vcoins.com/en/stores/numiscorner/239/product/coin_india_kushan_empire_didrachm_80113_uncertain_mint_bronze/1212351/Default.aspx); 2 – памятник полководцу Бан Чао в г. Кашгар.

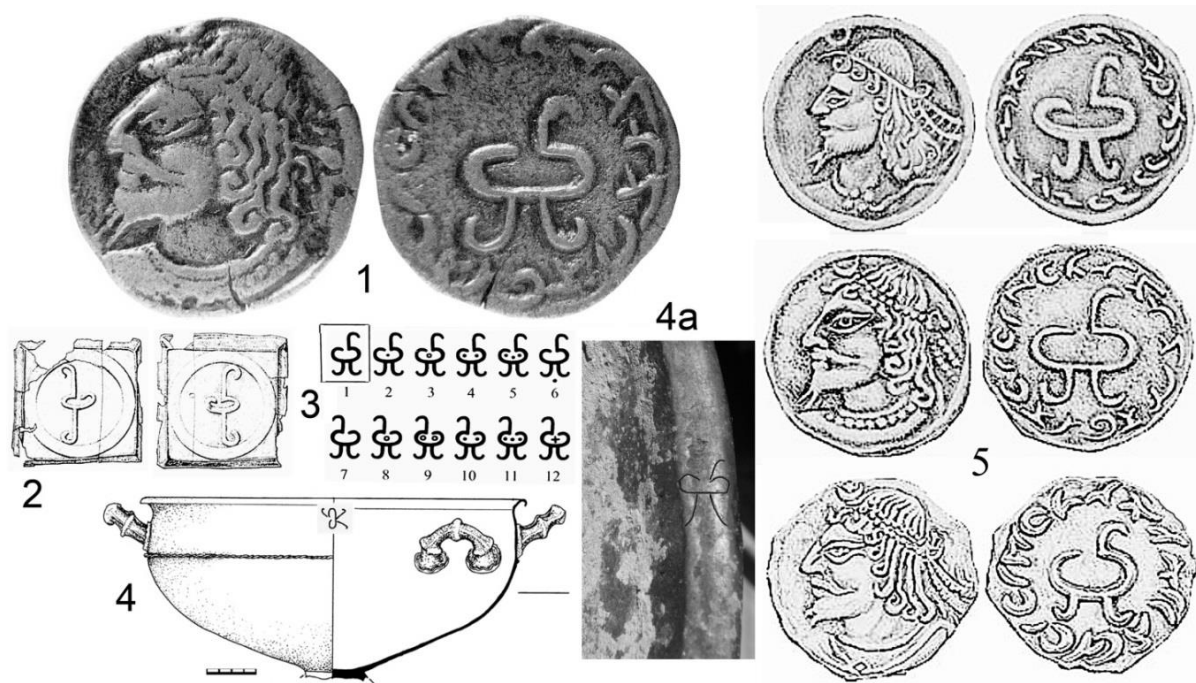

Рис. 2-6. Предполагаемая династийная тамга правителей Кангюя и производные от нее сарматские знаки аристократии Южного Приуралья: 1, 3, 5 – ранние монеты Чача III-IV вв. (по В.Д. Шагалову, А.В. Кузнецову); 2 – упряжь из Покровки 2, курган 9 (по Л.Т. Яблонскому); 4 – котел, случайная находка у г. Шымкент (по Ю.В. Демиденко).

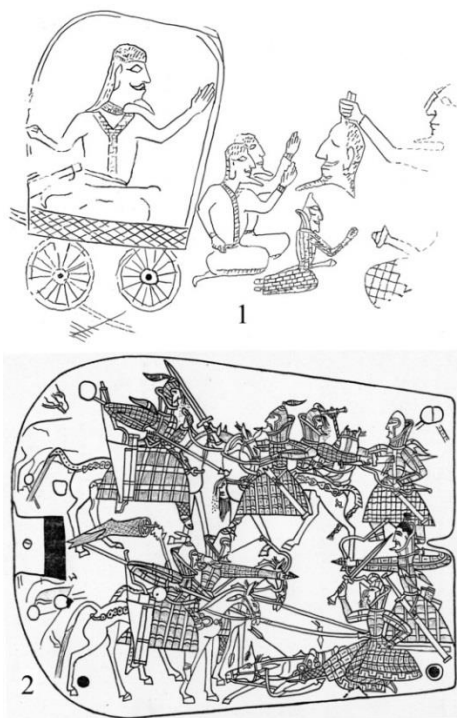

Рис. 2-7. Сцены сражения и триумфа в художественной резьбе по кости Кангюя: 1 – Кызылбулак-IV (по А.А. Горячеву); 2 – Орлат (рис. С.А. Яценко).

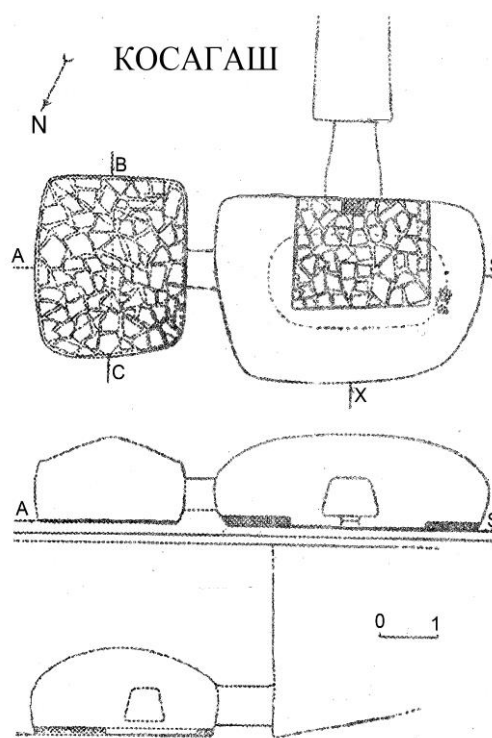

Рис. 2-8. План погребения знатного кангюйца у с. Косагаш (по А.Н. Подушкину).

Рис. 2-9. Кочевой аристократ из кургана 2 в Аралтобе (реконструкция К. Алтынбекова).

Рис. 2-10. Кангюйские воины в доспехах, по гравировкам в Орлате (цветные реконструкции – К.С. Ахметжан).

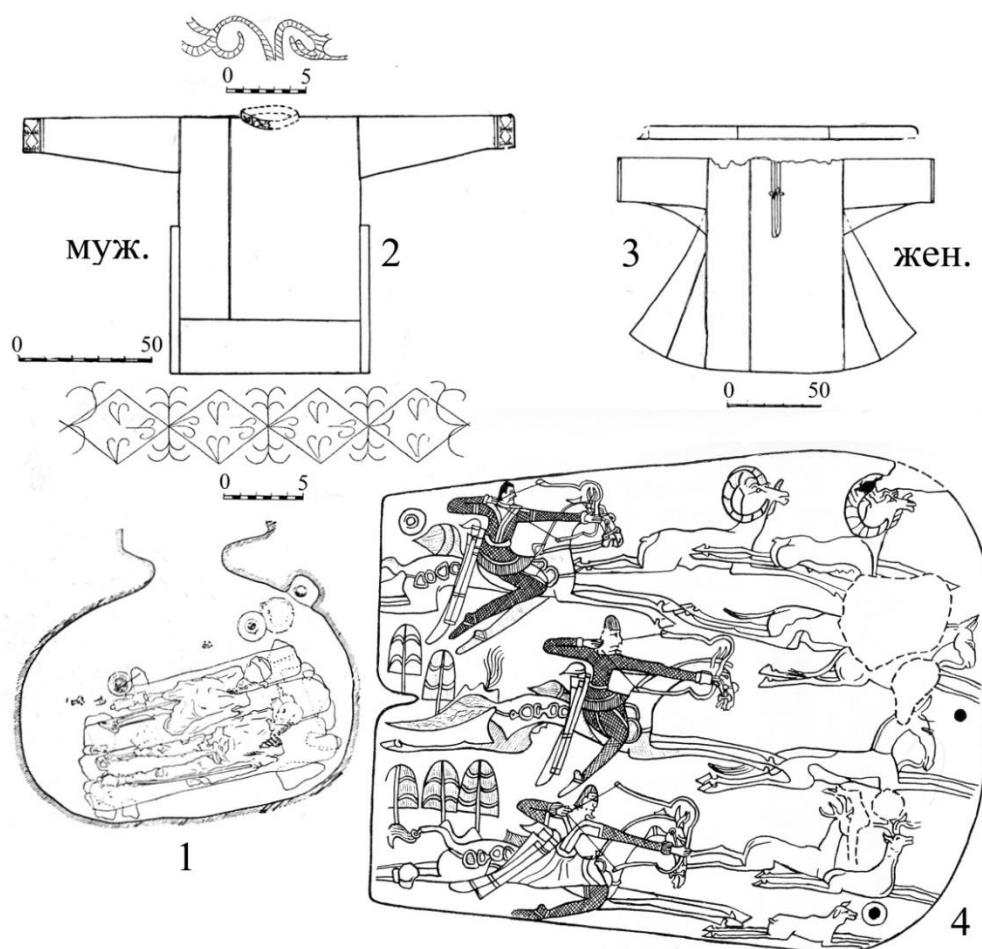

Рис. 2-11. Костюм Кангюя: 1-3 – Канкол, катакомба 9 (по А.Н. Бернштаму); 4 – Орлат (рис. С.А. Яценко).

Рис. 2-12. Участок крупнейшего курганного некрополя Южного Казахстана кангюйского времени – Борижары (по К.М. Байпакову и А.А. Ержигитовой).

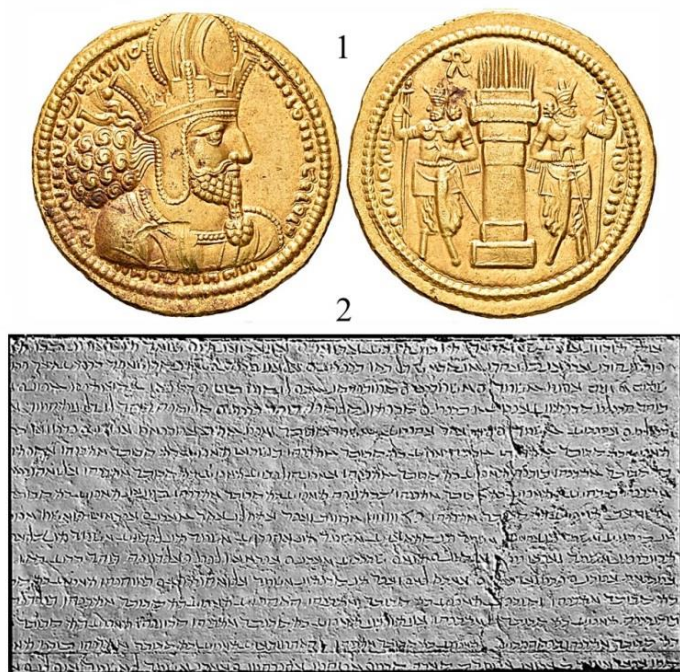

Рис. 2-13. Материалы к столкновению Кангюя с сасанидским Шапуром I около 260 г. н.э.: 1 – золотой динар Шапура I (<https://www.the-saleroom.com/en-us/auction-catalogues/goldberg-auctioneers/catalogue-id-srgol10007/lot-6ca2a6cf-2134-4343-95f5-a492010923be##lotDetails>); 2 – надпись Шапура I 262 г. г. н.э. на «Каабе Зороастра» в Накш-и Рустаме (https://en.wikipedia.org/wiki/Shapur_I%27s_inscription_at_the_Ka%27ba-ye_Zartosht#/media/File:Shapur_Kabe_Zartosht_Pahlavi_scripts.png).

Рис. 2-14. Некоторые из погребений кочевников, уничтоживших Кангюй в середине IV в. н.э.

Раздел 3. Кангюй в региональной торговле и культурном обмене.

Кангюй и «аланская проблема»

Яценко С.А.

3.1. Торговля, культурное влияние Кангюя на кочевых соседей

Как уже отмечалось в разделе 2, *после 20 г. до н.э. Кангюй активно включился в ту сферу международного товарного* (в том числе во многом - контрабандного), *культурного и идейного обмена, которая была условно названа* в 1877 г. немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном в его многотомном сочинении «Китай» «*Великим шелковым путем*» (Richthofen, 1877). Разумеется, в целом речь идет не о двух-трех конкретных трассах типа современных трансконтинентальных шоссе с соответствующей инфраструктурой (как это обычно представляется в современном массовом сознании), а о некоем, «пульсирующем» в территориальном и временном отношении историко-культурном пространстве (см., например: Петров, 1995). «Северная дорога» в I в. н.э. (открытия которой Кангюй перед тем добивался неоднократно дипломатическим путем), как уже отмечалось, официально шла из новой китайской столицы Лоян / 雒阳 через Фергану, Кангюй и Яньцай / Аланья до Южного Приуралья / Янь. Китайские историки упоминают восточные группировки сарматов, подвластные Кангюю (Янь и Лю), в первую очередь, как источник поставки более северных мехов («Там много *соболя*, который славится»). И дань мехами этих группировок Кангюю была большой, т.к. они «сильно зависели». Китайские хроники явно вообще не знали Хорезма, да и не нуждались в нем: торговля до Приуралья шла более восточной дорогой – вдоль Сырдарьи, через Яньцай (рис. 3-1, трасса I).

Другой важный маршрут шел из Хорезма, вероятно, после достижения независимости от персов к началу IV в. до н.э. Если вначале он, по мнению С.Б. Болелова, пролегал по западному берегу Арала (Болелов, 2017, рис. 5), то с рубежа н.э. можно обоснованно предполагать другой маршрут пути из Хорезма на Урал (богатый также самоцветами) – через Устюрт (рис. 3-1, трасса II). И в средневековье, при смене отдельных участков маршрута, он знаменит как «меховой», и описан аль Истахри и аль Макдиси (Яценко 2006а, с. 262). Такой путь существовал еще в развитом средневековье, был важен и отмечен серией оборудованных стоянок, начиная с караван-сарая Алан (Толстов 1962, доп. цв. археологическая карта Хорезма). Уникальным маркером этого маршрута является самое большое в степной/пустынной Евразии скопление тамг античного времени в полузаброшенном храме Байте III на краю плато Устюрт (он активно функционировал около IV-II вв. до н.э., до мощного землетрясения). В этом всегда почти ненаселенном во все времена месте сегодня известно не менее 358 тамг, принадлежавших 273 разным кланам / большим семьям, большинство из которых явно относятся к периоду относительного «запустения» святилища, оказавшегося, однако, на новом караванном маршруте. Из них 98 типов идентичны или очень близки тамгам

европейских сарматов в интервале нач. I - сер. III вв. Особенно показательно в этом плане, что регион Южного Приуралья в I – начале II вв. н.э. пустеет, население уходит оттуда. Интересно и наличие здесь 5 из 8 известных типов тамг царей Хорезма на ранних монетах (до IV в. н.э.) по Е.Е. Неразик (Яценко и др, 2019, с. 58-88, 397-401). Таким образом, комплекс большинства тамг из Байте III представляет собой мультикультурный феномен, связанный с мировой торговлей римского времени. Этот же путь отмечен серией сарматских тамг в каньоне Каракабак на северных склонах Мангыстау (Rogozhinskii, Yatsenko 2015. Fig. 5; Яценко, 2020, рис. 1, 6-8). При частичной смене отдельных участков маршрутов, он остался знаменитым как «меховой». При этом не стоит преувеличивать объем официальных собственно торговых операций китайцев вдоль «Северной дороги» (см. прямолинейное понимание операций с китайскими изделиями Н.Е. Берлизовым: он был почему-то уверен, что торговля не велась через множество посредников, а многочисленные караваны, сформированные в Китае, непосредственно достигали Черного моря: Берлизов 1992. С. 33-34). Отсутствие активного желания Китая торговать с постоянно враждебной страной нетрудно понять. Соответственно, основная часть в Среднюю Азию китайских изделий была либо стабильно официально запрещена властями Империи к продаже, либо запрещалась периодически, и переправлялась через границы нелегально. Немалую роль играли роскошные подарки от китайских посольств или для среднеазиатских послов в самом Китае, которые к «торговле» отнести трудно.

Участвовали ли кангюйские торговцы в торговле на этой и смежных трассах? В самом Кангюе для путешествий имелись неплохие дороги (в частности – в Фергану, что подчеркивал уже при открытии Кангюя для китайцев Чжан Цянь побывавший там в 126 г. до н.э.: см. раздел 2). Разведки выявляют следы местной дороги поперек долины р. Талас, по которой в линию 3-В размещалось около десятка поселений (ср. рис. 4-1-2). Для нас важно одно материальное свидетельство присутствия кангюйцев на «хорезмийском» пути. Это уже упомянутое самое большое в степной/пустынной Евразии скопление 358 тамг античного времени в полузаброшенном тогда храме Байте III на северо-западе Устюрта. Среди них – серия из 9 достоверно принадлежавших кангюйцам знаков (Яценко и др., 2019, с. 86), более всего – с Культобе из древнего Ясы / Туркестана, где эти знаки обычно наносились обычно на хумах и кувшинах (знак № 31 по нумерации в Байте III вырезан на статуе вне храма) (рис. 3-3). Монеты в Кангюе для торговли использовались сравнительно слабо: явно были популярны и какие-то иные денежные эквиваленты (в оптовой торговле - меха, которые поставляли северные данники, и т.п.). Тем не менее, на сегодня их найдено в пределах трех основных археологических культур Кангюя уже найдено немало. Судя по отрывочной информации, которой мы пока располагаем, более всего обнаружено кушанской меди, особенно Сотера Мегаса и Канишки I; немало по всему региону и китайских монет весом в 5 шу («у-шу» / wǔ zhū / 五銖) (рис. 3-2, 1). После присоединения в I в. н.э. Тогда

монеты Самарканда и Бухары, фактически, так и остались в хождении в пределах соответствующего оазиса (рис. 3-2, 3).

Сегодня есть все основания предполагать, что от Южного Урала на запад, к Азовскому и Черному морям шел другой, не менее важный путь, и Южное Приуралье было местом их «состыковки». Этот путь на Южный Урал существовал еще в скифское время, описан Геродотом и подтвержден археологически; однако, он существовал еще в бронзовом веке (Членова, 1983). Какое же отношение к Кангюю и его истории имеет этот сарматский, более западный путь до Азовского моря? Мы полагаем, что имеет, и самое непосредственное: во-первых, эту торговлю вели кангюйские данники; во-вторых, на этом участке археологические памятники (прежде всего – погребальные) прекрасно изучены, и мы можем проследить на их материале воздействие некоторых процессов, происходивших тогда в Средней Азии; в-третьих, некоторые особенности престижных вещей и в целом элементов культуры сарматов к востоку от устья Дона сегодня уже трудно (да и странно было бы) объяснять без учета роли тогдашней ведущей державы Средней Азии (Яценко, 2000б; 2017; 2020). О пути на запад до Азовского моря мы имеем прямые свидетельства современников. О торговом пути, по которому жившие между Волгой и Уралом кочевые *верхние аорсы* торговали верблюжьими караванами во 2-й половине I в. до н.э. *индийскими* и вавилонскими (*парфянскими*) товарами, сообщает нам Страбон (Strabo. Geogr. XI. 7. 3; его труд был окончен, по данным Л.И. Грацианской (Грацианская, 1986, с. 6-175), в самом конце I в. до н.э.). Вскоре по этой дороге, видимо, кроме шелка и лаковой посуды, в Сарматия стали попадать мечи и зеркала китайских типов (последние обычно не выглядят изношенными, но при этом явно заметно хронологически «запаздывают» по сравнению с их использованием в Китае). Е.И. Лубо-Лесниченко считал, что такие находки свидетельствуют о продолжении северной трассы т.н. Шелкового пути до греческого г. Танаис, и что первоначально этот участок пути был особенно важным (Лубо-Лесниченко 1985, с. 93). Противоположного мнения придерживался М. Рашке. Он полагал, что эти вещи попадали к сарматам не в результате торговли, а как военные трофеи, дары соседей (как господствовавшим племенам или вассалам) и результат браков элиты разных племен (Raschke, 1978, p. 609-610). Сегодня, исходя из археологических находок и их картирования, мы уверенно можем говорить, вслед за одним из ведущих географов античности, именно о торговом пути. Вопрос заключается в том, кто именно организовывал торговлю китайскими изделиями и их имитациями, и всегда ли это была именно торговля? Ведь, кроме торговли, в начале I в. н.э. и в середине II в. н.э. в европейскую Степь произошли две масштабных миграции кочевников из Центральной Азии, принесшие с собой, соответственно, базовые элементы средне- и позднесарматской культур. Несомненно, во многом прав и Н. Рашке: существовали также дипломатические дары, дары доминирующей группировки элите подчиненных и дары ответные. Мы достоверно знаем из хроник о подчиненности сарматских группировок Южного Приуралья и Волго-Дона

Кангюю, и такое подчинение и регулярная дань вряд ли обходились без ответных даров сюзерена. При этом, если на территории собственно Кангюя не разграбленных почти полностью могил элиты (где концентрируется престижный импорт) пока не найдено, то этого никак не скажешь о степной Сарматии, где таким памятникам археологами уделялось гораздо больше внимания, и где с 1864 г. открыта большая серия уцелевших полностью или частично могил аристократии времени могущества Кангюя в середине I – начале III вв. н.э. (особенно – начала этого периода).

Еще к концу I в. до н.э. донские аорсы, как и «верхние аорсы», никогда не пропускали греческих купцов вверх по Дону, в глубь степей (Strabo. XI. 2. 2), т.к. вели торговлю в Степи сами. С середины I в. н.э. устье Дона стало новой родиной пришедших из Центральной Азии *аланов*, и ситуация заметно изменилась (это примерно совпадает с началом максимального усиления Кангюя в письменных источниках). Кочевые группировки (аланы и их союзники вдоль Дона и на северокавказских равнинах), видимо, пропускали греческих купцов из Римской империи на свои территории (это отразилось из в куда более полной и детальной информации по территориям к востоку от Дона у Плиния Старшего и Птолемея, а также в росте числа находок монет). Более ранние «верхние аорсы» Волго-Уральского региона во II-I вв. до н.э. отправлялись на верблюдах на юг – в Великую Армению и Мидию-Атропатену за товарами из Месопотамии и Индии (Strabo. XI. 5. 8). Позже аланы, напротив, атакуют именно эти страны, которые были торговыми партнерами сокрушенных ими «верхних аорсов». Для I-III вв. кости верблюдов-бактрианов (приспособленных для переходов именно через полупустыни и пустыни) известны во всех основных городах Северного Причерноморья (Пантикапей, Фанагория, Ольвия, Неаполь Скифский), но куда чаще, чем в других – в самом отдаленном, восточном Танаисе. Среди иранских (сарматских) специфических имен-прозвищ танаисских горожан конца II – начала III вв. часть явно относится к торговцам (Имеющий 8 ослов, Виновладелец, Кормчий корабля). Один из купцов, имевший собственный дом в этом городе, носил сарматское имя (написанное на амфорах с товаром), и явно предпочитал разнообразную керамику из центрально-предкавказской Алании (Яценко, 2017). Такая торговля, похоже, стала наиболее активной со времени правления Савромата II (174-210 гг.), при котором в городе поселилась крупная сарматская община. Он явно осуществлялась без монет, путем обмена товаров (ср. *Historia Augusta*. Maximinus, 1); в некоторых подобных ситуациях использовали именно золото (Lucian. Tox. 39). Следы торговли, организуемой самими сарматами, в римское время обнаружить не всегда легко. Это понятно: ведь основной частью таких товаров к началу I в. н.э. были меха, кожи, дорогой текстиль, пленники (Strabo. XI. 2, 3), которые археологически, увы, почти не выявляются. В Средней Азии картина в отношении сохранности органических материалов в среднем еще хуже...

Что же за изделия попадали из Китая и Центральной Азии к европейским сарматам? Набор этих артефактов кажется отчасти странным.

Во-первых, это *зеркала*, типы которых характерны для I в. до н.э. – I в. н.э., и которые использовались здесь обычно в гораздо более позднее время (Гугуев, Трейстер, 1995; Simonenko, 2001) (рис. 3-4). Их находки концентрируются на рубеже I-II вв. н.э. более всего в политическом центре самой влиятельной группы того времени – у аланов, живших в низовьях Дона (7 экз.; три находки из могил принадлежат к одному типу). Позже, в сер. II – сер. III вв., районом концентрации (6 экз.) является Южный Урал, главный центр «поздних сарматов» (Боталов, 2009, рис. 7, 33-39). Предполагается, что поступление зеркал связано с китайской контрабандой (Ying-Shih, 1967, p. 129- 130). Однако тогда непонятно, почему они сильно «запаздывают» по сравнению с китайскими аналогами, и при этом имеют низкий износ. Более вероятной представляется версия, что в Средней Азии (скорее всего – в городах Ферганы, где зеркал китайских типов найдено много) отливали со старых китайских подлинников точные копии (они могли даже быть из сходного сплава, т.к. в Фергане присутствовали в это время, по официальным данным, дезертиры из разных китайских посольств, в т.ч. ремесленники, изготовлявшие сложное оружие китайских образцов). Такое производство было очень выгодным и находило широкий сбыт: ведь в иранском мире отношение к зеркалам было и остается особым. Характерно, что именно зеркала являются главным археологическим следом и знаменитого скифского торгового пути на Южный Урал VI-V вв. до н.э., описанного Геродотом (IV. 24) и Аристеем (Raschke, 1978, p. 691-692). Скифы современной Украины в то время отправлялись на Южный Урал, видимо, за местными мехами и золотом. Мы знаем о поступлении именно зеркал к кочевникам в основном потому, что зеркало играло важную роль в представлениях древних иранцев о душе после смерти и (часто в разбитом виде) помещалось в могилы.

Во-вторых, это *имитации китайских длинных мечей* со специфическим оформлением перекрестья, которые начинают появляться в Сарматии к концу II в. до н.э., то есть с со времени появления китайских войск в Фергане (А.С. Скрипкин видит в них *объекты нормальной торговли* и связывает с началом функционирования Великого Шелкового пути) (Скрипкин, 1996, с. 102-104); их также считают предметами торговли в позднесарматское время (Безуглов, 1998, с. 88). Однако при этом собственно китайскими или подражающими им мечами с нефритовыми деталями (перекрестьями и скобами ножен) можно считать всего 17 находок из могил I-III вв. н.э. Больше всего их найдено в Пантикапее – сарматизованной столице Боспора (5 экз.), столько же – в Волго-Донских степях (Безуглов 2000, с. 176-177; Ли Чжи Ын, 2010, с. 44-47) (рис. 3-5). Имитациями китайских мечей являются образцы сер. II – III вв. с очень длинными рукоятями, с каменным навершием (обычно из халцедона) и без перекрестий (Симоненко 2015. С. 74-80; рис. 17, 21). Курганы с такими мечами в Степи – не рядовые, но их трудно отнести и к высшей аристократии. Более всего их найдено в основных политических центрах - на Южном Урале (там на них известны и изображения центральноазиатских и «сарматских» божеств, в частности - «хозяина животных» с ушами копытного: Яценко 1992б. Рис. 1)

(рис. 5, 1) и немного – в более западных регионах. Несомненно, они не были объектами торговли.

Для нас важно, что парадные мечи играли заметную роль в китайских ритуалах того времени. Их (как и другое оружие) в Китае того времени было строжайше запрещено продавать за границу, однако император мог неоднократно *дарить* их по одному вассальному правителю (например южным сюнну в 51 и 49 гг. до н.э.), а также вручал такой меч полководцу (Ли Чжи Ын, 2010, с. 50-51). Дарение парадного меча / кинжала было знаком вассалитета и инвеституры. Вероятно, он ассоциировался с Богом войны у древних иранцев (Вертиенко, 2015). Учитывая официально документируемую зависимость влиятельных кочевых группировок сарматов от Кангюя, логично видеть в редких мечах с китайскими нефритовыми деталями дары правителей этой могущественной «кочевой империи» своим вассалам (пусть даже формальным), тем более, что детали таких парадных мечей производились даже на небольших сельских поселениях Кангюя (см. раздел 4.3).

Предметом «обычной» торговли были, на наш взгляд, лишь китайские изделия с лаковым покрытием, особенно - *лаковые чашечки*; они были с IV в. до н.э. популярны у элиты кочевников Степи (пазырыкской и каменной культур Алтая, сюнну); позже лаковая посуда упомянута китайцами в изобилии в Фергане, а у сарматов таких чашечек серия недавно выявлена М.Ю. Трейстером в среднесарматских могилах низовьев Дона (Яценко, 2017)²⁴.

В целом можно предполагать, что и «сильно запоздалые» копии китайских зеркал и имитации престижных мечей китайского типа изготавливались в Фергане с ее многочисленными городскими центрами, наличием этнических китайцев, о ремесле которых прямо упоминают хроники и выгодным расположением на торговых путях, но на запад они, разумеется, попадали через обширную территорию Кангюя.

С начала I в. н.э. в европейских степях, согласно современным представлениям (В.П. Глебов, А.С. Скрипкин и др.), начинает распространяться среднесарматская археологическая культура (Глебов, 2004, с. 199-203), основным политическим ядром которой была ранняя орда аланов. Во второй половине столетия (в период резкого усиления Кангюя) в курганных могилах местной знати появляется *серия ярких ювелирных вещей в «бирюзово-золотом зверином стиле»* явно центральноазиатского облика. Но проблема в том, что по элементам стилистики они не находят аналогий среди известных изделий такого рода в древних Бактрии, Фергане, Хорезме, Согде и Парфянской державе, Усунь и государствах Сюнну и индо-скифов, в государствах Закавказья; они явно принадлежат еще неизученному центру (центрам) производства, связанному с некой влиятельной страной (Treister, Yatsenko, 1998, p. 51-106; Яценко, 2000б, с. 178-179). Наиболее приемлемым объяснением

²⁴*Шелк* в курганах европейских степей найден только в женских могилах. Однако, видимо, он во всех случаях окрашен оттенками красного, в ряде случаев украшен вышивкой и золотым шитьем из крупных мастерских Римской Империи (Там же).

представляется атрибуция их единственному крупному политическому центру, который еще не был назван, и при этом лежал на пути аланов (см. ниже) – Кангюю, точнее – его прямым южным соседям. Эти изделия отличаются, среди прочего, меньшим художественным вкусом и мастерством исполнения, в них не прослеживаются заметные эллинистические традиции. Часть из них предлагается рассматривать как дипломатические дары (см., например, Скрипкин, 1994, с. 32). Но более вероятно, что эти парадные аксессуары костюма – поясные пластины, гривны и браслеты (которые на новой родине тщательно берегли, даже потертыми, со выпавших вставок камней и т.п.), изредка – предметы драгоценной конской упряжи (конечно, вместе с породистым лошадьми) (рис. 3-6, 3-7), были дарами зависимым (пусть даже формально) или союзным кочевникам отчасти еще на их промежуточной, кратковременной среднеазиатской территории обитания, от кангюйских владык и более поздними подражаниями им (Яценко, 2000, с. 178-179; 2006, с. 284; 2020). При этом все изделия с подлинной бирюзой и при этом - с сюжетами и орнаментикой восточного облика найдены *только у устья Дона* (там, где Гигесипп и Иосиф Флавий в это время весьма точно локализируют аланов), где на небольшом участке диаметром всего около 40 км концентрируются богатейшие царские могильники Сарматии. Они не известны ни к западу, ни к востоку (вплоть до бассейнов Амударьи и Сырдарьи). С другой стороны, массивные золотые украшения с подлинной бирюзой, найденные на Нижнем Дону, производят впечатление бывших в весьма длительном употреблении, своего рода *клановых реликвий*. В них на многих участках сплошь утеряны бирюзовые вставки. С полихромных изделий начинают изготавливать копии, для чего изредка привлекались и ювелиры из греческих городов Боспора. Правители аланов, похоже, остались верны вкусам, воспитанным в Центральной Азии.

Сегодня также есть целый аргументов в пользу стилистического соотнесения одного из двух браслетов (более позднего по облику) из разрушенной могилы 1907 г. в Дуздаке в низовьях Сырдарьи (Яньцай / Аляньяло) (рис. 3-6, 1) с женскими ажурными аланскими браслетами рубежа I-II вв. с низовьев Дона (Тузлуки, Кобяково) (Яценко, 2020, с. 141-143, рис. 2, 7- 9). Пока это единственные ювелирные вещи высокого уровня этого периода, найденные на территории Кангюйского государства. Однако это не единственный пример вероятного производства ювелирных изделий для сарматской знати. Гораздо позже, в III в. н.э., серия золотых полихромных дутых калачиквидных серег, находки которых уже неоднократно известны на поселениях на Средней Сырдарье, попадает и в Сарматия, где она концентрируется, в основном, в Южном Приуралье (Торгоев, Кольченко, 2017). Даже в малом поселении Культобе Туркестанском (заселенном, в основном, сезонными скотоводами) мастер изготавливал золотые полихромные украшения со вставками сердолика и цветного стекла (см. раздел 4.3).

Мы пока не знаем, где именно могли производиться во второй половине I в. н.э. (судя по таким образцам в европейскую Степь) некоторые упомянутые

изделия в «бирюзово-золотом зверином стиле». Но выбор невелик: вероятно, это тесно связанные с Кангюем Чач или Фергана, мастера оттуда и т.п.

Сегодня становятся вполне наглядными некоторые другие кангюйско-сарматские культурные влияния. Среди них – серия знаков-тамг из основного ядра Кангюя (в том числе – на позднеантичных петроглифах гор Каратау), оказавшаяся вскоре в Сарматии (не забудем, речь идет о специфических семейно-клановых эмблемах) (Яценко и др., 2019, с. 142, 164-170), а также о представленные в кангюйской резьбе по кости штандарты-драконы (модификации образцов сюнну) (Орлат) и конструкция передвижных кибиток (Яценко, 2020, с. 140-141, рис. 2, 1-6). «Варварские» модификации китайского дракона-лун / 龍 (рис. 3-7) также, вероятнее всего, соотносимы с влиянием Кангюя. И, наконец, пара уникальных для Евразии небольших знамен с двумя треугольными выступами (видимо – из кожи, обшитые несколькими тысячами золотых бляшек) (рис. 3-8), найденных в «царской» сарматской могиле конца I в. н.э. в Дачах (Яценко, 2001a), также имеют близкий аналог на костяной пластине со сценой сражения в Орлате.

3.2. Кангюй и аланская проблема

Аланы были одним из самых знаменитых народов древности и раннего средневековья. Их судьба сложилась необычно, разбросав их по разным, часто очень отдаленным странам. Военное дело, ремесло и фольклор аланов, как принято считать, повлияли на многих соседей, а их знаменитый боевой клич “Marha!” / «Убивай!» пришлось услышать многим народам. Вместе с тем, «аланская проблема» является одной из наиболее сложных в археологии Евразийского степного пояса. Здесь речь, разумеется, пойдет о ранних (античных) аланах. Сегодня многие археологи, занимающихся сарматами европейской Степи, разделяют наше мнение, что аланами (от “агуа” = «ариец» по В.И. Аббаеву) называли себя (а также римские, армянские, персидские и китайские источники) *разные* ираноязычные, изначально кочевые группы, пришедшие несколькими волнами из Центральной Азии (из Казахстана, с окраин Бактрии, из Южной Сибири или Синьцзяна). Эти волны наблюдались вначале I в. н.э. (среднесарматская культура) и в середине II в. н.э. (ранняя стадия позднесарматской культуры). Людские и культурные последствия этих волн в восточноевропейских степях накладывались друг на друга, вызывая иногда уничтожение прежних мигрантов, но чаще частичную их ассимиляцию новыми пришельцами. Вплоть до монгольского нашествия какая-то часть аланов продолжала жить на границах Хорезма и соседних областей у Амударьи, а маленькие группы их потомков были ассимилированы туркменами и хорезмскими узбеками. Аланам повезло с письменными свидетельствами: они вызывали немалый интерес в Римской империи (см. сводку: Алемань, 2003). Но, к сожалению, главный труд по ранним аланам – «Аланская история» Флавия Арриана не сохранился, хотя и неоднократно упоминался потомками.

На современном уровне науки применительно к Кангюю можно говорить о *двух группах ранних аланов*. Они связаны с двумя культурами, которые ныне

признаются в основном результатом импульса от кратковременных миграций из Центральной Азии. Первая группа аланов была одним из носителей и политическим ядром *среднесарматской археологической культуры*, которая оформляется, по последним данным, в Волго-Донском регионе на самом рубеже н.э. Письменные источники ранее всего локализуют аланов, по одной версии к 65 г. до н.э. в Прикубанье (Северо-Западное Предкавказье), по другой, всеми признанной - после 62 г. н.э. севернее - в низовьях Дона. В 1990-е годы среди сарматологов и алановедов был необычайный всплеск интереса к этой, самой ранней группе аланов I в. н.э. с роскошными погребениями аристократии, которая буквально купалась в золоте, шелке и жемчуге, серебряной римской и персидской посуде и массивных золотых вещах в «зверином стиле», наживая огромные богатства за счет торговли северными мехами и рабами с Римской империей и ее соседями и удачных набегх на южных соседей за Кавказским хребтом. В этот период находились сторонники семи различных теорий относительно прародин ранних аланов. Римские авторы (Флавий, Арриан и Птолемей) именуют эту группировку аланов «аланы-скифы», видимо, намекая на их происхождение из глубин Центральной Азии - Азиатской Скифии (Ptol. Georg. VI, 14). Интересно, что впервые за долгие века проживания греков в Северном Причерноморье они казались под заметным влиянием «варварской» культуры, и как раз с момента появления носителей среднесарматской культуры началась т.н. сарматизация (не только боспорских и ольвийских греков, но и крымских «поздних скифов», населения Северного Кавказа). Другая группа входила в число носителей *позднесарматской археологической культуры* в ее раннем варианте середины II – середины III вв. н.э. (она заметно отличается от более поздней стадии). Эта культура утверждается в низовьях Дона около 150 г. н.э. Ее тесная связь с аланами изначально (с 1920-х годов) признавалась, но сегодня считается небесспорной.

Выделение прародин кочевых народов методами археологии наталкивается на большие практические трудности. Дело в том, что кочевые группировки по мере своего движения (даже относительно короткого) брали в каждой местности тамошних женщин, смешивались со своими новыми союзниками и покоренными племенами, заменяли бьющиеся вещи (глиняную посуду и т.п.) на местные, захватывали в качестве добычи ювелирные изделия непривычных стилей и самых мастеров, использовали формы жилищ, приспособленных к новому климату и т.п. Не удивительно, что до сих пор не удалось точно локализовать прародины даже самых знаменитых в истории кочевых народов (таких, как европейские скиф-сколоты, ранние тюрки Великого каганата и др.). Надо добавить, что во многих районах Великой Степи памятники определенных эпох до сих пор по разным причинам изучены очень слабо, и это создает немало «белых пятен» на исторической карте. Кроме того, ученым тоже свойственно ошибаться, и современные данные археологии, антропологии, письменных источников, лингвистики, палеопочвоведения и

других не стоит абсолютизировать: истина будет ближе при согласовании их данных.

Выяснению происхождения аланов «первой волны» отчасти поможет выявление причин и условий (в том числе – темпов) оформления среднесарматской культуры, со становлением и которой они, несомненно, были тесно связаны. По этому вопросу с 1920-х – 1930-х годов существовали две основные позиции: преимущественно автохтонистская / эволюционистская (связанная исходно с П.Д. Рау и Б.Н. Граковым и базировавшаяся на «подлинно марксистской» теории академика Н.Я. Марра) и преимущественно миграционистская (идущая от монархиста акад. М.И. Ростовцева, который в 1920-е годы стал эмигрантом). Естественно, вплоть до конца «перестройки» взгляды «антисоветчика Ростовцева» резко отвергались официальной наукой; считалось, что с IV в. до н.э. по IV в. н.э. существовала единая сарматская культура, которую можно разделить на этапы, эволюционно, без всяких миграций с востока или запада, плавно переходившие друг в друга; миграции фактически отвергались (последнюю крупную работу с подобным подходом см.: Мошкова, 1989, с. 37-44).

Но с 1990-1993 гг. миграционистский подход М.И. Ростовцева за короткий срок возобладал. Сегодня всеми специалистами признается решающий культурный импульс новых племен (возможно – немногочисленных, но активных в военном и культурном отношении), пришедших из Азии, в формирование среднесарматского культурного комплекса. Среди них закономерно выделяется особая роль нового народа – аланов (Скрипкин, 1992, с. 11-12, 19-21, 25, 28), с их наибольшей военной активностью, по римским источникам. Поэты того времени (Анней Лукан, Дионисий Периегет) наделяют аланов такими эпитетами, как «вечно воинственные», «отважные», «сильные и многоконные». Археологически выделил памятники аланов на их новой родине – у устья Дона – Б.А. Раев, уточнив даты курганов, которые считали более ранними (аорскими) (Раев, 1978). Но если А.С. Скрипкин считает, что среднесарматская культура оформлялась постепенно, за несколько десятилетий во второй половине I в. до н.э. – начале I в. н.э., то И.В. Сергацков, напротив, полагает, что это произошло быстро, и что роль катализатора в оформлении среднесарматской культуры сыграли пришедшие с востока новые этносы, прежде всего – аланы. По его мнению, физическое смешение двух культур короткое время их сосуществования было невелико (Сергацков, 2006, с. 41). Это, последнее мнение представляется сегодня более справедливым.

Сравнение этнокарт Сарматии у Страбона (текст закончен в самом конце I в. до н.э.), Плиния (текст завершен не позже 77 г. н.э.) и Птолемея (дополнения по «среднесарматским» племенам по источникам 1-й половины II в. н.э.), в сочетании с отрывочными сведениями других авторов, демонстрирует нам фактически быструю и неожиданную этническую *катастрофу* в европейских степях. Исчезают самые крупные и политически сильные племенные объединения (прежде всего – самые многочисленные в Сарматии верхние аорсы Урало-Волжского региона, «закрывавшие» для новых мигрантов путь на

запад; царские сарматы, урги). К середине I в. н.э. катастрофа явно постигла еще четыре крупные кочевые группировки: аорсы (гамаксобии), жившие в низовьях Дона, и большая часть сираков Кубани оказываются западнее Днепра; языги вынуждены мигрировать дальше всех - к устью Дуная; роксоланы были (судя по надписи Плавтия Сильвана 62 г. н.э.) разбиты в 61 г. На «освободившемся» от аорсов (точнее – от их активного большинства) месте в самых хороших степных угодьях в низовьях Дона селятся неизвестные до этого мигранты - *аланы* и (выше по реке) – *периербиды*, *конееды*, *офлоны* и ряд более мелких племен. В это время в европейской Степи впервые появляются и единичные люди с монголоидной расовой примесью (Балабанова, 2010, с. 126).

Новые поселенцы принесли в Европу множество элементов культуры центральноазиатского происхождения. Однако важно, что *почти все они связаны не со Средней Азией, а с более дальними территориями* – с Монголии, Синьцзяном, Саяно-Алтаем, с происходившими из китайской Ганьсу большими юэчжами) (Яценко, 1993). Собственно, этот факт и привел к популярности таких версий происхождения аланов «первой волны», как *пазырыкская*) (Раев, 1985) и *усуньская* (учитывая предполагавшуюся цепочку названий «усуни – асианы – аланы-асы» и подразумевавшая их приход с усунями из Восточного Синьцзяна) (Charpentier, 1917, S. 357). Во многом именно такой характер принесенных в Европу инноваций заставил большинство ученых в 1990-е годы отказаться от идеи О.В. Обельченко насчет «сарматского завоевания Средней Азии» в конце II в. до н.э. с дополнением насчет их последующего «возвращения» оттуда в I в. н.э. (Скрипкин, 1982, с. 48-49). В рамках этой версии вызывало удивление, что «вернувшиеся в Европу» спустя почти полтора века кочевники не принесли с собой почти никаких элементов культуры своих среднеазиатских соседей – согдийцев, хорезмийцев и других. Кроме того, погребений, характерных для среднесарматской культуры (в основном – во многих случаях - в подквадратных ямах с размещением умерших по диагонали головой на юг, со множеством других оригинальных деталей погребальной обрядности) в Средней Азии не обнаружено (Горбунова, 1991), и И.В. Сергацков справедливо рассматривал их как уже европейскую инновацию «средних сарматов». Некоторое подобие этих, весьма массовых погребений пытались видеть видели у юэчжей Бактрии (подразумевая единственный княжеский некрополь Тилля-тепе). Ряд исследователей, вслед за М.И. Ростовцевым, полагали, что практически все многочисленные ювелирные изделия среднесарматской культуры происходят из «бактрийского центра златоделия» (Rostovtzeff, 1922, p. 44-45; Гугуев, 1992, с. 127-128), и что будущие самые ранние аланы поэтому обитали на границах Бактрии.

Обе версии (*пазырыкская* и *бактрийская*) были на деле тесно связаны. т.к. их авторы исходили из старого предположения С.И. Руденко о том, что «пазырыкцы» - это юэчжи китайских хроник (на деле, разумеется, ранних юэчжей до миграции китайские хронисты локализовали на 2000 км южнее, в Ганьсу, и культура пра-юэчжей до II в. до н.э., выявленная в последние годы китайскими археологами - совершенно иная по облику).

Всего в начале «аланского бума» в исследованиях 1990-1994 гг. сосуществовали *семь версий* этногенеза ранних аланов «первой волны» (Яценко, 1993, с. 60). Это «скифская» версия Н.Е. Берлизова (основанная на том, что римские авторы часто именуют аланов «скифами»), «аорсская» версия В.Б. Виноградова (основанная на автохтонистской убежденности в «вызревании» кочевых группировок на том же месте, без миграций), «массагетская» версия Д.А. Мачинского (исходящая из того, что аланов следующей, «второй волны» часто называют «массагетами»), «алтайская» версия Б.А. Раева (акцентировавшая сходство с некоторыми элементами пазырыкской культуры, правда – двести лет спустя ее гибели), «юэчжийско-тохарская» версия А.М. Мандельштама, выводившая аланов (уже «второй волны»?) от бактрийских юэчжей, «усуньская» версия И.В. Пьянкова, и даже «сословная» версия А.О. Наглера (Наглер, Чипирова, 1985)²⁵, считавшая аланов не народом или группами родственных народов, а воинским сословием внутри разных кочевых племен (в таком случае непонятно, почему все древние авторы для каждого периода называют аланов народом, и точно локализуют их на местности среди других народов). Антрополог Т.А. Чикишева попыталась свести и сопоставить огромный объем материалов по костным останкам групп населения разных культур степной и полупустынной зон Евразии эпохи античности (кочевых этносов и их оседлых и полuosедлых соседей). Результат ее кластерного анализа взаимосхождений основных культурных групп, в первую очередь на материале женщин (в среднем в меньшей степени менявших место жительства) был таков (Чикишева, 2011, рис. 4). Наибольшую близость по антропологии «средние сарматы» Волго-Донского междуречья демонстрируют не со своими предшественниками (раннесарматская культура), не с аланами следующей «второй» волны (ранняя стадия позднесарматской культуры), и не с какими-либо народами Средней Азии этого и более раннего времени, а с *саками западно-китайского Синьцзяна* (могильники Алагоу, Нилка и др.). Этот вывод, как будто, подтверждают и данные языкознания прямых потомков «среднесарматских» групп – современных осетин (точнее потомков носителей раннеаланской археологической культуры Центрального Предкавказья, формировавшейся с конца I в. н.э.). По заключению такого крупного лингвиста-ираниста, как Харольд Бэйли, осетинский язык из всех иранских разных времен ближе всего к языку хотано-саков юго-западного Синьцзяна (Бэйли, 1977, с. 43). Задолго до публикаций Т.А. Чикишевой на основании анализа центральноазиатских элементов в культуре аланов I века автор этих строк пришел к выводу: «Судя по сочетанию в аланских погребениях саяно-алтайских элементов с хуннскими и юэчжийскими, прародину первичного ядра прото-аланов следует искать где-то к югу от Алтайских гор» (Яценко, 1993, с. 67).

²⁵ Аланов также объявляли тайным орденом благородных степных рыцарей (М.Б. Щукин, с 1992 г.: Щукин, 2005, с. 357-358) или воинской элитой, приобщенной к особым жреческим ритуалам и потому называвшихся «арьями» (А.А. Туаллагов, с 1997 г.: Туаллагов, 2007, с. 197) и т.п.

Все это, даже если вывод справедлив, не снимает вопроса о маршруте миграции аланов (скорее всего – поэтапной, с «задержкой» на территории Средней Азии). Аланы, как обычно предполагают, попали в Европу в результате какого-то конфликта с усилившимся с рубежа н.э. Кангюем. А.С. Скрипкин полагал, что это произошло сразу же после воцарения династии Младшая Хань (25 г. н.э.) (Скрипкин, 1986). Однако, здесь возникает ряд серьезных проблем.

1. Среднесарматская культура (ключевой силой которой сегодня принято считать аланов), как сейчас стало очевидным, начинает оформляться в Волго-Донском междуречье еще в начале I в. н.э. (когда ни о каком переименовании Яньцзя в Аланьяю не было и речи, а сам Кангюй был еще относительно слаб). Завершилось же сложение этой культуры на новой родине почти столетие спустя, к середине столетия. Сегодня есть основания считать, что аланы присутствовали в Европе с самого начала этого процесса.

Как отмечалось в разделе 2, сведения о переименовании в Аланьяю не могли попасть в Китай ранее 94 г. н.э. (то есть времени, когда в Казахстане начинала, вероятно, формироваться уже будущая позднесарматская культура; см. ниже), и их трудно относить к аланам «первой волны». Одним из центров оформления культуры «средних сарматов» можно считать и Прикубанье, где в могилах т.н. зубовско-воздвиженской группы самого рубежа н.э. встречено много новых центральноазиатских инноваций (почти того же спектра, что и у позже сложившейся культуры нижнедонских аланов) и некоторые элементы будущей среднесарматской культуры (Раев, Яценко, 1993). Именно с этой группой кочевников можно связать самое раннее упоминание аланов во главе с Анавсием в Европе в 65 г. до н.э., когда они противостояли кавказскому походу Помпея²⁶. Видимо, та же группировка аланов участвовала и в кавказской войне 35 г. н.э. (Перевалов, 2000). Если самые ранние аланы Европы оставались в Прикубанье, то примерно до 50 г. н.э., после чего вступили в прямое столкновение с Римом (с Плавтием Сильваном) в 62 году уже западнее, у Дуная, и вслед за своим поражением отступили на восток, к низовьям Дона – своей новой родине.

2. Где именно могли «задержаться» на какое-то время будущие аланы в Средней Азии, и есть ли у нас реальные возможности уточнить это? Ответить на этот вопрос можно лишь по ряду косвенных фактов, которые приводятся ниже. В 2014 г. А.Е. Рогожинским была обнаружена в Чу-Илийских горах к западу от г. Алматы (на бывшей северо-западной окраине Усунь) серия петроглифов особого, «позднесакского облика» с одновременными тамгами (сегодня эти тамги можно отнести к ранним усуням II-I вв. до н.э.). Выстраивается цепочка распространения нескольких знаков этой серии около I в. до н.э. на запад: Чу-Илийские горы – вероятно - Кангюй (хотя здесь они

²⁶ Об этом сообщают сразу три автора, в том числе – такой информированный, как император Юлиан (Amm. Marc. Res gestae. XXIII. 5, 16), поэты Анней Лукан (Lucan. De Bello Civ. VIII, 215-225) и Валерий Флакк (Val. Flacc. Argon. VI, 42-44).

сегодня пока датируются А.И. Торговым позже) – храм в святилище Байте III на западном чинке плато Устюрт (где знаки высекли на стенах поздние посетители) и чуть позже – европейские степи (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015). Подобные факты говорят о том, что путь сакских мигрантов (будущих аланов) из Синьцзяна лежал в Европу через Усунь и Кангюй. И это вполне понятно. Как мы уже знаем по «Цяньханьшу» и «Шицзы», в середине – 2-й половине I в. до н.э. (и, надо думать, позже) кангюйские правители часто решали свои внешние и внутренние проблемы за счет предоставления окраин своей формирующейся державы беглым кочевым группировкам сюнну и усуней (см. раздел 2). Среди этих групп, вероятно, были и прото-аланы. К сожалению, мы не можем сегодня выяснить, где именно на окраинах Кангюя размещались аланы в I в. до н.э. Это могла быть и самая дальняя на тот момент северная вассальная территория – Яньцай (на ее предполагаемой территории найдены браслеты в Туздаке) или какая-то из соседних.

Обратимся теперь к взаимодействию с Кангюем *аланов «второй волны»*, пришедших на Волгу и Дон около 150 г. н.э. – носителей ранней стадии *позднесарматской культуры*. Сегодня вопрос об их происхождении во многом находится в руках антропологов, но их мнения еще разнятся. Такие известные специалисты, как Т.А. Чижишева, Е.П. Китов и Т.К. Ходжайов отмечают специфическую и теснейшую связь по ключевым параметрам «поздних сарматов» Волго-Дона с частью более поздних носителей джетысарской культуры низовьев Сырдарьи с III в. н.э. (Чижишева, 2011, с. 353; рис. 2; Китов, Ходжайов, 2012, с. 455) (в болотах которой ранее обитали массагеты античных авторов). Уточняется, что наиболее близки южноприуральским и поволжским «поздним сарматам» с черепной деформацией черепа из джеты-асарских могильников Алтынасар 4 и части Косасар 2 (возникающие, по В.Ю. Малашеву, в III в. н.э.) (Ходжайов, 2012, с. 478, 481). Почти одновременное присоединение к Кангюю, по «Хоуханьшу» восточноприаральского Яньцай и более северного Янь (Южное Приуралье), видимо, как-то связано с генетической близостью населения этих регионов. Вместе с тем, близкое сходство обнаруживают южноуральские «поздние сарматы» к людям из катакомб крупнейшего могильника Южного Казахстана – Борижары, а также некрополя Туюк 4 у р. Талас (Китов, 2013, с. 356) (последний имеет также очень большое сходство с южноуральскими и в формах такой категории изделий, как ременные бляхи и обоймы: Малашев, 2013, с. 22).

В свете этого становится понятным, почему римские авторы «поздних сарматов», в отличие от аланов I в., не скифами, а *массагетами или бывшими массагетами* (Dio Cassio. Hist. LXIX, 15, 1; Amm. Marc. Res gestae. XXIII, 5, 16). Любопытно также, что после появления «бывших массагетов» у кочевников Предкавказья и их потомков документируются все три специфические особенности культуры массагетов, названные Городотом (Hist. I, 215-217) (Яценко, 2001б, с. 85). Л.Т. Яблонскому и Д.В. Пежемскому Д.В. костные останки мужчин-мигрантов в Южном Приуралье (в отличие от местных женщин) также кажутся наиболее близкими более восточным

казахстанским популяциям (Яблонский, Пежемский, Суворова, 2010). Совершенно противоположные заключения сделаны М.А. Балабановой: с ее позиций комплексный анализ костных останков «поздних сарматов» показал их наибольшую близость к носителям тагарской культуры позднего тесинского этапа (Минусинская котловина в горной системе Саян, Хакасия) (Балабанова, 2012, с. 87-88)²⁷; однако эти выводы не признаны ее коллегами (так, Т.А. Чикишева миграции из Саяно-Алтая в это время категорически отвергает).

По контрасту со всеми этими данными, М.Г. Мошкова и Т.А. Габуев считали, что предки «поздних сарматов» были связаны изначально с окраинами юэчжийской Бактрии и конкретнее – с асиями-асианами – наиболее влиятельной вначале группы бактрийских юэчжей. Их подтолкнула миграция на запад политика наиболее могущественного императора кушан – Канишки I (около 100-120 гг. н.э. по современным данным) (Мошкова, 1994, с. 22). Однако «колыбелью» аланов, местом, где они вызревали, Т.А. Габуев называет именно Кангюй (Габуев, 1999, с. 128).

Собственно присутствие или важную роль *аланов* в позднесарматской культуре II-III вв. иногда подвергают сомнению; утверждается, что их не зря упоминают гораздо реже в письменных источниках (Малашев, Мошкова, 2007). Однако для подобных заключений нет серьезных оснований (Яценко, 2011, с. 201-202). Очень важное свидетельство находим в *«Книге картины Земли» аль-Хваризми* (около 840 г.), где с опорой на некий неизвестный нам позднеантичный источник отмечается, что *«центр земли аланов»* находится к востоку от Волги / Ра и южнее Рипейских/Уральских гор (Калинина, 1988, с. 95), то есть в Южном Приуралье – именно там, где сейчас определен район оформления позднесарматской культуры. Это вполне соответствует и размещению на северо-запад от Арала страны *Янь* китайских источников, до 230 г. «весьма зависевшей» от Кангюя и платившей ему дань мехами. Для данного региона возможны два варианта: среднесарматское время или начальный этап позднесарматского (после середины III в. эта территория пустеет). Но первый период исключается, т.к. в Европе аланы по письменным источникам локализуются у устья Дона, а считать Южное Приуралье районом оформления роскошной среднесарматской культуры и называть «центром» аланских владений сегодня нет археологических оснований. Следовательно, остается отнести эту информацию ко II в. н.э. – времени предполагаемой концентрации именно в этом районе носителей позднесарматской культуры на пути на запад и времени наибольшего числа кочевых памятников для данного региона в римский период.

Кроме этого, Птолемей (опиравшийся, в значительной мере, на сведения 1-й пол. – сер. II в.) знает два района концентрации племен с именем *«аланы-скифы»* - у Азовского моря, где упоминаются и Аланские горы / Донецкий кряж (Geogr. III, 5, 5 и 7), и в совсем иных краях (VI. 14. 9), «обращенных к

²⁷Интересно, что кроме алано-осетин Северного Кавказа, только малые народы Саянских гор (сагайцы и шорцы) сохранили термин «нарт» в значении «богатырь», легенды об эпических героях – алан-кижах и алынах и т.п.

северу, вплотную к неизвестной земле» – *недалеко на восток от Ра / Волги, «по эту сторону горы Имаон»*, (хребта, имеющего меридиональное направление, то есть практически несомненно – Уральских гор), вместе с аланорсами («аланами белыми» по В.И. Абаеву). Наиболее вероятно, что сведения об аланах-скифах неподалеку от Урала также относятся к периоду пребывания там ядра «поздних сарматов».

Сравнительную редкость упоминаний аланов в римских источниках 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. объясняется, во-первых тем, что после 180 г. «аланские» группировки надолго перестали быть сколько-нибудь заметной угрозой для дунайских границ Империи. Во-вторых, после Птолемея до нас не дошло значимых географических сочинений, где давались бы детальное размещение народов европейской степной зоны. В-третьих, в исторических трудах данного времени анналистическая манера изложения (со множеством локальных подробностей) во многом уступает биографической (события, связанные с тем или иным императором).

Кроме этноса, носившего имя аланы, в движении носителей будущей поднесарматской культуры на Южный Урал и в Европу явно участвовал и другой этнос – *асы*. Личные имена сарматского облика в надписях боспорских городов с середины II в. н.э. иногда включают элемент «Ас» («Стальной Ас» и т.п.) (Абаев, 1979, с. 278). Новое племя асеев знает Птолемей за Доном по своим источникам 1-й половины II в. н.э.; возможно, это уже фиксация начала военной экспансии «поздних сарматов». Этот этнос часто сопоставляют с предполагаемым самым сильным племенем бактрийских юэчжей – *асианами*, но наверняка здесь что-либо утверждать трудно. Позже аланы и асы часто упоминаются разными авторами *вместе*, в тесной связи с друг с другом, как живущие рядом, но при этом разные народы (на Северном Кавказе: армянская география «Ашхарацуйц» VII в. – аланы и асы-дигоры; Константин Багрянородный в X в.: соседние страны Алания и Асия; у окраин Хорезма: ал-Бируни). Тождество же аланов и асов / ясов отмечается средневековыми источниками не ранее XI в. (древнерусский перевод «Иудейской войны» Флавия; Иосафат Барбаро в 1436 г.). В дальнейшем отдельные группы и подразделения разновременных тюркских этносов (включая казахов и киргизов) использовали самоназвание «Ас» (Алборов, 1960, с. 108-110).

Сказанное выше позволяет предполагать, что знаменитое свидетельство «Хоуханьшу» об одновременном (?) попадании области Яньцай в вассальную зависимость от Кангюя и переименование ее в Аланьяо (страну аланов) относятся уже к будущим «поздним сарматам», которые начали формироваться (или появились) вблизи этой области во второй половине I в. н.э. Но переименование Яньцай в Аланьяо при одновременном ее вхождении в подданство Кангюю в контексте роста военно-политической активности державы тайло в себе, вероятно, зерно будущего конфликта. Пройдет менее столетия, и к середине II в. н.э. центр «земли аланов» по аль-Хваризми будет уже в совсем другом конце Казахстана – в Южном Приуралье.

Важно, что в материалах поднесарматской культуры даже на ее крайнем востоке (в Южном Приуралье) нет тех ярких центральноазиатских и китайских элементов, какие были у ее предшественников. Это кажется странным для II в.

н.э., когда еще сохраняли могущество и внешнюю активность Кушанская империя, ханьский Китай и был сильным Кангюй. Дело в том, что общество «поздних сарматов» в восточных районах их формирования выглядит весьма провинциальным, стандартизованным, менее склонным к восприятию чужого и привлекавшим мастеров-ремесленников менее высокого художественного уровня.

В.Ю. Малашев и М.Г. Мошкова для выявления прародины «поздних сарматов» археологическим путем использовали девять элементов культуры (три параметра погребального обряда, обычай кольцевой деформации черепа и пять типов характерных вещей). Оба в принципе допускают активное участие в окончательном формировании их общества на Южном Урале групп кочевников одной из трех территорий: 1) окраины Северной Бактрии, 2) берега Нижней Сырдарьи и 3) более северные регионы – полупустыни Центрального и/или Северного Казахстана. Между тем, ответ на подобную задачу содержится в официальных китайских хрониках. Как уже отмечалось в разделе 2, «земля аланов» в Южном Приуралье / область Янь (где происходило окончательное оформление позднесарматской культуры) до начала III в. н.э., по данным хроники «Вэй люэ», *«весьма сильно зависела от Кангюя»* и платила ему дань мехами (как и находящиеся западнее ее Лю и юго-восточнее - Яньцай). Согласно Аммиану Марцелину (Amm. Marc. Res gestae. XXXI, 2, 13), имя аланов (Halani) «происходит от названия гор». Увы, мы не знаем – каких именно и на какой из их родин: Каратау в среднем течении Сырдарьи, Казахского Мелкосопочника / Сары Арка или южных отрогов Уральских гор...

Для уточнения направлений культурных контактов пра-«поздних сарматов» перед их миграцией на юг Урала нам полезны данные (по уже сложившейся их культуре середины II – середины III вв.) их оригинального костюма (который имеет специфические сходства с юэчжами Бактрии, а для женщин – с появившимися позже «джетыасарцами», что означает одно из направлений брачных связей), антропоморфных образов их искусства (мужское божество с крупными звериными ушами, которое неоднократно представлено в Хорезме; фаллические идолы, иногда близкие джеты-асарским; глиняные идолы-всадники, популярные в Бактрии) (Яценко, 2011, с. 198-200). Направления брачных связей «поздних сарматов» Южного Приуралья иногда выглядят весьма экзотическими. Так, в могильнике Темясово найдены погребения женщин с наборами специфических украшений костюма их далекой родины в Фергане (Горбунова, 1992, с. 191-192). Многие особенности культуры «поздних сарматов» скорее связаны не столько с особой ментальностью создателей, сколько с их исходной бедностью и удаленностью от главных очагов культуры, либо с типом хозяйства (интенсивное, «типичное» кочевое скотоводство в полупустыне или глубине степей), или же с обоими факторами сразу. Выше отмечалось, что как раз в сер. II – сер. III вв. н.э. как в европейских степях, так и в целом на обширных территориях планеты по новейшим данным почвоведов, был очередной засушливый период (Демкин и др., 2012). Неслучайно из всех ранних кочевников только от «поздних сарматов» сохранилась выразительная серия изображений кочевых кибиток. С появлением «поздних сарматов» в европейских степях общими со многими районами

Средней Азии были типы мечей и кинжалов, облик луков и наконечников стрел (железных и костяных).

В «Хоуханьшу» Фань Е указывается, что Яньцай переименовался в *Аланьяо*, то есть *de facto* стал управляться *аланами*. При этом, по сравнению с более ранними текстами добавлено, что не только обычаи, но и костюм теперь был очень сходен с кангюйским.

В процессе региональных войн и миграций III-IV вв. н.э. часть оставшихся в Кангюе аланов, похоже, мигрировала на юг. До такого информированного автора, как Аммиан Марцелин, доходили смутные сведения о том, что в его время (середина IV в.) аланы были широко расселены в Центральной Азии (Amm. Marc. Resgestae. XXXI, 2, 16). По «Сяньтаншу», Бухара (Ань) до середины VII в. называлась *Аланьми*. В V-VI вв., в маленьком княжестве Му в более чем 200 км к юго-западу от Бухары, на берегу Амударьи (то есть в районе г. Чарджоу) правитель из самаркандского правящего клана также носил титул (?) *Аланьми* (Бичурин, 1950, с. 276). Известное свидетельство Бируни 1025 г. о бывшем когда-то переселении аланов и асов с окраин Хорезма на Каспий в связи с подъемом уровня Амударьи можно датировать, по современным сведениям, только с IV в., когда Амударья опять впадала в Узбой (Цуциев, 1999, с. 24). Так завершилась кангюйская часть аланской истории.

С.Г. Боталов связывает «поздних сарматов» Южного Приуралья с *гунно-сарматским (аланским) конгломератом* (см., например: Боталов, Гуцалов, 2000). Эта позиция многие годы разделялась им почти в одиночестве: другие коллеги не видят в южноуральских материалах ни заметной специфики для выделения ее в отдельную культуру, никакой особой «гуннскости», ни заметной специфики вещевого материала (см. разделы 1 и 2). Не подтверждают наличие гуннов или «гунно-сарматов» в этом районе и письменные тексты ни одной из стран. Относительно алано-гуннского «симбиоза» и слияния: современник событий и один из наилучшим образом информированных о политике лиц Римской империи – Аммиан Марцелин даже в IV в. жестко противопоставляет аланов и гуннов в плане образа жизни, культуры и даже внешнего вида. Все это, вроде бы, так, но ход дальнейшей истории Средней Азии, в том числе – Кангюя в середине IV в. парадоксально показывает, видимо, немалую часть правоты в этой гипотезе (см. раздел 2). Смена анналистической манеры изложения материала биографиями императоров в позднеримских хрониках, к сожалению, не оставила нам после середины II в. н.э. ни одной сколько-нибудь подробной этнической карты Сарматии, подобной данным ранее Страбоном, Плинием и Птолемеем. Однако ясно, что кроме аланов, среди носителей позднесарматской культуры были и другие народы. Так, армянские Фавстос Бузанд и Мовсес Хоренаци называют, кроме аланов-массагетов / маскутов, и более дальних на севере врагов Армении – *хонов* (уннов Дионисия Периегета) в Калмыкии и *басилов* волжского Правобережья (в этом районе знают их и раннесредневековые источники). Если это были какие-то группировки бывших сунну, то они быстро ассимилировались, практически не оставив следов в истории.

Список иллюстраций

Раздел 3

Рис. 3-1. Карта «северной дороги» (I) и «хорезмийского пути» (II). Сост. С.А. Яценко.

Рис. 3-2. Образцы монет, обращавшихся на территории Кангюя: 1 – кушанская монета Хувишки, Культобе Туркестанское (по Е.А. Смагулову); 2 – могильник Мардан (по Д.А. Воякину); 3 – самаркандский чекан, серебро (<https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=251391>).

Рис. 3.3. Тамги кангюйских торговцев на поздней стадии использования храма Байте III на Устюрте.

Рис. 3-4. Районы концентрации находок зеркал китайских типов в Сарматии.

Рис. 3-5. Районы концентрации находок мечей китайских типов в Сарматии и образцы мечей: 1 – Лебедевка (по М.Г. Мошковой); 2 – Камышевский I; 3 – Альт-Веймар (по С.Г. Боталову); 4 – Центральный VI(2, 4 - по С.И. Безуглову).

Рис. 3-6. Ювелирные изделия в полихромном стиле. Кангюй: 1 – Дуздак (по К.А. Акишеву); 2 – Культобе Туркестанское (по Е.А. Смагулову); 3-4 – Садовый (по И.П. Засецкой; Л.С. Клейну); 5 – Кочковатка; 6 – Тузлуки; 7 – Чалтырь (5-7 – по В.И. Мордвинцевой).

Рис. 3-7. Модифицированный образ дракона: 1 – Кобяково; 2 – Чалтырь; 3 – колонна Траяна в Риме (1-2 – по И.П. Засецкой; 3 – по В.Ю. Малашеву).

Рис. 3-8. Два декорированных золотом знамени аланского правителя из кургана «Дачи», аналогичных по форме изображению в Орлате. Реконструкция С.А. Яценко.

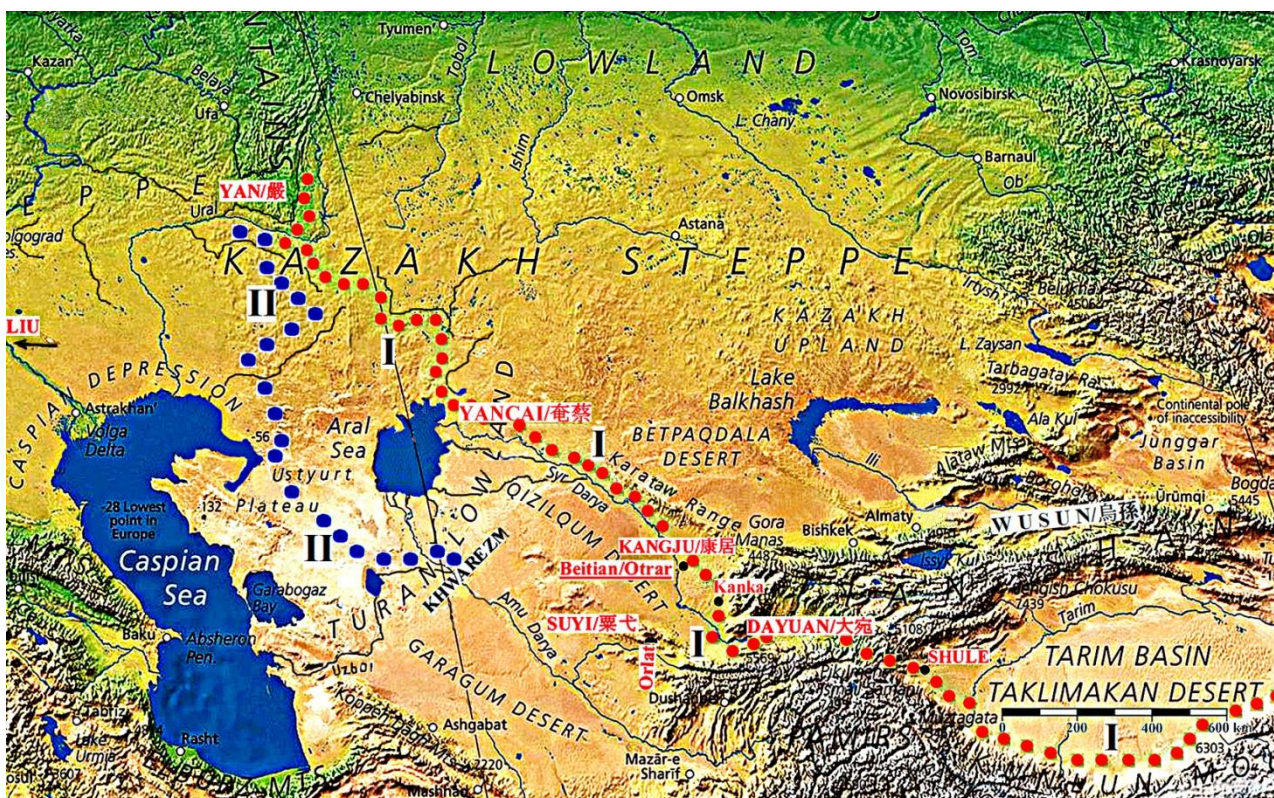

Рис. 3-1. Карта «северной дороги» (I) и «хорезмийского пути» (II). Сост. С.А. Яценоко.

Рис. 3-2. Образцы монет, обращавшихся на территории Кангюя: 1- "у-шу", могильник Мардан (по Д.А. Воякину); 2 – кушанская монета Хувишки, Культобе Туркестанское (по Е.А. Смагулову); 3 – самаркандский чекан, серебро (<https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=251391>).

Рис. 3-5. Районы концентрации находок мечей китайских типов в Сарматии и образцы мечей: 1 – Лебедевка (по М.Г. Мошковой); 2 – Камышевский I; 3 – Альт-Веймар (по С.Г. Боталову); 4 – Центральный VI (2, 4 - по С.И. Безуглову).

Рис.3-6. Ювелирные изделия в полихромном стиле. Кангюй: 1 – Дуздак (по К.А. Акишеву); 2 – Культобе Туркестанское (по Е.А. Смагулову); 3-4 – Садовый (по И.П. Засецкой; Л.С. Клейну); 5 – Кочковатка; 6 – Тузлуки; 7 – Чалтырь (5-7 – по В.И. Мордвинцевой).

1

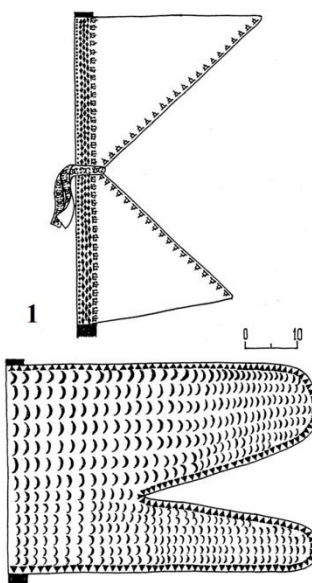

2

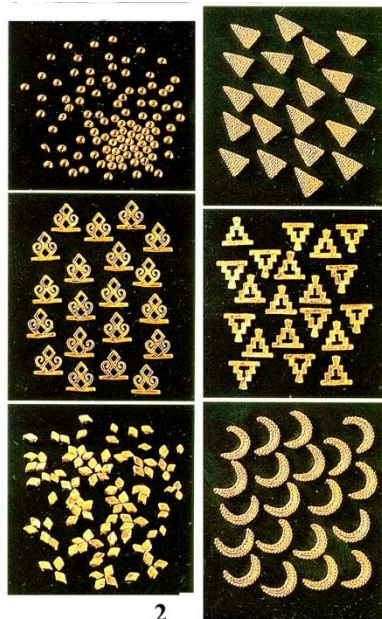

3

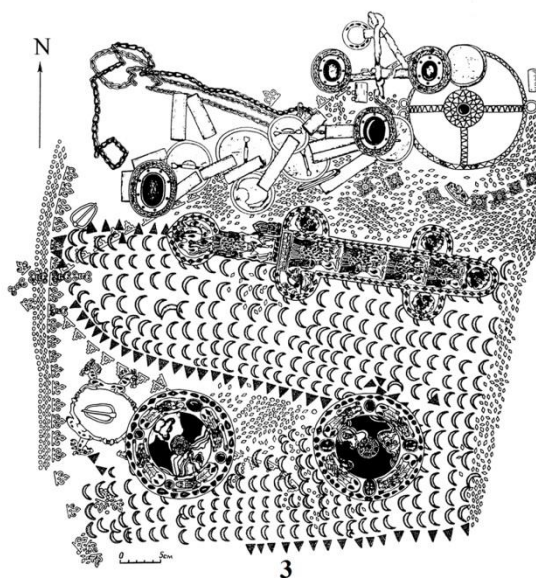
Рис. 3-7. Модифицированный образ дракона: 1 – Кобяково; 2 – Чалтырь;
3 – колонна Траяна в Риме (1-2 – по И.П. Засецкой; 3 – по В.Ю. Малашеву).

1

2

3

Рис. 3-8. Два декорированных золотом знамени аланского правителя из кургана «Дачи»,
аналогичных по форме изображению в Орлате. Реконструкция С.А. Яценко.

РАЗДЕЛ 4.

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

4.1. Замок Бака-тобе и крестообразные постройки Кангюя

А.И. Торгоев, А.В. Кулиш, Н.Ж. Торежанова

Для изучения истории политического образования Кангюй данные, получаемые в результате раскопок, очень важны, так как сведения письменных источников о нем точны, но весьма кратки. Наряду с погребальными комплексами, к наиболее массовым его памятникам относятся укрепленные в разной степени поселения – тобе / тепа, в большом количестве сохранившиеся на всей оазисной территории этого политического образования в современных Южном Казахстане, северо-восточном Узбекистане, в северо-западном Кыргызстане и северном Таджикистане. Памятников, которые могли бы по размерам соответствовать древним городам, очень мало, а самыми распространенными памятниками являются холмы, скрывающие развалины небольших крепостей и поселений. Среди крепостей выделяются объекты с хорошо сохранившейся фортификацией. Часто уже до раскопок можно предположить, что здания строились по определенной схеме, заранее существующему плану.

Памятники с размытой или аморфной структурой обычно демонстрируют «народную», жилую архитектуру, строившуюся без специального архитектурного плана. Такие поселения дают много материала о типах традиционного жилища, бытовом благоустройстве, материальной культуре и ремеслах насельников. Однако именно заранее спланированные здания позволяют судить об уровне строительного искусства и говорить о генезисе архитектурных традиций, культурных импульсах и контактах. Картирование *типовых зданий* показывает их ареал, часто совпадающий с территорией того или иного государственного или этнического объединения (рис. 4-1-1).

Большое значение для понимания такого рода архитектуры имеют раскопки крепости Бака-тобе совместной экспедицией Государственного Эрмитажа и Центрального государственного музея Республики Казахстан. Они были начаты в 2015 г. и продолжаются до настоящего времени. Наш интерес к исследованию Бака-тобе был продиктован рядом причин.

В 1960-х гг. М.С. Мерциевым в нынешнем Байзакском районе Жамбылской области исследовались два укрепленных поселения *Чоль-тобе* и *Кызыл-Кайнар-тобе*. Первое раскопано практически полностью, второе частично.

Оба памятника находятся в составе группы древних поселений, расположенных в восточной части Таразского оазиса²⁸. В эту серию памятников входят и Дуйсенбай-тобе, Оспан-курган, Сары-тобе, Жайляу-тобе, городище на окраине с. Акыр-тобе, а также Бака-тобе (рис. 4-1-2). Группа этих поселений вытянута полосой вдоль северных склонов Киргизского хребта. С востока естественной границей этого микроазиса являются пески Моюнкум, с запада их ограничивает р. Талас. Самый крупный памятник группы – городище *Жайляу-тобе* – расположено на берегу старого русла Таласа. Каждое поселение приурочено к низовой части стока саев, которые обеспечивали водоснабжение всего микроазиса. Севернее Туймекента остатки воды саев терялись в песках, и поселений первых веков н.э. там не известно. У ряда городищ (Бака-тобе, Жайляу-тобе, Кызыл-Кайнар-тобе) есть курганные могильники, явно с ними связанные. Кроме раскопок М.С. Мерщикова, на памятниках этой группы систематических исследований не проводилось. Только в 2000 г. сотрудник ЮКАЭ Д.А. Лобас закладывал шурфы на самом большом памятнике группы – Жайляу-тобе (Свод, 2002, с. 108, № 73). Материал, полученный из шурфа, судя по краткой информации из свода памятников Жамбылской области, относился к III-IV вв. н. э. Более никаких сведений о культурных слоях памятника и керамике мы не имеем; материалы шурфов не публиковались.

Наиболее исследованное городище *Чоль-тобе* имело весьма редкую планировку, представляя собой здание в форме креста в квадратной ограде. К этому типу построек М.С. Мерщиков отнес и частично исследованное им городище Кызыл-Кайнар-тобе около с. Королевка (ныне с. Жибек Жол Байзакского района), примерно в 20 км западнее Чоль-тобе. Позже подобные памятники с крестообразной планировкой были выявлены и в других регионах Средней Азии. Им посвящена довольно обширная литература (Байпаков, 2013; Байпаков, Терновская, 2016; С. 67 – 75; Богомолов, Ильясова, 2010а; Смагулов, Ержигитова, 2013а.; Смагулов, 2017; Филанович, 2010, с. 117-128). Дискуссия о назначении (культовом или жилом, замковым) объектов с крестообразной планировкой ведется уже около десяти лет.

В опубликованных М.С. Мерщиковым материалах о постройках ряд моментов остаются неясными. Для Чоль-тобе непонятно, какой именно формы были башни внешней стены и как располагались в них бойницы, частично отмеченные на плане сооружения. Неясно, были ли вообще бойницы в крестообразном здании, была ли застройка внутри стен ограды, и каков был ее

²⁸ Таразский оазис подразумевается в современных границах. Анализ стратиграфии нижних слоев самого Тараза здесь не приводится, т.к. он имел бы большой объем. Фактически, *город* в междуречье протоков Капала и Туйте возникает по имеющимся данным не ранее VII в. Отрывочные данные из шурфов свидетельствуют, что на его месте в первые века н. э. существовало поселение. К последнему относится культурный слой, залегающий на материке и перекрытый слоем галечного наноса. Между слоем поселения первых веков н.э. и появлением собственно городских структур – цитадели и шахристана - существует большой хронологический разрыв.

характер. Вопрос о хронологии Чоль-Тобе также оставался непроясненным. Зарисовки керамики и других находок из памятника не публиковались. В хранящейся в архиве Института археологии им. А.Х. Маргулана рукописи книги М.С. Мерциева, посвященной исследованным им крестообразным постройкам, таблиц по керамике нет. Только недавно одна из таблиц, явно подготовленная для этой работы, была опубликована (Байпаков и др., 2011, с. 145).

В отношении *Кызыл-Кайнар-тобе* вопросов возникает еще больше. Памятник исследовался траншеями. Краткая попытка продолжения раскопок этого памятника французскими исследователями в 90-х гг., увы, не дала прогресса в его понимании (Böucharlat, Pornet, 1998). Ниже данные о планировке этого здания разбираются подробно в связи с классификацией построек крестообразной планировки.

Возникшие вопросы требовали доследовать один из памятников, раскопанных М.С. Мерциевым. Однако это уже невозможно: Чоль-тобе был практически полностью уничтожен при строительстве коллектора, а Кызыл-Кайнар-тобе занимает современное сельское кладбище. Поэтому было решено исследовать типологически близкий памятник в этой группе поселений. Уже до раскопок было ясно, что большая часть их будет иметь хорошо сохранившиеся сооружения и слои первой половины I тыс. н. э. Было также очевидно, что именно поселения этой группы связаны с началом урбанизационных процессов в низовьях Таласа.

В выборе объекта мы остановились на *Бака-тобе*, занимающем срединное положение между Чоль-Тобе и Кызыл-Кайнар-тобе. Ранее это давно известное городище представлялось средневековым городищем типа «торткуль». До наших раскопок его изучение ограничилось лишь снятием плана и небольшим шурфом, материал из которого был принят исследователями за средневековый (Торежанова, Торгоев, Кулиш, 2019, с. 217).

Топография и планировка Бака-тобе.

На сегодня установлено, что под центральным холмом Бака-тобе скрывались остатки большой постройки размером не менее 18 x 18 м (рис. 4-1-3). Почти квадратная постройка углами ориентирована по сторонам света, в каждом углу расположена мощная полая башня каплевидной формы (рис. 4-1-4). Башни выступают за линию куртины на 8,5 м. Сейчас полностью исследованы две башни, внутри которых находятся прямоугольные помещения; в южной башне оно имеет размеры 3,2 x 2,1 м. Стены в южной башне сложены из набивной, неблочной пахсы толщиной 90 см; между ее рядами проложен ряд крупноформатного сырцового кирпича. Примечательно, что в противоположной, северной башне размером 3,3 x 2,1 м характер кладки несколько отличается, она сложена из рядов кирпича, разделенных лентами пахсы толщиной около 20 см. В обеих раскопанных башнях, которые сохранились только на уровне первого этажа, бойниц не было (рис. 4-1-6). Стены во внутреннем помещении южной башни были оштукатурены, но штукатурка сохранилась очень плохо из-за высокой засоленности. Башни явно

были двухэтажными. Нижние этажи башен могли использоваться в качестве складских помещений. Обильный керамический материал, выявленный в помещении южной башни, залегал в мусорных слоях над полом, а на самом полу керамики почти не было. Видимо, в основном обжился верхний этаж, что могло быть отчасти связано с сыростью из-за высокого уровня грунтовых вод на этой территории. Когда здание было заброшено, и деревянные межэтажные перекрытия внутри башни рухнули или были сняты, весь мусор, накопившийся на втором этаже, рухнул вниз.

Во время раскопок центральную постройку стали называть «донжоном» из-за явного оборонительного назначения, обособленности и расположения в центре фортификационного комплекса. Вероятно, когда строилась крепость, постройка в центре задумывалась как цитадель, знакомая зодчим по городам более южных регионов, но из-за своего малого размера она скорее имела символическое значение, чем подлинно оборонительное, и явно не позволяла обороняться большому числу людей.

Планировочная схема постройки: центральное ядро в обводе коридоров. В нашем случае это ядро размером 5,8 x 6,4 м образовано двумя параллельными сводчатыми помещениями (рис. 4-1-4). Последние на сегодня вскрыты по верху, размер их одинаков – 6,4 x 2,1 м на уровне остатков сохранившихся сводов. Со всех сторон центральное ядро обведено внешними длинными сводчатыми коридорами (10 x 2,2 м). Местами над ними фиксировались остатки пола второго этажа, перекрывающие остатки сводчатых перекрытий. В северо-восточном внешнем коридоре расчищен участок полностью сохранившегося параболического свода, сложенный наклонными отрезками из длинномерного сырцового кирпича. Раскоп попал на торец свода, и выявилась интересная деталь, редко фиксируемая в силу худшей сохранности сводов: был обнаружен карниз, упирающийся в наклонные отрезки (рис. 4-1-7). Таким образом, свод начали выкладывать на опорной стене, а при окончании выкладки свода соорудили карниз в упор к наклонным отрезкам кирпича. Оставшееся сверху между карнизом и нижними кирпичами свода пространство также было выложено наклонными отрезками, упирающимися в торец карниза.

Пока не обнаружено бойниц в центральной постройке на уровне первого этажа, но в северо-западной стене, в торце коридора, было расчищено узкое световое окно (рис. 4-1-5). Оно располагалось вверху помещения, близко подходя к верхней точке дуги свода.

Еще один раскоп был заложен на северо-западном углу внешней стены крепости. Здесь необходимость раскопок была продиктована несколькими соображениями. Во-первых, надо было понять: есть ли башня на внешнем углу; во-вторых: есть ли сводчатая галерея, как на Чоль-тобе; и, наконец, надо было получить данные о конструкции внешней стены, строительной технике, наличию или отсутствию бойниц в ней. Вдоль северной стены внутри ограды проходит коридор шириной 2,2 метра (рис. 4-1-8, 4-1-9). Башня на данном углу отсутствует, следов бойниц во внешней стене не найдено. Коридор был перекрыт сводом, от которого остались только упавшие в завал блоки

вертикально уложенных кирпичей, хорошо заметные в стратиграфическом разрезе поперек помещения. Внешняя стена сложена таким же способом, как и в южной башне центрального здания: две линии пахсы по 90 см и прокладка из сырцовых кирпичей (56x30x10см) между линиями пахсы. На полу коридора была найдена стенка толстостенного тарного сосуда с тамгами, оттиснутыми металлическими штемпелями (рис. 6-9, 2016 г.).

Пространство между внешней стеной крепости и «донжоном» не было застроено, хотя был исследован относительно небольшой его участок (рис. 4-1-10), и окончательный вывод делать рано. На раскопанном участке двора была выявлена только одна сильно замытая стена без следов прилегающих помещений. Можно предположить, что стенка для каких-то целей разделяла пространство большого двора. На поверхности этого двора залегал довольно мощный слой гумуса, образовавшийся в результате содержания во дворе крупного и мелкого рогатого скота.

Керамика, полученная из припольных слоев в обводном коридоре внешней стены, визуально не отличается от керамики, полученной при раскопках центральной постройки.

Керамика и вопросы хронологии памятника.

Из внутрибашенного помещения в Бака-тобе получен значительный и очень показательный керамический комплекс, залегающий в мусорных слоях над верхним полом. Он сформировался довольно быстро. Значительная часть посуды была найдена в крупных обломках, которые соединяются между собой. Видимо, большая часть керамики упала со второго этажа башни. Посуду из этого комплекса мы традиционно делим на три категории: кухонную, столовую и тарную. Керамика специального назначения – это единственный обломок очажной подставки.

Кухонная керамика представлена довольно многочисленными фрагментами горшков. Они изготовлены из теста с большой долей песка, всегда лепные и обычно сильно закопчены. *Кухонные горшки* Бака-тобе - это, в сущности, котлы для приготовления пищи; по размеру и форме их можно разделить на два типа. Первый тип представлен довольно крупными сосудами, диаметр устья которых варьируется в рамках 14-20 см (рис. 4-1-11, 1). Тулово их, как правило, вытянутое, горловина цилиндрическая, слегка прогнутая внутрь; венчики в профиле обычно имеют треугольные очертания, профилированные наружу. У нескольких фрагментов этих горшков имеются небольшие парные ручки. Второй тип – небольшие кухонные горшки, представлен значительно большим числом фрагментов (рис. 4-1-11, 3, 4); форма двух из них восстанавливается целиком (рис. 4-1-11, 2, 5). Тулово вытянуто-шаровидной формы; максимальный диаметр его обычно приходится на среднюю часть сосуда. Характерная особенность этой серии - относительно высокие, но узкие плечики, плавно переходящие в короткую шейку. Горловина горшков этого типа обычно расширяется кверху, венчик также треугольный в сечении и профилирован наружу.

Столовая посуда представлена чашами, кружкой и фрагментами небольших лепных столовых кувшинов.

Обнаружено лишь два обломка *чаши*. Один из них – фрагмент лепной широкодонной чаши, корпус которой скорее можно определить как трапециевидный (рис. 4-1-12, 2). Чаша имеет заметный ложный поддон. Низкие широкодонные чаши такого типа в Ташкентском оазисе и на Актобе Чардаринском характерны для горизонта Каунчи-Па (Левина, 1971, рис. 59, 124, 126)²⁹. Очень близкие чаши представлены на поселении Актобе Баба-атинское (Сенигова, 1962, рис. 14-15). Второй фрагмент представляет чашу иного типа. Она была станковая, с полусферическим корпусом и слегка отогнутым наружу венчиком; внутренняя поверхность ее покрыта плотным красным (почти багровым) ангобом (рис. 4-1-12, 1). Это явный импорт. Близкие по профилю и размерам чаши, также красноангобированные, встречены на Сым-тепе в г. Фергана. По типу эта чаша наиболее близка образцам отдела Ic по Н.Г. Горбуновой (Gorbunova, 1986, fig. 1); вероятно ее ферганское происхождение.

Лепная кружка, горловина которой покрыта потеками красного ангоба (рис. 4-1-12, 3), аналогична многим образцам каунчинской (Левина, 1971, рис. 59, 82) и отарско-каратуской (Там же, рис. 61, 10) культур. Известны они и в захоронениях раннего этапа кенкольской культуры (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, рис. 2, 9). Лепные столовые кувшины (рис. 4-1-12, 4-6) в данном случае не слишком информативны, так как были распространены повсеместно.

В комплексе присутствуют фрагменты горшков с отверстиями под венчиком (рис. 4-1-13, 1-4). Такие горшки использовали как для ношения еды в поле, так и, видимо, для заквашивания молочных продуктов. Характерной особенностью этих горшков является орнамент в виде прочерченных до обжига нескольких рядов «волн» разделенных, как правило, горизонтальными линиями. Такие горшки чрезвычайно характерны для сырдарьинских культур, особенно для начальной стадии отараско-каратаусской культуры. Горшки этого типа были распространены и в Согде со времени не ранее II в. н. э.

²⁹В отношении деления горизонтов Каунчи-I и Каунчи-II мы придерживаемся позиции А.И. Тереножкина, который указал на то, что Л.М. Левина в своей работе перенесла ступень Каунчи III. В. Григорьева в свою фазу Каунчи I, а прежнюю фазу Каунчи II заменила тем, что в 40-е гг. именовалась «джунской культурой» (Тереножкин, 1979, с. 24). Под Каунчи I мы подразумеваем очень недолго существующую фазу, выделенную в нижних горизонтах на некоторых раскопах на Каунчи-тепа и комплекс Шаш-III (Филанович, 1983, с. табл. IЖ). Дата этого комплекса у М.И. Филанович, как нам кажется, занижена (Там же, с. 56). Эта фаза предшествовала формированию классического Каунчи II (собственно каунчинская культура), которое датируется не ранее второй половины II в. н. э. Фаза Каунчи I, вероятно, могла существовать во второй половине I - середине II вв. н. э. Судя по отрывочным сведениям из опубликованных работ, фаза Каунчи I встречается далеко не на всех поселениях Ташкентского оазиса.

(Курбанов, 2014, с. 87-89, рис. 61), откуда они, по всей видимости, и появляются в культурах сырдарьинского круга.

Любопытна находка слабо обожженной очажной подставки (рис. 4-1-13, 5) в виде слабо-трапециевидной пирамидки, с боков которой, вверху, проделаны наклонные отверстия. Такие пирамидки известны в памятниках юго-западной Ферганы (Брыкина, 1982, табл. 33, 5-7). Они генетически связаны с трапециевидными очажными подставками, хорошо известными на памятниках кызылкырского типа в Бухарском оазисе (Мухамеджанов, Сулейманов, Ураков, 1983, рис. 16, 11, 23; 19, 26), которые по каким-то неясным причинам отсутствуют в археологических культурах бассейна Сырдарьи.

Особое значение для интерпретации изнутрибашенного помещения имеет *тарная посуда*. Она представлена фрагментами хумов, флягами и крупными водоносными кувшинами. Профили венчиков хумов наиболее близки образцам горизонта Каунчи II (Левина, 1971, рис. 59, 41, 45).

Фляги важны для хронологии комплекса. Практически полностью реконструируется станковая фляга без ручки и ангоба (рис. 4-1-12, 8) с клювовидным в сечении венчиком и фрагменты боковины еще одной такой фляги, покрытой плотным красным ангобом. Мы различаем фляги с высоким туловом и низкие, плоские. Анализ фляг из закрытых комплексов показывает, что фляги с низким корпусом и ушками на боках появляются раньше сосудов указанного типа с высоким полусферическим корпусом без ручек. Высота тулова фляг со временем устойчиво растет: более ранние экземпляры всегда более плоские. Появление этого типа фляг исследователи относят ко времени около рубежа эр (Анарбаев, 2013, с.376, табл. VIII, 7). Фляги с высоким корпусом без ручек появляются в комплексах не ранее периода Каунчи I (Филанович, 1983, табл. IЖ); наличие их в так называемом переходном периоде (Байтанаев, 2008, рис. 3, 1, с. 32) до формирования керамического комплекса Каунчи I, на наш взгляд, пока не находит подтверждения в комплексах Ташкентского оазиса. Фляга с высоким корпусом есть в комплексе кургана 7 могильника Джун (Григорьев, 1948, Табл. XVI, 129), который твердо датируется благодаря наличию фибулы типа Авцисса в рамках I в. н. э (Малашев, Торгоев 2019, с. 45).

Ранние экземпляры фляг этого типа есть в комплексе нижнего горизонта Актобе Чардаринского (Максимова и др., 1968, с. 62-63), который уверенно датируется II-III вв. н.э. Фляги этого типа часто находят в катакомбных погребениях того же времени на Арыси (Подушкин, 2000); есть они и в обширном Борижарском могильнике.

Другой тип представлен флягами с примятым сливом и ручкой, закрепленной на тулове под горловиной (рис. 4-1-12, 7); слив и ручка всегда ориентированы перпендикулярно длинной оси тулова сосуда. Тулово таких фляг всегда вытянуто по длинной оси. Они типичны для кенкольской культуры: в качестве примера можно привести сосуд из катакомбы 10 Кенкольского

могильника (Бернштам, 1940, табл. XIV, внизу)³⁰, а также из ряда других памятников верхнего Таласа (Кожомбердиев, 1963, рис. 8, 6) и Кетмень-тюбе (Кожомбердиев, 1960, с. 114, рис. 2, 3).

Интересной находкой является верхняя часть крупного тарного водоносного кувшина (рис. 4-1-14, 3). Горло его снаружи покрыто красным ангобом, а на тулове более жидкой ангобной краской нанесены круги. Роспись с кругами на тулове обычна для керамики Хорезма архаического периода (Болелов, 2009, с. 128, рис. 1), но круги встречаются и на посуде Ферганы (Gorbunova, 1986, pl. XXXVIII, 9); отдельные фрагменты подобной сосудов известны также на поселениях Семиречья рубежа эр - первой половины I тыс. н.э.

Профиль венчиков хумов (рис. 4-1-14, 1, 2) находит полные соответствия среди аналогичных сосудов каунчинской культуры (Левина, 1971, рис. 59, 41, 45).

В целом аналогии керамическому комплексу из внутрибашенного помещения позволяют датировать постройку от середины II до первой половины IV вв. н.э. Более точная датировка была бы возможна при наличии в комплексах ювелирных украшений или ременной гарнитуры, однако они пока не обнаружены.

Аналогии внутренней планировке и фортификационной схеме³¹

Двухэтажная центральная постройка в центре Бака-тобе имеет малые размеры и снабжена башнями, расположенными на углах сооружения (рис. 4-1-15-6). Необходимо при этом различать фортификационную схему и внутреннюю планировку здания. *Внутренняя планировка* представляет широко распространенную схему «квадратное помещение / двор в обводе коридоров». Эта схема обычно использовалась для отдельно стоящих зданий гражданского характера, в крепостях или усадьбах от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья. В нашем случае квадратный двор заменен на квадратное ядро здания, состоящее из двух сводчатых помещений и со всех сторон обведенное коридорами. Внутренняя планировка центрального здания близка к таковой у центрального здания на Шаштепа в Ташкенте (Филанович, 2010, рис. 8, Б). Но на Шаштепа прямоугольные башни находятся на серединах сторон квадратного здания (рис. 4-1-16, а), а сама постройка несколько больше ядра Бака-тобе.

Наиболее близкий план имеет нижний горизонт замка Тиркаштепа около Табошара (Пулатов, Салтовская, 1987, рис. 1); в нем изначально не было округлых башен на углах. Судя по публикации, башни на углах и бойницы в

³⁰ Фляга хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа; ее обломки зарегистрированы под двумя инв. № (СА-9274, СА-9285). Приведенный А.Н. Бернштамом рисунок этой фляги, сделанный еще в поле, до реставрации предмета в Эрмитаже, весьма схематичен.

³¹Под *фортификационной схемой* в данном случае понимается внешний абрис здания, представленный обычно куртинами и башнями. В основе ее классификации лежит форма и расположение башен (Шкода, 2009, с. 66-68).

стенах появляются лишь на втором этапе функционирования замка, когда он получает дополнительную обстройку (рис. 4-1-18, г). Пол при этом был поднят более чем на 1,5 м. Керамический комплекс нижнего периода довольно уверенно датируется III-IV вв. Перестройка замка произошла, вероятно, в IV в. В основе плана также лежало центральное помещение, но коридоры стали иметь разную ширину (Салтовская, Пулатов, 1986, рис. 3). В последний период существования замок обносят дополнительной «рубашкой» с ложными бойницами.

Близкой аналогией внутреннему плану Бака-тобе является замок, пристроенный к крестообразной постройке на Культобе Туркестанском (рис. 4-1-16, д). Там, видимо, зодчими было решено пристроить замок к уже существующей крестообразной постройке. В результате были созданы обходной коридор вокруг двора и три дополнительные башни. На Культобе в Туркестане центром планировки замка был открытый дворик, а для обороны применили несколько иную фортификационную схему.

В Согде прямой аналогией планировке центрального здания Бака-тобе является замок первого строительного периода на полностью раскопанном сельском поселении Кызыл-Кыр I (рис. 4-1-17, а) (см.: Мухамеджанов, Сулейманов, Ураков, 1983, рис. 17). Он достаточно точно датируется в рамках второй половины III - начала IV вв. н.э. Похожим образом построено и ядро сельского поселения Уч-Кулах около Варахши (рис. 4-1-17, б). Поселение имело сложную строительную историю: начальный горизонт, погребенный под несколькими горизонтами застройки более позднего времени, оказался сильно измененным (Antonini, Filipponi, Pozzi, 2009, fig. II.14). Также внутренняя планировка Бака-тобе достаточно близка к таковой в замке Киндикли-тепа в Самаркандском Согде (Рапэн, 2010, рис. 7) (рис. 4-1-18, в). Возможно, самым поздним образцом такой планировки является усадьба № 66 в Беркут-Калинском оазисе в Хорезме, относящаяся к афригидскому времени (Неразик, 1966, рис. 7). Бактрийские усадьбы ахеменидского периода, такие как Кызылча-1 и Кызылча-6, дают наиболее ранний вариант подобной планировки «двор в обводе коридоров» (Сагдуллаев, 1987, рис. 4, 5). На нижней Сырдарье по такому плану построено западное здание в комплексе Бабиш-Мулла-1 (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 14, 21).

Менее близким по внутреннему плану является замок Актепа Чиланзарское в Ташкенте (рис. 4-1-16, в). В нем на первом строительном этапе было одно центральное помещение, в котором находился подъем на второй этаж. Это помещение было обведено коридором только трех сторон (Древний Ташкент, 1973, с. 118, рис. 30). Любопытно, что план Актепа Чиланзарского I строительного периода близко напоминает план загородного форта в Беграме в Южной Бактрии, относящегося к верхнему горизонту Беграм III (Рапэн, 2010, рис. 7) (рис. 4-1-18, а).

Если планировка замка Актепа Чиланзарское имеет лишь небольшое сходство с планировкой Бака-тобе, то фортификационная схема замка с овальными башнями на углах близка к нему. В этом замке проходы в башни из

обводных коридоров находятся в углах здания и находятся под углом 45 градусов по отношению к стенам прямоугольного ядра с помещениями. К сожалению, керамический комплекс памятника, изданный в неразделенном на периоды виде, не дает возможности судить о времени его возведения. В опубликованных таблицах керамики, как будто, нет керамических форм, характерных для стадии Каунчи II, и можно согласиться с авторами раскопок, что ранний горизонт не может датироваться ранее V в. н. э.

В связи с открытием крестообразных построек на Культобе Туркестанском Е.А. Смагулов предложил свою классификацию подобных зданий. Он разделяет крестовидные постройку с одним длинным помещением, по сторонам которого имеется два маленьких помещения, и здания квадратного объема с башнями на серединах сторон. Первоначально идея была такова: «Очевидно, что «здания крестовидного плана» состоят из одного длинного помещения и двух, пристроенных по центру продольных стен. Этот тип следовало бы назвать «кызылкайнарским» по наиболее ранее исследованному и давшему яркий, датирующий материал памятнику»³² (Смагулов, 2014а, с. 553). В этом утверждении, к сожалению, есть неточности: первым исследованным памятником с крестовидной планировкой был Чоль-тобе, а «яркий датирующий материал» дал не комплекс строения в Кызыл-Кайнар-тобе, а впускное погребение после гибели поселения. Позже, в монографии Е.А. Смагулов отказался от именованного этого типа зданий памятниками типа Кызыл-Кайнар-тобе, именуя их «постройки типа Культобе» (Смагулов, 2017, с. 105).

Между тем, вопрос о планировке Кызыл-Кайнар-тобе весьма важен. Само по себе поселение Кызыл-Кайнар-тобе исследовано менее всех остальных памятников. М.С. Мершиева пишет: «Полностью с внешней стороны оконтурен лишь один восточный лепесток, два других, примыкающих к нему (северный и южный) вскрыты лишь частично. Лепестки представляют собой сплошную кладку, в верхней части из сырцовых кирпичей, а в нижней из пахсовых блоков (Мершиева, 1970, с. 86)».

Получается, что на этом памятнике, в отличие от остальных, нет помещений внутри «лепестков» - башен. По центру же, как показали траншеи М.С. Мершиева, находились не один, а два коридора (Там же, рис. 5). «Лепестки», как видно из плана, находятся под углом к длинным осям коридоров, что очень необычно. Небольшие раскопки этого памятника, возобновленные франко-казахской экспедицией в 1993 г., не дали принципиально новой информации о нем. Судя по опубликованному археологическому разрезу, экспедиция выявила обкладку одного из «лепестков», вероятно, сделанную из ленточной пахсы (Böücharlat, Pornet, 1998, fig. 4, 5). На данном этапе раскопок план центрального здания выглядит невнятно, уточнить его могли бы новые раскопки. Приведенных аргументов

³²Это предложение было выдвинуто в статьях с ранними сведениями о Культобе в 2013 г. См. Смагулов, Ержигитова, 2013а, с. 92; Смагулов, Ержигитова, 2013б, с. 73.

достаточно, чтобы пока отказаться от отнесения Кызыл-Кайнар-тобе к памятникам с крестовидной планировкой.

Всего можно выделить *три типа* построек по форме близких к кресту.

В *первый тип* («крестообразные», согласно Е.А. Смагулову) объединяются небольшие (до 18 м) здания, которые имеют одно длинное помещение и два смежных с ним. К этому типу относится Чоль-Тобе (рис. 4-1-15, а), крестообразное здание Культобе Туркестанского (рис. 4-1-16, д) и начальная постройка Актобе Баба-атинского (рис. 4-1-15, в). В некоторых случаях выделено центральное квадратное помещение, с четырех сторон которого находятся полые башни. К постройкам этого варианта относится Актобе 2 (Чардаринское) (рис. 4-1-16, г). Несколько необычна усадьба около Киндик-тепа в Южном Согде (рис. 4-1-19, е) (Хасанов, 2004). Из-за ее небольших размеров она имеет только четыре помещения башен, разделенных простенками, и в ней нет центрального помещения.

Постройки первого типа отличаются большим аскетизмом в оформлении интерьеров. Выход на улицу открыт только на усадьбе близ Киндик-тепа в Южном Согде. Не совсем ясно, был ли он спланирован там изначально или прорублен в процессе использования здания. Выход из постройки был расчищен и на Актобе 2 Чардаринском, но здесь он был прорублен только во время небольшой перестройки, а изначально не планировался. В Актобе Баба-атинском и крестообразной постройке Культобе Туркестанского изначально входов на первом этаже не было. Вход, вероятно, располагался на втором этаже. На некоторых памятниках первого типа не были обнаружены бойницы. Важно и то, что здания этого типа являются самыми маленькими по размерам, они не превышают 18 x 18 м.

Во *второй тип* объединяются здания квадратного плана с центрической или гребенчатой планировкой и с башнями на серединах каждой из сторон квадрата. Исследователями отмечалось, что такая схема зданий известна в Иране уже в доахеменидский период. К ним относятся форт в системе комплекса Нуш-и Джан и известное здание Баба-Джан III (Медведская, 2016).

В 1971 г. три здания по плану близкие к постройкам второй группы были исследованы в Шахр-и Кумис в округе столицы Парфии Гекатомпила. В первом здании (Раскоп IV) (рис. 4-1-19, а) в углу одного из помещений был открыт алтарь огня, состоящий из чаши, в которой горел огонь, и низкого постамента (Hansman, Stronach, 1974, pl. Ib). От остальной части большого помещения участок с алтарем был отделен специальной загородкой, в которой было окно высотой 1 м для доступа к алтарю. Внутри выгородки с алтарем все стены были сильно закопчены. На основании этой находки Дж. Хансман и Д. Стронах затруднились определить функциональное назначение зданий, но храмами они их не считали. В этом же первом здании были открыты бойницы. Выступы исследователи называли альковами. Внутренняя планировка зданий в целом была подчинена схеме, где в центре находились два вытянутых помещения с трех сторон обведенные коридорами. Здания могут быть датированы по монетам и другим материалам I в. до н. э. (Ibid., p. 18-19).

Из среднеазиатских построек наиболее ранним памятником этого типа является замок Холикназар-тепа (рис. 4-1-19, д) на Магиандарье (Курбанов, 2014, с. 64-65, рис. 35). Первоначально это была постройка с башнями на серединах сторон, размером примерно 16 x 16 м. Внутренняя планировка первого периода оказалась неисследованной, так как была сокрыта более поздней. Не исключено, что внутри находилось одно большое помещение. Начальное здание по керамике датируется III-I вв. до н. э (Там же, с. 65-67). На Верхнем Зеравшане, в округе Пенджикента, недалеко от Холикназар-тепа расположена близкая ему по времени крепость Тали-Хамтуда (рис. 4-1-19, г). У этого памятника сохранился изначально спланированный вход в одной из башен, который ведет по пандусу на второй этаж. На нижнем этаже располагался коридор, с обоих торцов усиленный башнями, в нем же находился вход в среднюю башню, расположенную на противоположной стене от входа. Стены этой постройки прорезаны стреловидными бойницами (Курбанов, 2014, рис. 48-57).

Довольно близкой по плану к замку Холикназар-тепа является начальная постройка на городище Билувур-тепа (рис. 4-1-20, б) в восточной Фергане (Заднепровский, 1985, рис. 1). В центре Билувур-тепа находилось большое помещение без коридоров. Постройка относится к начальному этапу кугайско-карабулакской культуры Ферганы. Из ферганских построек к этому типу следует отнести и цитадель Арк-тепа (Горбунова, 1994, рис. 2) (рис. 4-1-20, а). Это здание – самое крупное из исследованных. Его центром являлся большой двор. С двух противоположных сторон от двора находились по два коридора, с третьей стороны был один коридор, а на четвертой стороне находился еще один длинный входной. И, наконец, последним из ферганских памятников, относящихся к этой группе, является Тепе 5 Керкидонской группы (рис. 4-1-19, г) (Горбунова, 1985, с. 46-49, рис. 2). От этого замка сохранилась только платформа, имеющая основания для башен на серединах сторон квадрата. Несколько позже по какой-то неизвестной причине основания под башни появились на углах этого здания; таким образом, фасад постройки стал состоять исключительно из башен. В Центральной Азии известны крепости, у которых нет куртин между башнями – например Таш-Кала 2 в Хорезме (Баратов, 2006, рис. 1).

В памятниках Ташкента схема второго типа воплощена в ранних зданиях на памятниках Мингурюк (рис. 4-1-16, б) и Шаштепа (рис. 4-1-16, а). Из зданий, более близких времени существования Кангюя, назовем парфянские усадьбы, раскопанные на Шахр-и Кумыс, внутренний план которых очень близок Актобе Чиланзарскому I этапа и загородному форту в Беграме (Рапэн, 2010, рис. 7). В Средней Азии замки такого типа существовали, видимо, по V в. н.э. включительно.

К *третьему типу* мы относим здания квадратного плана с башнями на углах сторон, как в центральной постройке Бака-тобе. Это, возможно, самый распространенный тип замков, существовавших до VIII в. В Самаркандском Согде к ним относится Киндикли-тепа (рис. 4-1-18, в) (Grenet, 2010, fig. 8a) и

Джар-тепа первого строительного периода (Ibid., fig. 8b). В Фергане постройка такого типа – замок Арал-тепа (рис. 4-1-20, в) в кугайской группе поселений, расположенной в междуречье Кара-дарьи и Нарына. Эта крепость в начальный период имела прямоугольные башни, снабженные бойницами на углах. Планировочной основой здания было большое квадратное помещение, расположенное в центре. По периметру оно обведено узкими коридорами (Gorbunova, 1986, pl. LXII).

Позднейшим образцом здания третьего типа является Актепе близ Нау. Он, по мнению таджикских коллег, был храмом огня (Якубов, 2017, с. 142, рис. 9). К сожалению, об этом интересном и практически полностью раскопанном памятнике можно судить лишь по кратким публикациям; он вполне мог являться храмом.

Вопрос о назначении крестообразных построек

По этому поводу существует ряд версий, которые стоит привести в историографической последовательности, чтобы показать, как формировались представления о этих памятниках в Средней Азии. В последнее время известно уже более десятка памятников с крестообразной планировкой, связанных с историческим Кангюем.

О назначении этих зданий первый их исследователь писал: «Оригинальность планировки архитектурного комплекса Чоль-тобе, особенно наличие несколько необычного, вероятно храмового назначения, крестообразного в плане сооружения, а также отсутствие прямых аналогий ему, усложняло решение ряда вопросов». В Кызыл-Кайнар-тобе он также предполагает храм (Мерсчиев, 1970, с. 81-82, 85). Примерно в те же годы наиболее хорошо исследованная Б.И. Вайнберг и Л.М. Левиной цитадель городища Актобе 2 Чардаринского, напротив, воспринималась ими не как храм, а как жилой и оборонительный комплекс. Н.Г. Горбунова, хотя и призывала не игнорировать космогоническую символику планов зданий крестообразной формы в Фергане, все же прямо указывала на оборонительное их назначение (Горбунова, 1994, с. 204-205).

Идею о храмовом назначении построек крестообразной планировки поддержал Р.Х. Сулейманов после исследования поселения Сеталак I в Бухарском оазисе (Мухамеджанов, Сулейманов, Ураков, 1983, с. 115 - 121). Здесь была выявлена крестообразная постройка типа 2 со схемой «квадратный объем, с башнями на серединах внешних стен, обнесенная прямоугольной оградой». Помимо плана, аргументом в пользу культового назначения здания был также большой зольник между оградой и крестовой постройкой. Однако от остатков интересующего нас здания реально дошли только фундаменты. В последний, третий строительный период по Р.Х. Сулейманову здание было полностью перестроено, и стало иметь совершенно иной план. При этом слои золы на Сеталаке образовались позже, во II строительном периоде; а в III-м он был уже скрыт полами. Слои золы были насыщены битой керамикой и бытовыми отходами. Вся эта посуда была использована в быту, а находок особых сосудов или изделий, обычно находимых в согдийских храмах (за

исключением фрагментов курильниц, которые часто считают светильниками на ножке), выявлено не было.

В.Г. Шкода впервые собрал и классифицировал все известные на тот момент крестообразные постройки в связи с определенной целью: атрибуцией их в качестве храмов огня. В результате он, на наш взгляд, убедительно показал, что эти здания нужно считать крепостями (Шкода, 2009, с. 66–68). Как один из видов крестообразных построек В.Г. Шкода закономерно рассматривал и крепости с башнями на углах, которые храмами не считал никто из исследователей.

Начиная с 1980-х годов, М.И. Филанович сначала осторожно (1983, с. 147-148), а затем уже уверенно стала определять Шаштепа в Ташкенте как «храм солнцепоклонников, позже превращенный в культово-мемориальный центр» (Филанович, 2010, с. 64). Раннее здание на Мингурюке она также считала культовым. Однако доследовавшие раннее здание на Мингурюке Г.И. Богомоллов и С.Р. Ильясова отказались от этой атрибуции Шаштепа. Их вывод таков: «Комплекс находок, характер культурных напластований и, наконец, планировка сооружений явно указывает на то, что это гражданская архитектура жилого назначения. Следы огня и зола – зыбкий аргумент для доказательства культовой принадлежности комплекса. Тем более, что в реальности эти «мощные накопления» золы являются золисто-гумусными бытовыми накоплениями, характерными для абсолютного большинства каунчинских поселений» (Богомоллов, Ильясова, 2010а, с. 110-111). С последним заключением трудно не согласиться. Заметим, что оно применимо в отношении согдийских и любых иных сырцовых среднеазиатских памятников.

Однако при этом Г.И. Богомоллов и С.И. Ильясова заняли двойственную позицию по отношению к зданиям крестообразной планировки в целом. Они считают, что часть построек, таких, как Чоль-Тобе, могло быть культовыми; другие же, как Шаш-тепа и Мингурюк следует считать замками (Там же, с. 113-114). Е.А. Смагулов относительно назначения таких построек колебался, со временем, однако, считая все более привлекательной версию о их храмовом назначении (Смагулов, Ержигитова, 2019, с. 11).

К.М. Байпаков считал постройки на Чоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе храмами, полагая, что они связаны с культом предков (Байпаков, 2013, с. 205). В совместной с К.М. Байпаковым обобщающей работе, посвященной традиционным верованиям, Г.А. Терновая без сомнений называет все крестообразные постройки именно храмами солнца, где проводились сезонные праздники (Байпаков, Терновая, 2016, с. 74-75). Однако о характере культовых действий и обрядах, совершаемых солнцепоклонниками в этих храмах, внятных сведений у нее нет³³. В более ранней работе, вышедшей за три года до открытия крестообразной постройки на Культобе Туркестанском, Г.А. Терновая трактует

³³Работы Г.А. Терновой хотя и строятся на материалах из раскопок, не имеют сколько-нибудь надежной аргументации и, на наш взгляд, тенденциозны. Критического рассмотрения они не требуют, так как относятся скорее к жанру публицистики.

захоронение в центральном помещении на Чоль-Тобе как строительную жертву. Женское же погребение (с костяным игольником и пряслицем) она воспринимает как дань «Образу пряжи», прядущей и обрезающей нить жизни (Терновая, 2008, с. 304-306). Впускной характер захоронений автором статьи даже не рассматривался. Однако по тексту неопубликованной работы М.С. Мерщиева и опубликованным Г.А. Терновой чертежам из данной работы есть все основания полагать впускной характер этих захоронений.

В целом, продолжительное время существовали сторонники как культового, так и гражданского, оборонительного назначения зданий с крестообразной планировкой.

Истоки формирования фортификационной схемы

Описывая крестообразные постройки первой и второй группы, мы намеренно называли выступы башнями, а не «лепестками», тем самым подчеркивая их действительное назначение, которое можно понять, обратившись к истокам формирования фортификационной схемы зданий.

Рассматривая фортификацию Беграма на фоне других поселений кушанского времени в Афганистане и Средней Азии, Р.М. Гиршман первым обратил внимание на то, как оформлялись углы крепостных стен (Chirshman, 1946, p. 20, fig. 8). Он выделил три типа обороны углов:

а) Две башни на стенах, образующих угол, расположены в непосредственной близости от угла (на расстоянии не более 3 м); сам угол прямой. При такой схеме доступ противника к углу затрудняется тем, что он хорошо простреливается с боков смежных башен;

б) башни сходятся на углу, образуя «ласточкин хвост». При таком расположении угловых башен исчезают «слепые» зоны рядом с углом, он полностью простреливается с башен. Этот прием хорошо известен по хрестоматийным памятникам древнего Хорезма;

с) башня расположена непосредственно на углу, усиливая его и позволяя простреливать значительную площадь рядом с углом.

Разбирая родство фортификации разных типов поселений, Г.Л. Семенов указал близость архитектурного решения стен города и замка. Первой причиной такой близости он назвал то, что в сознании людей город подобен большому замку, а замок маленькому городу. Вторая причина архитектурного единства стен разных по масштабу поселений, согласно его мнению, кроется в единстве строительных приемов и традиций (Семенов, 1996, с. 165). В замке расстояние между башнями продиктовано его размерами, а городская стена является как бы развернутой стеной замка.

Если взять каждый из типов крестообразных зданий и разделить его по диагонали, то получится, что каждая половина будет строго соответствовать типу обороны углов поселений, предложенному еще Р.М. Гиршманом. При этом здания 1 группы нашей классификации будут соответствовать типу «б», а вторая группа организуется по типу «а» схемы обороны углов. Здания нашей третьей группы, к которым относится и Бака-тобе, соответствуют типу «с».

Все обозначенные типы обороны углов начали применяться в Иране уже в мидийскую эпоху, и в зодчестве Центральной Азии появились в постахеменидское время. Любопытно, что в крепостях Хорезма приемы обороны углов часто сочетались в рамках одной крепости. Так, на северо-западном углу крепости Кургашин-кала реализована схема «а», а на юго-восточном углу находится классический «ласточкин хвост».

Для храмов наличие оборонительной системы не характерно, а все изученные крестообразные постройки имели толстые стены, так как в основе своем были двухэтажными. У крестообразных построек первого типа изначальные входы находились на втором этаже. Сложно себе представить, чтобы в храм было удобно подниматься наверх по приставной деревянной лестнице. На уровне сохраняющегося первого этажа интерьер построек предельно аскетичен, ни о каком декоративном убранстве в виде живописи, скульптуры и т.п. не приходится говорить. В достоверных случаях нахождения культовых помещений их интерьер отличался от обычных жилых или хозяйственных помещений значительно большим богатством.

Узкие и длинные помещения не приспособлены для проведения ритуалов с участием сколько-нибудь большой группы людей. Ни в одной из крестообразных построек в Средней Азии не удалось обнаружить алтарей или каких-то иных конструкций, которые могли бы быть связанными именно с культовыми действиями. Точнее, из всего массива построек крестовидной формы алтарь был обнаружен только в специально выгороженном помещении на Шахр-и Кумыс IV, более похожем на домашнюю молельню. Это помещение авторы раскопок не называли храмом, отметив лишь то, что в постройке была сильно закопчённая комната с алтарем, в которую попадали через окно, находящееся на высоте 0,6 м от пола.

Как и в Согде, все крестообразные постройки первой и второй групп на Таласе и бассейне Средней Сырдарьи расположены в нижних частях естественных водотоков. Только Актобе 2 Чардаринский стоял на берегу Сырдарьи, для спуска к которой и был проделан проход в стене замка. От водотоков отводились короткие и неглубокие каналы для орошения полей.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что постройки всех трех групп стоит считать замками, принадлежащими отдельным кланам, часть из которых разрасталась со временем до укрепленного поселка или даже «городка» - места проживания общины. Сходная по характеру ситуация выявлена на Северном Кавказе; наиболее достоверно она отражена на территории Осетии XVII-XVIII вв., когда поселок складывается вокруг родовой башни какой-либо семьи или клана. При этом крестообразные здания, как и осетинские башни, в случае опасности исполняли свою главную функцию – оборонительную. Об этом напрямую свидетельствует керамический комплекс, полученный на полах и горелом заполнении на Актобе 2 Чардаринском, представленный большим количеством целых форм сосудов. Важно, что в нем преобладают тарные сосуды, разбитые и подавленные при пожаре здания. В последних могли храниться припасы для обороняющихся защитников.

Возвращаясь к Нижнему Таласу³⁴, отметим, что памятники I тыс. н.э. расположены здесь не везде. Помимо группы поселений, расположенных в Байзакском районе, слои первых веков н.э. есть в бассейне р. Аса. К ним относятся I Бурнооктябрьское городище, вероятно, Тас-тобе (Маргулан, 1950, с. 31), а также два отдельно стоящих тобе у с. Аса (Свод памятников, 2002, №№ 143, 152).

Остальные городища указанного времени расположены на северных склонах Каратау вплоть до Сузака. Они всегда приурочены к выходам саев или рек, питавших их водой. В эту группу входят такие исследованные памятники, как Актобе Баба-атинское и Тарса-тобе около Сузака (Агеева, Пацевич, 1958, с. 21–24, рис. 25). Нет сомнений, что слои первых веков н.э. будут лежать в основе городища Кумкент на оз. Кызыл-коль (Там же, с. 112–113, рис. 52).

Группа крепостей Байзакского района и памятники северных склонов Каратау маркируют основную восточную границу политического объединения Кангюй во II–III вв. н.э. Иначе говоря, памятники Байзакского района расположены на степном участке, к которому на землях древнего орошения подходит кромка песков Мойынкум; севернее же солончаки и пески доходят практически до склонов Каратау. Таким образом, крепости были построены на границе естественной природной зоны. Появление опасности ждали именно с востока, с территории Мойынкума и относительного узкого прохода между пустыней и склонами Киргизского хребта: из земли усуней. Восточнее этой группы, в настоящее время известно единственное укрепленное поселение: городище Луговое-холм, исследованное А.Н. Бернштамом. Материалы этого многослойного памятника не изданы³⁵, но велика вероятность того, что нижний слой этого памятника связан с культурой усуней, как и считал А.Н. Бернштам, а позже К.А. Акишев (Акишев, 2013, с. 12, 14).

Описанная группа крепостей вполне могла появиться здесь для укрепления опасной границы, но крепости расположены хаотично на саях и не образуют спланированную линию укреплений. Вероятно, строительство на этой границе также осуществляли отдельные кланы. Крепости и поселения перестают функционировать в середине IV в. после нашествия кочевых племен гуннского круга, которые сожгли крепости на средней Сырдарье и в долине Таласа. Вероятно, пожары на крепостях и поселениях Кангюя непосредственно предшествуют нападению хионитов на государство Сасанидов; во всяком случае, упадок крепостей связан с началом эпохи Великого переселения народов.

³⁴ Под Нижним Таласом понимается бассейн этой реки от выхода с гор в теснине Чон-Капка до нынешней дельты, фактически – до конца стока.

³⁵ Немногочисленная коллекция (обломки керамики, каменные и костяные изделия) из раскопок городища Луговое-холм хранится в Гос. Эрмитаже, полевая отчетность по ней – в Научном Архиве ИИМК РАН.

Список иллюстраций

Раздел 4

4.1.

Рис. 4-1-1. Крепости в долине Таласа, средней Сырдарье, Зеравшане и в Ферганской долине. Составитель А.В. Кулиш, топографическая основа А.Г. Акулова.

Рис. 4-1-2. Карта-схема памятников восточной округи Тараз. Маршрутные обследования М.С. Мерциева в 1963 г. (по: Максимова, Мерциев, 1971, рис. 1).

Рис. 4-1-3. План Бака-тобе. Обмер, построение и чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-4. План центрального здания Бака-тобе. Обмер, построение и чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-5. Окно в северо-западном коридоре центрального здания. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-6. Помещение внутри южной башни. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-7. Свод в северо-восточном коридоре центрального здания. Хорошо виден выступ карниза. Фото А.И. Торгоева.

Рис. 4-1-8. Западный угол внешней крепостной стены (аксонометрическая проекция). Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-9. Фасад внешней крепостной стены у западного угла. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-10. Двор между центральным зданием и крепостной стеной. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-11. Кухонная керамика. Мусорное заполнение над верхним полом в башне 3. Рис. А.И. Торгоева.

Рис. 4-1-12. Столовая и тарная керамика. Мусорное заполнение над верхним полом в башне 3. Рис. А.И. Торгоева.

Рис. 4-1-13. Столовые горшки и очажная подставка. Мусорное заполнение над верхним полом в башне 3. Рис. А.И. Торгоева.

Рис. 4-1-14. Керамика. Тарные сосуды. Мусорное заполнение над верхним полом в башне 3. Рис. А.И. Торгоева.

Рис. 4-1-15. Крепости долины Таласа и северных предгорий Каратау: а – Чольтобе, б – Бака-тобе, в – Актобе Баба-атинский. Сост. А.В. Кулиш.

Рис. 4-1-16. Крепости Ташкента и среднего течения Сырдарьи: а – Шаштепа, б – Мингурюк, в – Актепе Чиланзарский, г – Актобе 2 Чардаринский, д – Культобе Туркестанский (период II). Сост. А.В. Кулиш.

Рис. 4-1-17. Крепости в Бухарском оазисе: а – Кызыл-Кыр I, б – Уч-Кулах, в – Сеталак-I. Сост. А.В. Кулиш.

Рис. 4-1-18. Крепости Бактрии, Согда и Уструшаны: а, б – Беграм, в – Киндикли-тепе, г – Тиркаштепа (горизонт 2), д – Джартепа. Сост. А.В. Кулиш.

Рис. 4-1-19. Ранние крепости Парфии и Согда: а – Шахр-и Кумис IV, б – Шахр-и Кумис VII, в – Шахр-и Кумис XIII, г – Тали Хамтуда, д – Холикназартепа, е – усадьба около Киндик-тепа. Сост. А.В. Кулиш.

Рис. 4-1-20. Крепости Ферганы: а – Арк-тепе, б – Билувуртепе, в – Арал-тепе, г – Тепе 5 Керкидонской группы поселений. Сост. А.В. Кулиш.

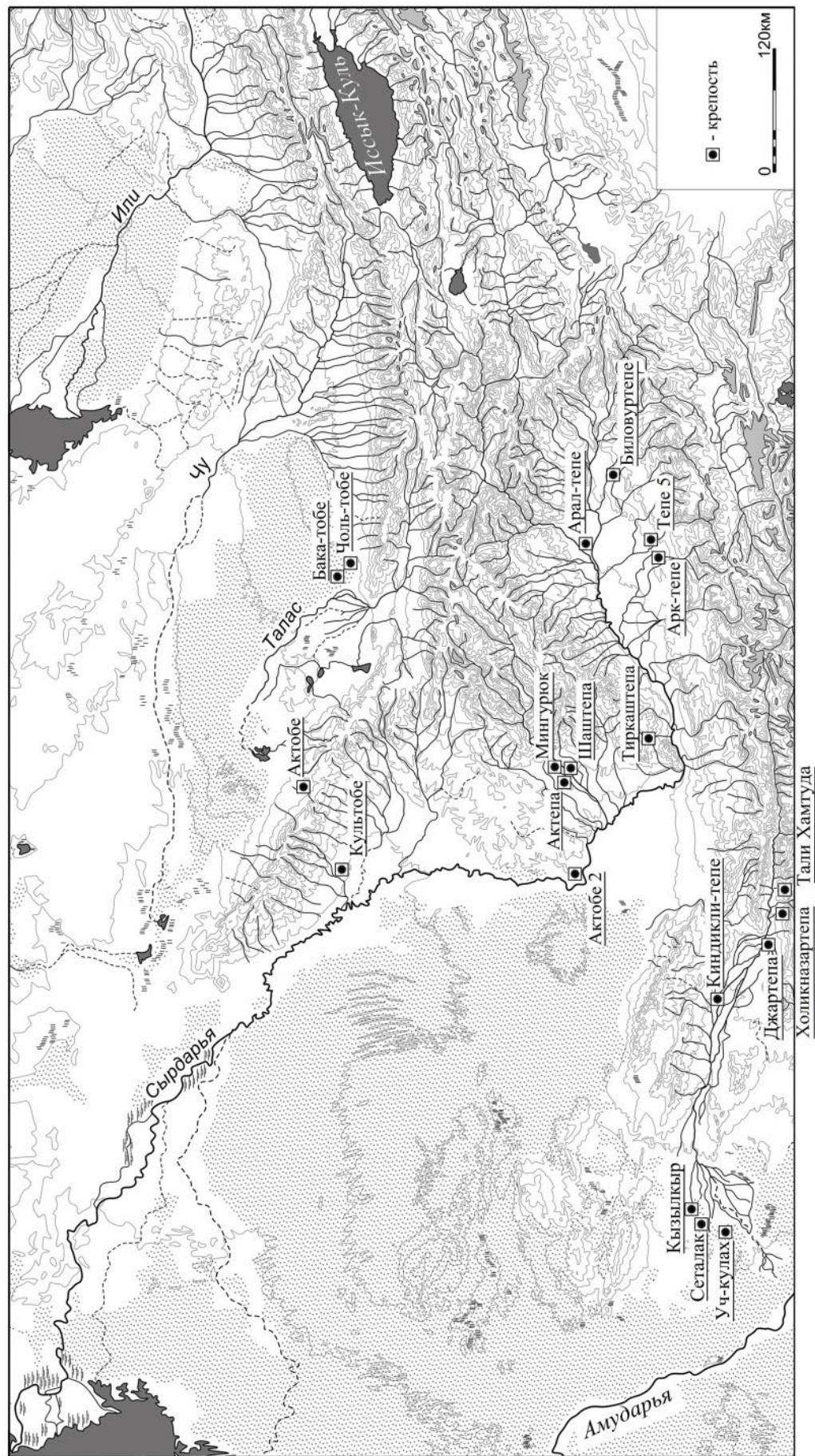
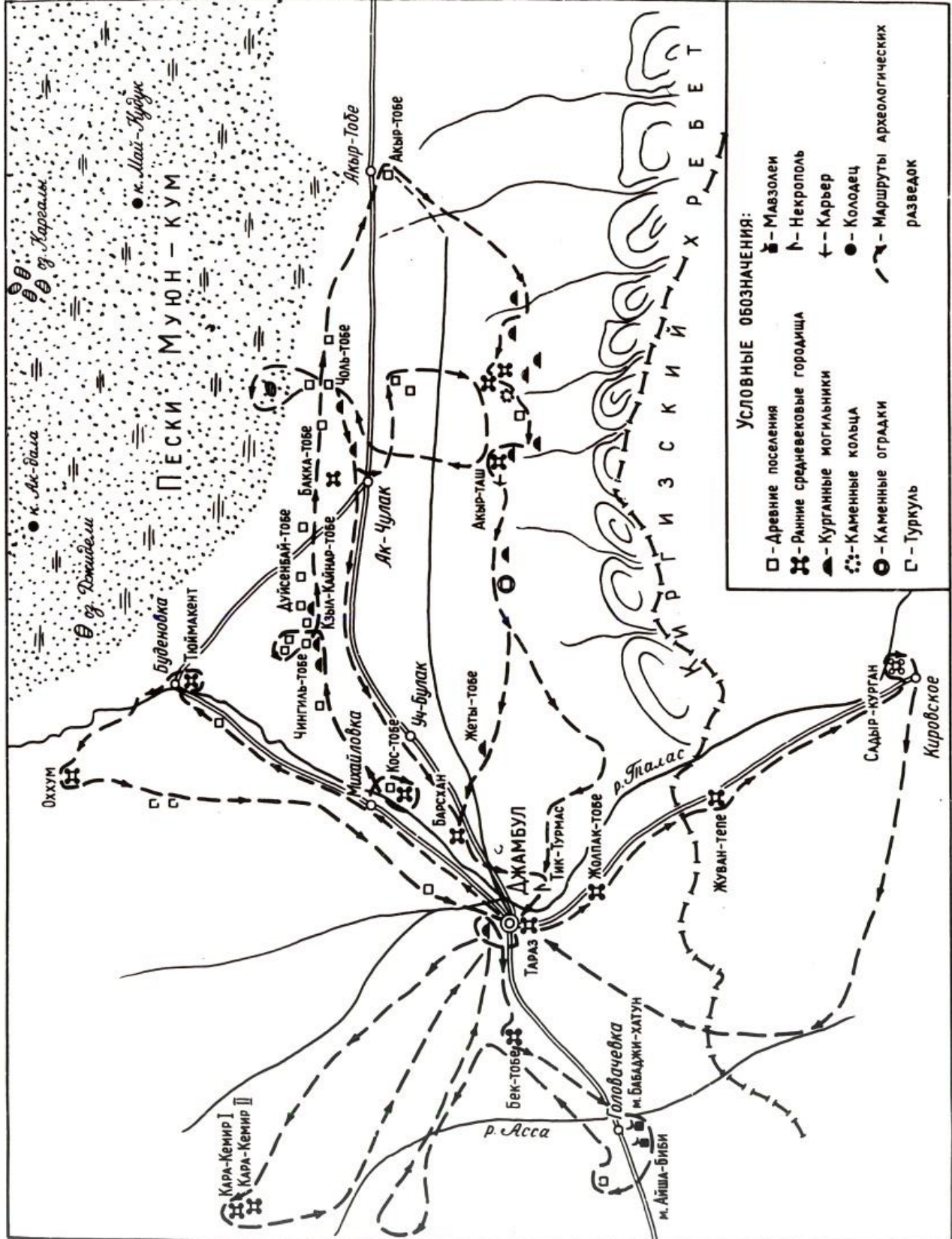

Рис. 4-1-1. Крепости в долине Таласа, средней Сырдарьи, Зеравшане и в Ферганской долине. Составитель А.В. Кулиш, топографическая основа А.Г. Акулова.

Рис. 4-1-2.
Карта-схема
памятников
восточной
округи Тараз.
Маршрутные
обследования
М.С. Мерциева
в 1963 г. (по:
Максимова,
Мерциев, 1971,
рис. 1).

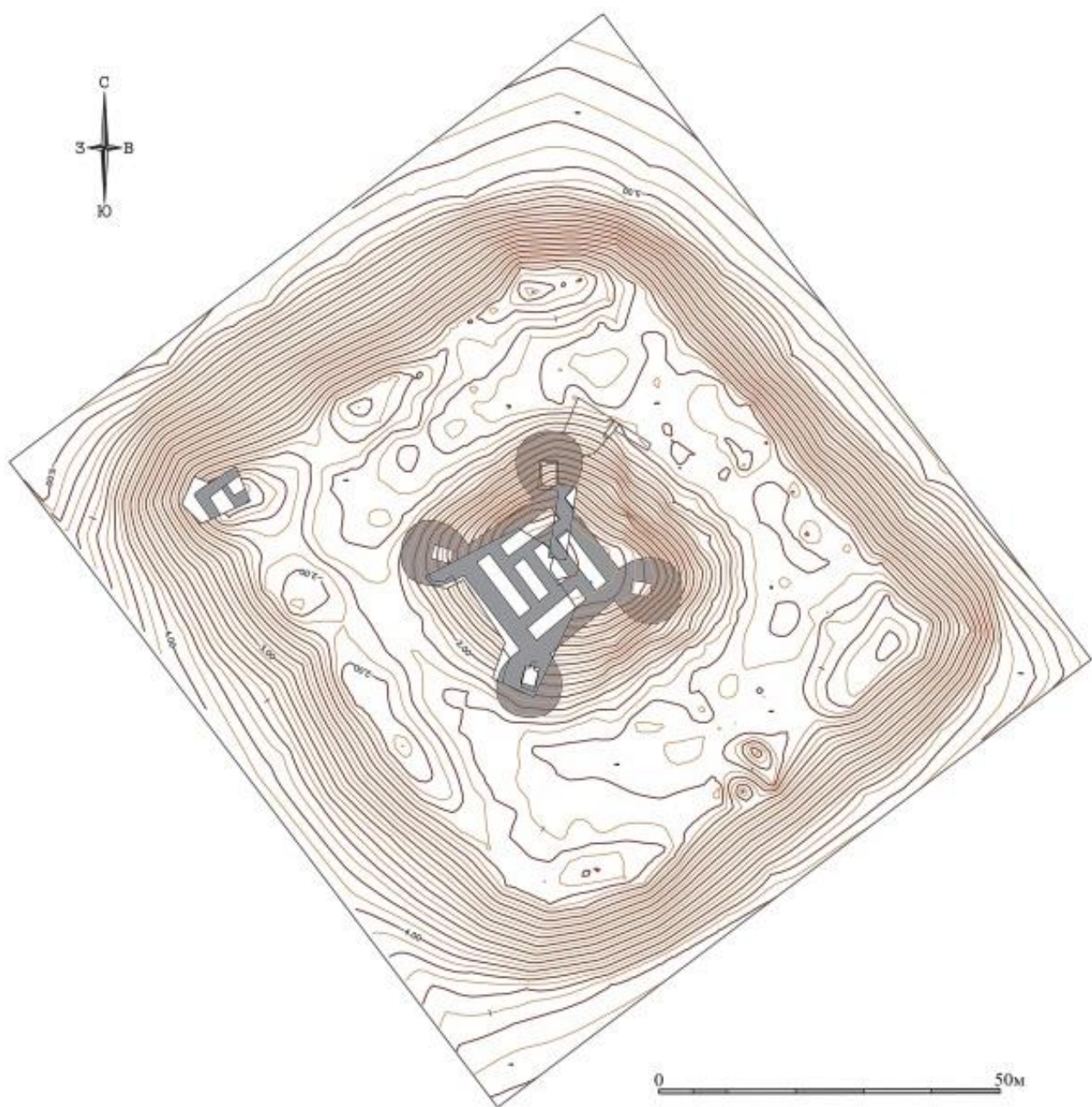

Рис. 4-1-3. План Бака-тобе. Обмер, построение и чертеж А.В. Кулиша.

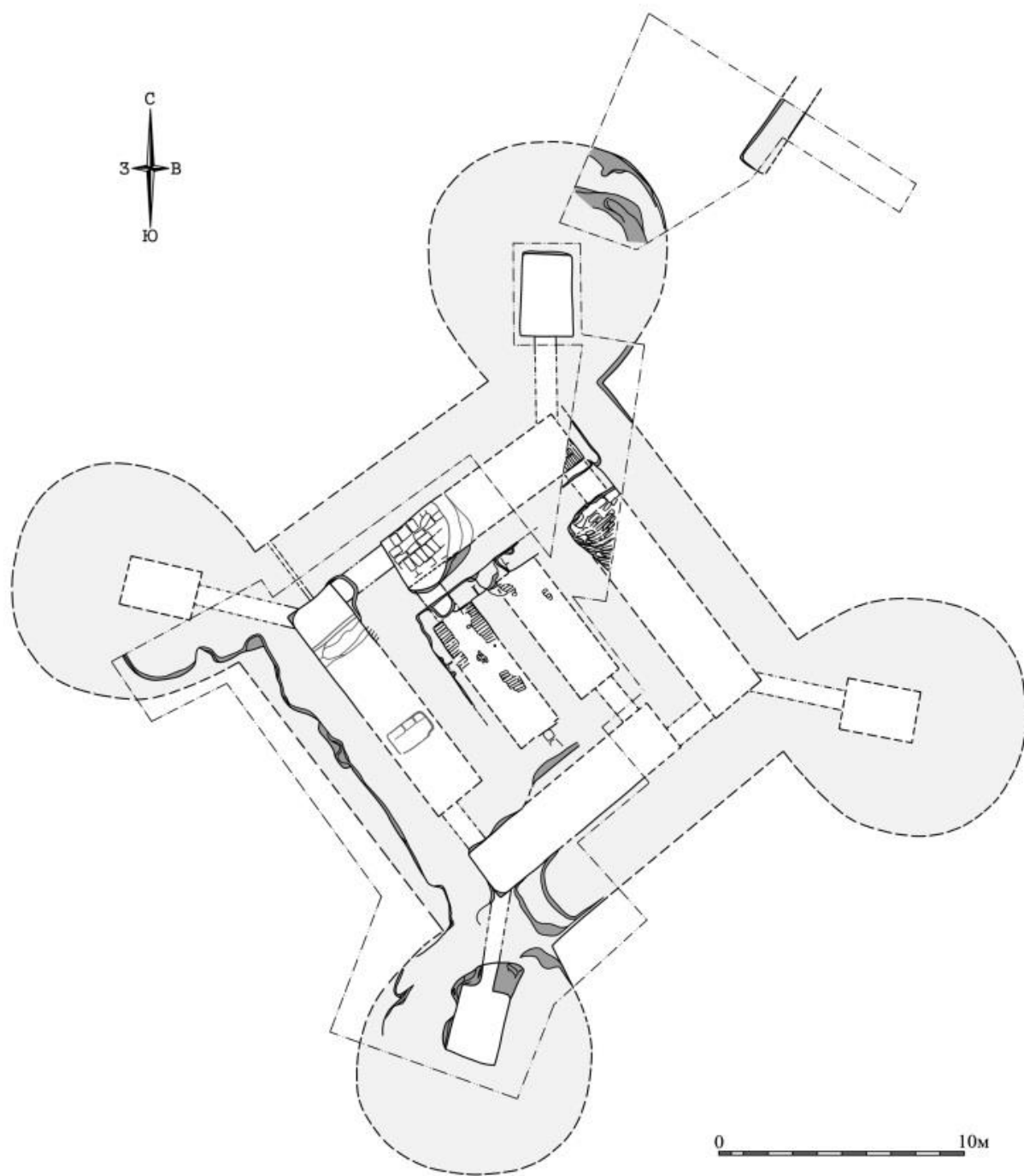

Рис. 4-1-4. План центрального здания Бака-тобе. Обмер, построение и чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-5. Окно в северо-западном коридоре центрального здания. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-6. Помещение внутри южной башни. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-7. Свод в северо-восточном коридоре центрального здания. Хорошо виден выступ карниза. Фото А.И. Торгоева.

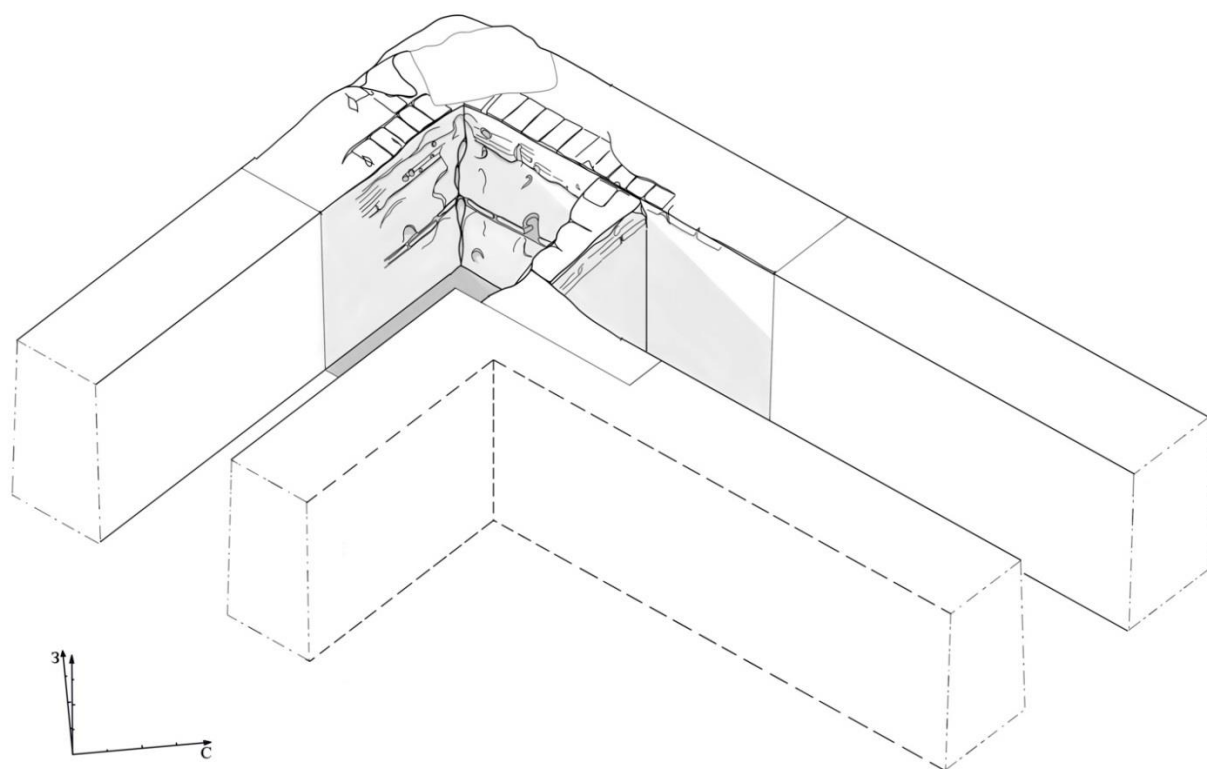

Рис. 4-1-8. Западный угол внешней крепостной стены (аксонометрическая проекция). Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-9. Фасад внешней крепостной стены у западного угла. Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-1-10. Двор между центральным зданием и крепостной стеной. Фото А.В. Кулиша.

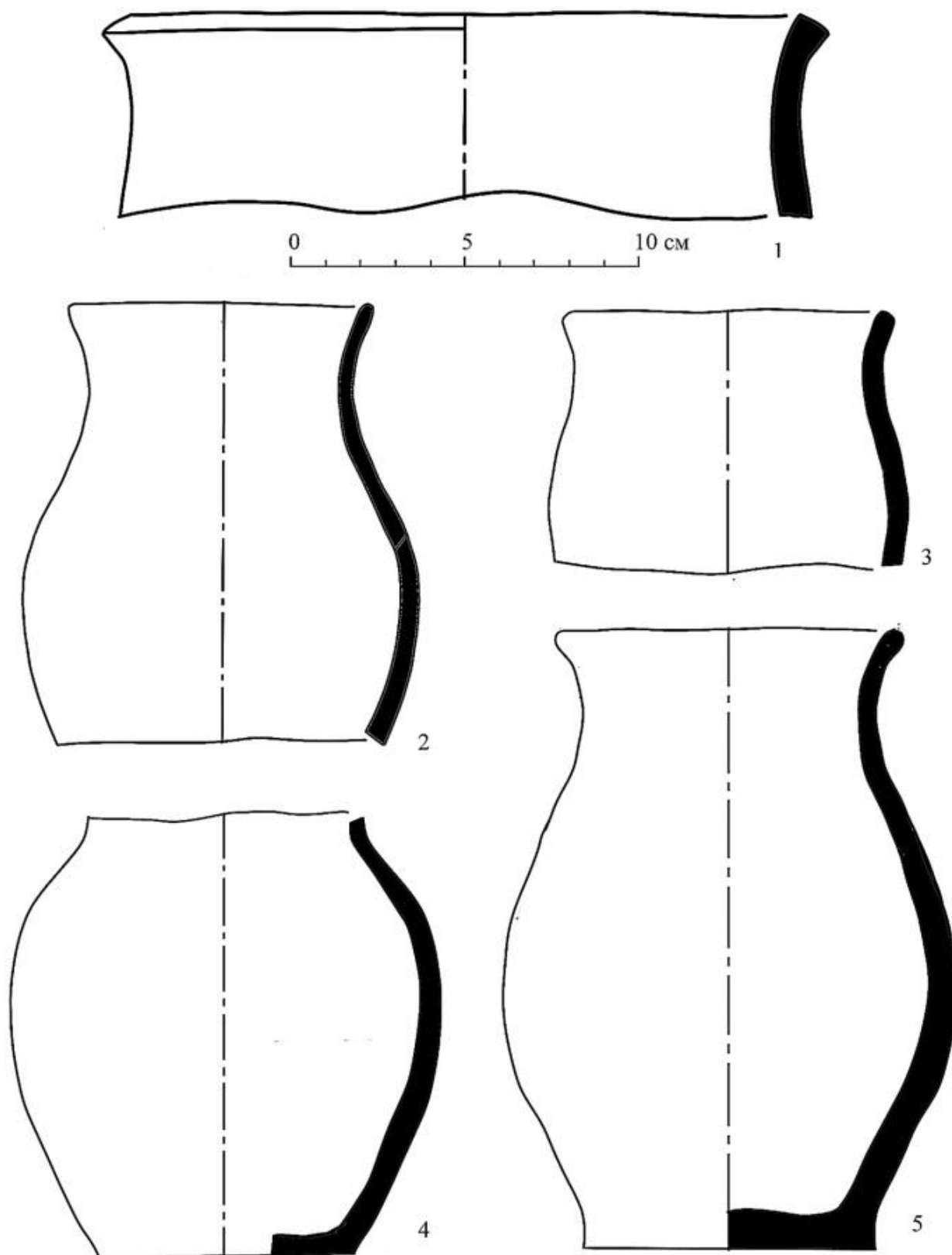

Рис. 4-1-11. Кухонная керамика. Мусорное заполнение над верхним полом в башне 3. Рис. А.И. Торгоева.

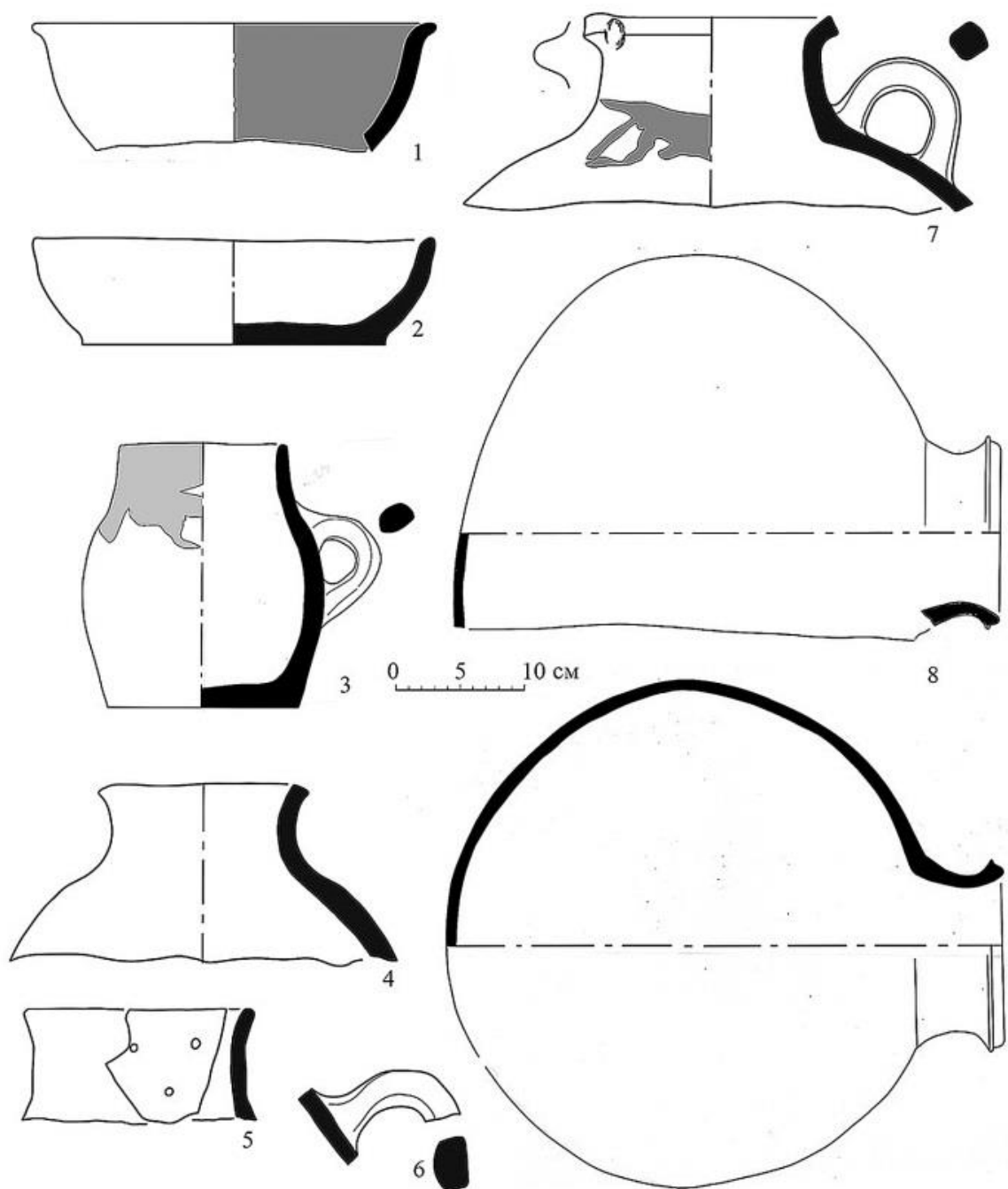

Рис. 4-1-12. Столовая и тарная керамика. Мусорное заполнение над верхним полом в башне 3.
Рис. А.И. Торгоева.

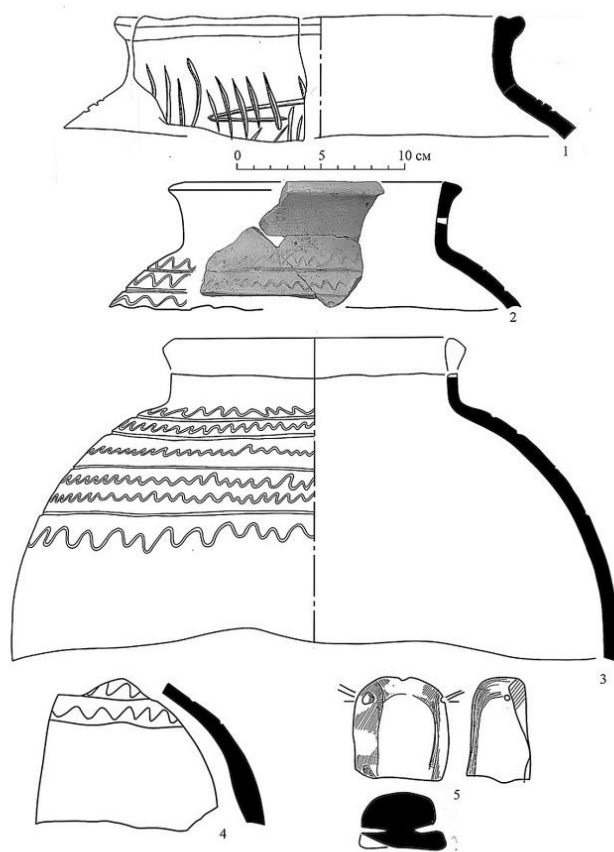

Рис. 4-1-13. Столовые горшки и
очажная подставка. Мусорное
заполнение над верхним полом в
башне 3. Рис. А.И. Торгоева.

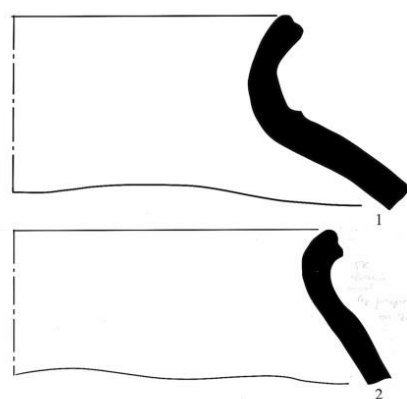
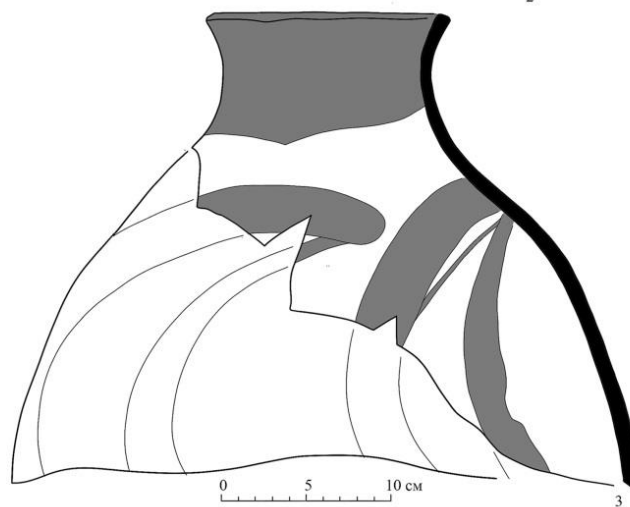

Рис. 4-1-14. Керамика. Тарные сосуды.
Мусорное заполнение над верхним
полом в башне 3 Рис. А.И. Торгоева.

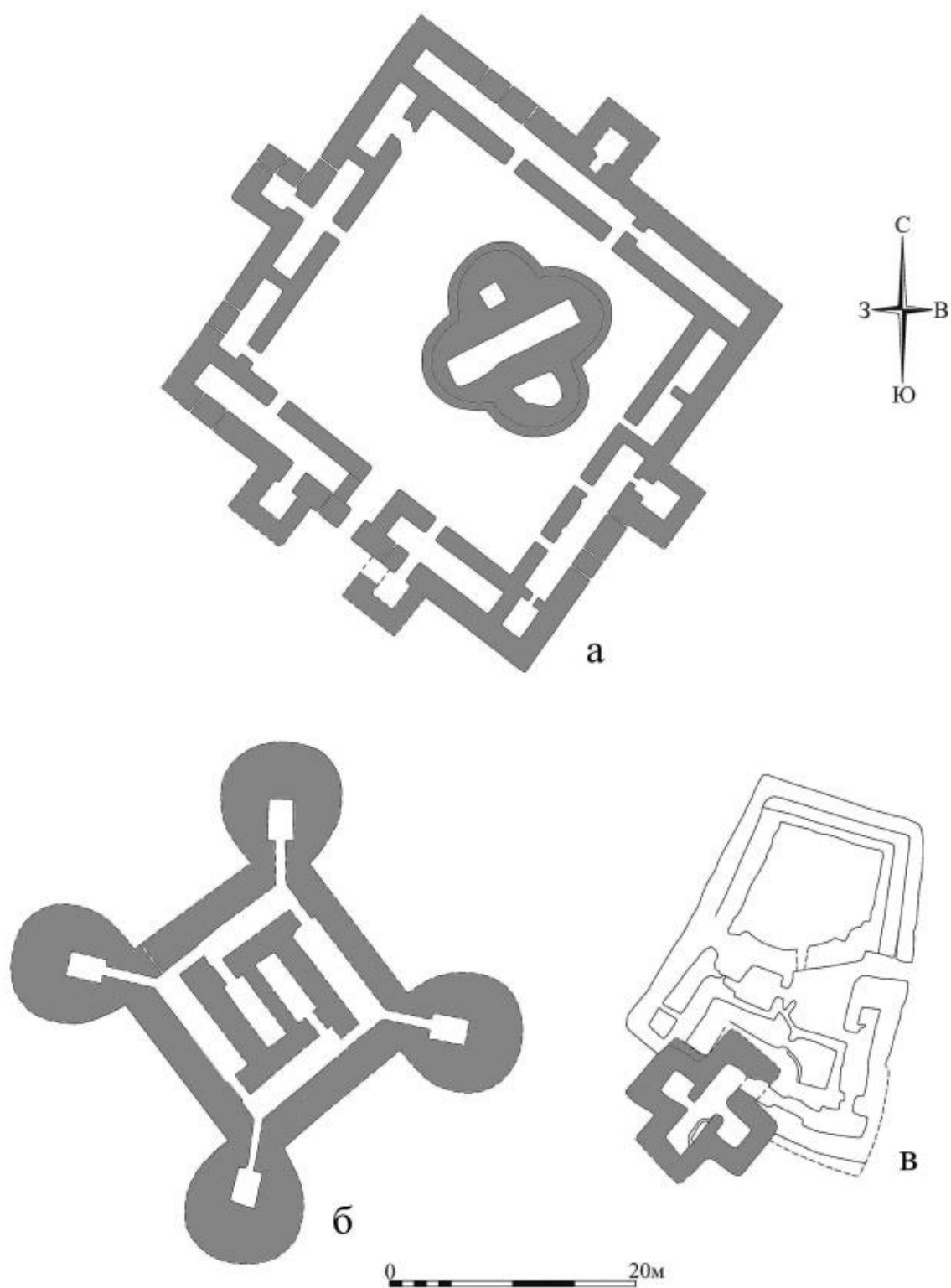

Рис. 4-1-15. Крепости долины Таласа и северных предгорий Каратау: а – Чоль-тобе, б – Бака-тобе, в – Актобе Баба-атинский. Сост. А.В. Кулиш.

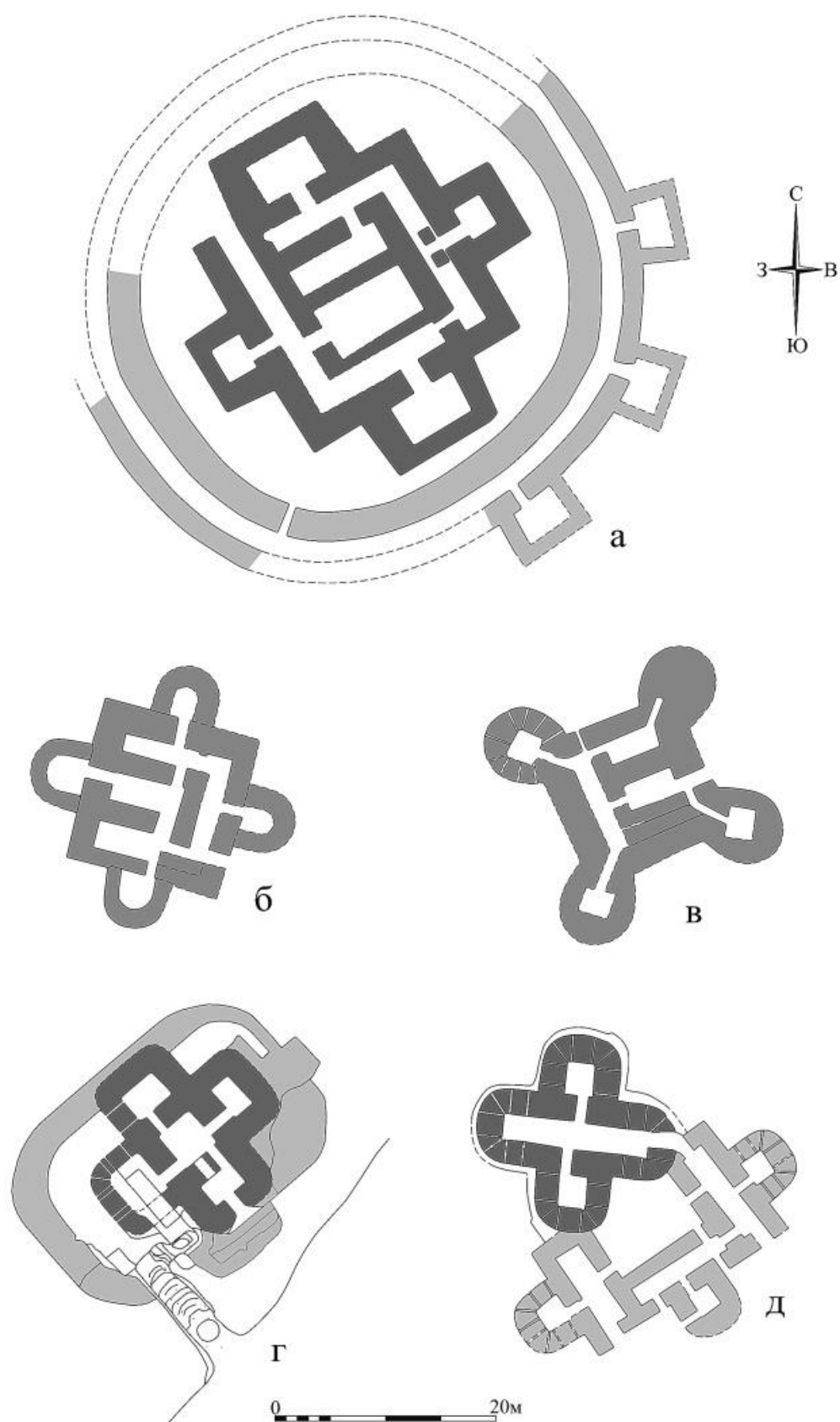

Рис. 4-1-16. Крепости Ташкента и среднего течения Сырдарьи: а – Шаштепа, б – Мингурюк, в – Актепе Чиланзарский, г – Актобе 2 Чардаринский, д – Культобе Туркестанский (период II). Сост. А.В. Кулиш.

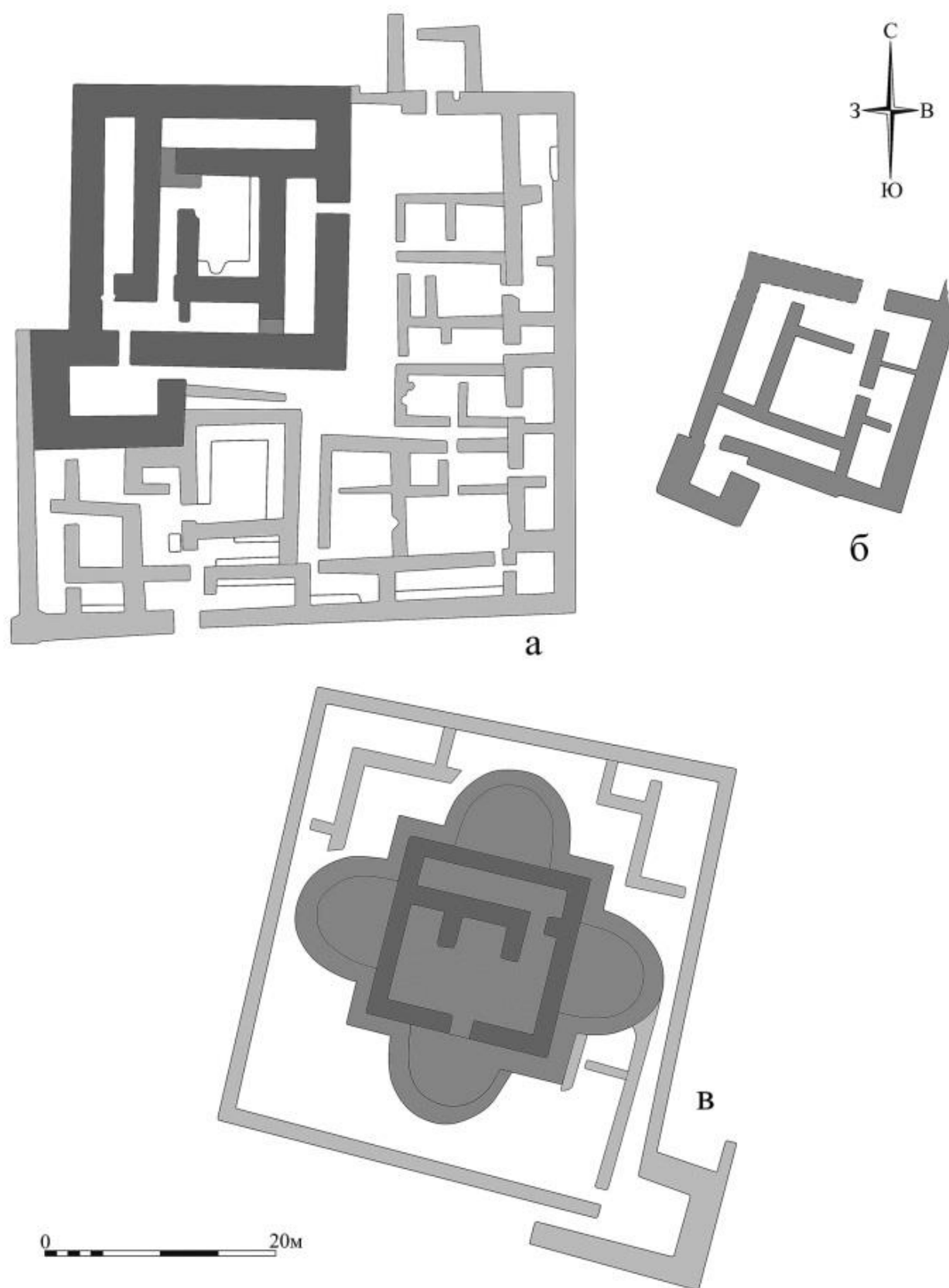

Рис. 4-1-17. Крепости в Бухарском оазисе: а – Кызыл-Кыр I, б – Уч-Кулах, в – Сеталак-I.
Сост. А.В. Кулиш.

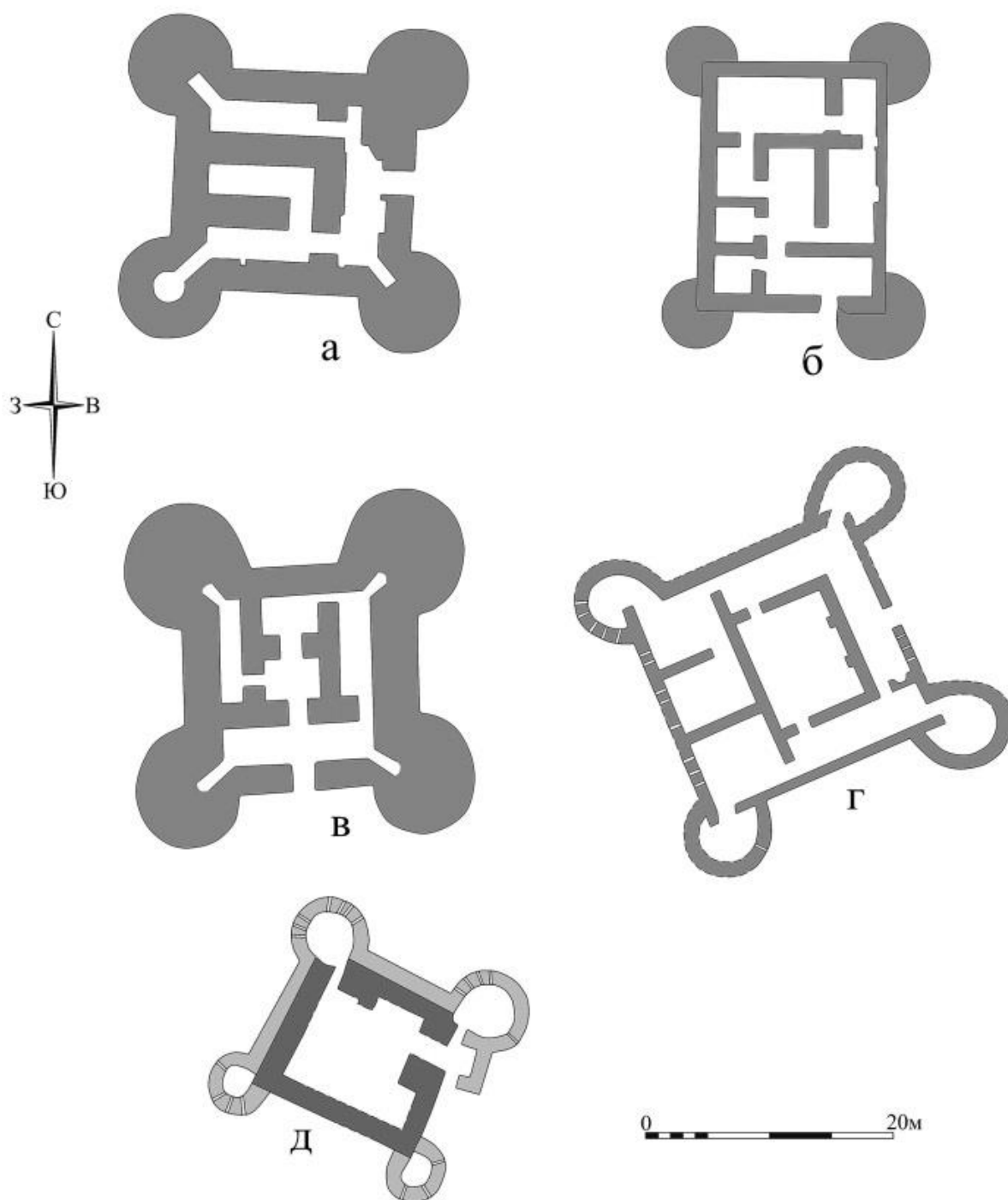

Рис. 4-1-18. Крепости Бактрии, Согда и Уструшаны: а, б – Беграм, в – Киндикли-тепе, г – Тиркаштепа (горизонт 2), д – Джартепа. Сост. А.В. Кулиш.

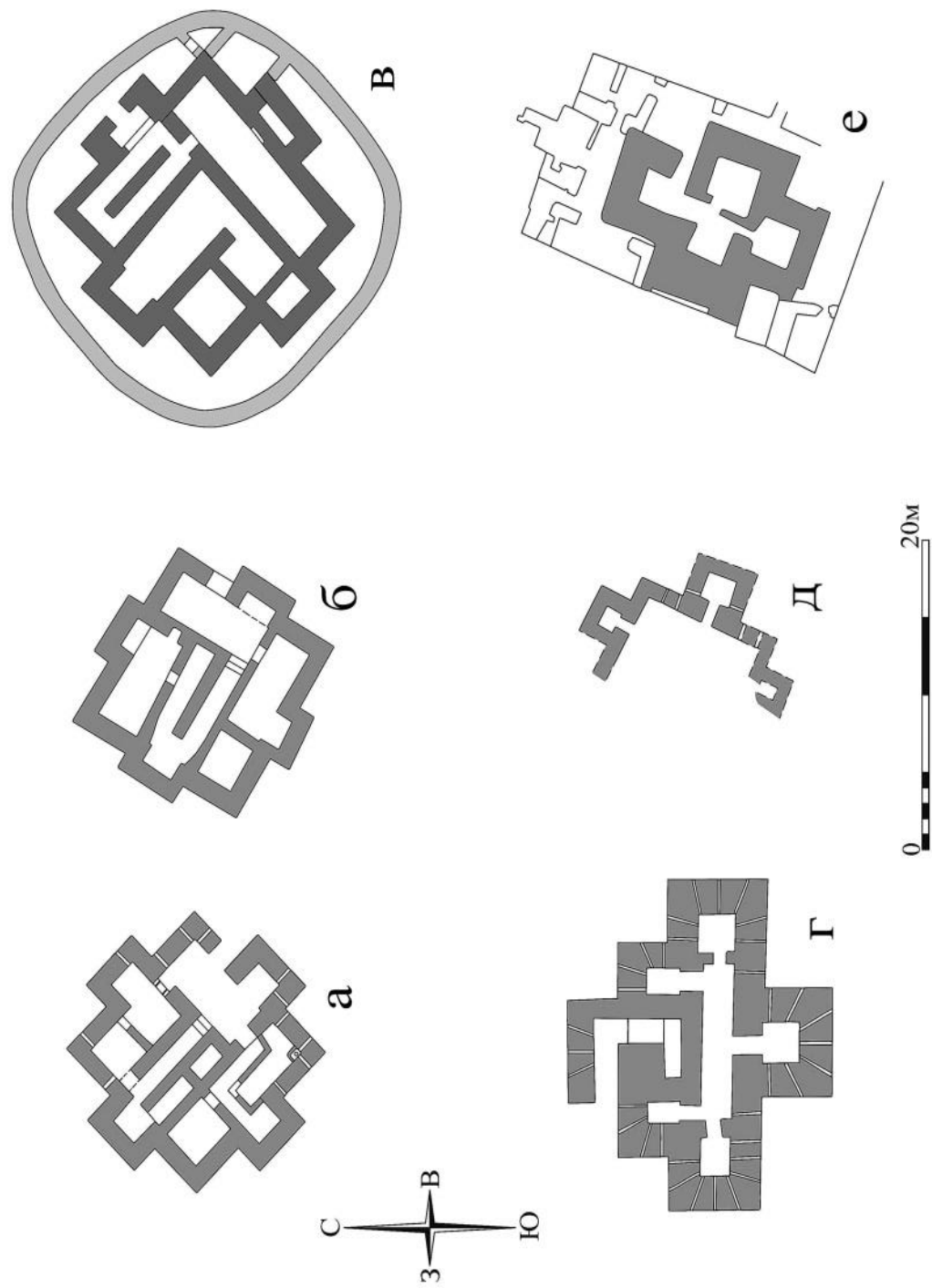

Рис. 4-1-19. Ранние крепости Парфии и Согда: а – Шахр-и Кумис IV, б – Шахр-и Кумис VII, в – Шахр-и Кумис XIII, г – Тали Хамтуда, д – Холикназартепа, е – усадьба около Киндик-тепа. Сост. А.В. Кулиш.

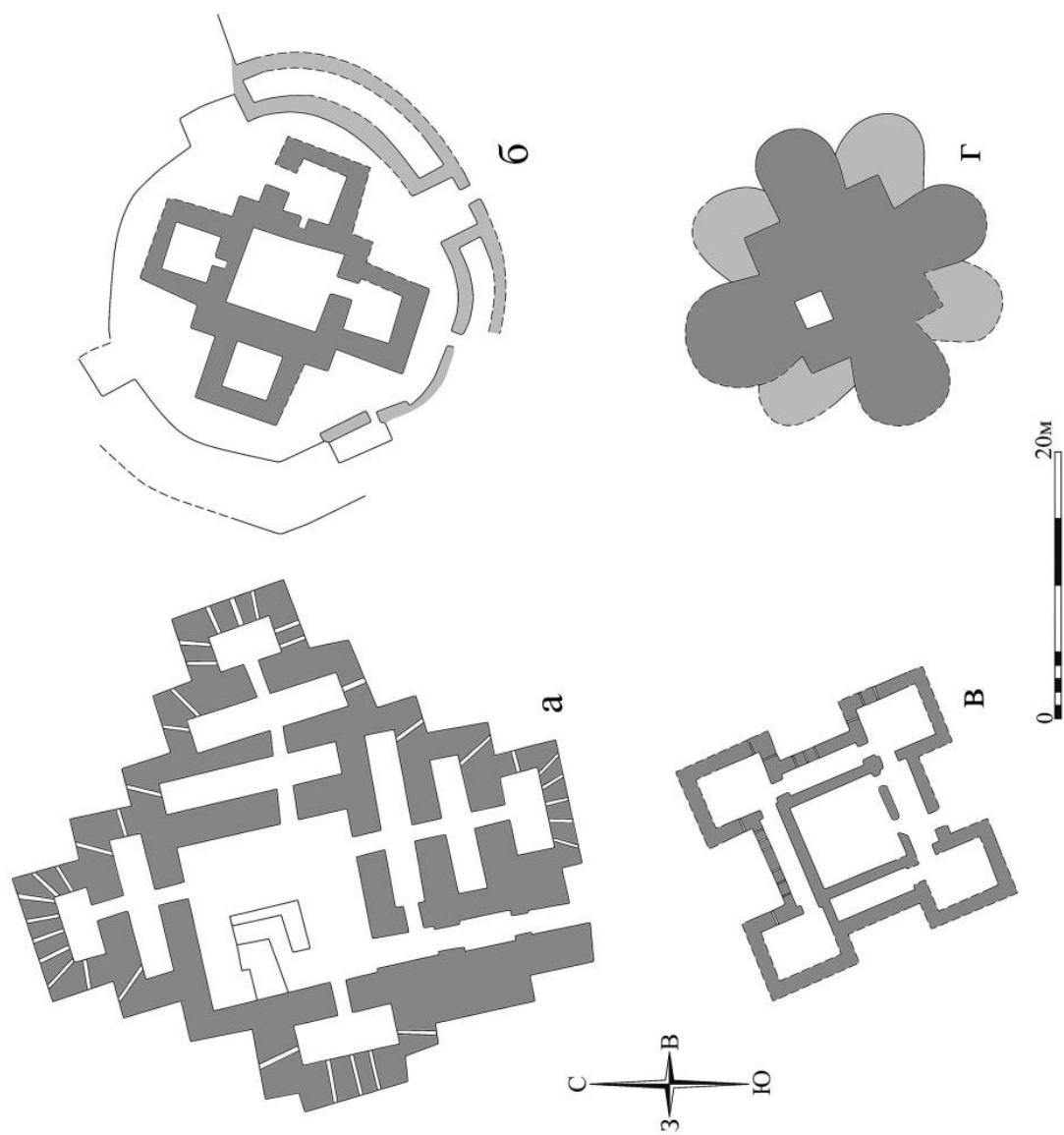

Рис. 4-1-20 Крепости
Ферганы: а – Арк-тепе, б –
Билувуртепе, в – Арал-тепе,
г – Тепе 5 Керкидонской
группы поселений. Сост.
А.В. Кулиш.

4.2. Городище Культобе в г. Туркестане: генезис поселенческой структуры

Торгоев А.И., Кулиш А.В.

В настоящий момент городище Культобе в г. Туркестане является *наиболее исследованным широкой площадью памятником на всей территории, занимаемой древним Кангюем*. Открытие и заслуга исследования раннего поселения на месте Культобе целиком принадлежит покойному Е.А. Смагулову и руководимой им Туркестанской экспедиции. Первые исследования на Культобе Е.А. Смагулов начал в 80-х гг. прошлого века. Уже тогда в стратиграфическом шурфе им был выделен ранний горизонт, датированный первыми веками н. э. Возвращение к работам на Культобе состоялось в 2010 г. С осени 2011 г., когда нуклеарная часть цитадели городища были уже раскопана практически до верхних полов, в работах Туркестанской экспедиции по приглашению Е.А. Смагулова стала принимать участие группа сотрудников Тянь-Шаньской Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в составе А.И. Торгоева и архитектора А.В. Кулиша. Группа Эрмитажа работала в составе ТАЭ по 2014 г. включительно, когда исследования ранней цитадели городища были в целом завершены. В 2017 г. Е.А. Смагулов и А.А. Ержигитова вернулись к раскопкам Культобе Туркестанского и к 2019 г. смогли практически полностью исследовать укрепленную часть раннего поселения.

Е.А. Смагулов в большой мере успел издать материалы раскопок Культобе Туркестанского. В своей последней монографии он изложил свое видение генезиса поселенческой структуры (Смагулов, 2017, с. 83-104, 111-118), в которой были частично использованы наши наблюдения. Уже опубликованное описание строительных конструкций ранней цитадели Культобе (Смагулов, Закиров, Ержигитова, 2016) дает нам возможность сосредоточиться именно на строительной истории поселения в том виде, как мы ее представляем. Краткое описание конструкций дается в тех случаях, если они ранее не описывались, важны для изучения эволюции поселения или же представляют самостоятельный интерес.

Поселение Культобе (рис. 4-2-1) в г. Туркестане имеет выраженную трехчастную структуру. Оно состоит из цитадели, укрепленного поселения и неукрепленного поселения (строения которого бессистемно расположены за оборонительной стеной). *Цитадель* – наиболее древняя часть поселения – состоит, в свою очередь, из двух построек: *крестообразного здания* и примыкающего к нему *замка* (он первоначально фигурировал как «юго-восточная пристройка»). Поселение в целом развивалось поступательно, со временем оно разрасталось, из небольшой крепости превращаясь в укрепленное сельское поселение, которое, несомненно, являлось центром сельскохозяйственной округи. Считать его прото-городом не позволяют малые размеры укрепленного поселения (2700 кв. м).

I строительный период

К этому периоду, безусловно, относится *крестообразное здание* размером 18,2 x 18 м. Оно образовано сходящимися под прямым углом четырьмя прямоугольными в плане башнями, фронтальным фасадам которых придана округлая форма. Постройка ориентирована почти точно по направлению сторон света со смещением 6° по часовой стрелке. Внешние фасады стен имеют положительный уклон 78 – 80 градусов (рис. 4-2-2).

В этом здании открыты три помещения, сообщавшихся между собой арочными проходами. *Помещение А* вытянуто по линии В-3 и представляет собой узкую, длинную прямоугольную комнату размером 13,3 x 2,9 м, являющуюся осевым коридором здания. Ранние стены крестообразной постройки возведены из пахсы (толщина по 0,8 м) и сырцового кирпича (49-50 x 34-36 x 9 см), и сохранились на высоту на 3,3-3,4 м от уровня каменной вымостки первого пола. Пол нижнего периода вымощен относительно крупной речной галькой по всей площади помещения. К первому строительному периоду относится устройство стрельчатых арочных проходов в северной и южной стенах помещения А, которые ведут в помещения В и С. В обоих случаях арки проходов были бескружальные.

Бойницы³⁶ - щелевидные, расположены в этом помещении в 1 м от нижнего пола. Вход бойниц – прямоугольной формы размером 35 x 10-12 см, полук наклонный, расположенный под углом 20 градусов. Бойницы на углах башен расходятся между собой под углом 45 градусов. Выход бойниц (судя по единственной целиком расчищенной, расположенной в юго-восточном углу помещения) имеет высоту 0,95–1 м.

Помещения В и С имели одинаковые размеры 2,9-3,0 x 2,5 м. Система бойниц в них следующая: по две бойницы располагались в стенах, имеющих выходы на внешний фасад, и по одной в углах помещений, также ориентированных на внешнюю сторону. Такая система бойниц давала возможность при обороне простреливать углы здания.

В двух шурфах, выкопанных в помещении А, был выявлен слой чистой глины толщиной до 1 м, который залегал, в свою очередь, на погребенной почве и прослойке гари. Слой чистой глины представлял собой платформу, на которой было построено здание, а слой гари образовался в результате того, что перед началом строительства была сожжена сухая трава на участке. Это дает основания думать, что строительство крестообразного здания осуществляли летом.

Размер постройки говорит о том, что она была рассчитана на небольшой коллектив обороняющихся (большая семья?), и могла обороняться от примерно

³⁶ Г.А. Терновая считает бойницы окнами, через которые проникал солнечный свет внутрь помещения. В качестве аналогий приводятся христианские церкви (Терновая, 2013).

Суждения о якобы близости бойниц с щелевидными окнами в храмах не имеют под собой реальной основы. Окна в храмах никогда не располагаются почти на уровне дневной поверхности, как бойницы в крестообразном здании.

равного или, во всяком случае, не сильно превосходящего в живой силе противника. Входа в здание на уровне первого этажа не было; видимо, он изначально находился на уровне второго этажа, а подъем осуществлялся с помощью приставной деревянной лестницы.

II строительный период

С юго-восточной стороны к крестовидному зданию (к восточной дуге внешнего обвода пом. С и южной дуге восточного обвода пом. А) пристроено здание, центром планировочной основы которого является внутренний дворик, окруженный с трех сторон коридорами. Нет сомнений в том, что если бы здание строилось как отдельное, то оно имело бы коридоры по всем четырем сторонам. Очевидно, что здание возводилось по заданному плану. Общий размер юго-восточной пристройки (именно так она первоначально обозначалась) не менее 20 х 12 м. При дальнейшем исследовании эту часть стали называть уже «замком» (рис. 4-2-3).

Центральным помещением замка являлся открытый внутренний дворик (пом. 3), имеющий пятиугольную форму. Уровень первого пола в этом здании был прослежен только в ямах, спущенных с полов более поздних периодов. Ранний уровень пола во дворике был вымощен галькой.

Коридоры в пом. 1а (9 х 2,2 м), 4 (9,3 х 1,8 м), 5 (7,9 х 2,4 м) первоначально перекрывались коробовыми цилиндрическими сводами, выведенными наклонными отрезками. На первом этапе проходы между помещениями были оформлены полуциркульными кружальными клинчатыми арками (рис. 4-2-4). В помещении 1а основание свода сохранилось в виде карниза из двух рядов сырцового кирпича размером 42 х 28 х 8 см. Кирпич обоих рядов выведен напуском, в результате чего карниз имеет ступенчатый профиль, выступая за линию стены на 8 см. Кирпичи в кладке сводов уложены под углом 70 градусов.

Внешние стены здания второго периода были усилены башнями, расположенными на серединах сторон фасадов. В башни попадали из коридоров. Башни имели полуовальную форму, вынесены за линию стены на 4,5 м, при ширине 6 м. В западной и восточной башнях внутрибашенное помещение представляло собой квадратную комнату размером 2,2 х 2,4 м. Южная башня была изначально несколько шире, но внутрибашенное помещение в ней (помещение 12) имело похожий размер (2,3 х 2,3 м). В башнях удалось зафиксировать только нижний ярус бойниц. Они располагались том же порядке, что и бойницы в крестообразном здании.

Изначально в здание с улицы вели два, возможно – разновременных, «скользящих» прохода, расположенных в южной стене по обе стороны от южной башни. Один из них шел вдоль восточной стены южной башни, другой, соответственно – западной. Оба прохода выводили в узкий коридор (пом. 4), откуда еще один проход вел на восток в помещение 1а. Из последнего можно было выйти во внутренний дворик, из которого уже могли попасть в помещение 5 – западный коридор. Не исключено, что в помещении 4 в юго-

западном углу был подъем на второй этаж в виде лестницы. Об этом говорит отсутствие прохода из помещения 4 в помещение 5. Видимо, толщина лестницы уже не позволяла сделать проход по первому этажу.

В крестообразном здании к моменту строительства этой пристройки как будто никаких изменений не происходило. При строительстве замка уже явно отпала необходимость в бойницах крестообразного здания, так как торцы пристройки закрыли выходы, по крайней мере, четырех бойниц в восточной и южной башнях, и некоторые бойницы оказались направленными во внутренний дворик. Очевидно, что последние были тогда же заложены. Первоначально связь между зданиями осуществлялась только поверху (по второму этажу).

III строительный период

Этот период был основным периодом в существовании зданий, образующих раннюю цитадель (рис. 4-2-5; 4-2-6).

Основное изменение этого периода в крестообразной постройке связывается с устройством глухой стены в западной части этого помещения, которая разделяет большое помещение на два. Большее *помещение*, условно названное А1, размером 8,9 х 2,3-2,4 м, занимает центр и восточную половину помещения А. С уровня второго пола был произведен ремонт подмывов стен в нижних частях помещения. Ремонтная кладка наиболее чётко прослежена у южной стены.

Во второй период у северной стены помещения А1 зафиксированы остатки суфы высотой 0,45 м; ширину ее выявить из-за разрушения не удалось. Во всяком случае ее ширина не могла превышать 0,8 м.

Наиболее важным моментом является то, что в этот период был пробит проход – лаз в толще восточной стены, который вел в помещение замка 1а. Ранее этот проход был принят за возможную погребальную камеру – катакомбу (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011, с. 65)³⁷. Высота прохода–лаза 1,35 м, максимальная ширина 1 м; он имел неправильную стрельчатую форму. Наличие этого прохода дает основание синхронизировать постройки в крестообразном здании и замке.

Помещение А2 размером 3,6 х 2,3 м вообще не имело проходов, и, вероятно, было сразу забутовано: видимо, в этом помещении использовался только второй этаж.

В *помещениях В и С* также подняли полы, которые по уровню полностью соответствовали полу в помещении А1. Высота проходов в помещения снизилась до 1,4 м. Пол в помещениях В и С выложен трапецевидным кирпичом размером 50-53 х 27-29 х 31-32 х 8-9 см. Возможно, что в помещении С были суфы, но из-за сильного разрушения это нельзя поверить.

В развитие фортификации происходит облицовка внешней стены крестообразного здания, наиболее хорошо сохранившаяся на северо-восточном

³⁷ Е.А. Смагулов и позже настаивал на том, что этот прорубленный проход был погребальной камерой (Смагулов, 2017, с. 87).

и северо-западном секторах внешнего фаса здания (рис. 4-2-7). Облицовка полностью скрывает бойницы, что явно свидетельствует об изменении характера обороны на этом участке. Эта облицовка была сделана из желтоватого песчанистого кирпича размером 52-54 x 27-28 x 8 см на белесом растворе толщиной 11-18 см между рядами кирпича. По времени эта облицовка, видимо, близка к ремонту стен в помещении А второго строительного периода. Она была создана позже строительства юго-восточного здания, поскольку пристроена к торцам стен помещений 1а и 5 юго-восточного здания.

В замке III период связан с поднятием уровня пола от предшествующего горизонта по всей площади. Основной новацией третьего периода, кроме значительного повышения уровня полов, является появление помещений южной группы. Их пристраивают к западу и востоку от помещения 12 – изначально внутрибашенного помещения южной башни.

Помещение 11 размером 2,1 x 2,7 м – самое восточное в южной группе. В нем на высоте около 2,2 м от верхнего пола находилась деревянная антресоль, от которой в стенах сохранились гнезда. Проход в северной стене остался в наследство от предшествующего периода, когда там находился вход в замок со двора. Он был оформлен полуциркульной аркой и связывал помещение 11 с осевым коридором (помещение 4). Им пользовались только во время жизни на полу III строительного периода.

Помещение 12 – бывшее помещение южной башни – практически целиком перекладывают. К этому периоду относятся нижний и второй пол сверху. С уровня первого пола действовал еще проход ведущий в осевой коридор (помещение 4). На нижнем полу, у восточной стены помещения была открыта суфа, сделанная из пахсы, ширина ее 0,7 м, высотой 0,34 м.

На уровень второго пола, который был устроен вровень с поверхностью суфы, поставленной с нижнего пола, могли попадать через лаз, вырубленный в западной стене и ведущий на более низкий по уровню синхронный пол в помещении 13. В последнем верх этого лаза наметился только на уровне верхнего пола. Таким образом, можно говорить о том, что помещением 13 могли пользоваться после окончательного запустения помещения 12. Ширина лаза 0,65 м, высота около 1 м. Узкий и низкий лаз может свидетельствовать о непостоянном использовании помещения 12, очевидно, служившего какое-то время кладовой, которую навещали эпизодически.

Помещение 13 имеет ширину 2,4 м и длину 2,7 м. При строительстве помещения изначальные стены здания II строительного периода на этом участке были переложены. Проход, по форме напоминающий арку полуциркульных очертаний, находился в северной стене. Он был сделан на месте прежнего входа в здание. Это проход действовал для времени жизни на нижнем полу. В восточной стене помещения для уровня нижнего пола обнаружен лаз, ведущий в помещение 12. Под нижним полом помещения 13 обнаружена медная монета Хувишки (рис. 4-3-18), которая дала возможность

определить *terminus post quem* перестройки III строительного периода со времени не ранее середины II в. н. э.

Во внутреннем дворе к этому этапу относится второй сверху пол (отметки -283, -294 м от репера³⁸). Именно с функционированием этого пола связано строительство приставной стены к западной стене и пандуса, ведущего на второй этаж вдоль южной стены двора. Последние были построены в перевязку. В приставной стене устраивается «скользящий» вдоль стенки пандуса проход, ведущий в помещение 5 и оформленный стрельчатой аркой. С уровня пола удалось выявить расположенную в юго-западной части яму диаметром 0,9 м (яма № 2); возможно, она какое-то время служила колодцем. На уровне пола находились следы от временного жилища в виде столбовых ямок, образующих неправильный круг.

Размеры помещения 5 не изменились с момента постройки здания. В нем был поднят пол и устроены суфы вдоль всех четырех стен. Перед проходом, ведущим во внутренний дворик, суфа вдоль восточной стены помещения прерывалась. Помимо прохода во дворик, действовал проход во внутрибашенное помещение западной башни (помещение 5а); в нем также были суфы вдоль всех стен.

В южной стене помещения 5 пробивают проход на улицу. Перед новым входом в помещение 5 был сооружен айван шириной 2,7 м. С запада айван ограничивала пахсовая стена толщиной до 0,6 м (обнаружена в стенке шурфа № 5). Северным торцом стена упиралась в западную башню замка. Направление этой стены было задано тем, что ее северный конец фактически облицовывал западный фасад замка. Эта тонкая стена зачем-то отсекала восточную половину поселения от западной, ее линия прослежена до помещения 40. Восточной стеной айвана являлась торцевая стена помещения 13.

В помещении 1а, как и в симметричном ему помещении 5, устраивают выход на улицу; в нем на уровне нижнего пола сохранились ямки от каких-то столбовых конструкций, которые не образуют системы. Также в нем зафиксировано несколько очажков, действовавших короткое время. Проход во внутренний дворик, действовавший в предшествующий период, закладывают, тогда как проход во внутрибашенное помещение восточной башни (помещение 1а) еще действует.

В помещении 4, как и во внутреннем дворе, строят пандус для подъема на второй этаж; ширина его 1,10 м, длина 8,5 м, наклон его составляет 25 градусов. Верхний конец пандуса подходит к приставной стене третьего периода, как и во дворе. Таким образом, полная высота пандуса составляет 3,15 - 3,2 м от уровня пола, и можно с уверенностью говорить, что перекрытия второго строительного периода не могли находиться ниже этой высоты.

³⁸ Репер в виде металлического штыря был вбит в сырцовую конструкцию в северной части раскопа. Его отметка на ярус (0,5 м) ниже уровня современной дневной поверхности на этом участке.

Перед пандусом действует проход в помещение 1а; в этом помещении на данном этапе были также проходы в помещения 11 и 13. При этом проход в помещение 12, действовавший в предыдущий период, замуровывают.

IV строительный период

Этот этап характеризуется пристройкой мощной платформы из сырцового кирпича и пахсы, которая полностью скрывает крестообразное здание (рис. 4-2-8). Крестообразное здание, древнейшая постройка поселения, полностью забутовывается до уровня пола второго этажа. Длина платформы была 24 м, полная ширина 23 м. Именно благодаря тому, что эти постройки были таким образом законсервированы, они дошли до нас в хорошей сохранности. Какое здание стояло на платформе, никогда не удастся выяснить: оно было полностью снесено в последующий период. На это указывает то, что полы некоторых средневековых построек и спущенные с них ямы находились на уровне чуть выше верха сохранности стен крестообразного здания. Строительство столь мощной платформы было обусловлено необходимостью расширения площади участка, который на следующем этапе стал цитаделью небольшого укрепленного поселения.

V строительный период отделен от предыдущего очень коротким временным интервалом. Эти периоды можно было бы объединить в один, но появившаяся в V периоде крепостная стена поселения пристроена к платформе IV периода без перевязки (рис. 4-2-9). Последнее обстоятельство и дало возможность рассматривать их как разные периоды.

В замке период V следует сразу за периодом III, так как IV период связан только с одноактным наращиванием платформы вокруг крестового здания. Хронологическая разница между периодами III и V очень небольшая.

Это был последний этап, связанный со строительными работами в здании. В следующем периоде замок уже перестает функционировать.

На верхнем полу (отметки -258, 260 м) внутреннего двора зафиксирована специальная подсыпка из мелкой гальки. В этом полу удалось зафиксировать идущие по кругу 19 круглых отверстий диаметром 8-12 см и глубиной 15-20 см, которые в результате образовывали практически правильный круг диаметром 3,5 м от сезонной постройки.

Входы в замок по-прежнему располагались в помещениях 5 и 1а. С уровня второго пола двора помещения 5 и 5а уже превратились в изолированный блок, в них попадали с улицы. Перед проходом в помещение 5 с улицы по-прежнему существовал размер 2,7 м 2,4 м, открытый на юг. Пол в айване поднимают до уровня верха прежней суфы, в сечении он имеет характерный для улиц корытообразный профиль. Пол был перекрыт натечно-надувными слоями толщиной 15-20 см. С его уровня была зафиксирована удлиненная, вытянутая в направлении СЗ-ЮВ, овальная яма размером 2,3 x 0,5 м и глубиной до 0,6 м, заполненная гумусом зеленого цвета.

В помещениях южной группы повышают уровни полов. В самый поздний период существования помещение 12 представляло собой квадратную в плане комнату размером 2,3 x 2,3 м. Ни одного похода для этого периода выявить не удалось. Вполне вероятно, что в это время в помещение могли попадать со второго этажа. Стены помещения были несколько раз переложены.

В помещении 11 закладывают проход на север и пробивают проход на улицу в восточной стене. Помещение 13 также становится изолированной комнатой, а проход в обводной коридор закладывают. В середине южной стены прорубают проход в виде стрельчатой арки высотой 1,4 м при наибольшей ширине 0,72 м. В помещения 11 и 13 можно было попасть теперь только с внешнего двора, а в помещение 12 – только со второго этажа. В последнем, в слое над верхним полом были фрагменты водоносных кувшинов, один из которых был археологически целый. Видимо, эти разбившиеся сосуды были выкинуты со второго этажа в конце V периода.

Итак, во время жизни на полах V строительного периода, помещения 11 и 13 являлись изолированными комнатами, в которые можно было попасть только с внешнего двора.

Главным для V строительного периода является *появление оборонительной стены ранее неукрепленного поселения*³⁹. Эта стена была изучена практически по всему периметру, за исключением лишь северного участка, где она еще не открыта. Контур этой стены в плане представляет собой *неправильный шестиугольник*. Полная максимальная ширина огороженного участка составила 57 м, а длина не менее 63 м. С востока стена поселения примыкает к платформе IV периода и отходит от нее на восток на длину 8 м, где плавно поворачивает на юго-восток. В 13 м к востоку от начала стены на ней зафиксирован разрыв шириной 2,3 м, который можно интерпретировать как первые *ворота*. Впоследствии они были заложены. От ворот стена продолжается в юго-восточном направлении еще на 11 м. Далее, под углом 117 градусов, поворачивает на юго-запад. Этот участок прослежен на полную длину. Разрез № 2, давший наиболее информативную картину развития крепостной стены, сделан как раз на южном окончании этого участка. В 2019 г. выяснилось, что на северо-западе к платформе IV периода примыкают остатки жилищ. Последнее вселяет надежду на обнаружение северного участка этой стены.

Толщина крепостной стены V периода на уровне сохранившегося верха 1,2 – 1,3 м. В стене находился один ярус щелевидных бойниц размером 35 x 17 см, которые были расчищены на южном участке стены. Бойницы в стене располагались через каждые 1,8 м, находясь на высоте 1 м от уровня нижнего пола. На углах стены в 2019 г. были вскрыты прямоугольные полые башни.

³⁹ Довольно подробное описание оборонительной стены в данном случае важно, во-первых, из-за того, что существующая сейчас информация об оборонительных стенах кангюйских поселений минимальна. Кроме того, наша позиция по поводу генезиса этой оборонительной стены несколько отличается от высказанной Е.А. Смагуловым и его соавторами (Смагулов и др., 2016, с. 519 – 523).

Один ряд бойниц давал возможность стрелять только стоя на уровне основания стены.

После строительства крепостной стены внутреннее пространство поселения начинает активно обживаться, хотя какие-то отдельные постройки могли находиться на этой территории и до появления стены. Этот период характеризуется строительством перегородок, разделяющих пространство поселения на отдельные участки, и *юртообразных жилищ*, которые прослеживаются в виде многократной установки круглых конструкций из жердей. Круги из ямок от жердей часто находятся на одном и том же месте, но в разных слоях. Хорошо изучен комплекс этого периода, состоящий из двух помещений № 40 и 42.

Помещение 40 находится на юге поселения и слегка отклонено против часовой стрелки от линии С-Ю. Северная и восточная его стены сложены из трапециевидного сырцового кирпича размером 50 x 35 x 22-24 x 8 см (т.е. кирпича той же формы и размера, что стены и суфы юго-восточной пристройки (замка) первого строительного периода. Помещение имело большой размер. Реконструируемая его длина составила 9 м, полная ширина 6,5 м.

Восточная стена уходит под крепостную стену VI периода, ее южная оконечность оказалась полностью вмонтирована внутрь поздней крепостной стены. Первоначальной южной стеной помещения являлась крепостная стена. Западная стена была фактически срублена при последующем строительстве, но ее линию полностью повторяли стены более поздних периодов.

В какой-то момент к востоку от помещения 40 строят еще одно помещение № 42. Вначале оно, видимо, было меньше по площади, чем первое, и имело трапециевидную форму. В нем сохранился проход ведущий в южную угловую башню (рис. 4-2-14).

В помещении 40, как и во внутреннем двореке замка, многократно устанавливались каркасно-столбовые постройки округлой формы. От них сохранилось множество столбовых ям, расположенных по кругу (рис. 4-2-10). На полу помещения в центре таких кругов читались обгоревшие докрасна пятна от очагов.

Позже помещение 40 некоторое время могло быть использовано как загон для скота и место, куда сбрасывался мусор. Заметно, что сбросы мусора делались чаще с северной стороны. В следующий период это помещение уже полностью забутовывают, заливают пахсой, и на прежнем его месте возникают какие-то постройки, остатки которых были исследованы в сезоне 2012 г. (Смагулов, 2013б, рис. 1).

VI строительный период в первую очередь характеризуется пристройкой изнутри к стене поселения V периода мощной оборонительной стены (рис. 4-2-11). Периметр стены VI периода был вскрыт в 2014 г. полностью. Что очень важно, эта стена не полностью повторяла линию первой оборонительной стены, относящейся к V строительному периоду. *Западный участок этой стены прошел по центру поселения, разрезав поселение пополам.* Таким образом, этот

участок стены стал широкой центральной стеной, разделившей поселение на восточную и западную части; восточная оказалась значительно более укрепленной. Не исключено, что в этот период площадь поселения по каким-то причинам сократилась, и укрепить мощной стеной решили только восточную часть, в которой и сосредоточились жители. О слоях этого периода на западной стороне поселения пока ничего неизвестно, т.к. последняя была сильно повреждена поздней хозяйственной деятельностью; верхние слои на этом участке не сохранились по причине поздних разрушений.

Внутри восточного укрепления строятся дома и хозяйственные постройки. На месте возвышенной части цитадели, над ранними постройками, без сомнений существовала застройка, которая была полностью разобрана на глину уже в караханидское время. В низовой, южной части огороженного мощными стенами участка ставят, по меньшей мере, один дом и значительное количество примыкающих к нему хозяйственных построек.

«Угловой дом» примыкает вплотную к восточной стене поселения. Общая площадь дома сопоставляет 158 кв. м. Е.А. Смагулов предполагал, что он состоял из пяти помещений (Смагулов, Ержигитова, 2013а, с. 74). Однако помещения № 21 и 22 также можно рассматривать как относящиеся к этому же домовладению. Более того, есть все основания полагать, что вход в дом со двора (условно помещение 39) находился именно в помещении 21, которое служило вестибюлем при входе. Из этого помещения размером 4,8 х 2,4 м попадали в вытянутое по линии ЮВ-СЗ помещение 25 размером 4.7 х 2.7 м. В помещении 25 имелся проход в аналогично ориентированное помещении 24. В последнем была зафиксирована суфа вдоль западной стены. Еще один проход в помещении 25 находился северо-восточному углу помещения и вел в длинное узкое помещение 30, которое, как и соседние помещения 26 и 27, длинной стороной было вытянуто по линии ЮЗ-СВ. В помещении 30 был найден вкопанный по горло в пол хум. Помещение 27 представляло собой также продолговатую комнату размером 4,6 х 2 м. Осталось неясным, как в нее попадали; возможно, что проход в нее был с крепостной стены. Наиболее интересный материал был получен из помещений 26 и 24. В помещении 26 находились суфы вдоль всех четырех стен, а в южной стене находился нишевидный вырез длиной 2,5 м и шириной 0,9 м, в котором был обнаружен вертикальный колодец дымохода камина. В помещениях дома среди керамического развала были найдены гипсовые идола (Смагулов, 2017, с. 127-129). Помещение 22, вероятно, было изолированным: попадать в него могли только со двора. Уровень пола в доме был почти на метр выше уровня двора, который был условно обозначен как помещение 39. *Двор имел шестиугольную форму.* С севера двор ограничен фасадной стеной замка второго периода, с юга крепостной стеной пятого периода. Этот двор был исследован по двум

периодам. Сооружения верхнего периода сохранились плохо⁴⁰. На верхнем полу, особенно в северной части помещения, обильно залегал слой разрушенных строительных остатков, сильно обгоревших в пожаре. В этом дворе на уровне нижнего пола был зафиксирован неглубокий (до 0,6 м) округлый в плане котлован землянки. По периметру котлована находились небольшие столбовые ямки от каркаса жилища. В землянке находились перегоревшие остатки и навоз. В проходе со спуском в землянку находилась поздняя яма, созданная после постройки землянки. Среди обломков керамики из этой полуземлянки обращает на себя внимание фрагмента хума с прочерченным до обжига стилизованным изображением волка (?) или собаки (?) с высунутым языком (рис. 4-3-11, 1).

С двором как-то связан комплекс из двух смежных помещений № 23 и 38. Последние могли составлять как отдельное домохозяйство, так и относиться к хозяйственной части «углового дома».

Помещение 23 образовалось на месте бывшего айвана при входе в помещение 5 замка. Проход в замок был наглухо замурован кладкой к моменту постройки помещения 23. Кирпичная кладка, скрывшая проход в замок, являлась северной стеной этого помещения. Западной стеной его выступала широкая центральная стена VI строительного периода. Восточной стеной являлась стена, построенная на одной линии с западным фасадом помещения 13. Ширина помещения составляла 2,4 м, длина более 5 м. Южная стена помещения не была найдена вследствие разрушения поздними ямами. На полу помещения залегал слой обгоревших в пожаре строительных остатков, насыщенный битой керамикой. Удалось склеить значительное количество целых форм кухонной и тарной посуды.

Помещение 38, смежное с помещением 23, имеет прямоугольную форму размером 7,8 х 5,4 м. Это помещение несколько заглублено в нижележащие слои, в среднем на 0,3 м. Пол в помещении неровный. Попадали в него через проход, устроенный в южной стенке; от него сохранилась только нижняя ступень и остатки щек, обмазанных штукатуркой, сильно обгоревшей в пожаре. В юго-восточном углу этого помещения отчётливо читался просевший участок земли неправильной округлой формы диаметром 2,8 м и глубиной до 0,6 м. На дне этой воронки лежали сильно обгорелые доски. В помещении явно видны следы большого пожара, после которого жизнь на поселении пять веков не возобновлялась. Стены, а точнее – вырытые в грунте борта сильно обгорели. На полу лежало много обгорелых разрушенных остатков строительных конструкций, сильно горелое дерево, вероятно – от перекрытия. В северной части помещения найдены несколько зернотерок и курантов для них. Заглубленное помещение, фактически – надстроенная стенами большая полуземлянка, отсутствие суф и каких-либо деталей интерьера, неровный пол с

⁴⁰ К моменту включения в работу группы Государственного Эрмитажа верхний пол двора был уже разобран, раскопки были остановлены по прохождении одного штыка ниже верхнего пола.

раскиданными по нему зернотерками - все это создает впечатление того, что это помещение носило сугубо хозяйственные функции.

И, наконец, остановимся на фортификации VI периода.

В разрезе № 2, раскопки которого вела А.Д. Искандерова, были выявлены *четыре фазы строительства* восточной стены. Фасады самих стен изучались Е.А. Смагуловым после 2014 г. (Смагулов, 2017, с. 116-118). В первой фазе, относящейся к V периоду, стена представляет собой простую ограду с бойницами (рис. 4-2-12, 1, 2).

Во второй фазе, которая относится уже к VI периоду, сначала строят субструкционную стену, которая частично скрывает помещения 40 и 42. Пространство между субструкцией и первой стеной забутовывают глиной на высоту 1,2 м. Потом к выступающему над ровной поверхностью бутовки внутреннему фасаду первой стены пристраивают монолитную платформу из трех лент пахсы общей высотой 0,85 м (рис. 4-2-12, 1, 3). В результате оказывается, что поверхность верхней ленты соответствует верху первой стены – ограды. Над ней возводят парапет с наклонной внешней поверхностью, общая высота которого составляет 1,3 м, а толщина в основании 1,3 м⁴¹.

Третья фаза характеризуется тем, что на наклонный фасад наращивают пахсовый чехол. Интересен прием, которым удалось скрыть наклон парапета: впритык к нижней, вертикальной части фаса снаружи приставили стенку из пахсы толщиной менее 1 м. В зазор, оставшийся между бывшим фасадом наклонного парапета и вертикальным фасадом новой стены, вставили еще одну стену (рис. 4-2-12, 1, 4). Видимо, тогда же строители стены поняли, что высокий, но тонкий парапет можно легко разрушить стенобитной техникой. Поэтому на следующей фазе строительства стены поселения ее значительно утолщают.

Четвертая фаза характеризуется надстройкой стены из кирпича и пахсы с внутренней стороны на платформу с парапетом фазы 2 (рис. 4-2-12, 1, 5). В кладке стены использован сырцовый кирпич размером 50 – 56 x 30 – 32 x 10 см. Пахсовые ленты между рядами кирпичей в среднем имеют толщину около 40 см. Возможно, что в этот же период к внешнему фасаду стены второго строительного периода прикладывают невысокую кладку шириной 1,2 м и высотой 1,0 м, которая могла выполнять роль бермы. Теперь стрелковый ход проходит по верху монолитной стены, и для подъема на нее в юго-западном углу строят пандус оригинальной конструкции. Фазы строительства отделены небольшим временным интервалом. Полы помещений, подходящих к стене, находятся на одном уровне, а над пахсовой площадкой второй фазы, выполнявшей роль стрелкового хода, не успели отложиться натечные слои.

⁴¹ Имеющиеся на разрезе стены кирпичи в кладке парапета (Смагулов, Закиров, Ержигитова, 2016, рис. 12) не выявлены при повторной расчистке. Вертикальная трещина, отмеченная на разрезе, является внутренним фасадом парапета; она была повторно расчищена. Трещиной же она выглядела, потому что поздняя кладка из кирпичей вплотную примыкала к парапету.

В отличие от восточной и южной стены, широкая западная стена, разделяющая поселение на восточную и западную части, сложена в основе из сырцового кирпича. В ее строительстве зафиксирован только один этап. Торцом она вплотную пристроена к южной крепостной стене первой фазы. Стена первой фазы сохранилась в этом месте на максимальную высоту более 3 м и продолжает идти на юго-запад. Стена, разделяющая поселение на две части, имеет толщину 2,85 м. Стена сложена из сырцового кирпича размером 55- 56 x 30-33 x 10 см. Кирпичи уложены без какой-либо жесткой последовательности в рядах.

Остатки этой широкой западной стены–разделителя прошли вдоль более ранней стены, идущей от западной башни замка к помещению № 40. Вместе со стеной-разделителем в углу был построен пандус Г-образной формы, который выводил на верхнюю площадку стены. Пандус проходил вдоль фасадов западной и южной стен и имел, вероятно, разный наклон (рис. 4-2-13).

Лучше остальных сохранился верхний участок вдоль южной стены цитадели. Здесь уклон пандуса небольшой, не превышающий 20°. Нижний марш его сохранился хуже, так как нарушен несколькими ямами начала XX в. Сохранившийся уклон нижнего марша пандуса составляет около 30°. Торец пандуса упирается в кладку, сложенную из наклоненных кирпичей. Эти кирпичи полудугой облицовывают кладку стены третьей фазы, сделанную из кирпича размером 56-60 x 30 x 8 см (рис. 4-2-13). Опорная кладка из наклоненных кирпичей постепенно сходит на нет к востоку. В общей сложности эта кладка прослежена на длину около 10 м. Остается неясным ее функциональное назначение, а также необходимость использования такого сложного строительного приёма, как облицовка стены половиной полуциркульного свода, уложенного наклонными отрезками. Подобное оформление внутреннего фасада крепостной стены встречено в присырдарьинском регионе впервые; не найдено аналогий и в памятниках соседних регионов. Пока не удастся найти объяснение такой кладке внутреннего фасада, тем более в припольной части.

Не исключено, что описанный пандус для подъема на стену VI строительного периода скрывает еще более ранний пандус или наклонный ход более раннего строительного этапа.

Ко времени жизни VI строительного периода также относится расширение платформы цитадели. Для этого к платформе IV периода и, соответственно, к наружному фасаду стены V периода без перевязки пристраивают пахсовую рубашку, которая на северо-восточном углу усиливается угловым башенным выступом диаметром 4,6 м, выступающим за линию стены на 0,6 м. Довольно быстро к этой стене вплотную пристраивают узкое и длинное помещение, пол которого был покрыт мощным слоем гумусных отложений зеленого цвета, видимо – от содержания здесь скота.

Сейчас фортификация Культобе изучена лучше всего среди памятников кангуйского времени во всей Средней Сырдарьи, включая Чач. К сожалению, какие-либо закономерности фортификационного зодчества в соседних районах

выявлены слабо, и материалы для сравнения попросту отсутствуют. Чтобы они появились, необходимо целенаправленно изучать фортификацию поселений и особенно – городов.

Мы представили здесь наиболее полный ныне для территории Кангюя вариант генезиса поселения. Изначально оно представляло собой небольшую семейную или клановую крепость. Позже к ней пристраивают небольшой замок, возле которого возникают отдельные строения из сырцового кирпича, которые сперва образуют неукрепленный поселок. Впоследствии растущее население поселка не устраивают размеры поселения, и в какой-то момент крестообразное здание и пристроенный к нему замок оказываются в центре забутованной платформы под новые строения. Сам поселок обносят первой оборонительной стеной – оградой. Внутри нее появляются жилые дома. Особенностью последних является то, что в обнесенных сырцовыми стенами дворах ставят какрасно-столбовые постройки, представляющие собой юртообразные жилища. На последнем этапе восточная часть этого поселения укрепляется дополнительной толстой монолитной стеной со стрелковым ходом. Около середины IV в. это поселок гибнет в большом пожаре, связанном с нашествием кочевых племен с северо-запада. Новое поселение на руинах старого поселка появляется только в IX в., именно с этого времени начинается непрерывная история современного города Ясы – Туркестана.

Примечательно, что сейчас Культобе является наиболее исследованным широкой площадью памятником первой половины I тыс. н.э. на Средней Сырдарье. Весьма важно полностью завершить раскопки этого поселения, и тогда в нашем распоряжении появится очень важный документированный материал для всевозможных реконструкций жизни населения Кангюя.

В заключение рассмотрим вопрос о назначении огороженных стенами участков, в которых находились расположенные кругом столбовые ямки от каркасных построек.

Е.А. Смагулов предположил, что «подобные «протоюрты» служили специфическими культовыми помещениями, жилищами духов предков (?), в которых совершались обряды поклонения богам и всевозможным духам» (Смагулов, Ержигитова, 2019, с. 11). Но он также отметил, что каркасно-столбовой тип построек явился наследием кочевого прошлого жителей поселка на месте Культобе. Нет сомнений, что каркасно-столбовые постройки представляли собой временные юртообразные жилища.

Единственным известным примером того, чтобы внутри прямоугольных сырцовых помещений или оград находились следы столбовых конструкций, является укрепленная усадьба чирик-рабатской культуры Сенгир-Кала (Вайнберг, Левина, 1993, рис. 24). Но, к сожалению, поселения первых веков н.э. пока не раскопаны в других районах в таком объеме, как на Культобе.

Мы считаем, что каркасные постройки представляли собой *жилища типа казахской земляной юрты – шошала*, а мощные кирпичные стены дворов, в которых стояли эти постройки, были необходимы для защиты от ветра. Перекрытий над площадью дворов определенно не было: об этом

свидетельствуют как обилие натеков и надувного слоя на полах этих сооружений и нижние подмывы внутри стен, так и полное отсутствие следов колонн. Перекрыть балками пролет более 4 м, не используя колонны, очень сложно, тем более – на Средней Сырдарье, где дефицит строительного леса существовал всегда.

Близкой аналогией расположения временного жилища внутри прямоугольного двора с довольно мощными стенами является зимовка Акта-2 на уровне IV (Акишев, 1969, с. 42, рис. 3). Она состояла из большого помещения и пристроенного к нему двора, ограниченного с трех сторон мощными стенами, а с четвертой стороны – разными хозяйственными пристройками. В центре двора расчищены остатки жилища, сложенного из хорошо подогнанного в один-два слоя камня, неправильной четырёхугольной формы с очагом в центре. Стены этого жилища сохранились на высоту до 1,2 м, что исключает возможность видеть в них обкладку какой-то не сохранившейся постройки из органического материала (дерева или войлока). Как и постройки на поселении Культобе, жилище здесь находилось в центре двора. Разница в строительном материале в данном случае не должна смущать: в горных районах жилища делались преимущественно из камня. На равнине временные постройки делали каркасными со стенами из плетня, обмазанного глиной или же *гуваля* (глиняных вальков) на каркасной основе. Материал для жилища диктовался природными условиями. На производство жилищ из камня и каркасных построек уходило примерно одно и то же время. Такие жилища возводили только на зимовках.

Поселение на месте Культобе тоже изначально представляло собой зимовку, люди не жили на нем постоянно. Натёки в помещении 5 свидетельствуют о том, что комплекс зданий какое-то время оставался открытым и не обживался. Отсутствие собственного гончарного производства на поселении также свидетельствует о сезонности его заселения. В какой-то момент, когда население поселка выросло и была построена первая оборонительная стена, в нем могли постоянно находиться и члены общины, связанные с земледелием. Есть все основания полагать, что значительная часть населения поселка с весны до осени находилось со стадами в соседних горах Каратау. Хозяйственно-культурный тип значительной части населения Кангюя является едва ли не классическим примером полуседлого скотоводства.

Список иллюстраций

4.2.

Рис. 4-2-1. План раскопанной части городища Культобе. Чертеж А.В. Кулиша. Западная половина поселения, вскрытая после 2014 г. добавлена по аэрофото, без обмеров.

Рис. 4-2-2. I строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-3. II строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-4. Арки проходов в коридоре 1а. Чертежи А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-5. Общий вид на раннее ядро цитадели I-III периодов. Фото Е.А. Смагулова, 2013 г.

Рис. 4-2-6. III строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-7. Облицовка крестообразного здания. Фото Е.А. Смагулова, 2011 г.

Рис. 4-2-8. IV строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-9. V строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-10. Помещение №40, круги из столбовых ямок. Фото А.И. Торгоева, 2014 г.

Рис. 4-2-11. VI строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-12. Разрез крепостной стены №2: 1 -разрез крепостной стены, северная стены. Чертеж А.Д. Искандеровой; 2-4 - аксонометрические реконструкции профиля стен по фазам строительства. Реконструкции А.И. Торгоева и А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-13. Подъем на крепостную стену. Видна кладка из наклонно поставленных кирпичей. Фото А, И. Торгоева, 2014 г.

Рис. 4-2-14. Вид южной части поселения. В центре хорошо видна прямоугольная башня периода 1. Фото А.А. Ержигитовой, 2017 г.

Рис. 4-2-1. План раскопанной части городища Культобе. Чертеж А.В. Кулиша. Западная половина поселения, вскрытая после 2014 г. добавлена по аэрофото, без обмеров.

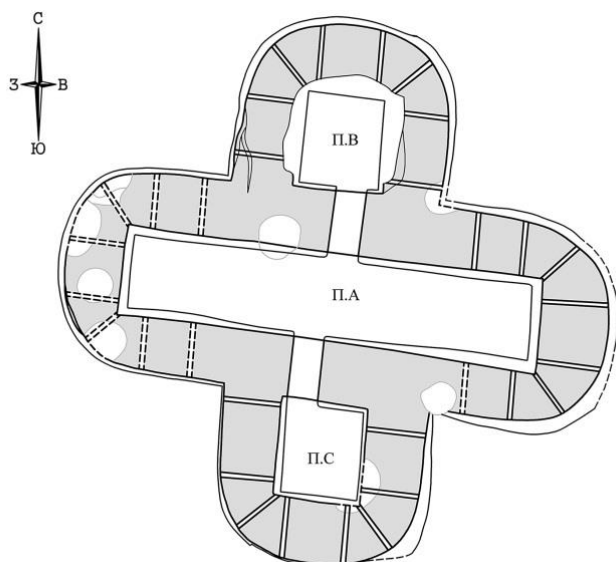

Рис. 4-2-2. I строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

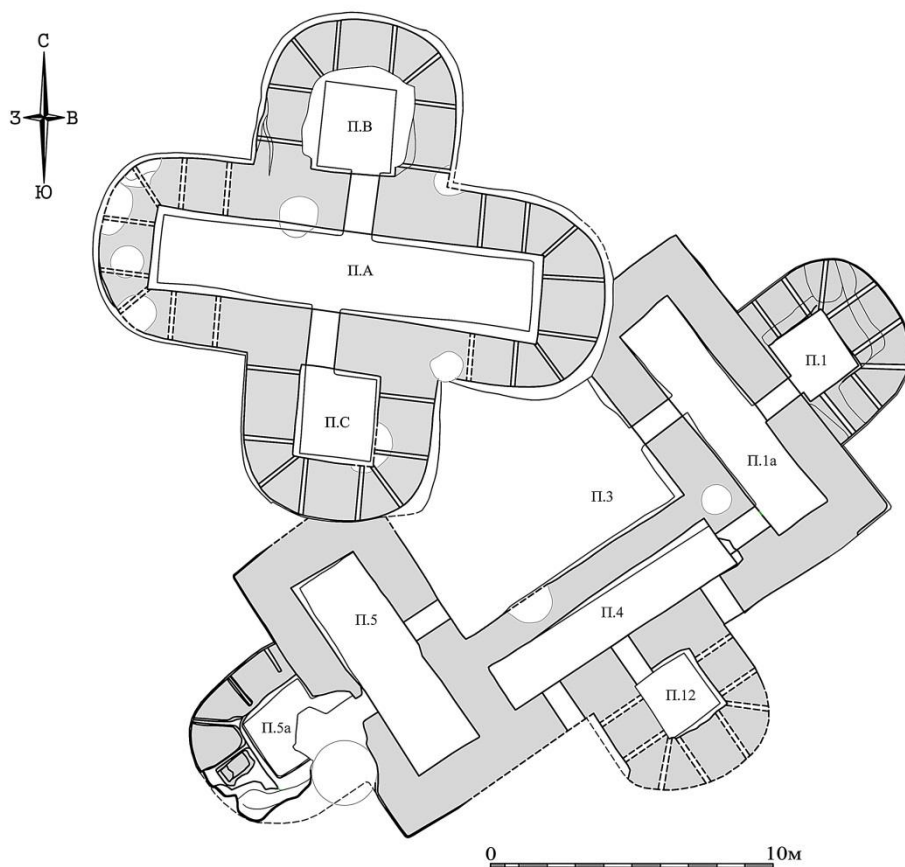
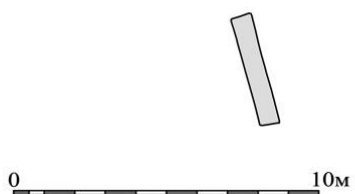

Рис. 4-2-3. II строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

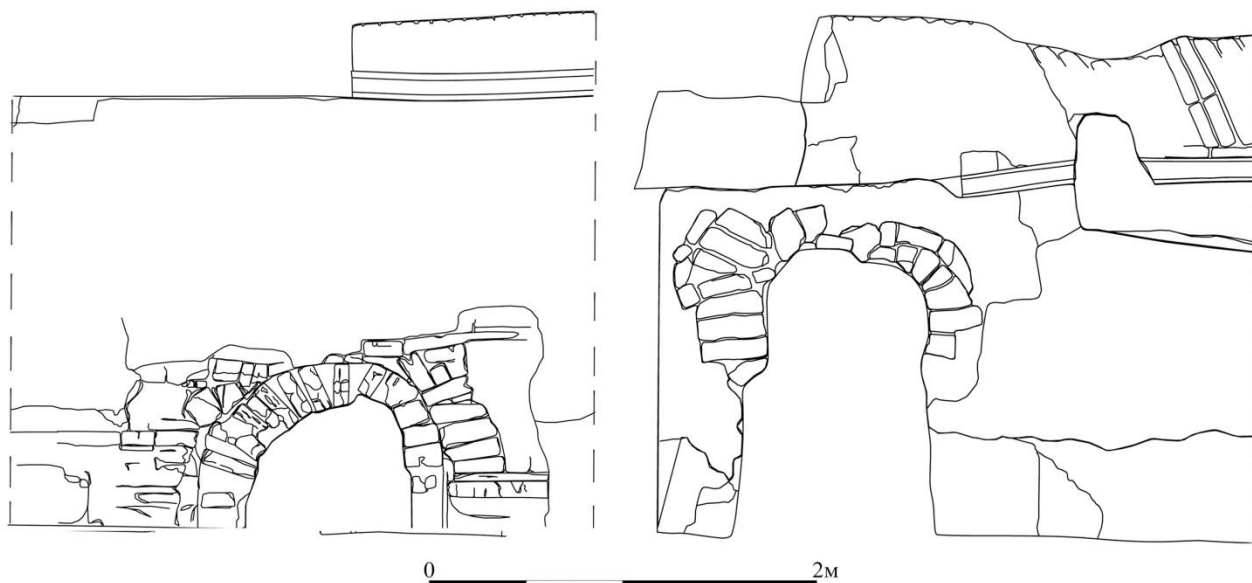

Рис. 4-2-4. Арки проходов в коридоре 1а. Чертежи А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-5. Общий вид на раннее ядро цитадели I-III периодов. Фото Е.А. Смагулова, 2013 г.

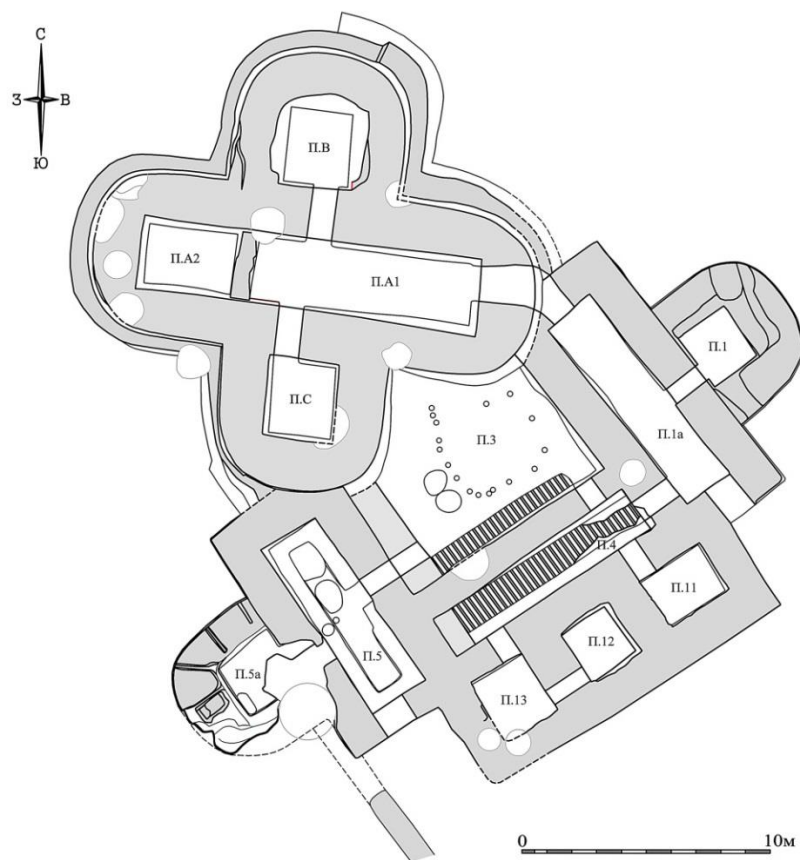

Рис. 4-2-6. III строительный период. Чертеж А.В. Кулиша

Рис. 4-2-7. Облицовка крестообразного здания. Фото Е.А. Смагулова, 2011 г.

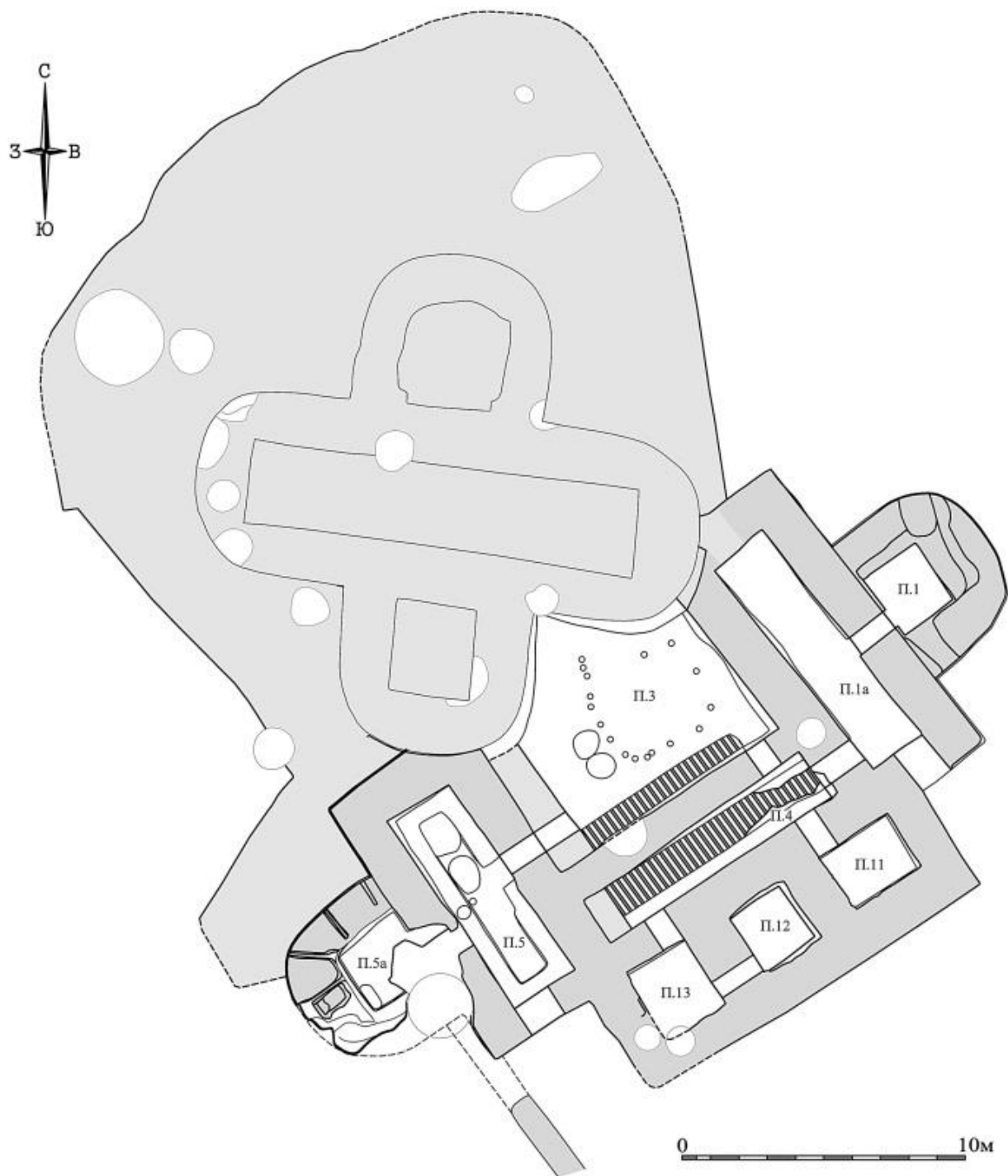

Рис. 4-2-8. IV строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

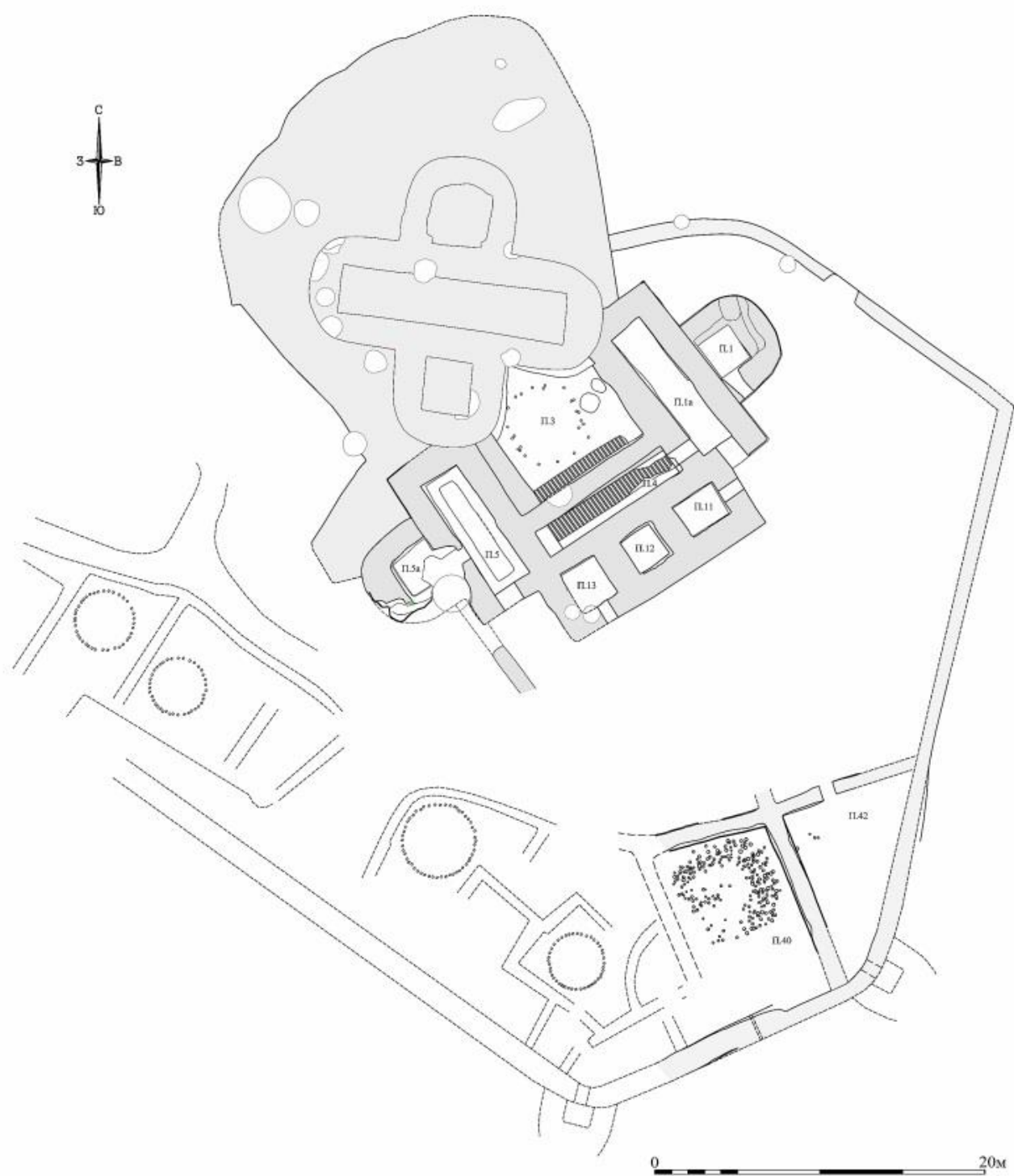

Рис. 4-2-9. V строительный период. Чертеж А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-10. Помещение №40, круги из столбовых ямок.
Фото А.И. Торгоева, 2014 г.

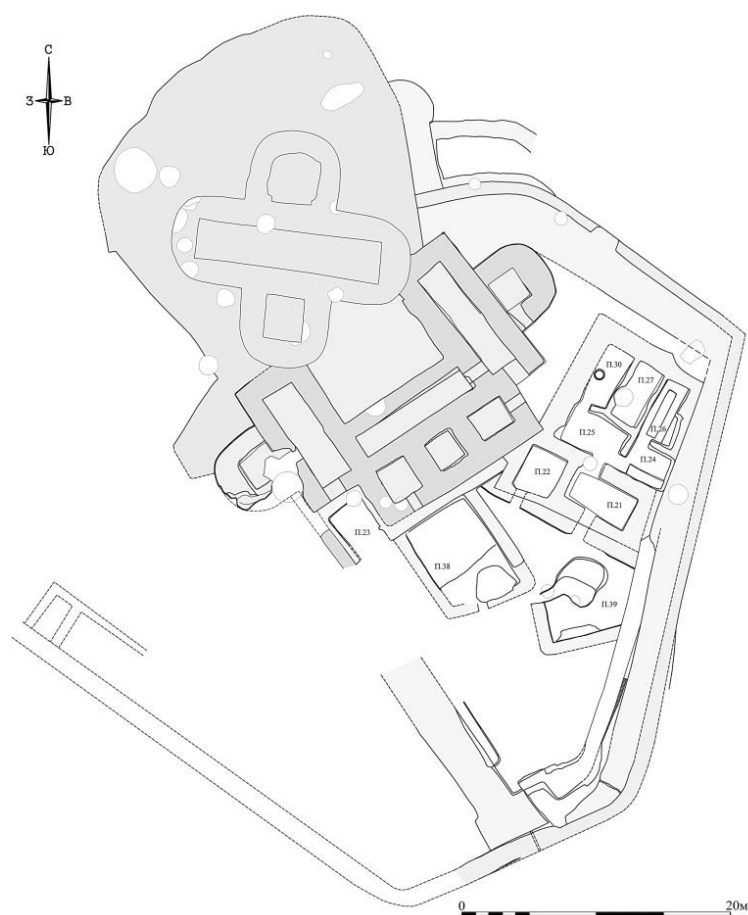

Рис. 4-2-11. VI
строительный период.
Чертеж А.В. Кулиша.

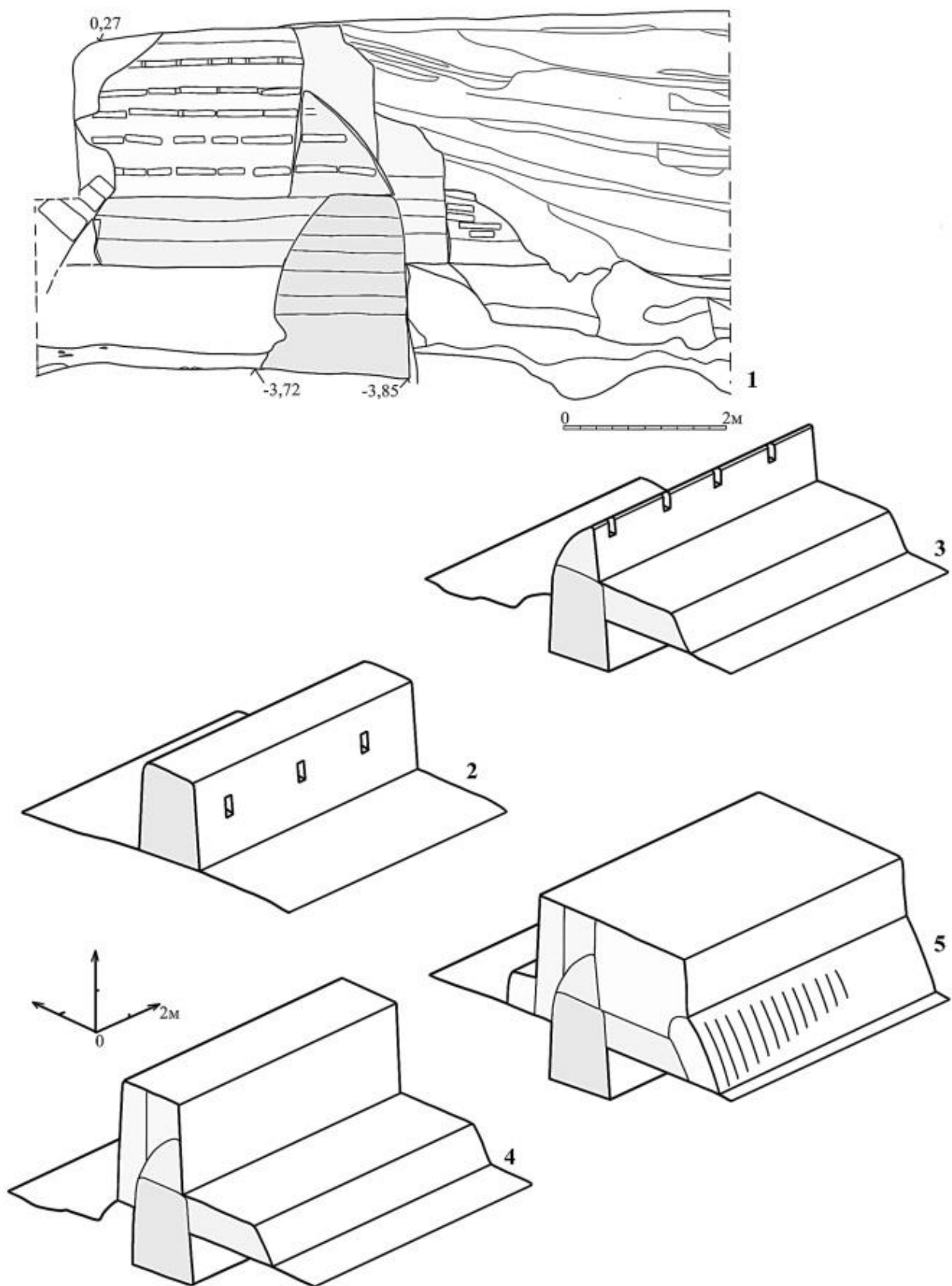

Рис. 4-2-12. Разрез крепостной стены №2: 1 -разрез крепостной стены, северная стены. Чертеж А.Д. Искандеровой; 2-4 - аксонометрические реконструкции профиля стен по фазам строительства. Реконструкции А.И. Торгоева и А.В. Кулиша.

Рис. 4-2-13. Подъем на крепостную стену. Видна кладка из наклонно поставленных кирпичей. Фото А. И. Торгоева, 2014 г.

Рис. 4-2-14. Вид южной части поселения. В центре хорошо видна прямоугольная башня периода 1. Фото А.А. Ержигитовой, 2017 г.

4.3. Хронология Культобе в г. Туркестане и следы ремесел на поселении

Торгоев А.И., Кулиш А.В., Ержигитова А.А.

Е.А. Смагулов, разбирая датированные находки из замка, хронологический диапазон которых не выходил ниже II в. н. э., пришел к парадоксальному выводу: «Комплекс полученных в последние годы архитектурно-археологических данных позволяет датировать время возникновения древнейших зданий его (городище Культобе) цитадели первыми веками до н. э. (II–I вв.)» (Смагулов, 2019, с. 27). Однако такая дата была скорее желанной⁴², чем имеющей реальные основания.

Чтобы разобраться с хронологией выделенных нами периодов строительной истории памятника, следует вначале обратиться к характеристике керамических комплексов. Последние позволяют ясно представить относительную хронологию Культобе Туркестанского.

Керамические комплексы

Наиболее представительные керамические комплексы были получены из замка; они относятся к III и V строительным периодам. Но он весьма значителен и для слоя пожара (VI строительный период), после которого жизнь на поселении прекратилась на несколько столетий.

Особую важность для датировки ранней цитадели имеют керамические серии, полученные в нижних слоях замка, в помещениях 5, 5а, 12 и 13. Они синхронны керамике, происходящей со второго пола помещения 3 и вырытых с него ям.

Сделать какую-либо корреляцию встречаемости форм пока не удастся, так как комплексы керамики неравноценны как по количеству, так и по

⁴² Сформировавшись как специалист на раскопках Отрара в 1970-х годах, Ербулат Акижанович всегда сохранял приверженность темам, которые стабильно разрабатывались коллективом Южно-Казахстанской экспедиции. Его интересовали генезис поселенческих структур, домостроительство и особенно - духовный мир изучаемых древних обществ. Специально вопросами хронологии он практически не занимался. Его вполне устраивала хронология, разработанная в свое время Л.М. Левиной для Нижней и Средней Сырдарьи, и Л.Б. Ерзаковичем - для Отрара и памятников его оазиса. Поэтому в большинстве его работ *датировки широкие*. Иногда, как в данном случае, отталкиваясь от более-менее известной даты слоя, он датировал нижележащий слой в пределах предыдущих двух-трех веков. Такое отношение к датам было характерно для многих специалистов по археологии Средней Азии. До начала нашего века главенствовал дискурс, при котором схема хронологии древностей для регионов, разработанная археологами старшего поколения, считалась стабильно достоверной, а потому оценка надежности базовых дат не проводилась. Широкая и давно не проверяемая хронология порой порождала удивительные казусы. Достаточно вспомнить, что нижняя дата джетыясарской культуры (VIII в. до н. э.) базировалась у Л.М. Левиной на находке единственного переотложенного бронзового наконечника стрелы...

сохранности форм сосудов. Во время работы с керамикой в 2012-2014 гг. сотрудники Туркестанской экспедиции старались максимально выклеивать профили, велся полный учет венчиков и профильных частей сосудов. Всю керамику мы будем рассматривать согласно традиционной в среднеазиатской археологии схеме, разделяя ее на категории по назначению.

Керамика III строительного горизонта

Одной из наиболее часто встречающихся форм, характерных для III строительного периода являются водоносные кувшины с цилиндрическими носиками - сливами, закрепленными на плечиках. Горловина этих кувшинов довольно короткая. Как правило, высота горловины в 2 раза меньше диаметра устья по венчику. Венчик профилирован наружу, и у большинства экземпляров на горле есть валик - утолщение в средней или нижней части горловины (рис. 4-3-3, 1; 4-3-2, 2, 3; 4-4-3, 3, 4).

В яме в помещении 5а был найден крупный фрагмент хумчи с вытянутым шаровидным туловом и венчиком в виде воротничка, отогнутого наружу (рис. 4-3-3, 3).

У хумов, обычно профилированных наружу, практически всегда есть желоб под венчиком, иногда украшенный пальцевыми вдавлениями. В комплексе встречаются и тазы-тагоры традиционной усеченно-конической формы, причем есть как станковые, так и лепные экземпляры. Найдены и обломки крупных фляг; отличительной их чертой является оттянутый слив (рис. 4-3-1, 9).

Чаши и миски, сделанные на гончарном круге, имеют характерные наклонные фасетки в придонной части – следы срезки с гончарного круга (рис. 4-3-2, 5). Процент чаш (от мисок отличаются меньшим диаметром устья, не превышающим 20 см) в комплексе очень невысок; это, видимо, объясняется тем, что в быту полуседлого населения была велика доля похожей посуды, сделанной из дерева. Встречаются как чаши, сделанные на гончарном круге, так и лепные.

Первый тип образуют чаши с цилиндроконическим корпусом с низким бортиком; изнутри они полностью покрыты темным ангобом (рис. 4-3- 1,7). Второй тип представлен обломками чаш с коническим корпусом и плавным перегибом прямо поставленной закраины (рис. 4-3-1, 6). Чаши такого типа близки чашам кушано-сасанидского комплекса в Северной Бактрии, в III-IV вв. получающим распространение и в Согде. Лепные чаши представлены чашами с усеченно-коническим корпусом и загнутым внутрь венчиком (рис. 4-3- 5, 2; 4-3-6, 10). Сосуды такого типа специфичны именно для сырдарьинских культур (Левина, 1971, рис. 59); в целом они характеризуют фазу Каунчи II⁴³.

Миски, как полностью станковые, так и правленные на гончарном круге, отличаются формой корпуса. Встречаются экземпляры конической (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2007, рис. 6, 3) (рис. 4-3-2, 4), цилиндро-конической

⁴³ Под Каунчи II подразумевается классическая каунчинская культура в понимании Г.В. Григорьева и А.И. Тереножкина. У Л.М. Левиной это этап Каунчи I.

формы, но с плавным перегибом (рис. 4-3-2, 6), а также полусферической (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2007, рис. 6, 7). Кроме станковых, известны и лепные миски с корпусом полусферических очертаний (рис. 4-3-2, 1), часто со слегка загнутым вовнутрь венчиком (рис. 4-3-6, 7), формой напоминающие миски позднесарматской культуры. Форма толстостенных полусферических мисок очень близка формам деревянных точеных мисок, известных, например, в памятниках кенкольской культуры (Торгоев, 2007, рис. II, 1).

На верхнем полу помещения 12 была найден развал целой кружки с изящным вытянутым туловом, слегка отогнутой наружу горловиной. Характерной ее чертой является рифление корпуса; вся ее внешняя поверхность покрыта темным ангобом (рис. 4-3-4, 1). Кружки такого типа были довольно широко распространены в культурах кочевников первой половины I тыс. н. э. и позже были унаследованы ранними тюрками. По форме они сходны с традиционными у кочевников Евразии деревянными кружками (см.: Кольченко, Ротт, 2007, рис. VII, 1; Подушкин, 2017, рис. 3, 3). Сосуды из глины и дерева явно копируют шикарные сосуды из драгоценных металлов. В коллекции Ас-Сабаха в Кувейте хранится золотой сосуд с инкрустацией красными камнями такой же формы (Carter, Harper, Meyers, 2015, cat. 96); серебряная кружка аналогичных пропорций, размера и формы входит в состав известного комплекса из погребения в Бома в Или-Казахском автономном районе Синьцзяна (An, 1999, p. 6, fig.3, цветная вклейка на форзаце, № 2). Чаше встречаются обломки кружек с корпусом плавных биконических очертаний, типичных для сырдарьинских культур первой половины I тыс. н. э. (рис. 4-3-2, 7).

Из кувшинов обычно представлены столовые образцы с валиком на горле, без сливов, с венчиком, отогнутым наружу (рис. 4-3-1, 2; 4-3-6, 1, 2; 4-3-2, 2, 3). Эти кувшины по сути являются уменьшенными копиями крупных водоносных сосудов со сливом. Последний на малых столовых кувшинах не делался никогда. Реже встречаются фрагменты кувшинов без ручек, с рифленным туловом (рис. 4-3-1, 8), а также кувшины с прочерченным волнистым орнаментом по плечикам, с короткой горловиной (рис. 4-3-5, 4).

В комплексах на полах III встречаются небольшие горшки с довольно приземистым подшаровидным туловом, очень короткой шейкой и профилированным наружу венчиком (рис. 4-3-1, 1). Интересной особенностью горшков этого типа являются сделанные до обжига четыре или реже – три отверстия. В них просовывались веревочки для переноски еды в поле или для подвешивания их при заквашивании молока. Обломок именно такого горшка был найден на верхнем полу в помещении А. По его плечикам весьма небрежно нанесен волнистый орнамент (рис. 4-3-1, 10). Горшок этого же типа был найден на втором полу помещения 3 (рис. 4-3-1, 11). У последнего на горле имеется валик – деталь, более характерная для керамики могильников и поселений среднего течения Арыси (Подушкин, 2000, с. 116). Судя по этим материалам, валик на горле характерен в основном для посуды III в. н. э. Скорее всего, горшки такой формы появляются под согдийским влиянием.

К ним довольно близки по форме горшки с подшарообразным туловом и широким горлом. Их отличительной чертой является такой признак, как утолщение венчика в обе стороны (рис. 4-3-3, 2) или же валик под крышку, сделанный с внутренней поверхности венчика (рис. 4-3-5, 7). К столовым горшкам этого типа близки и горшки с высокой шейкой и рифленым туловом (рис. 4-3-1, 3).

Кухонная посуда

В отличие от комплексов периода пожара, в керамике третьего строительного горизонта, процент кухонной посуды невелик и представлен обломками кухонных горшков для варки пищи. Встречаются как широкогорлые горшки с вытянутым подшарообразным туловом (рис. 4-3-3, 8), так и небольшие кухонные, со слегка раздутым в середине туловом плавных очертаний (рис. 4-3-6, 5, 6). Видимо, к кухонной посуде относился и фрагмент невысокого изящного сосуда типа кружки с высоким горлом; на его тулове располагались сосцевидные налпы (рис. 4-3-6-5), роднящие этот сосуд с керамикой Тянь-Шаня усуньского времени.

Из керамики специального назначения отметим найденные на нижнем полу помещения 12 обломки лепной курильницы на конической ножке (рис. 4-3-5, 3, 4). Подобные курильницы получили широкое распространение в Средней Азии в комплексах первых веков новой эры. Генезис и происхождение типа не вполне ясны, но они распространяются параллельно с катакомбами Т-образной формы, и в некоторых регионах бытуют до караханидского времени.

Между полами в помещении 13 был найден целый небольшой светильник с округлым резервуаром и коротким носиком (рис. 4-3-16, 3). Подобная форма не характерна для культур первой половины I тыс. н. э.; его можно рассматривать как ранний прототип средневековых чирагов.

Орнаментация сосудов в целом очень бедна. Основным мотивом орнамента является прочерченная волна, часто сделанная грубо до неряшливости: волны прочерчены с неодинаковым шагом, имеют разные очертания, находят друг на друга. Вся керамика, кроме кухонной, покрыта потеками ангобной раскраски. Последняя наносилась мазками кисти жидкой краской, дающей обильные потеки. Иногда отчетливо читается двойной полив, отличающийся разным цветом раскраски.

Керамика с валиком на горле имеет прямые соответствия в материалах среднего течения р. Арысь, откуда она, вероятно, и была привезена. Так, этот тип сосудов представлен в материалах катакомб Борижарского могильника (рис. 5-1-7, 1) и других. Монета Хувишки, найденная ниже нижнего (2-го сверху) пола, определенно указывает на то, что *terminus post quem* строительства здания - не ранее середины II в. н. э.

Керамика V строительного периода чрезвычайно близка к таковой III периода. Отличий очень мало, что может свидетельствовать о небольшом временном интервале, разделяющем эти периоды. В завалах помещений иногда встречаются отдельные типы сосудов, более напоминающих керамику VI строительного периода. К ним относится, например, найденный в помещении

12 небольшой лепной кувшин без слива, с округлой в сечении ручкой (рис. 4-3-4, 2), а также обломки сосудов с псевдо-рифлением. Комплексы из завалов оказались смешанными в тот момент, когда в конце существования замка в V строительном периоде его входы были заложены, а помещения засыпаны. Но даже в завалах преобладала керамика, типичная для III строительного периода. Именно из завала в помещении 13 происходят обломки хумов с тамгами (рис. 6-3).

Керамика VI периода

Одним из характерных типов посуды периода пожара являются горшки с двумя симметричными ручками. Обычно они лепные, и только правлены на гончарном круге. Часть горшков имеет довольно выраженное рифление (рис. 4-3-8, 2). На плечиках других нередко нанесен пояс вертикальных насечек, под которым идут, чаще всего, грубо нанесенные полосы псевдо-рифления (рис. 4-3-9). Этот прием становится едва ли не главным элементом орнаментации, и, помимо столовых горшков, встречается на кухонных (рис. 4-3-8, 4; 4-3-11, 4). Он является специфическим элементом орнаментации керамики ранних поселений Отрарского оазиса (Акишиев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 131). Часть горшков, в том числе кухонных, имеет следы ремонта: имеются парные отверстия для стяжки трещин (рис. 4-3-7, 4; 4-3-9). Ремонт керамики, даже кухонной, свидетельствует о том, что на поселении не было собственного гончарного ремесла. Во время его жизни в VI периоде посуда, видимо, завозилась из ближайшего Отрарского оазиса.

В керамическом комплексе велика доля водоносных кувшинов. Характерный для предыдущего времени валик на горле уже не используется; перестают бытовать цилиндрические сливы. Кувшины имеют иные пропорции: горло становится выше, венчик чаще всего с простым скруглением края (рис. 4-3-8, 1; 4-3-11, 7). Ручка округлая или квадратная в сечении.

Использовались также фляги большой вместимости – до нескольких десятков литров. На одной из них обнаружен фрагмент необычной гравировки, нанесенной до обжига (рис. 4-3-7, 1). Именно для горизонта VI характерны сделанные до обжига тамгообразные рисунки в виде ломанных линий, образующих разные абстрактные фигуры (см. раздел 6: рис. 6-2). Однако встречаются и вполне реалистичные, но предельно схематизированные изображения. На одном из хумов, найденном в полуземлянке во дворе 39, по сырой глине выгравирована фигура собаки или волка с высунутым вперед длинным языком (рис. 4-3-11, 1).

Кухонная керамика представлена, в основном, горшками для приготовления еды. Встречаются объемные сосуды, правленные иногда на гончарном круге (рис. 4-3-7, 8), с относительно высокой шейкой и венчиком, профилированным наружу (рис. 4-3-7, 5; 4-3-8, 4). Второй тип представлен меньшими горшками яйцевидной формы с легко отогнутой наружу закраиной и одной небольшой ручкой (рис. 4-3-7, 2-3).

В гораздо большем, по сравнению с предшествующим временем, объеме продолжает бытовать грубая столовая керамика. Она представлена небольшими

«стаканчиками» для питья (рис. 4-3-11, 5). Любопытно и появление т.н. ковшиков с ручкой-выступом (рис. 4-3-11, 6). В этом комплексе гораздо меньше керамических чаш и мисок. Практически все они лепные, с низким корпусом конических очертаний (рис. 4-3-8, 3).

Ангобная раскраска потеками продолжает существовать на всех типах сосудов. Но ангоб чаще наносился не кистью, как ранее, а набрызгом, дающим пятна с большим количеством потеков в разных направлениях (рис. 4-3-11, 1). Высокие станковые кружки сменяются более низкими и «пузатыми» экземплярами (рис. 4-3-10). К сожалению, в слоях пожара не найдено вещей, которые могли бы уточнить датировку. Обнаруженная в нем крупная бронзовая «лапчатая» подвеска не может быть узко датирована, так как в Средней Азии ей аналогий подыскать не удалось, а многочисленные «лапчатые» подвески в уральских культурах рубежа эр - первой половины I тыс. н. э. имеют все же иную форму и морфологию.

Аналогии керамическим комплексам показывают, что комплекс периода III и следующего за ним периода V может быть датирован в рамках со второй половины II до начала IV в. Комплекс периода пожара, т.е. VI строительного периода можно датировать в рамках IV-V вв.

Приведенный обзор керамических комплексов показывает, что датировка по керамике – хорошее подспорье для уточнения относительной хронологии памятника. Наши нынешние знания и наблюдения позволяют датировать керамические комплексы только с точностью до двух веков. Любая керамическая шкала в процессе разработки нуждается в уточнении дат, которое дает обращение к хорошо датированным категориям материала: прежде всего – монетам, деталям ременных гарнитур и ювелирным украшениям, хронология которых хорошо разработана в соседних регионах. На поселении Культобе большей удачей было обнаружение как следов различных ремесел, так и собственно ювелирных украшений и других предметов, которые позволяют уточнить даты, полученные по керамике.

Следы ремесла на поселении Культобе

Ювелирные изделия, найденные на Культобе Туркестанском, вместе с другими археологическими признаками производства, дают основания утверждать, что *на поселении работал мастер-ювелир*. Большое количество мелких изделий из поделочного камня, в том числе и бракованных изделий, прямо свидетельствует о том, что их также производили на поселении. И, наконец, бракованные *фигурки «идолов» и заготовки для них* тоже указывают на местное их изготовление. Не исключено, что производство всех названных изделий могло быть сосредоточено в руках одного человека или семьи. Описание блока, где были сконцентрированы следы производства, ниже описывается подробно.

Следы производства были сосредоточены в западной половине замка, в блоке из помещений 5 и 5а (рис. 4-3-12), а отдельные изделия найдены во

внутреннем дворике (пом. 3). Все конструкции относятся к III строительному периоду⁴⁴.

На уровне нижнего пола III строительного этапа *помещение 5* (рис. 4-3-13) представляло собой вытянутый коридор размером 7,9 x 2,4 м. Суфы находились вдоль всех четырех стен и имели ширину 0,67-68 м при высоте до 10 см; сложены они были из трапециевидного сырцового кирпича размером 50 x 31 x 22 x 8 см.

В помещение имелись три прохода. Один из них находился практически в центре восточной стены и вел во внутренний дворик здания (помещение 3). Суфа у восточной стены имела в месте прохода разрыв таким образом, что оштукатуренные края суф были вытянуты одну линию с щеками прохода. Очевидно, что этот проход был оформлен аркой стрельчатых очертаний; ширина его 0,9 м. Второй проход находился в западной стене и шел прямо по горизонтальной поверхности суфы. Этот проход шириной 0,9 м вел во внутрибашенное помещение 5а размером 2,2 x 2,2 м. Третий проход был расположен в южной стене, и проходил вдоль западной стены так, что поверхность западной стены и щека прохода находились на одной линии. Этот проход выводил из помещения 5 в айван при входе. В последний период существования поселения выход был заложен со стороны айвана, и юго-восточное здание перестало использоваться. Интересно отметить, что проход в южной стене также проходил по поверхности суфы, которая оказалась в этом месте стертой практически до уровня пола.

В северной части помещения были открыты две ямы, вырытые между суф. *Яма № 1* имеет прямоугольную форму со скругленными краями, размер ее 1,4 x 1,1 м; глубина достигает 0,65 м. На ее дне зафиксирована крупная речная галька, наиболее вероятно – покрывающая пол начального строительного периода, как в крестовидном здании и на нижнем полу внутреннего дворика (помещение 3). Яма была заполнена песчанистым грунтом с большим количеством битой керамики и некоторым числом костей животных (рис. 4-3-14). При этом в придонной части ямы находились две половины таза лошади в сочленении. Преимущественно в верхних частях заполнения этой ямы обильно встречались куски кристаллов природного гипса, некоторые из них – довольно крупные. Часть кристаллов имеет значительную примесь каких-то природных включений (глины?), придающих им насыщенный красноватый, охристый оттенок.

Из ямы происходит целый ряд находок, крайне редко встречаемых на поселениях первых веков н.э. В ней были найдены бусы из египетского фаянса (рис. 4-3-15, 13-16), бусина из стекла (рис. 4-3-15, 11), фрагмент стеклянного сосуда (рис. 4-3-15, 5), заготовки и бракованные изделия из местного камня (рис. 4-3-15, 1-3), фрагмент нижней части гипсового идола (рис. 4-3-17, 1), половина гипсового шарика (рис. 4-3-15, 7) и фрагмент какой-то гипсовой «балясинки» (рис. 4-3-15, 8). В придонной части ямы 1 был найден железный

⁴⁴ Описание помещений 5 и 5а дается по полевому дневнику А.И. Торгоева.

черешковый трехлопастной наконечник стрелы с треугольной боеголовкой и опущенными жальцами (рис. 4-3-15, 17).

Яма № 2 имеет яйцевидную форму, размером 1,35 x 0,9 м, при глубине до 0,7 м. В ней, заполненной преимущественно слежавшимся песком, были найдены фрагменты сосудов, которые склеивались с фрагментами из ямы 1, что свидетельствует о синхронности обеих ям.

Поверхность между суфами была заполнена натечными слоями мощностью до 10 см. На самом полу отчетливо читались обгорелые пятна и пятна органического тлена коричневого цвета.

Во внутрибашенном помещении 5а, не менявшем габариты всю его строительную историю, для верхнего периода были открыты остатки суфы у южной стены, шириной до 0,7 м. В интересующий нас III период в помещении вдоль всех четырех стен зафиксированы остатки суф шириной 0,7 м сложенные из сырцового кирпича 55-56 x 28-30 x 8-9 см. На вертикальной поверхности суф сохранилась глиняная обмазка. В юго-западном углу помещения находилась яма овальных очертаний размером 0,98 x 0,48 м. Яма была вытянута вдоль западной стены помещения, фактически соприкасаясь с ней. В придонной части ямы, на глубине 0,67 м была найдена каменная подвеска с золотыми муфточками на концах (рис. 4-3-15, 4). В верхнем заполнении, почти на уровне суф в яме найдена низка стеклянного бисера цвета морской волны (рис. 4-3-25, 4). Керамический комплекс из ямы представлен обломками в основном тарных сосудов (рис. 4-3-3). В заполнении между полами была найдена крупная ребристая бусина из египетского фаянса (рис. 4-3-15, 9), фрагмент миниатюрного керамического сосуда, видимо – тигля (рис. 4-3-15, 6), небольшой инструмент из кристалла горного хрусталя (рис. 4-3-15, 19) и кусочек сердолика (рис. 4-3-15, 18).

Все найденные в ямах и в заполнении между полами предметы ниже разбираются подробно, с целью возможного уточнения хронологии.

Датирующая способность железных трёхлопастных наконечников стрел с опущенными жальцами (рис. 4-3-15, 17) невелика. Они бытовали с рубежа III-II вв. до н. э. вплоть до IV вв. н. э. В Пайкенде наконечники такого типа встречаются в комплексах III-IV вв. н.э.

В яме № 1 было найдены четыре бусины из египетского фаянса неправильной шаровидной формы (рис. 4-3-15, 13-16). Они относятся к типу 3г по Е.М. Алексеевой, основной диапазон использования подобных бус приходится на I-II вв. н. э (Алексеева, 1975, с. 31). В соседнем помещении 5а между полами обнаружена также ребристая бусина из египетского фаянса (рис. 4-3-15, 9), которая относится к типу 16в по Е.М. Алексеевой. Наличие отверстия большого диаметра и ассиметричный профиль говорят о принадлежности к римскому времени. Бусы этого варианта бытовали в Причерноморье в основном I-II вв. н. э (Алексеева, 1975, с. 34). Стеклянная веретенообразная бусина черного глухого стекла (рис. 4-3-15, 11) относится к типу 45 по Е.М. Алексеевой. Большинство комплексов с такими бусами датируется в рамках I-III вв. н.э. (Алексеева, 1978. с. 66). Наконец, последняя

бусина из ямы была сделана из овальной гальки, в которой было просто просверлено отверстие (рис. 4-3-15, 10); она принадлежала к местным изделиям.

Наиболее интересными находками в яме № 1 являются *каменные изделия*. Выделяется призматическая бусина со скругленными гранями, сделанная из местного коричневого, дымчатого камня, относящегося к яшмовым породам (рис. 4-3-15, 1). Она была явно изготовлена на месте, так как треснула при встречном сверлении. Довольно узкий (3-4 мм) канал бусины не дает оснований видеть в ней принадлежность какой-либо амуниции, так как в отверстие не продеть ремень шириной даже 0,5 см. Видимо, предполагалось, что эта бусина будет использована качестве центральной в низке. Близкая по форме и материалу крупная бусина была найдена, наряду с другими каменными изделиями, в слое пожара, отложившегося во внутреннем дворе перед небольшим святилищем на городище Каршавул в Ташкентском оазисе (Sheyko, Ivanov, Piasov, 2019, p. 278, fig. 10,1). Пожар, как полагают исследователи, произошел во время арабского нашествия на регион, но часть каменных изделий – такие, как фрагмент каменной скобы меча (Ibid., fig. 10, 9, 10) и нефритовое перекрестие меча (Ibid., fig. 10, 8) – явно относятся к первым векам н. э. Авторы раскопок вполне обоснованно допускают, что эти вещи могли долго храниться в храме (Ibid., p. 278).

Очень важна заготовка каменной пластины близкой к квадрату формы, углы которой закруглены, а в центре просверлено отверстие (рис. 4-3-15, 2). Сделана она из той же коричневой дымчатой яшмовой породы, что и крупная бусина. Обычно же такие пластины изготовлены из белого камня – мраморовидного известняка или доломита, а размер сторон составляет от 2,5 до 3,0 см. В соседнем помещении 3 был найден и диск округлой формы из того же камня с просверленным отверстием в центре (рис. 4-3-16, 1). Две пластины, одна – прямоугольная, сделанная из обыкновенной для Культобе дымчатой местной яшмы, а вторая – квадратной формы из коричневого монохромного камня, были найдены в составе клада в помещении 59 (рис. 4-3-24).

Круглые каменные диски В. Тросдел надежно атрибутировал как *фиксаторы меча* (Trousedale, 1975, p. 111). Он указал, что наибольшее распространение фиксаторы такого типа получили в культурах Среднего Востока: у кушан и позже – в сасанидском Иране. В русскоязычной литературе наиболее емко и четко назначение дисков на материалах позднесарматской культуры сформулировал С.И. Безуглов. Приведем его высказывание целиком, чтобы не оставалось вопросов о назначении этих дисков: «Портупейный ремень носили независимо от пояса. Он надевался наискось, охватывая бедра и ниспадая на левую сторону, где обычно находились ножны с мечом. Концы портупейного ремня соединялись внахлест; на месте их перекрестья находилась застежка, украшенная на изображениях округлым предметом – иногда небольшим, иногда довольно крупным. Ножны с мечом чаще находятся слева от застежки, непосредственно перед носителем. Помимо своей основной функции, застежка блокировала ножны с мечом, препятствуя их движению

вправо. Нет никакого сомнения в том, что у сарматов южнорусских степей роль фиксатора и украшения застежки портупейного ремня могли выполнять крупные бусы (*в нашей терминологии диски или пластины* – А.Т.), находимые рядом с мечами» (Безуглов, 2000, с. 169).

О том, что «бусины»-фиксаторы могли в среде степняков иметь не только круглую форму, но и квадратную, свидетельствуют находки квадратных пластин на самих мечах. Из наиболее территориально близких аналогий можно привести типичное для «поздних сарматов» подбойное захоронение под курганом 4 в могильнике Таксай I в Западном Казахстане. Каменная пластина размером 2,5 x 2,5 x 0,9 м была обнаружена на мече, в средней его части (Кривошеев, Лукпанова, 2015, с. 99). На этой пластине сверху зафиксирована бронзовая пряжка типа П7 по В.Ю. Малашеву, которая являлась застежкой для ремней портупей.

Такую же функцию каменные диски и пластины выполняли и в культурах позднесарматского времени на Средней Сырдарье и Таласе. Из-за тотального ограбления курганов кенкольской культуры иногда не удается точно установить, было ли в погребениях, где были найдены каменные квадратные пластины и диски, клинковое оружие. Каменная пластина из белого камня была обнаружена в катакомбе 10 могильника Кенкол, где находилось парное погребение пожилых мужчины и женщины. Оружия в нем не было, но его, скорее всего, извлекли грабители. Такие пластины были найдены в ограбленных катакомбах Кум-Арыка в Чуйской долине (Кожомбердиев, 2012, с. 72, рис. 7, 1), а также в элитном кенкольском могильнике Акчий-Карасу в долине Кетмень-тюбе (Кожомбердиев, 1960, рис. 6, 9). Вообще же в кенкольских памятниках каменные мраморовидные пластины и диски не являются редкостью. В неопубликованном еще массиве памятников кенкольской культуры, исследованных И.К. Кожомбердиевым в долине Кетмень-тюбе, их нам известно довольно много.

В ареале отарско-каратауской культуры находки их также не являются редкостью. В могильниках средней Арыси документированы случаи, когда каменные диски находились в погребениях, где не было вооружения. Например, в катакомбе 9 могильника Культобе каменный диск с отверстием неправильной округлой формы лежал на поясе скелета (Подушкин, 2017, рис. 11, 12). Однако было зафиксировано несколько достоверных случаев нахождения каменных дисков рядом с мечом. Один из них бы найден у колена погребенного рядом с мечом в кургане 7 могильника Культобе. Каменная пластина квадратной формы найдена на тазе погребенного, справа от таза лежал длинный меч (Подушкин, 2016, рис. 3). Решающее значение для нас все же имеет находка каменного диска из такой же коричневой, дымчатой яшмы на тазе скелета рядом с мечом в кургане 3 могильника Акбулак-тобе (Подушкин, 2009, с. 177, табл. 3). Этот случай является прямым указанием на то, что пластины с отверстиями использовали в качестве фиксатора на портупее меча. Они блокировали меч в одной позиции при движении, создавая максимальное удобное его положение.

Можно полагать, что мастер, работавший на поселении Культобе, занимался *отделкой уже готовых ножен мечей*, которые предназначались для реализации в регионе, прямым свидетельством чего является находка яшмового диска в кургане 3 могильника Акбулак-тобе.

В яме № 1 был найден фрагмент непрозрачного мелкозернистого шлифованного камня коричневатого цвета прямоугольной формы, прямоугольный же в сечении (рис. 4-3-15, 3). Один конец его обломан, на сохранившемся торце легкие порезы, сделанные каким-то острым инструментом. На одной из сторон, в центре, рядом с торцом, намечено отверстие. Не исключено, что данный предмет являлся некогда пробирным камнем.

Заканчивая характеристику каменных изделий, отметим находку округлого огнива из серого кварцита (рис. 1-3-6,2) на верхнем полу помещения 13. По окружности изделия проходит желоб. Огнива такого типа наиболее распространены в Северной Европе, встречаются на памятниках первой половины I тысячелетия н.э. на северо-западе России (Михайлова, 2011). В Средней Азии огнива такого типа практически неизвестны⁴⁵: огонь, видимо, высекали железной пластинкой о кусок кремня или же использовали деревянные приспособления для получения огня в виде пластинок с отверстиями.

В яме № 1 в помещении 5 и под нижним полом помещения 5а были найдены гипсовые *идолы*.

Очень интересной находкой является нижняя часть фигурки небольшого идола. Характерной особенностью этого идола являются широкие бедра и выраженное четким треугольником ниже живота лоно. Ноги короткие, с выделенными ягодицами, которые сливаются с ляжками. Ниже треугольника лона ноги разделены вертикальной полосой (рис. 4-3-17, 1).

Сам по себе тип этих идолов отличается от остальных идолов, найденных на Культобе. Известны как минимум две фигурки «идолов» из гипса или мела, близких по облику нашему. Первая фигурка гипсового идола происходит из женского подбойного захоронения под курганом 7 в могильнике Хазара (Обельченко, 1992, с. 15, 16; вкладка, с. 3) (рис. 4-3-17, 2). В комплексе из этого погребения, наряду с большим количеством бус, была найдена пронизка из египетского фаянса с изображением стоящего Гарпократ, которую автор раскопок неверно определил как фигуру с луком в руках. Прямым указанием на то, что фигурка – именно Гарпократ, является воздетый ко рту указательный палец правой руки. Эта пронизь сделана весьма небрежно; нижняя часть колонки, на которую опирается Гарпократ не отлилась, поэтому кажется, что в руках фигурки зажат лук. Небрежность в изготовлении указывает на то, что эта фигурка была, несомненно, изготовлена уже в римское время, она стоит ближе всего к типу 31 по Алексеевой (Алексеева, 1975, с. 33), который

⁴⁵ Отметим, что ещё никто из исследователей специально не занимался и не собирал среднеазиатские предметы для добывания огня.

датируется в рамках конца I-II вв. н.э. В целом это погребение довольно уверенно относится к II в. н.э.

Еще два идола с широкими бедрами происходят из сарматской женской могилы II-I вв. до н.э. в I Балабинском могильнике в Нижнем Подонье (Скрипкин, 2010, с. 69, рис. 2, 2, 3). Крупный меловой идол из I Балабинского наиболее близок идолу из Культобе (рис. 4-3-17, 3). Костяной идол из этого погребения имеет определённое иконографическое сходство с меловым (рис. 4-3-17, 4). К этим идолам близок и идол из раскопок В.А. Городцова в сарматском могильнике у с. Переездная, который А.С. Скрипкин тоже склонен датировать двумя последними веками до н.э. (Там же, с. 68, рис. 1, 1). Но у идола из Переездной ноги не разделены, в отличие от остальных фигурок. Более ранняя дата идолов этого типа у сарматов позволяет считать этот тип занесённым именно сарматским населением. Фрагмент идола из Культобе – наиболее поздний в группе и, безусловно, был сделан на месте, так как фигурка была сломана, видимо – при изготовлении.

В этой же яме были найдены половина шарика из гипса и гипсовая же «балясинка», которые напрямую свидетельствуют о том, что идолов изготавливали на месте. Большое количество кристаллов природного гипса, видимо, являлось запасом материала. Кристаллы гипса растирали в порошок, а затем добавляли воду и лепили фигурки.

Любопытно, что под полом соседнего помещения 5а была найдена крупная головка идола, раскрашенного черной краской (фото: Смагулов, 2014а, рис. 5,5) (рис. 4-3-17, 5). У него широкое лицо со слегка выступающим подбородком и выделенным рельефом носом. Овальными контурами были выведены большие глаза, над ними наклонными линиями показаны брови. Персонаж одет, видимо, в меховую шапку, похожую на казахский «тумак». На макушке головы выделена ее слабokonическая невысокая тулья, наушники опущены до шеи, задняя лопасть полностью покрывает затылок. Эта головка резко отличается от остальных идолов, найденных на Культобе. Весьма близким ему является экземпляр, обнаруженный на Чирик-Рабате при расчистке третьей внутренней оборонительной стены на юго-востоке от царских курганов (Курманкулов и др., 2011, с. 122, рис. 2). Но, пожалуй, наибольшую схожесть идол из Культобе имеет с самой крупной фигуркой из сельского святилища на поселении Кайрагач в Фергане (Брыкина, 1982, с. 90, рис. 61, 6). К следам собственно ювелирного производства относится фрагмент светлого стекла, сильно иризированный, вполне возможно – придонная часть какого-то сосуда (рис. 4-3-15, 5). В соседнем помещении 5а были найдены по кусочку горного хрусталя (рис. 4-3-15, 19) и сердолика со сколами (рис. 4-3-15, 18). Фрагмент стекла, как и куски поделочных камней, предназначались для изготовления вставок в ювелирные украшения. В золотых серьгах из клада, обнаруженного в помещении 59, находились стеклянные вставки (рис. 4-3-21), которые могли быть отлиты из стеклянного лома здесь же, на поселении.

Также в яме № 1 был найден миниатюрный округлодонный сосудик с тестом (рис. 4-3-15, 6), в котором было значительное количество отошителя;

черепок сосудика черный в изломе. На дне сосудика не было визуально обнаружено никаких фракций, но судя по его форме и тесту, из которого он сделан, можно думать, что он являлся тиглем для плавки золота. В помещении не было найдено собственно остатков горна, где могли плавить металл, и горн мог находиться во дворе рядом. Для ограниченных плавов достаточно было выкопать небольшую ямку, подвести сопло с мехами, а после плавки разобрать эту конструкцию.

Важной находкой, доказывающей, что на Культобе существовало литейное производство, является обнаружение в помещении 26 «углового дома» двухканального сопла (рис. 4-3-19). Один из его каналов был утрачен, само оно использовалось уже вторично, в качестве трубы дымохода. Наиболее хорошо сопла этого типа известны в более поздних слоях VII-VIII в. в Пенджикенте (Распопова, 1980, рис. 33); находка аналогичного сопла была сделана в слое середины VIII в. и на соседнем с Культобе Сидаке (Сыдык-Ата-тобе) (Смагулов, 2014б, рис. 2, 2). На сегодня сопло из Культобе является наиболее древним из подобных инструментов в Средней Азии.

К изделиям мастера, работавшего на поселении Культобе, можно отнести и призматическую, восьмигранную в сечении подвеску, концы которой облачены в тонкие золотые муфточки (рис. 4-3-15, 4). Изделие попало в яму в помещении 5а после того, как отвалилась напаянная сверху дужка у одной из муфточек. В этой же яме находились и низка стеклянного бисера цвета морской волны (рис. 4-3-25, 4), вполне возможно – некогда входившего в один набор с подвеской.

Наиболее интересные и важные находки ювелирных украшений на поселении Культобе были, однако, сделаны не в самой мастерской, и все они относятся к следующему V строительному периоду. В помещении 59 расположенном к западу от цитадели, в пределах первой оборонительной стены был найден клад ювелирных украшений (Смагулов, Ержигитова, 2019).

Из предметов, входивших в клад, наибольшую важность представляют пять *полых калачевидных серег* (рис. 4-3-21). Такая же серьга была найдена у южной башни (рис. 4-3-20, 2). Не исключено, что их производством мог заниматься мастер, работавший в западной половине замка. Эти серьги являются наиболее информативными для датировки и установления векторов культурных связей.

Серьги полые, сделаны, по-видимому, выколоткой по модели – сердечнику, слепленому из какой-то природной мастики. Так как анализ серег из Культобе еще не производился, сложно сказать, какой материал являлся основой сердечника. Внутри очень близкой культобинским по форме серьги из Краснореченского городища в роли мастики, как показал анализ, выступала камедь. На верхние концы надеты втулки, которые дополнительно удерживали дужки. Гнезда для вставок – как напаянные, так и прорезанные; вставки стеклянные.

Полые серьги калачевидной формы известны уже в ахеменидскую эпоху. Отличительной особенностью серег этого типа в степном поясе для позднесарматского времени является использование в их декоре красных

камней (гранатов, альмандинов), вставленных изнутри в специально прорезанные под них гнезда. Калачевидным серьгам позднесарматского и гуннского времени посвящена довольно обширная литература (Перевозчикова 2009; Любчанский 2009), и нет необходимости подробно останавливаться на всех аспектах проблемы хронологии этих изделий. Здесь мы рассмотрим только серьги, не имеющие подвесок из полых шариков (часто оканчивающихся пирамидками зерни). Сравнивая комплексы с находками полых калачевидных серег без зерни, обнаруживаем, что они образуют отдельную группу, которая в целом не выходит за рамки позднесарматского времени. При этом серьги, обведенные зернью и особенно – имеющие треугольники зерни между вставками, а также (что важно), подвески из гроздей полых шариков, датируются преимущественно в рамках гуннского и даже постгуннского времени, местами доживая вероятно и до рубежа VI – VII вв. н.э. (Смагулов, 2013а, илл. 11, 16).

Из наиболее близких территориально аналогий следует назвать серьги из катакомбы 1 восточной группы могильника Культобе на Арыси (Подушкин, 2014б, рис. 2, 2-3) и серьги из погребения под нижним слоем Краснореченского городища (Торгоев, Кольченко, 2017, рис. 3, 1). Серьги культобинского погребения, находившиеся у черепа женского скелета, уложенного на пол камеры, не имеют зерни, как и экземпляр из Красной речки. Также из находок таких серег в среднеазиатском ареале назовем серьгу из грунтового погребения 26 могильника Алтынасар IV (Левина, 1996, рис. 143, 3). У серьги из этого захоронения, как и у серьги из краснореченского погребения, по боку проходили дужки из тонкой проволоки для крепления подвесок, которые не сохранились. Касты для вставок этого экземпляра, судя по рисунку, обнесены зернью.

Более всего серег такого типа было найдено в позднесарматских курганах Южного Приуралья. Назовем следующие датированные комплексы с золотыми серьгами: Лебедевка, к. 2 (Мошкова, 2009, рис. 2, 2); Лебедевка II, к. 1 (Мошкова, Кушаев 1973, рис. 4, 4); Магнитный, к. 3 (Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 14, III, 1, 3), Темясово, к. 4 (Пшеничнюк, Рязанов, 1976, рис. 7, 10-13). Такая находка есть и в Нижнего Поволжье (Усатово, к. F-16: Синицын, 1947, рис. 28, 5). В Южном Приуралье встречаются схожие калачевидные полые серьги без вставок, но сделанные из бронзы и явно подражающие золотым: Дербенево, к. 7 и 20 (Пшеничнюк, 1992, рис. 3, 1, 2; 6, 7); Друженский, к. 3 (Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 12, III, 8), Малково, к. 1 (Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 16, II, 12).

Недавно бронзовая полая калачевидная серьга была найдена в кургане 3 могильника Гунжели на востоке Устюрта в типично позднесарматском погребении III в. н. э. (Китов, Болелов, Балхванцев, 2019, с. 56-57, рис. 2, 3). Скотоводческое население, оставившие этот могильник, в культурном отношении находилось под сильным влиянием населения нижнего Хорезма. Ранее в Хорезме, на некрополе древнего Миздахкана, в самом богатом погребении № 62 совершенном в керамическом саркофаге, были найдены

золотые калачевидные серьги, корпус у которых, в отличие от остальных, несколько вытянут и имеет более четкие граненые очертания (Ягодин, Ходжайов, с. 58, цветная вклейка 1, 1).

Золотые серьги и серьги из бронзы полностью синхронны, что было убедительно показано В.Ю. Малашевым в ходе анализа взаимовстречаемости хронологически значимого инвентаря в комплексах Южного Приуралья, в таблице, которая явилась основой разработанной им хронологии позднесарматских древностей этого региона⁴⁶.

Согласно схеме хронологии В.Ю. Малашева, уже неоднократно проверенной и принятой большинством специалистов, комплексы с калачевидными серьгами объединяются в группу 3, которая убедительно датируется им в рамках середины – второй половины III в.н.э. (Малашев, Яблонский, 2008, с. 61-62, рис. 210, 211). Наиболее ранние образцы встречены в погребениях первой половины III в. н.э., но большая часть находок связана с комплексами середины – второй половины III в. н.э. (Малашев, 2013, с. 16). Благодаря датированным аналогиям на памятниках Южного Урала, серьги из Культобе можно отнести к середине – второй половине III в. н. э.

Большая близость серег с востока Средней Азии с серьгами из погребений Южного Приуралья демонстрирует существование связи между регионами, тем более, что в цепи между Южным Приуральем и средним течением Сырдарьи есть прочные связующие звенья – Хорезм и Устюрт.

Сейчас, после находки клада и одиночной серьги в другой части поселения, кажется весьма вероятным, что золотые серьги южноуральского региона *были изготовлены на территории Кангюя*, в мастерских ремесленников-профессионалов, чей уровень мастерства был выше работ мастера из Культобе.

Полихромный стиль, в котором сделаны серьги, однозначно не является для сарматов Южного Урала явлением, имеющим местные корни. Все более активные поиски истоков полихромного стиля «догуннской» эпохи, как будто дают тенденцию к тому, что начальный этап его развития нужно искать где-то в иранском мире (Малашев, Яблонский 2008. С. 70-71; Красноперов 2012. С. 219). Наиболее вероятным кажется предположение, что стиль дутых калачевидных серег, украшенных красными камнями, реже стеклянными вставками, сложился именно на территории Кангюя. И в антропологии

⁴⁶ В таблице взаимовстречаемости хронологически значимых разновидностей погребального инвентаря из комплексов Южного Приуралья, использованы и серьги с подвесками из полых шариков из комплекса в Большой Дмитриевке в Нижнем Поволжье (Малашев, Яблонский 2008, рис. 210), но обычно такие серьги встречаются в комплексах уже IV в. н.э. и в более позднее время, в том числе, судя и по их находкам - в катакомбных и подбойных погребениях на Тянь-Шане. Вероятно, серьги с гроздьями полых шариков впервые появляются уже во второй половине III в. н.э. В настоящее время В.Ю. Малашев отказался от возможности пролонгирования хронологии памятников позднесарматской культуры Южного Приуралья в IV в. н.э. (Малашев, 2013, с. 19).

позднесарматского времени Южного Приуралья Л.Т. Яблонским вычленяется компонент, связанный со среднеазиатскими кочевниками (Малашев, Яблонский, 2008, с. 77). Истоки же самого стиля, вероятно, надо искать в культуре Кушанского царства или Парфии.

В составе клада были найдены весьма оригинальные височные подвески в форме разомкнутого круга, ближе к концам которого напаяны дополнительные кружки (рис. 4-3-22). Аналогий этим украшениям пока подыскать не удалось. Также в составе клада были прямоугольные в сечении золотые колоколовидные подвески (рис. 4-3-23), бронзовые бубенцовые подвески, колокольчик и детали какого-то бронзового прямоугольного предмета (рис. 4-3-26), а также значительное число бус (рис. 4-3-25, 1-3).

К ювелирным украшениям, относящихся к V периоду, следует относить две золотые бляшки, найденные на верхнем полу внутреннего двора замка (рис. 4-3-20, 1). Наиболее близкие аналогии им есть в составе инвентаря богатого подбойного погребения III в. н.э. под курганом 18 могильника Высочино-V в устье Дона (Беспалый, Лукьяшко, 2008, табл. LXXXI, 10). В этом комплексе две такие бляшки были найдены вместе с бляшками другой формы на правом запястье погребенного (Там же, с. 86). Бляшки аналогичной формы есть в составе комплекса погребения с золотой маской в Керчи (Горская, 2009, с. 73, кат. № 25). Их относят к той части инвентаря, которая сформировалась во второй половине III в. н. э. (Шаров, 2009, с. 40). Возможно, самой поздней аналогией бляшкам с «перлами» по краю являются аналогичные аппликации из склепа 24 июня 1904 г. в Керчи (Šhukin, Kazanski, Sharov, 2006, fig. 165, 34, 35), датированного уже V веком. Бляшки аналогичной формы были найдены и на составленной из разнотипных бляшек «диадеме» из погребения 82 могильника Лучистое в Крыму (Там же, рис. 182, 1), который также датируется IV - началом V в.

Любопытно, но в Средней Азии аналогий этим, кажущимся простыми, бляшкам нет: все они происходят в основном из Причерноморья.

Резюмируя вышесказанное, следует привести краткий *итог датировки* комплексов.

Мы видим, что аналогии находкам, сделанным в ямах и на полах западного блока помещений замка, четко датируются II-III вв. Дата *terminus post quem* для III периода – середина II в. н.э. определяется находкой монеты Хувишки под начальным полом этого периода в помещении 13. Монета относится к третьему иконографическому типу по Е.В. Зеймалю (Зеймаль, 1983, с. 209). Правление Хувишки, исходя из установленной в настоящее время начальной даты правления Канишки (128/129 г. н.э.), оценивается от 153 до 191 г. н.э. (Маршак, Грене, 2010, с. 154). В целом этот период можно датировать до середины III в. н. э. Зная датировку III строительного периода, можно попробовать датировать и первые два.

Немногочисленная керамика из нижних слоев крестообразного здания и его платформы по ряду признаков относится ко времени не ранее классического Каунчи II. Замок был пристроен к крестообразному зданию

довольно быстро. Вероятно, речь идет о периоде до нескольких десятилетий, но не более, так как стены крестообразного здания внизу еще не имели подмывов и не были покрыты слоями натеков. По сумме всех признаков, можно полагать, что крестообразное здание было построено никак не ранее рубежа I-II в. н. э., а замок появился на протяжении первой половины II в. н. э.

Период IV был единовременной акцией по наращиванию платформы будущей цитадели поселения, коснувшейся территории только вокруг крестообразного здания. Следующий за ним период V начался сразу же, когда появилась первая оборонительная стена поселения. В это время, жизнь внутри замка еще продолжалась. Период V – наиболее интенсивный период обживания поселения, можно уверенно датировать в рамках второй половины III - начала IV вв. Основанием для такой даты являются находка клада в помещении 59 внутри оборонительной стены и синхронные ему находки на верхнем полу замка и на его дворе.

В последний VI период входы в замок уже закладывают, юго-восточная часть поселения оказывается занятой большим домовладением, которое гибнет в большом пожаре.

Первоначально этот пожар был датирован в рамках V в. (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011, с. 70), но в последнее время появились данные к пересмотру этой даты. Время пожара можно уточнить, на чем стоит остановиться особо.

В руинах покинутых и сгоревших поселений Кангюя производили захоронения те кочевники, которые и были виновниками тех самых пожаров. Это хорошо известные погребения на городище Актобе 2 Чардаринское и Кызыл-Кайнар-тобе (рис. 2-15). В последнем был найден пояс с накладками в виде пропеллеров, который, по определению М.М. Казанского, является дериватом римских воинских поясов IV в. Он отмечает, что пояса такого типа характерны для позднеримской армии, и их все исследователи датируют IV в. по многочисленным находкам в могилах с монетами и изображениям на арке Константина 314 г. (Казанский, 1995, с. 242). Некоторые типы поясов т.н. позднеримского воинского стиля с такими накладками продолжают бытовать и в V в. К наиболее поздним экземплярам этой традиции относятся пропеллеровидные накладки (правда, других вариантов и в других гарнитурах) из Лучистого в Крыму, датированные первой пол. VI в. (Айбабин, Хайрединова 2008, 52, рис. 27: 9-10), и из Мокрой Балки в Кисловодской котловине на Северном Кавказе в комплексе, датированном второй пол. VI в. (Гавритухин, в печати)⁴⁷.

Недавно к ним добавилось погребение исследованное на Пшакши-тобе, которое прорезало верхний горизонт раннего поселения (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 50, рис. 14). В этом погребении, помимо бронзового

⁴⁷ Очерк по хронологии поясных наборов здесь написан А.И. Торговым. Выражаем искреннюю благодарность И.О. Гавритухину (Институт археологии РАН), который оказал большую помощь в этом вопросе, поделившись рядом своих наблюдений.

китайского зеркала, был найден неполный набор поясного гарнитура, ремень которого был украшен узкими прямоугольными накладками без бортов, закрепленными клепками поперек ремня (рис. 4-3-27, 3). Пряжка пояса с овальной рамкой с утолщением в передней части, круглая в сечении. Язычок, судя по фотографии, имеет рельефный выступ, на площадке которого нанесен диагональный крестик. Он довольно массивный, прямой, доходит до середины сечения рамки. Эти признаки, согласно данным В.Ю. Малашева, характерны для пряжек, появившихся после первой трети IV в. В могильниках Крыма и Северного Кавказа пряжки, язычок которых имеет площадку с «андреевским» крестом, бытуют до второй пол. VI в., хотя язычки у них не массивные (Гавритухин, в печати). В могильниках Оттарского оазиса в более позднем горизонте погребений представлены пряжки с массивным хоботковидными язычками (Нурмуханбетов, 2011. Рис. 28). По этому признаку последние обычно датируются в рамках V в., хотя на Кавказе и в Приуралье «хоботковые» пряжки встречаются и с «геральдическими» ременными гарнитурами, т.е. бытуют практически весь VI в., не исключая для некоторых случаев «захода» в VII в.

Пояса с прямоугольными накладками, покрывающими ремень, хорошо известны для памятников гуннского времени. Они содержатся в инвентаре таких известных комплексов, как разрушенная могила у с. Федоровка в Среднем Поволжье (Богачев, 2000, табл. 4, 10, 11), погребение 2 кургана 8 в урочище Кубей (Засецкая, 1994, табл. 46, 5) и погребение в кургане с усами № 19 могильника Канаттас в Сары-Арке (Кадырбаев, 1959, с. 179–182, рис. 25). В европейском Барбарикуме такие пояса датируются в основном в рамках V в. (Nagy, 2005; Казанский, 2019; см. библиографию в этих работах), но западные образцы довольно специфичны и не могут рассматриваться как прямые аналогии поясам с узкими накладками на востоке Средней Азии⁴⁸. Здесь скорее речь может идти о схожести типа пояса, накладки которого полностью покрывают ремень. Аналогичные материалы на юге Восточной Европы могут датироваться и ранее. Ранний образец пояса с узкими прямоугольными накладками без бортиков известен в погребении 109в Покровского могильника в Прикамье, который относится к финальной фазе мазунинской культуры и датируется IV в., но без его конца (Красноперов, 2018, с. 58, рис. 9, 4-9). Прямоугольные накладки, покрывающие поверхность ремня, характерны и для поясов т.н. харинского стиля (например, Гавритухин Обломский 1996, рис. 88Б, 5-6; Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, табл. 367; 431, 18), но они заметно более крупные и могут рассматриваться как одна из локальных форм развития стилистики, восходящей к гуннской эпохе.

Однако наиболее близкие аналогии поясу из Пшашки-тобе известны в могильниках джеытасарской культуры. Практически идентичные накладки были найдены в склепе Алтынасар 304; в состав пояса здесь входила пряжка с

⁴⁸ Здесь мы рассмотрим только пояса с узкими прямоугольными накладками, закреплённые к ремню двумя заклепками снизу и сверху, которые известны в Средней Азии.

прямоугольной обоймой и В-образной рамкой (Левина, 1996, табл. 129, 18; 126, 18). Последний признак более характерен для пряжек V в., однако в Центральной Европе они распространяются со ступени С3 (по Я. Тейралу), т.е. приблизительно с 320-х гг. В Волго-Уральском регионе разнообразные В-образные пряжки характерны для многих комплексов мазуниской, азелинской, древнемордовской культур, датируемых 1-й пол. – сер. IV в., но бытуют и позднее. Не позже первых десятилетий IV в. датируется В-образная пряжка из позднесарматского погр. 1 кургана 4 могильника Таксай 1 в Северо-Западном Казахстане (Кривошеев, Лукпанова 2015).

Практически целый гарнитур с узкими накладками найден в склепе 3 некрополя Сидак (Сыдык-Ата-тобе) (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, рис. 3.25, 11, 12) (рис. 4-3-27, 2). Пояс был снабжен пряжкой с удлиненной обоймой с овальным краем. На обойме были напаяны три гнезда для вставок из красных камней; рамка этого пояса также овальная, четырехгранная в сечении. Язычок имеет уступ сзади, кончик его доходит до середины сечения рамки. Пряжки с язычком, охватывающим около половины высоты рамки и имеющие уступ в задней части язычка, в культурах, связанных с позднесарматской, распространяются со второй четверти IV в. (тип П10 по: Малашев, 2000). В Крыму и на Северном Кавказе пряжки с язычками этого типа существуют до второй половины VI в. (Гавритухин, В печати, ИС-6).

Третий комплекс, где известен пояс такого типа – впускное погребение в полу кургана № 73 могильника Туук на Алае, раскопанное Ю.Д. Баруздиным в 1961 г. (рис. 4-3-27, 1). Здесь накладки на пояс были сделаны из кожи, сам двухслойный ремень сохранился практически целиком. Рамка пряжки полая, ступенчатая в сечении, утолщение в передней части рамки выражено мысиком треугольной формы. На верхней ступени рамки имеется проточенное ложе для язычка. Язычок доходит до середины сечения рамки, бока языка с наклонными фасетками, на кончике небольшой треугольный выступ. Обойма прямоугольной формы. Наиболее близкие по сечению и абрису пряжки происходят из склепа 356 на Алтынасаре (Левина, 1996, рис. 125, 10, 11). Последний пояस्ताкже полностью покрыт узкими поперечными накладками с бортиками. Помимо пояса в этом склепе были найдены меч с железным перекрестием, детали лука (состоящие из семи костяных накладок) и ромбические наконечники стрел типа IA1a по Засецкой, которые характерны для гуннского времени. Интересно отметить, что полые пряжкисо «ступенчатым» сечением рамки довольно редки и в комплексах позднесарматского времени неизвестны. Среди древностей гуннского времени пряжки со ступенчатым сечением рамки встречаются редко; отметим лишь пряжку из разрушенного погребения у совхоза им. Калинина в Крыму (Засецкая, 1994, табл. 22, 12) датированном последней четвертью IV - первой половиной V вв. (Там же, с. 116).

В погр. 8 из Коныртобе (Отарский оазис) пряжки с уступчатым сечением рамки входили в гарнитуры, украшенные плотными рядами накладок, крепившихся шпеньками вверху и внизу (Байпаков, Смагулов, Ержигитова,

2005, рис. 1.8; фото 1.17). Хотя их формы отличаются от находок в Туюке, вполне можно говорить о сходстве структуры и ряда элементов этих поясов. Схожее сечение, хотя и другие очертания рамки, имеют пряжки из «Кузубаевского клада» в Прикамье (Останина и др. 2011, рис. 9: 1-2; 10: 9), в котором представлен выразительный подбор вещей середины VII в. Однако это покупка, и не исключено, что продавец совместил в «кладе» несколько разных находок, так что вопрос о верхней хронологической границе интересующих нас пряжек остается открытым.

В целом указанные пояса можно датировать, скорее всего, в рамках второй половины IV - 1-й половины или, менее вероятно – всего V в. Несмотря на возможность расширить дату некоторых элементов таких поясов и на более позднее время, для гарнитур, относящиеся к VI в., все же характерны другие стили. В Средней Азии типология ременных гарнитур практически не разработана, отчего более сузить дату комплексов с такими поясами не получается, и единственным ориентиром для их датировки остаются именно надежнее датированные восточноевропейские материалы. Отметим также, что в Средней Азии нет прототипов таких поясов в более раннее время. Пояса с такими накладками были явно принесены завоевателями Кангюя откуда-то из-за Урала.

Очевидно, завоевателями Кангюя были гунны, в персидских источниках называемые хионитами, которые появились в Средней Азии около 350 г. В 359 г. их впервые упоминает Аммиан Марцеллин как восточных противников Ирана. Этьен де ля Васьер вполне справедливо предположил, что трансформация гуннов в хионов в персидских источниках произошла через добавление буквы «и», в результате чего «гунны» превратились в «хионов», так же, как много позже на западе имя «тартар» было преобразовано в «татар» путем ассимиляции с рекой подземного мира, из которой как казалось они пришли (Vaissière, 2005, p. 98). Идентичность гуннов и хионитов подтверждается параллельными списками вторгающихся народов, найденными в Индии и Иране: там, где индийцы писали «белые гунны» и «красные гунны», персы расшифровывали слова как «белые хионы» и «красные хионы» (Ibid., p. 98).

После хионитского нашествия на всей территории бывшего Кангюя количество укрепленных поселений земледельцев сильно сокращается, а большинство крепостей не восстанавливается. Значительные изменения происходят в погребальном обряде населения: прежде главенствующие катакомбы сменяются погребальными наземными склепами из сырцового кирпича. В Отрарском оазисе среди оседло-земледельческого населения начинают практиковать погребения в простых грунтовых ямах или специальных погребальных платформах. Катакомбы же сохраняются только на Тянь-Шане в ареале кенкольской культуры, куда завоеватели, видимо, пройти не смогли.

Список иллюстраций

4.3.

- Рис. 4-3-1. Керамика с урвней полов III периода. Рисунки А.И. Торгоева.
1 – 9, 11 – Помещение 3. Второй пол; 10 – крестообразное здание, помещение А1. Верхний пол.
- Рис. 4-3-2. Керамика из ям № 1 и 2 в полу периода III-1 помещения 5. Рисунки А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-3. Керамика из ямы в помещении 5а (№ 2 – раскраска не показана). Рисунки А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-4. Керамика из заполнения и верхнего пола помещения 12. Рисунки А.И. Торгоева: 1 – с урвня верхнего пола. 2 – 4 – из заполнения помещения.
- Рис. 4-3-5. Керамика с урвня нижнего пола в помещении 12. Рисунки А.В. Кулиша.
- Рис. 4-3-6. Керамика из заполнения между полами в помещении 13. Рисунки А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-7. Керамика из слоя пожара в помещении 23. VI периода. Рисунки А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-8. Тарная и столовая керамика из помещения 23. VI период. Рисунки А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-9. Столовый горшок из слоя пожара в помещении 23. Фото А.А. Ержигитовой.
- Рис. 4-3-10. Кружка из слоя пожара в северо-восточной части двора (помещения 39). Фото А.Г. Донца.
- Рис. 4-3-11. Керамика из заполнения землянки во дворе (помещение 39). Рисунки А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-12. Помещения 5 и 5а. Вид с востока. Фото А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-13. Помещение 5. Вид с юга. Фото А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-14. Помещение 5. Яма № 1, характер заполнения. Фото А.И. Торгоева.
- Рис. 4-3-15. Индивидуальные находки в помещениях 5 и 5а. Рисунки А.И. Торгоева, фото А.Г. Донца: 1 – 3, 5, 7, 8, 10, 11, 13 – 17 – помещение 5, яма 1; 6, 9, 18 – 20 – помещение 5а, между первым(верхним) и вторым полом; 12 – помещение 5, второй пол.
1 – 3 – яшма; 4 – яшма, золото; 5, 11 – стекло; 6, 20 – обожженная глина; 7, 8 – гипс; 9, 13 – 16 – египетский фаянс; 12 – перламутр; 17 – железо; 18 – сердолик; 19 – горный хрусталь.
- Рис. 4-3-16. Фигурки идолов из помещения 5 и 5а и аналогии им: 1 – помещение 5, яма 1. Рисунок Т. Тлеубаева; 2 – могильник Хазара (Бухарская обл.), курган 7 (по: Обельченко, 1992, вкладка, лист 3. Рисунок по фото А.И. Торгоева); 3, 4 – I Балабинский могильник. (по: Скрипкин, 2010, рис. 2, 2, 3); 5 – помещение 5а, под вторым полом. Рисунок А.И. Торгоева с оригинала.
1, 2 – гипс; 3 – мел; 4 – кость; 5 – гипс, раскраска черной краской.

Рис. 4-3-17. Индивидуальные находки из полов III строительного периода. Рис. А.И. Торгоева: 1 – второй пол помещения 3; 2 – второй пол помещения 13; 3 – над верхним полом помещения 13; 4 – нижний пол помещения 5; 5 – нижний пол помещения 12.

1, 2 – камень; 3 – глина; 4 – сердолик; 5 – железо.

Рис. 4-3-18. Медная монета Хувишки из-под нижнего пола в помещении 13

Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-3-19. Керамическое сопло из «углового дома» (помещение 26). Фото А.Г. Донца).

Рис. 4-3-20. Золотые украшения из замка: 1 – верхний уровень пола в помещении 3 (внутреннем дворике). Период V. Фото Е.А Смагулова; 2 – с уровня нижней поверхности двора перед замком у южной башни (помещение 12). Период V. Фото А.А. Ержигитовой.

Рис. 4-3-21. Золотые полые калачевидные серьги из клада. Фото А.В.

Каменского.

Рис. 4-3-22. Золотые серьги с двумя колечками из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-23. Золотые колоколовидные подвески – колпачки из клада. Фото А.В.

Каменского.

Рис. 4-3-24. Каменные пластины из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-25. Бусы и бисер из клада. Фото А.В. Каменского.

1, 2, 3 – бусы и бисер из клада. Фото А.В. Каменского; 4 – бисер из ямы в помещении 5а. Фото А.Г. Донца.

Рис. 4-3-26. Бубенцовые подвески. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-27. Пояса с узкими поперечными накладками с востока Средней Азии: 1 – Туюк (Алай). Курган 73, впускное погребение в полу кургана, скелет № 5 (а – рисунок из материалов к отчету Ю.Д. Баруздина, б – рисунок А.И. Торгоева с оригинала); 2 – Сидак (Сыдык-Ата-тобе), склеп № 3 (по: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2004, рис. 3.25, 11, 12; рисунок А.И. Торгоева с оригинала); 3 – Пшакши-тобе, впускное погребение (по: Байпаков. Авизова, Акылбек, 2017. Рис. 14, 2, 4 – 7; Рисунок по фото А.И. Торгоева). Материал: 1 – кожа, бронза, текстиль; 2 – серебро; 3 – бронза.

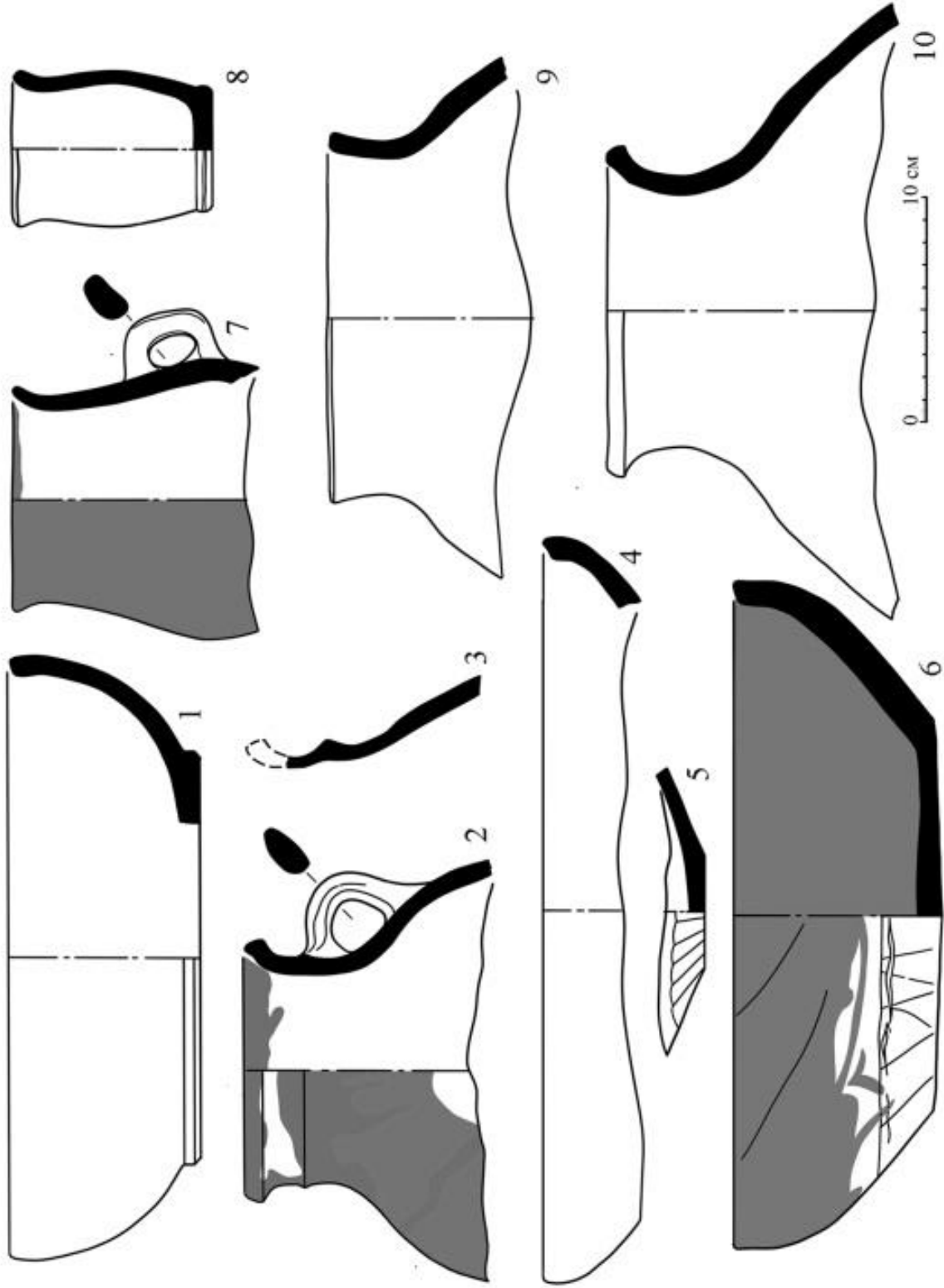

Рис. 4-3-2. Керамика из ям № 1 и 2 в полу периода III-1 помещения 5. Рисунки А.И. Торгова.

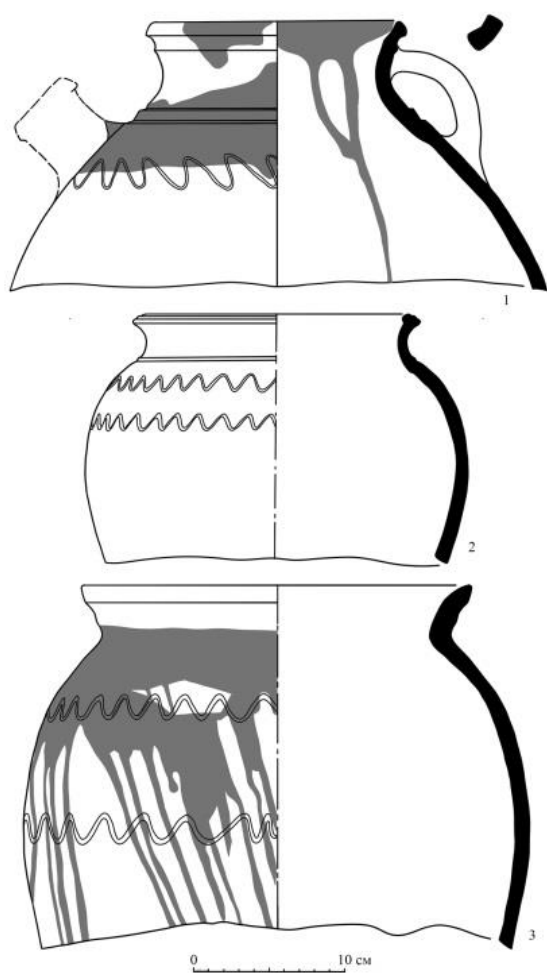

Рис. 4-3-3. Керамика из ямы в помещении 5а
(№ 2 – раскраска не показана). Рисунки А.И.
Торгоева.

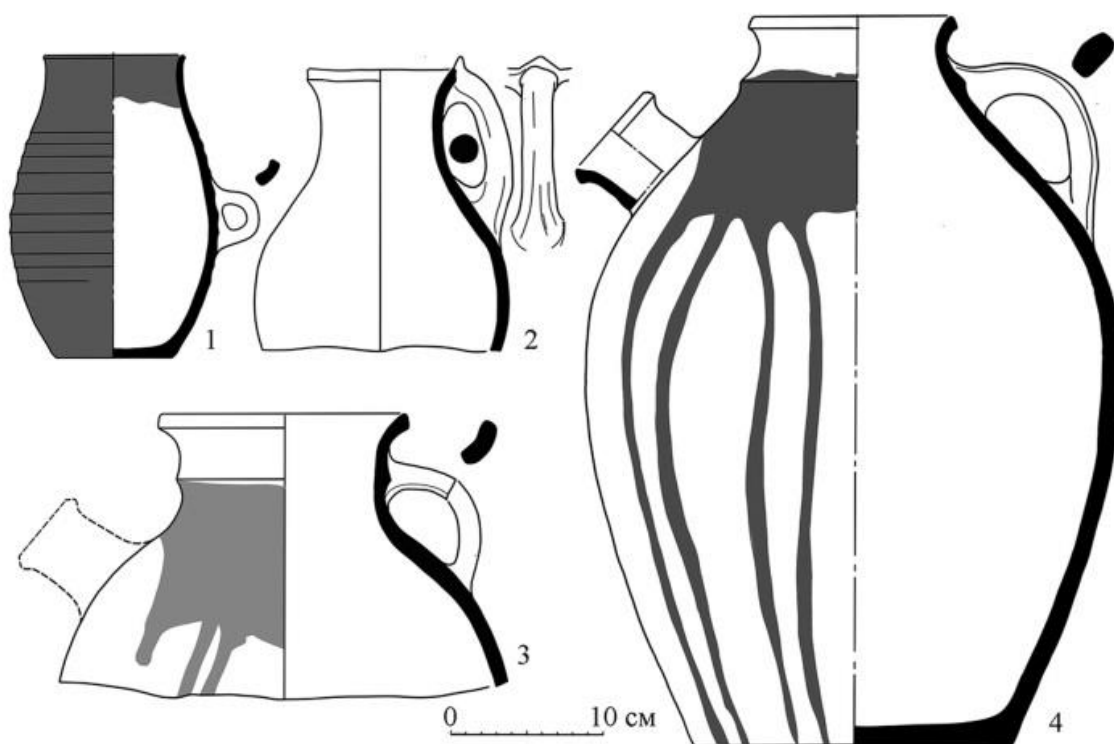

Рис. 4-3-4. Керамика из заполнения и верхнего пола помещения 12.
Рисунки А.И. Торгоева: 1 – с уровня верхнего пола. 2 – 4 – из заполнения помещения.

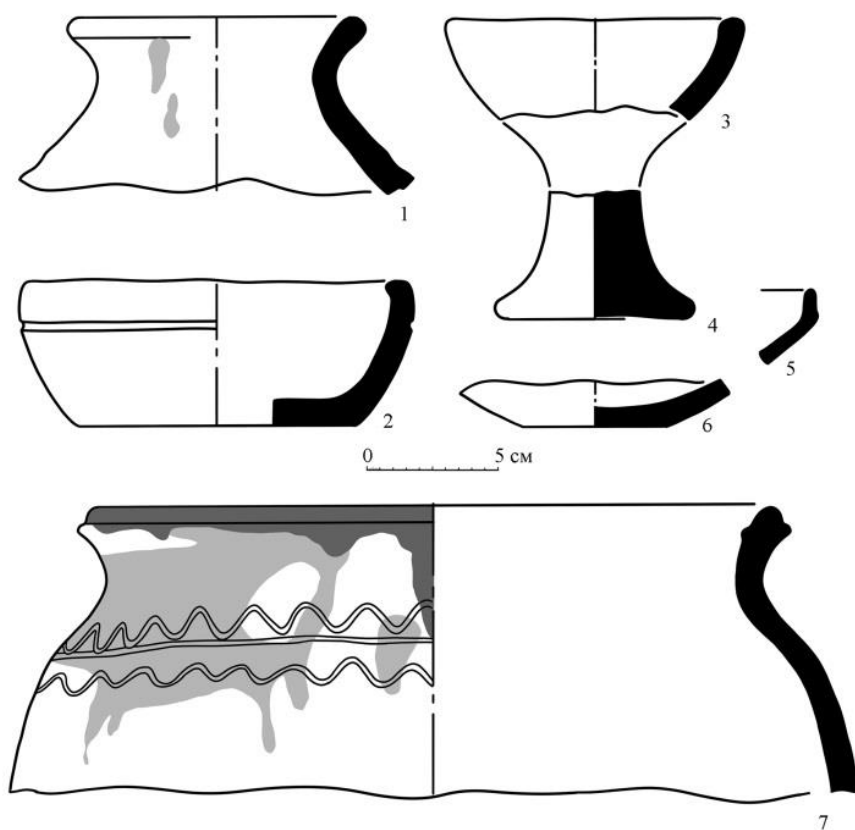
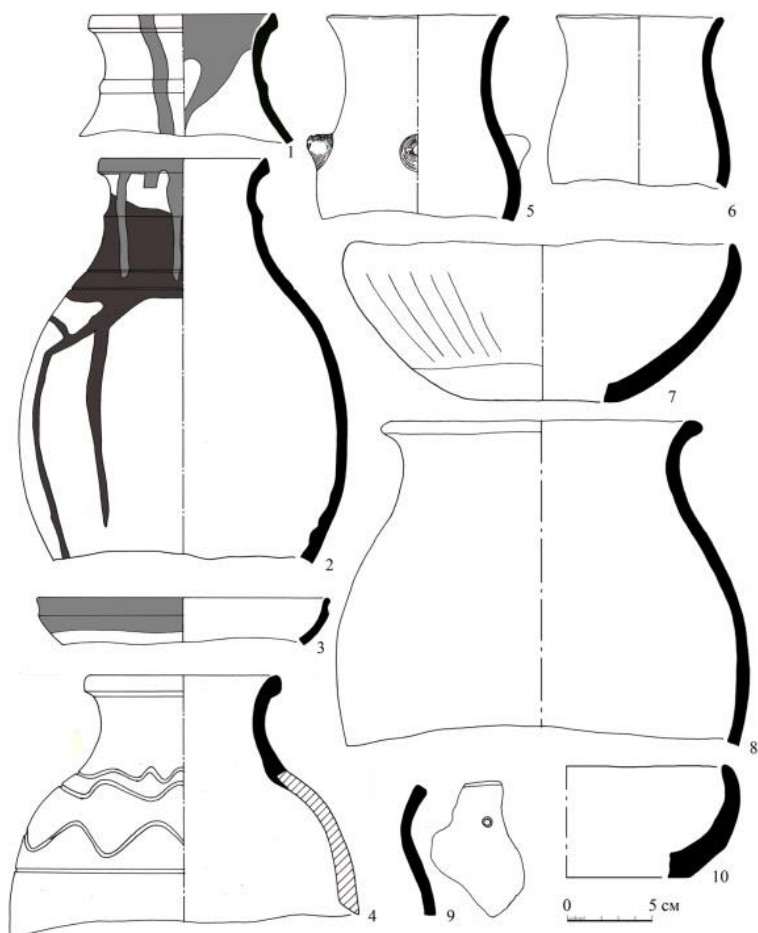

Рис. 4-3-5. Керамика с
уровня нижнего пола в
помещении 12. Рисунки
А.В. Кулиша.

Рис. 4-3-6. Керамика из
заполнения между полами в
помещении 13. Рисунки А.И.
Торгоева.

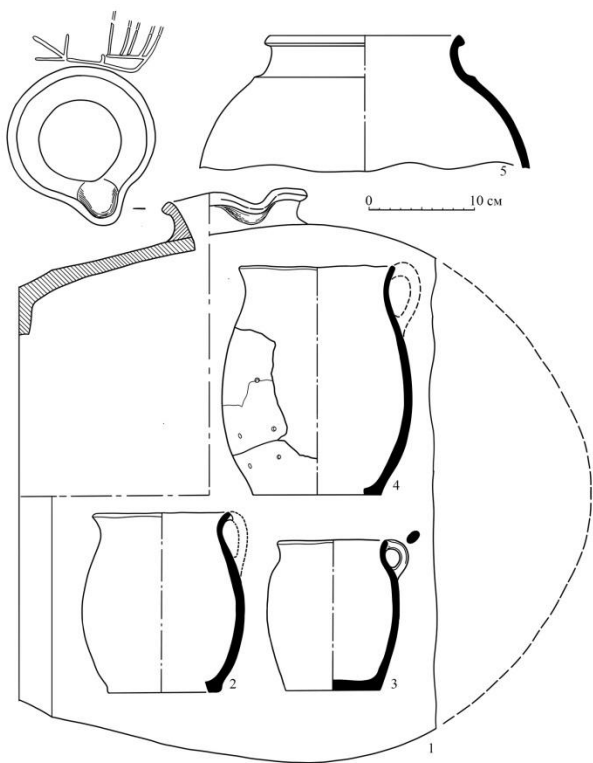

Рис. 4-3-7. Керамика из слоя пожара в помещении 23. VI периода. Рисунки А.И. Торгоева.

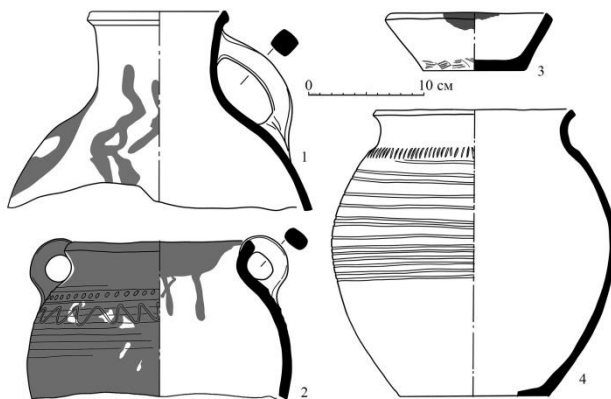

Рис. 4-3-8. Тарная и столовая керамика из помещения 23. VI период. Рисунки А.И. Торгоева.

Рис. 4-3-9. Столовый горшок из слоя пожара в помещении 23. Фото А.А. Ержигитовой.

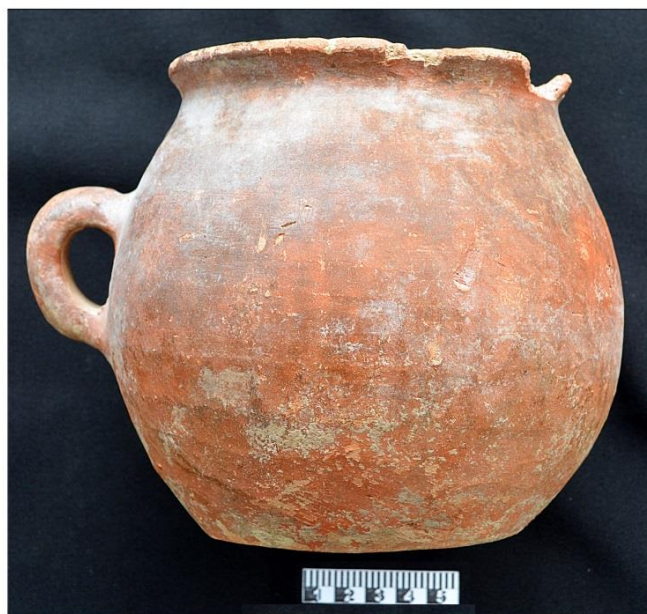

Рис. 4-3-10. Кружка из слоя пожара в северо-восточной части двора (помещения 39). Фото А.Г. Донца.

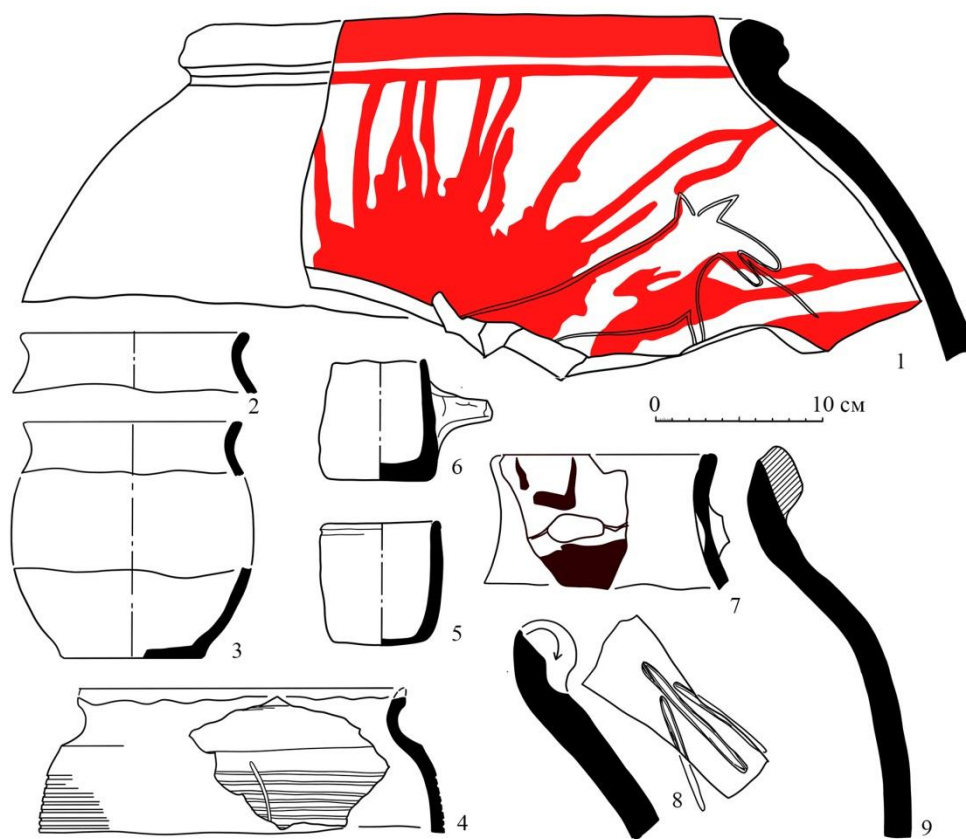

Рис. 4-3-11. Керамика из заполнения землянки во дворе (помещение 39).
Рисунки А.И. Торгоева.

Рис. 4-3-12. Помещения 5 и 5а. Вид с востока. Фото А.И. Торгоева.

Рис. 4-3-13. Помещение 5. Вид с юга. Фото А.И. Торгоева.

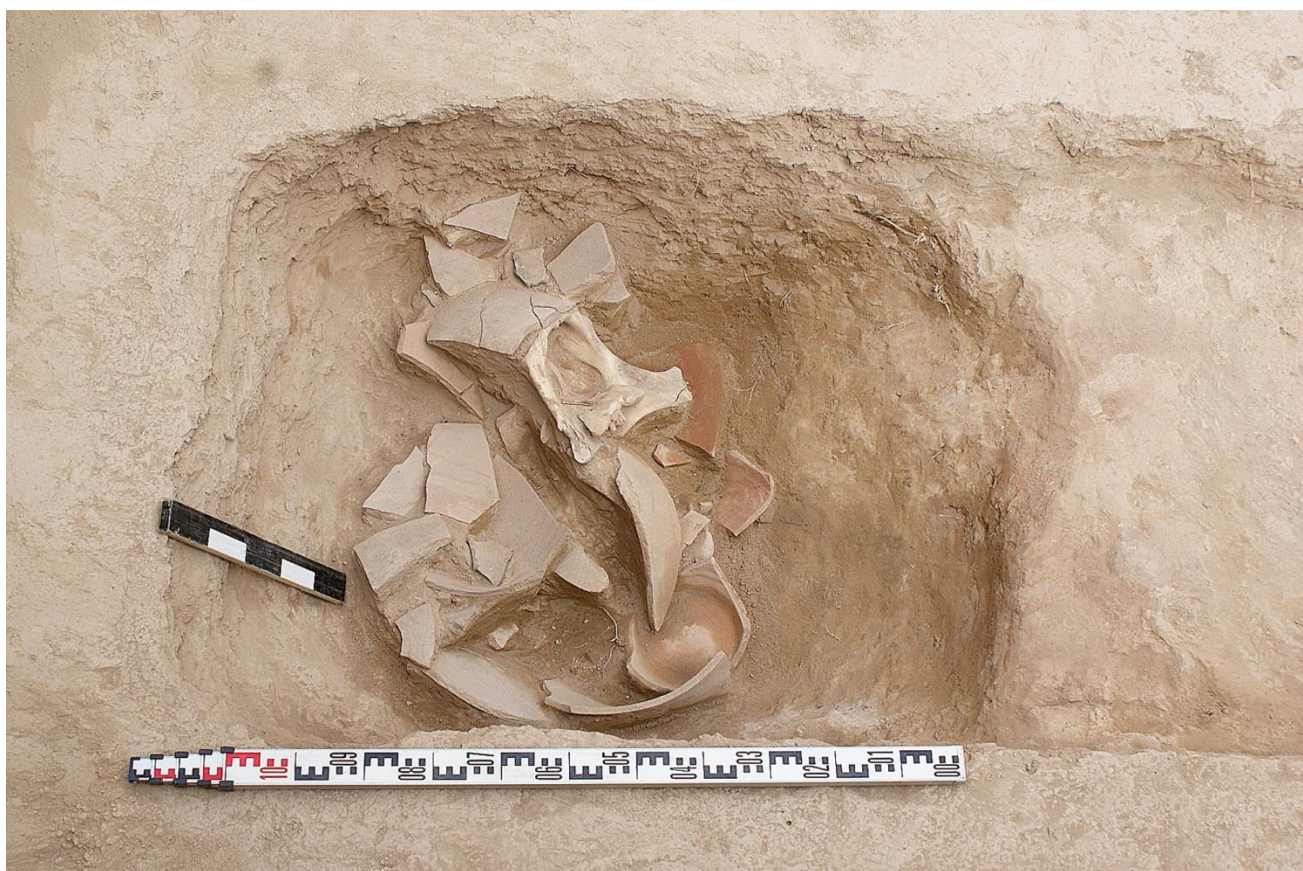

Рис. 4-3-14. Помещение 5. Яма № 1, характер заполнения. Фото А.И. Торгоева.

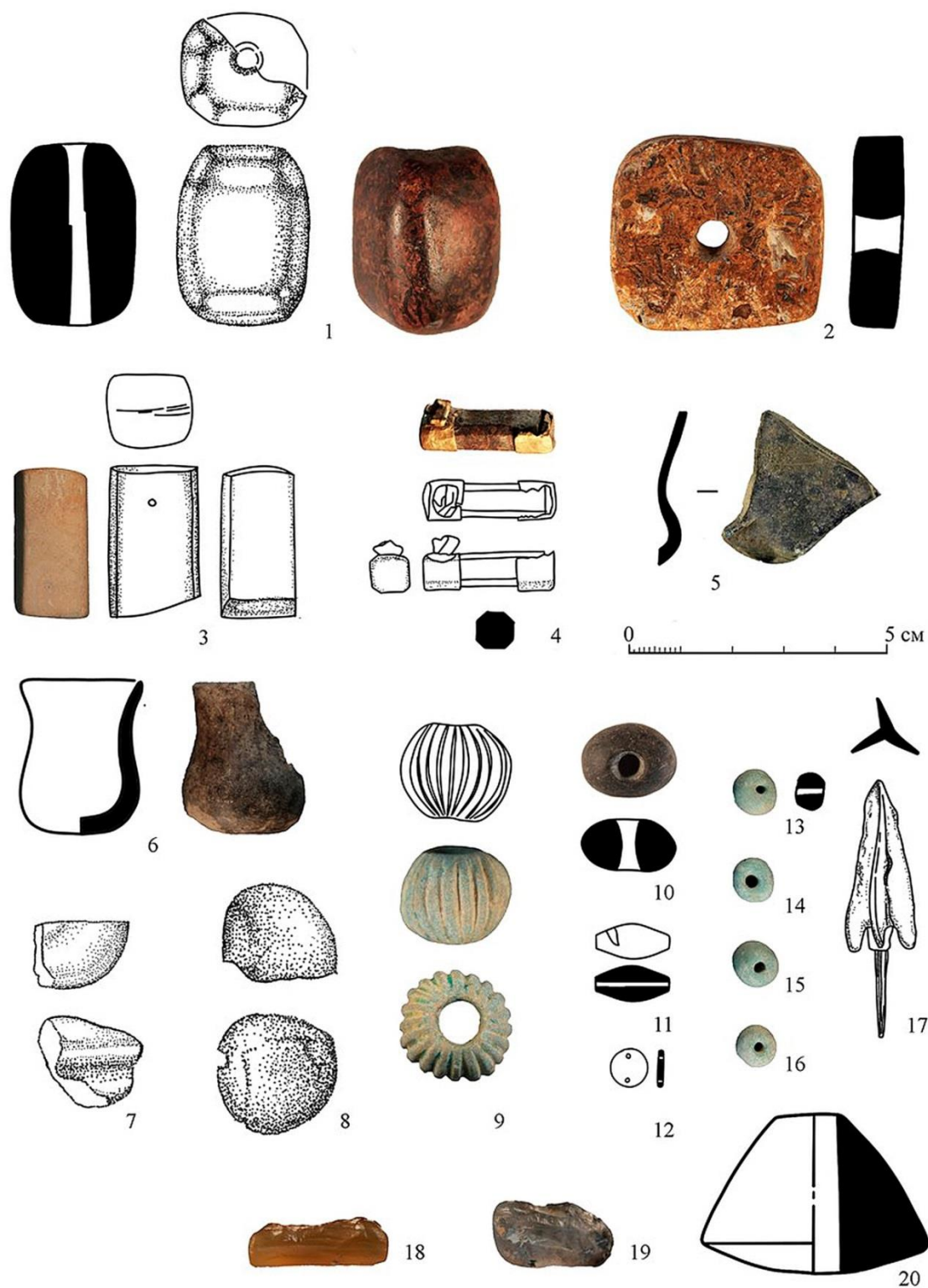

Рис. 4-3-15. Индивидуальные находки в помещениях 5 и 5а. Рисунки А.И. Торгоева, фото А.Г. Донца: 1 – 3, 5, 7, 8, 10, 11, 13 – 17 – помещение 5, яма 1; 6, 9, 18 – 20 – помещение 5а, между первым(верхним) и вторым полом; 12 – помещение 5, второй пол.
1 – 3 – яшма; 4 – яшма, золото; 5, 11 – стекло; 6, 20 – обожженная глина; 7, 8 – гипс; 9, 13 – 16 – египетский фаянс; 12 – перламутр; 17 – железо; 18 – сердолик; 19 – горный хрусталь.

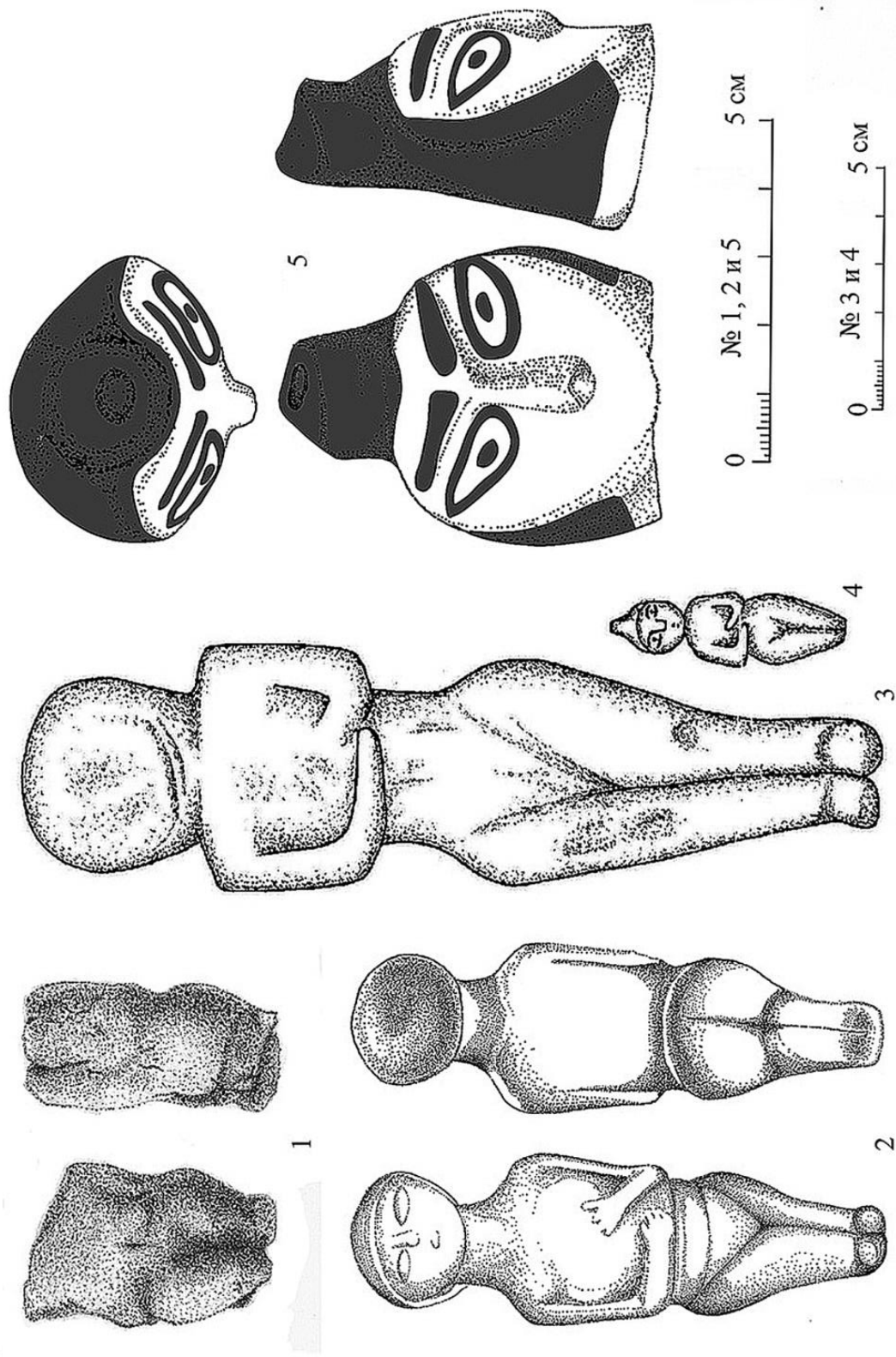

Рис. 4-3-16. Фигурки идолов из помещения 5 и 5а и аналогии им: 1 – помещение 5, яма 1. Рисунок Т. Тлеубаева; 2 – могильник Хазара (Бухарская обл.), курган 7 (по: Обельченко, 1992, вкладка, лист 3. Рисунок по фото А.И. Торгоева); 3, 4 – I Балабинский могильник. (по: Скрипкин, 2010, рис. 2, 2, 3); 5 – помещение 5а, под вторым полом. Рисунок А.И. Торгоева с оригинала.

1, 2 – гипс; 3 – мел; 4 – кость; 5 – гипс, раскраска черной краской.

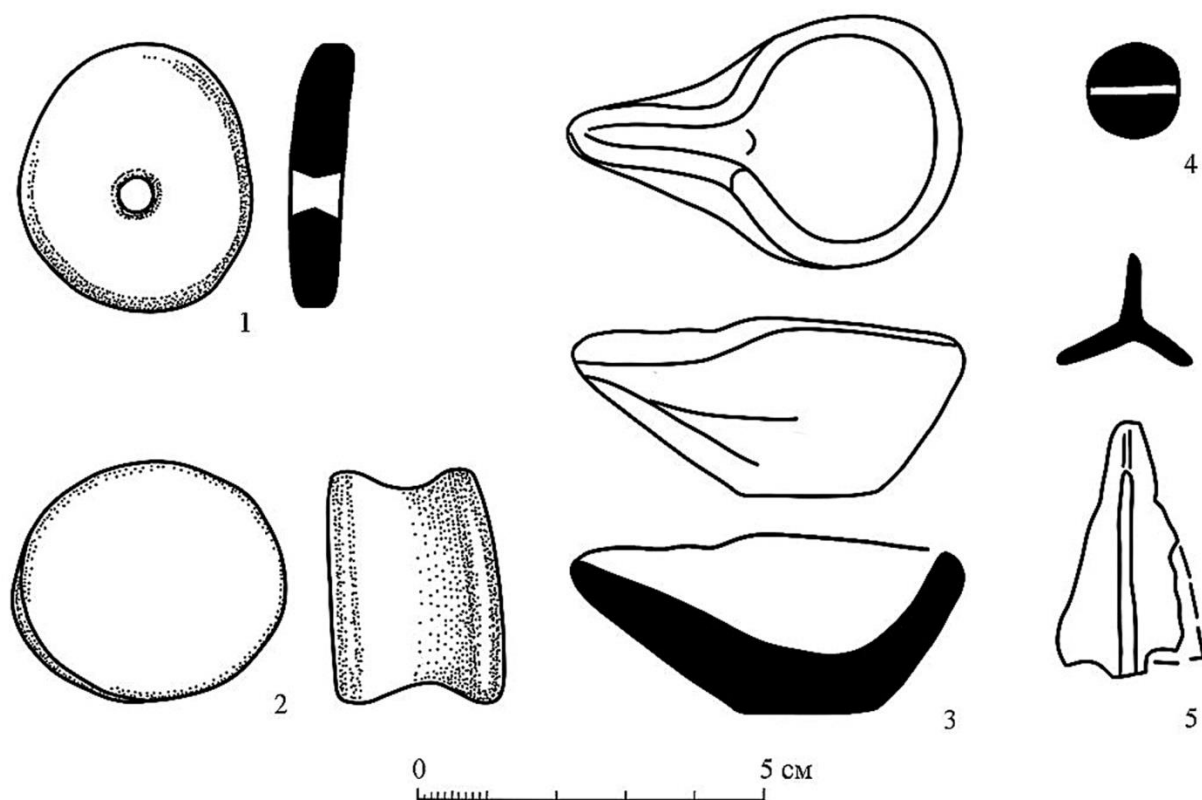

Рис. 4-3-17. Индивидуальные находки из полов III строительного периода. Рис. А.И. Торгоева: 1 – второй пол помещения 3; 2 – второй пол помещения 13; 3- над верхним полом помещения 13; 4 -нижний пол помещения 5; 5 – нижний пол помещения 12.
1, 2 – камень; 3 – глина; 4 – сердолик; 5 – железо.

Рис. 4-3-18. Медная монета Хувишки из-под нижнего пола в помещении 13 Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-3-19. Керамическое сопло из «углового дома» (помещение 26). Фото А.Г. Донца).

Рис. 4-3-20. Золотые украшения из замка: 1 – верхний уровень пола в помещении 3 (внутреннем дворике). Период V. Фото Е.А Смагулова; 2 – с уровня нижней поверхности двора перед замком у южной башни (помещение 12). Период V. Фото А.А. Ержигитовой.

Рис. 4-3-21. Золотые полые калачевидные серьги из клада. Фото А.В. Каменского

Рис. 4-3-22. Золотые серьги с двумя колечками из клада. Фото А.В. Каменского.

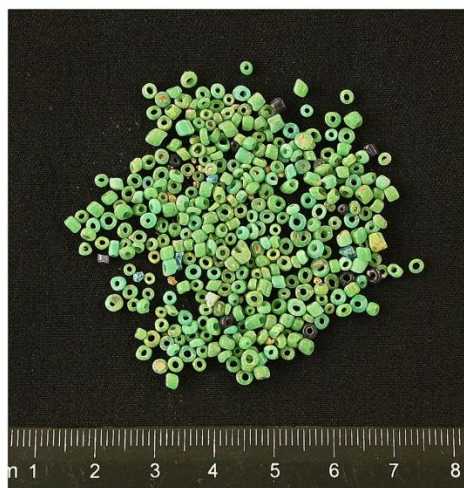
Рис. 4-3-23. Золотые колоколовидные подвески – колпачки из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-24. Каменные пластины из клада. Фото А.В. Каменского.

1

3

2

4

Рис. 4-3-25. Бусы и бисер из клада.
Фото А.В. Каменского.
1, 2, 3 – бусы и бисер из клада.
Фото А.В. Каменского; 4 – бисер из ямы в помещении 5а.
Фото А.Г. Донца.

Рис. 4-3-26.
Бубенцовые подвески. Фото А.В. Каменского.

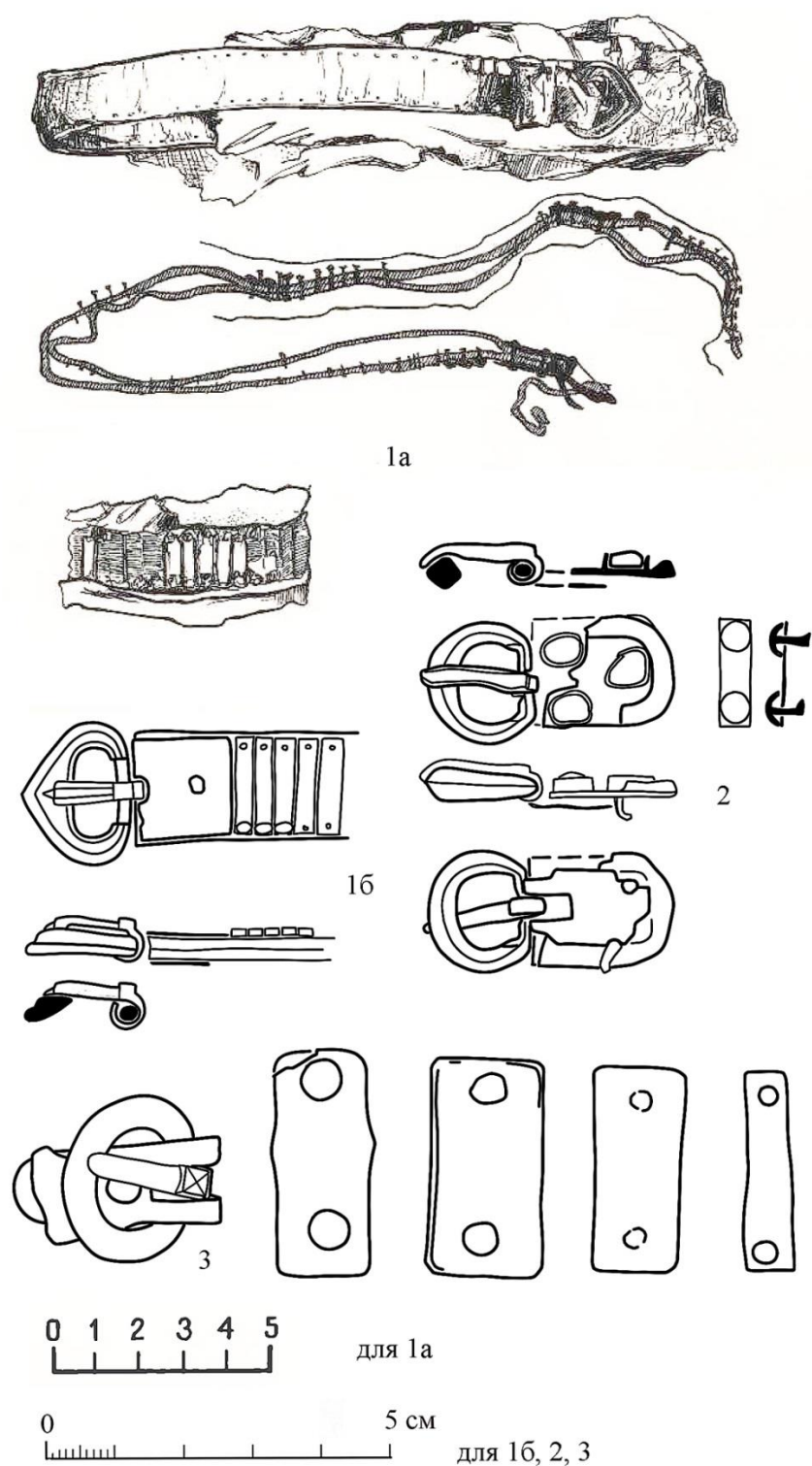

Рис. 4-3-27. Пояса с узкими поперечными накладками с востока Средней Азии: 1 – Туюк (Алай). Курган 73, впускное погребение в полу кургана, скелет № 5 (а - рисунок из материалов к отчету Ю.Д. Баруздина, б– рисунок А.И. Торгоева с оригинала); 2 – Сидак (Сыдык-Ата-тобе), склеп № 3 (по: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2004, рис. 3.25, 11, 12; рисунок А.И. Торгоева с оригинала); 3 – Пшакши-тобе, впускное погребение (по: Байпаков. Авизова, Акылбек, 2017. Рис. 14, 2, 4 – 7; Рисунок по фото А.И. Торгоева).
Материал: 1 – кожа, бронза, текстиль; 2 – серебро; 3 – бронза.

Рис. 4-3-17. Индивидуальные находки из полов III строительного периода. Рис. А.И. Торгоева: 1 – второй пол помещения 3; 2 – второй пол помещения 13; 3 – над верхним полом помещения 13; 4 – нижний пол помещения 5; 5 – нижний пол помещения 12.

1, 2 – камень; 3 – глина; 4 – сердолик; 5 – железо.

Рис. 4-3-18. Медная монета Хувишки из-под нижнего пола в помещении 13
Фото А.В. Кулиша.

Рис. 4-3-19. Керамическое сопло из «углового дома» (помещение 26). Фото А.Г. Донца).

Рис. 4-3-20. Золотые украшения из замка: 1 – верхний уровень пола в помещении 3 (внутреннем дворике). Период V. Фото Е.А Смагулова; 2 – с уровня нижней поверхности двора перед замком у южной башни (помещение 12). Период V. Фото А.А. Ержигитовой.

Рис. 4-3-21. Золотые полые калачевидные серьги из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-22. Золотые серьги с двумя колечками из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-23. Золотые колоколовидные подвески – колпачки из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-24. Каменные пластины из клада. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-25. Бусы и бисер из клада. Фото А.В. Каменского.

1, 2, 3 – бусы и бисер из клада. Фото А.В. Каменского; 4 – бисер из ямы в помещении 5а. Фото А.Г. Донца.

Рис. 4-3-26. Бубенцовые подвески. Фото А.В. Каменского.

Рис. 4-3-27. Пояса с узкими поперечными накладками с востока Средней Азии: 1 – Туюк (Алай). Курган 73, впускное погребение в полу кургана, скелет № 5 (а – рисунок из материалов к отчету Ю.Д. Баруздина, б – рисунок А.И. Торгоева с оригинала); 2 – Сидак (Сыдык-Ата-тобе), склеп № 3 (по: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2004, рис. 3.25, 11, 12; рисунок А.И. Торгоева с оригинала); 3 – Пшакши-тобе, впускное погребение (по: Байпаков. Авизова, Акылбек, 2017. Рис. 14, 2, 4 – 7; Рисунок по фото А.И. Торгоева). Материал: 1 – кожа, бронза, текстиль; 2 – серебро; 3 – бронза.

4.4. ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДА ОТАРСКОГО ОАЗИСА

Авизова А.К.

В конце I тыс. до н.э. на Средней и Нижней Сырдарье начинает складываться единая культурно-историческая зона трех археологических культур: каунчинской, отарско-каратауской и джетыасарской. Население, оставившее памятники этих культур, составляло основу этнополитического объединения Кангюй. В рамках этого государственного образования, ядром которого был район Средней Сырдарьи, в течение ряда столетий тесно сосуществовали группы, разнородные по хозяйству, культуре и образу жизни. В этих условиях происходило формирование своеобразной кангюйской культуры, для которой характерно органическое соединение культурных традиций оседло-земледельческого общества и культурных эталонов, сложившихся в условиях степного образа жизни. Начало этому процессу было положено еще раньше, когда происходило формирование чирик-рабатской и ранний этап джетыасарской культур приаральских саков, генетически связанных со степными племенами. Как отмечают исследователи, кангюйские традиции составляли неотъемлемую часть культурных комплексов последующих эпох и вошли как важный компонент в культуру современного казахского народа (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 169).

Зоной распространения памятников отарско-каратауской археологической культуры являются Отарский оазис и прилегающие к нему районы – Туркестанский, Яныкурганский и Арысь-Бадамский оазисы, предгорья Каратау и Таласская долина. Первые поселения этой культуры были открыты и исследованы Южно-Казахстанской археологической экспедицией, возглавляемой А.Н. Бернштамом. За период с 1947 по 1951 гг. экспедиция провела широкую разведку и произвела ряд стратиграфических раскопок в поселениях, городищах и могильниках, в том числе кангюйского времени. Тогда же впервые выделена А.Н. Бернштамом керамика кангюйско-каратауского типа (Бернштам, 1951). Во второй половине 50-х гг. прошлого века ЮКАЭ было проведено масштабное изучение поселения Актобе на северных склонах Каратау, которое до сих остается наиболее полно раскопанным памятником раннего этапа отарско-каратауской культуры (Сенигова, 1962). В конце 60-х гг. в изучение археологических памятников эпохи Кангюй активно включается Отарская археологическая экспедиция, а с 1970 г. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция. В эти же годы были обнаружены новые памятники на Средней Сырдарье, в предгорьях Таласского Алатау и на склонах Каратау, осуществлены стратиграфические шурфы и небольшие раскопки. Материалы отарско-каратауского типа получены при раскопках городищ Кок-Мардан и Пшук-Мардан, поселения Костобе (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972).

В настоящее время отарско-каратаускую культуру принято датировать временем от I в. до VIII в. На основе анализа керамики Л.М. Левина выделила

три этапа в развитии отрарско-каратауской культуры. Ранний этап она датирует I-IV вв., средний – IV-VI вв., поздний – VII-VIII вв. Однако, по наблюдениям К.М. Байпакова, во второй половине VII в. в Отрарском оазисе складывается новый культурный комплекс с местными традициями и элементами инновации (Байпаков, 1986, с. 48).

Отрарский оазис находится в районе слияния рек Арысь и Сырдарья (Туркестанская область Республики Казахстан), на границе между степью и более крупными оседло-земледельческими оазисами левобережья Сырдарьи, занимая в долине удобное географическое положение. Благоприятные природные условия для развития скотоводства и зарождения простейших форм земледелия сложились здесь еще в глубокой древности. По мнению В.А. Грошева, в I-VI вв. в Отрарском оазисе функционировали простые ирригационные системы в виде обваловок старых русел и строительства арыков. Он не исключает то, что возникновение орошаемого земледелия на данной территории относится к более раннему периоду (Грошев, 2012, с. 186). Ранние земледельцы использовали под посевы места, затопляемые во время паводков и возле старых русел, на что указывает расположение многочисленных поселений вдоль извилистых протоков реки Арысь. Степные районы, окружающие ее с северо-восточной стороны, являлись прекрасными пастбищами для полуоседлого и отгонного скотоводства. К северо-западу находится Туркестанский оазис и к юго-востоку – Ташкентский оазис. С запада Отрарский оазис ограничен Кызылкумами. В настоящее время о границах древнего оазиса можно судить по скоплению памятников археологии. Протяженность его составляет с севера на юг 53 км, с запада на восток около 54 км.

За весь период исследования древнего оазиса в нем было обнаружено и обследовано 166 памятников археологии (Свод памятников..., 2007). К ним относятся первобытные стоянки и местонахождения, развалины ранних неукрепленных и укрепленных поселений, древних и средневековых городов, а также могильники. По имеющимся данным, нижние слои около полусотни поселений, в том числе более десятка городищ дают материалы раннего этапа отрарско-каратауской археологической культуры, т.е. I-IV вв. н.э. Еще около десятка поселений оазиса предварительно датированы посткангюйским временем – IV-VI вв. н.э. Ниже рассмотрим наиболее ранние памятники, нижний хронологический этап жизни которых датируется исследователями в пределах I-IV и I-V вв. н.э.

К сожалению, среди памятников Отрарского оазиса хорошо изучены в основном культурные слои основных городищ эпохи средневековья, а более древние наслоения городищ и ранние поселения не исследовались широкими площадями. Раскопки производились лишь на городищах Кок-Мардан, Куюк-Мардан, Пшук-Мардан, Пшакшитобе и на поселениях Костобе южное, Бесиншитобе. Кроме того, проведенные археологические работы на этих памятниках различаются по объемам вскрытых площадей. На остальных объектах они ограничивались разведывательными раскопками и сбором

подъемных материалов. Несмотря на это, материалы раскопок и топографические наблюдения дают определенное представление о структуре строений и характере застройки поселений рассматриваемого периода. Памятники неоднократно и достаточно подробно описано в литературе (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; Байпаков, Подушкин, 1989). Поэтому, с использованием всех имеющихся сейчас данных, мы попытаемся дать типологию памятников и разобраться в характере планировки сооружений, внутренней застройки и строительной техники.

Типология памятников, фортификация и структуры застройки. Напомним, что первая классификация и общая характеристика кангюйских поселений юга Казахстана дана Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич (Агеева, Пацевич, 1958, с. 61-78). Изучение топографических особенностей памятников древности и средневековья позволили им выделить три типа: «округлые и овальные тобе», «тобе с площадкой» и «городища». Первые два типа отнесены к наиболее ранней форме поселения.

Наиболее ранние археологические раскопки ряда объектов первых двух видов проводились в 1949-1951 гг. Южно-Казахстанской археологической экспедицией, возглавляемой А.Н. Бернштамом. Тогда же были собраны подъемные материалы, сделаны схематические планы памятников, определены хронологические рамки их существования и характер сооружений, скрывающихся внутри этих холмов (Бернштам, 1951).

Вопросы типологии, хронологии и периодизации древних памятников Южного Казахстана, районов северных склонов Каратау и низовий р. Талас, а также Ташкенсткого оазиса были рассмотрены затем А.Н. Подушкиным (Подушкин, 2002). Продолжая развивать предложенную ранее типологическую классификацию Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич, он выделил 7 типов поселений эпохи Кангюй.

Памятники Отрарского оазиса расположены по берегам рек и их притоков вполне произвольно, на разных расстояниях друг от друга. Некоторые из них находятся вдоль старых русел рек. Малые поселения, как правило, концентрируются вокруг одного городища.

Одно из крупных скоплений поселений сложилось в центральной части оазиса, в низовьях Арыси, *вокруг Отрара*. К этой группе можно отнести два городища и семь поселений. Это городища Куйруктобе и Пшакшитобе, поселения Базарбайтобе, Безымянное, Бесиншитобе, Жартытобе, Каламтобе, Тозтобе и Шольтобе.

Севернее от Отрара *к городищу Мардан-Куюк* тяготеют три городища и два поселения: городища Алтынтобе, Жалпактобе и Актобе куюкское 3, поселения Актобе Куюкское 2 и Болатбай.

Недалеко от марданкуюкской группы, на левобережье Сырдарьи, возникает микрооазис из шести поселений, главное из которых – *городище Оксыз*. Это бугры Борийнактобе, Субагартобе, Орумбайтобе, Актобе Маякумское, Тектурмас. К северо-западу от Оксуса на левом берегу Сырдарьи расположены еще три поселения: Коркара, Шулембайтобе, Шуруктобе.

На левобережье р. Арысь выделяется группа поселений, где центральным является *городище Кок-Мардан*. Все они географически привязаны к древним когда-то полноводным, а ныне пересохшим дельтовым протокам Арыси. Группа включает в себя городища Кокмардан, Пушикмардан и Акайтобе, поселения Караултобе, Костобе южное, Костобе северное, Сейтмантобе и Туленгут. Возможно, поселения этого микроазиса располагались и на правом берегу Арыси. Здесь выделяется еще одна группа памятников: городища Актобе Арыское, Караконшек и поселения Токайтобе, Шамильтобе.

Вверх по течению от кокмарданской группы, ближе к юго-восточной границе оазиса расположены четыре поселения: Кишкене Актобе, Кос-Кунгур 2, Мергенбай, Серкентобе.

На правом берегу Сырдарьи, в песках Кызылкумов, расположены еще пять памятников. Это Айбектобе, Аккорган, Аткаратобе, Нарбота и Шаншар. Крупнейшие из них, *крепости Аккорган и Шаншар*, находятся на старице Сырдарьи.

На восточной окраине оазиса, в низовьях Бугуни зафиксированы три поселения, образующих Бузукский микрооазис. Это поселения Актобе Бузукское, Мергенбай и городище Бузук.

По топографическим признакам поселения делится на три основных типа (табл.1).

Таблица 1. Основные типы поселений Отрарского оазиса, возникших в кангюйский период

Типы поселений	Период		
	I в. до н. э.-V в. н.э.	I-V вв. н.э.	I-VII вв. н.э.
Круглые и овальные тобе		Айбектобе, Актобе бузукское, Аткаратобе, Караултобе, Кишкене Актобе, Коскунгур 2, Мергентобе, Нарбота Орумбайтобе, Серкентобе, Тектурмас, Шулембайтобе, Шуруктобе.	Жартытобе, Сейтмантобе
Тобесплощадкой		Актобе куюкское 2, Безымянное, Бесиншитобе, Каламтобе, Тозтобе, Шамильтобе	Актобе арыское, Актобе маякумское Базарбайтобе, , Болатбай, Борийнактобе, Костобе южное, Костобе северное, Мергенбай, Субагартобе, Туленгут, Шольтобе, цитадели городищ Алтынтобе и Пшакшитобе.
Городища	Аккорган, Шаншар		Акайтобе, Актобе куюкское 3, Караконшек, Кокмардан, Пушукмардан
	Бузук, Жалпактобе, Куйруктобе, Куюк-Мардан, Оксыз, Отрар		

К первой группе относятся 15 отдельно стоящих «округлых и овальных тобе» с расплывчатыми контурами и мягкими склонами (рис. 4-4-1). Среди них Аткаратобе является самым крупным. Площадь его 0,9 га, высота 4 м. Вокруг бугра прослеживается ров шириной 20 м. Площадь остальных бугров – от 0,1 до 0,6 га. Высота их 2-6 м. Внешние признаки фортификации отсутствуют. Материалы памятников позволяют говорить о многослойности «округлых и овальных тобе». Судя по подъемной керамике, к IV-V вв. н.э. прекращают свое существование 11 поселений, а в трех поселениях жизнь продолжается до VIII в.

Памятники этого типа широко распространены в среднем течении Сырдарьи, на северных склонах Каратау, в Таласской и Чуйской долинах.

Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич рассматривали этот тип поселений как неукрепленные дома большесемейных общин, которые возникли до нашей эры (Агеева, Пацевич, 1958, с. 210).

Е.М. Левина связывает появление округлого (овального) в плане тобе с эволюцией подчетырехугольной крепости с закругленными углами, лежащей в основании поселения (Левина, 1996, с. 442).

В Отрарском оазисе памятники типа «округлые и овальные тобе» не подвергались раскопкам. Один из объектов этого типа был полностью раскопан в соседнем Арыско-Бадамском районе (Подушкин, 2000, с. 37-39). Актобе Чаянское представляет собой бугор высотой 6 м, размерами 40х35 м в основании и 20х30 м по верху. Зафиксированы два строительных горизонта. Нижний горизонт состоял из зольных напластований толщиной более чем 3 м. На уровне верхнего строительного горизонта вскрыта постройка с глухими наружными стенами, сложенными из пахсы. Стены одного из помещений сложены из пахсы и сырцового кирпича размерами 50х52х10 см. Внутренняя застройка характеризуется как сплошная: восемь помещений объединены в два жилых комплекса, соединенных переходными коридорами. Как считает А.Н. Подушкин, стратиграфия и археологический комплекс Актобе Чаянское демонстрируют эволюционирование его от сезонного стойбища к стационарному поселению. Раскопки этого памятника позволили ему определить округлые и овальные тобе как самые ранние неукрепленные поселения с зачаточными элементами фортификации, которые складываются в первых веках до н.э. и функционируют вплоть до VI в. н.э. (Подушкин, 2000, с. 25-26).

Ко второй группе относятся 19 поселений типа «тобе с площадкой» (рис. 4-4-2). Данная форма поселений как тип памятника впервые выделен А.Н. Бернштамом (Бернштам, 1949, с.89). Он представляет собой двухъярусный в профиле бугор, который состоит из двух частей – основного холма с верхней площадкой и примыкающего к нему участка с нижней площадкой. Иногда основной бугор отделен от нижней площадки ровом. Площадь таких холмов в оазисе – 0,7-2,5 га. Они в плане имеют прямоугольные, овальные и округлые очертания. В основном это отдельно стоящие бугры, за исключением городищ Пшакшитобе и Алтынтобе. Для последних развалины центральных бугров,

возникшие на базе древних замков-усадоб, топографически дублируют поселения типа «тобе с площадкой», отличаясь лишь большими размерами. Площадь центральных холмов этих городищ составляют 1,5 и 4 га, высота – 11,5 и 17,1 м соответственно.

Материалы «тобе с площадкой» свидетельствуют о многослойности большинства из этих памятников, которые содержат остатки разновременных строений. Для постройки замков-усадоб с укрепленным двором использовались пахса и сырцовые кирпичи крупных форматов. Время существования их датируется исследователями широко, в пределах I тысячелетия н.э., наиболее ранние – I-IV вв. н.э.

В посткангуйский период восемь поселений типа «тобе с площадкой» пришли в запустение и превратились в бугры. Некоторые из них позже использовались в качестве некрополей. В частности, на *Бесинишитобе* разновременные захоронения (начиная с IV-V вв.) прорезали конструкции начала I тысячелетия н.э. Поверх оплывших руин других поселений позже появляются постройки новых жителей оазиса. Руины отдельных укрепленных усадоб плотно забутовывались чередующимися рядами ленточной пахсы и сырцового кирпича и использовались как платформы для возведения новых построек. Такой объект I - начала IV вв. н.э. был зафиксирован на территории цитадели городища *Пишакишитобе* (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 48-53). Здесь между временем существования замка и возникшего впоследствии верхнего строительного горизонта наблюдается большой хронологический разрыв. В периоды возрождения жизни на цитадели городища – в IV-V, VIII-IX и X-XI вв. здесь существовали неукрепленные постройки, от которых сохранились лишь хозяйственные ямы. Возможно, топография укрепленного бугра в виде двухъярусного «тобе с площадкой» окончательно сформировалась уже к IV-V вв.

Верхний строительный горизонт (ВСГ или СГ1) как на цитадели (верхняя площадка), так и шахристане (нижняя площадка) городища *Алтынтобе* почти не сохранился. На цитадели Алтынтобе строительные конструкции VI-VII вв. (СГ3) были построены на искусственной платформе, возвышающей над окружающей поверхностью на 12-13 м. По предположениям Е.А. Смагулова, платформа может скрывать внутри более древние конструкции (Смагулов, 2010, с. 217). По материалам шурфа ранний этап жизни городища отнесен к первым векам н.э. (Агеева, Пацевич, 1958, с. 33).

Памятники типа «тобе с площадкой» рассматривались Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич как остатки многосемейных усадоб, состоящих из крупного жилого дома (замков) и примыкающего к нему укрепленного хозяйственного двора. Такие усадьбы, по мнению исследователей, имеют особые помещения для землевладельца, помещения для скота, хранения продуктов и другие хозяйственные и жилые постройки (Агеева, Пацевич, 1958, с. 210).

Опираясь на новые данные, Е.А. Смагулов обратил внимание на факт продолжительности жизни на таких поселениях и допускал возможную

вариативность характера и структуры застройки его основных двух частей (Смагулов, 2010, с. 208).

Некоторые сведения о характере планировки, внутренней застройки и строительной технике замка дали раскопки на центральных буграх Пшакшитобе и Бесиншитобе (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 48-58).

На верхней площадке бугра *Пшакшитобе* вскрыты остатки монументального сооружения, плотно забутованного чередующимися рядами ленточной пахсы и сырцового кирпича. К сожалению, оно раскопано только частично.

Сооружение имело прямоугольные очертания и ориентировано углами по странам света. Внешние глухие стены толщиной более 1,5 м в нижней части сложены из пахсы. Они сохранились на высоту более двух метров и сужаются наверху, где толщина ее достигает 80 см. Изнутри к наружным стенам пристроены стены из ленточной пахсы и кирпича размером 50х27х10 см. Они также существенно расширяются книзу и гладко оштукатурены изнутри. Стены имеют толщину в основе 90 см, наверху – 65 см. Таким образом, общая толщина наружных стен здания достигают в основании почти 2,5 м, в верхней сохранившейся части – около 1,5 м.

Вход в здание находился в его западном углу в северо-западной стене. К настоящему времени были выявлены всего 11 помещений, занимающие около половины площади сооружения. Они, в основном, прямоугольные в плане: размеры их различны. Стены помещений были построены комбинированной кладкой из ленточной пахсы (толщина 10-12 см) и сырцового кирпича размером 46-50х27-25х10 см и покрыты гладкой многократной глиняной штукатуркой. Здание практически доверху было плотно забутовано чередующимися рядами ленточной пахсы и сырцового кирпича размером 55-50х27-25х10 см. На одной стороне кирпичей имелись знаки-метки. Знаки на кирпичи наносили пальцами рук: это несколько узких овальных углублений.

Ограниченный объем раскопок не дают возможности определить о наличии открытого двора в центре сооружения. Только одно помещение (№ 1) сооружения вскрыто целиком до уровня пола. Стены его возведены традиционным расширением вниз; это приводило к тому, что помещение расширялось кверху и сужалось книзу. Все стены и пол помещения покрыты гладкой многократной глиняной штукатуркой. Пол помещения и основания стен обложены плотно подобранными фрагментами толстостенных хумов поверх облицовки пол тщательно обмазан глиной. Под полом залегала кирпичная кладка в один ряд того же формата 50х27х10 см. В интерьере помещения № 1 отсутствовали элементы обустройства – следы очага или суфы. В помещении не было и находок, за исключением фрагментов посуды, использованных для облицовки пола. По многочисленным аналогиям тамгообразным знакам на керамике комплекс можно датировать I - началом IV вв.

Как показала стратиграфическая траншея I на верхней площадке бугра, описанное здание возведено на руинах более раннего монументального

сооружения с мощными высокими стенами, имеющими в разрезе вид усеченного конуса. Толщина глинобитной стены достигает в основании почти 5 м и сужается наверху до 1,8 м. Внутренние стены этого сооружения были сложены из ленточной пахсы и кирпича того же формата 50x27x10 см.

На верхней площадке холма *Бесинишито*бе стратиграфическая траншея позволила выявить остатки крупного монументального сооружения начала I тыс. н.э., возведенного на глинобитной платформе высотой около 1,5 м. (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 54-58). Оно ориентировано углами по странам света и состоит из двух частей: большого центрального сооружения и более мелких помещений периферии.

Центральная часть сооружения имела форму архаичной и массивной двухступенчатой пирамиды. Оно имело стены необычайной толщины – 7,5 м в основании. Верхняя ступень, возвышавшаяся некогда в центре, не сохранилась на всю свою первоначальную высоту, но нижняя ступень в профиле разреза сохранилась практически полностью. Она имеет в высоту до 2,5 м с полуметровой выступающей цокольной частью. Кладка края уступа нижней ступени выложены сырцовым кирпичом размером 50x27x10 см. Кирпичная кладка, видимо, окаймлявшая по периметру всю грань нижней ступени сооружения, имеет высоту 0,5 м и ширину 1,0 м. Она придавала большую прочность наружному углу нижней ступени пирамиды. Стены наружных помещений № 1 и 2, примыкавших к центральной части сооружения, имели в толщину не более 1 м.

Внутренняя планировка постройки пока неясна. До уровня пола были частично вскрыты два параллельно идущих длинных помещения на северо-западном углу центрального сооружения. Длина помещений в пределах раскопа составляет более 10 м, толщина внутренней стены 2,5 м, сохранившаяся высота стен достигает 3 м от уровня пола. Шурф, доведенный до материка в помещении № 4, показал, что под полом залегала кирпичная кладка в один ряд формата 50x27x10 см, а под кладкой выявлена пахсовая платформа, на которой возведено все сооружение. Из завала конструкций и пола помещений получены археологически целая керамическая курильница и незначительное количество фрагментов лепной керамики.

Раскопки показали, что в результате длительного запустения сооружение постепенно разрушалось, и, когда оно превратилось в уплощенный обширный бугор, его использовали в качестве погребального холма. Всего были расчищены 82 впускных погребения, наиболее ранние которых относятся к IV-V вв. н. э.

Как отметили в свое время первые исследователи, возникнув в раннекангуйский период как земледельческо-скотоводческая укрепленная усадьба (замок), тип поселений «тобе с площадкой» продолжал развиваться и в последующие века (Агеева, Пацевич, 1958, с. 210-211). Эволюционировавшие в течение многих столетий усадьбы (или замки) с укрепленным двором сыграли важную роль в процессе перерастания оседлых поселений в ранние города и

некоторые из них позже превратились в одну из составных частей раннесредневекового города.

К третьей группе относятся 13 городищ оазиса (рис. 4-4-3). Исследованиями зафиксировано, что ранние поселения отрарско-каратауской культуры лежат в основе как раннесредневековых городищ Акайтобе, Актобе куюкское 3, Караконшек, Кок-Мардан, Пушук-Мардан, верхние слои которых датируются VII в., так и городищ Куйрыктобе, Жалпактобе, Куюк-Мардан и Отрар, которые к VIII в. превращаются в городские центры (Байпаков, 2012, с. 65). Почти все городища Отрарского оазиса состоят из трех частей – цитадели, шахристана и рабада.

Несмотря на многолетние исследования, ранние слои этих городищ, за исключением Кок-Мардан и Пушук-Мардан, почти не затронуты раскопками. Наиболее ранний период из исследованных слоёв городища Отрар – это слой IV-VI вв. В стратиграфическом шурфе 1970 г. в северо-западной части шахристана нижние культурные наслоения мощностью более 3-х метров не дали явных остатков построек, однако содержали материалы первых веков н.э. На городище Куйрыктобе вскрыт небольшой участок укрепленной стены и найден комплекс керамики, датированные III-V вв. (Байпаков, Терновская, 2005, с. 11). На территории других городищ собраны значительные коллекции керамики первой половины I тысячелетия н.э.

В этой группе выделяются городища Аккорган и Шаншар, расположенные на значительном расстоянии от левого берега Сырдарьи, в песках Кызылкумов, вдоль старых протоков Сырдарьи. Размеры и планировка этих городищ отличают их от других памятников Отрарского оазиса рассматриваемого периода.

Аккорган имеет почти подквадратную форму размерами 340х330-320 м и ориентирован углами по странам света. Крепостные стены сохранились в виде сильно оплывших валов шириной 1,3-3 м. В рельефе прослеживаются остатки 31 башни и место укрепленного прохода, которая располагалась в середине северо-восточной стены (Кожа, 2002, с. 129).

Территория городища *Шаншар* площадью около 140 га обнесена со всех сторон валом и рвом. Ширина вала 8-10 м, высота 0,2-0,5 м. Внутри вала возвышаются два укрепленных объекта. Первый находится в центральной части городища. Это квадратная в плане крепость размерами 80х85х95х82 м, ориентированная углами по странам света. Оплывшие стены ее с угловыми башнями диаметром 8-9 м имеют толщину 10-15 м, высоту 2-3 м. В середине юго-западной стены крепости прослеживаются остатки ворот, фланкированных башнями. Территория вокруг крепости (цитадели) площадью около 9 га, окружена крепостной стеной с башнями, оплывшие контуры которых прослеживаются в рельефе.

К востоку от этого объекта находятся развалины второй крепости. Она имеет подпрямоугольную в плане форму и сторонами ориентирована по странам света. Длина северной стены равна 110 м, южной – 150, восточной – 300 м и западной – 260 м. Высота развалин 1-1,5 м. Въезд, фланкированный

башнями, находился по середине южной стены. В северо-восточном углу крепости сохранились остатки подпрямоугольного в плане сооружения. Вход в сооружение находился в западной стене.

Материалы городища Шаншар позволили исследователю предполагать, что Сырдарья в первые века до н.э. имела иное русло. На основании подъемной керамики, и учитывая особенности фортификационных сооружений время возникновения городища Шаншар предварительно датировано I в. до н. э. (Кожа, 2002, с. 129). К сожалению, подъемный материал с городища крайне малочисленный и невыразительный. Раскопки на этих памятниках не проводились. Судя по подъемному материалу, оба городища запустели в середине I тысячелетия н.э.

Как уже отмечалось, археологические раскопки обнаружили слои первой половины I тыс. н.э. на городищах Кок-Мардан и Пшук-Мардан.

Интересный материал по истории древнего домостроительства дали раскопки городища *Кок-Мардан* (Байпаков, 2012, с. 170-175). Известны *три типа домов*, характерных для рассматриваемого периода. Это однокомнатные наземные дома, квадратные либо прямоугольные в плане. Аналогичны им по планировке и интерьеру дома, заглубленные в землю. *Первый тип дома* прямоугольный в плане, площадью 43 кв. м, соединялся коленообразным коридором с улицей, имел тамбуровидный вход. Вдоль западной и северной стен - суфы с выступами в середине. Напротив входа, в центре, напольный прямоугольный очаг с глиняными бортиками. Слева от входа, в тамбуре, в стенке - два ряда каминов. Юго-восточный угол отделен глиняной невысокой стенкой как хозяйственный отсек, своего рода кухни.

Кровля дома имела опору на четыре столба. В потолке, видимо, было устроено световое, оно же дымовое отверстие. Для дома такого типа характерны открытые очаги, служившие и для обогрева жилища, и для приготовления пищи. Такие очаги широко были распространены в средневековом жилище Казахстана и Средней Азии и как реликтовая форма дожили до недавнего времени, выполняя при этом ритуальную роль. Камин, или «стеновые очаги», представляющие собой вырубленные в стенах сферические ниши, служили для выпечки хлеба. Сосуды – хумы, горшки для хранения запасов продуктов – располагались в углах помещений и на суфах. Под хранилища использовались бочкообразные и корытообразные емкости, слепленные из полос сырой глины.

Второй тип дома, вскрытый на Кок-Мардане, – двухкомнатный. Вторая комната, которая отделялась от жилой капитальной стеной, являлась кладовой.

Третий тип дома – многокомнатный, подобный раскопанному на *Костобе*. Из трех или пяти помещений одно представляло собой жилую комнату с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой, либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек у напольного очага - вот основные детали жилой комнаты; другие помещения служили кладовыми - в них стояли хумы, глиняные емкости. По мнению К.М. Байпакова, все три типа дома традиционны для Южного Казахстана, начиная уже с конца I тысячелетия

до н.э. (Байпаков, 2012, с. 175). Много общего прослеживается при сопоставлении их, например, с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар на Нижней Сырдарье: здесь в однокомнатных домах устраивались так называемые лотковые входы, сравнимые с тамбуровидными входами Кок-Мардана, «Г-образные и П-образные» суфы, прямоугольные очаги и камины, поставы для зернотерок. Близкие по планировке и типологии жилища выявлены в Бактрии и других регионах Средней Азии кушанской эпохи.

Таким образом, поселения Отрарского оазиса, возникшие в период Кангюя, по топографическим признакам делятся на неукрепленные и укрепленные поселения, крепости и городища. Среди них наиболее распространенным типом в оазисе являются поселения типа «тобе с площадкой». Структура как самого замка, так и двора таких поселений выяснена недостаточно, но даже незначительные имеющиеся материалы позволяют считать их многокомнатными жилыми домами многосемейной общины или землевладельца (местного правителя). Возможно, наиболее крупные из них служили дворцовыми или храмовыми комплексами и одновременно выполняли оборонительные функции. Высокие платформы и толстые наружные пахсовые стены монументальных сооружений Бесиншитобе и Пшакшитобе, несомненно, имели оборонительное значение. Однако элементы фортификации в виде бойниц и башен здесь отсутствуют. На руинах таких замков, имеющего уже форму бугра с площадкой, после длительного периода запустения возводились новые постройки уже с другими функциональными назначениями. Как известно, для Отрарского оазиса и прилегающих к нему районов характерна традиция возведения новых построек на месте старых, так как наиболее возвышенные участки несли не только оборонительные функции, но и защищали их во время весенних паводков от затопления.

Вторую по численности группу составляют неукрепленные поселения типа «округлые и овальные тобе». Имеется одно «треугольное тобе». Их можно определить как ранние неукрепленные поселения большесемейных общин.

Среди тринадцати городищ только два определенно представляли собой крепости с фортификационными элементами. Остальные городища перекрыты поздними культурными наслоениями и потеряли первоначальные очертания. Для определения характера зданий и структуры застройки ранних поселений необходимы стационарные работы широкими площадями.

Список иллюстраций

4.4.

Рис. 4-4-1. Округлые и овальные тобе. Сейтмантобе.

Рис. 4-4-2. Тобе с площадкой. Пшакшитобе: а) вид с юго-востока; б) вид сверху.

Рис. 4-4-3. Городища. а) Пушук-Мардан; б) Кок-Мардан.

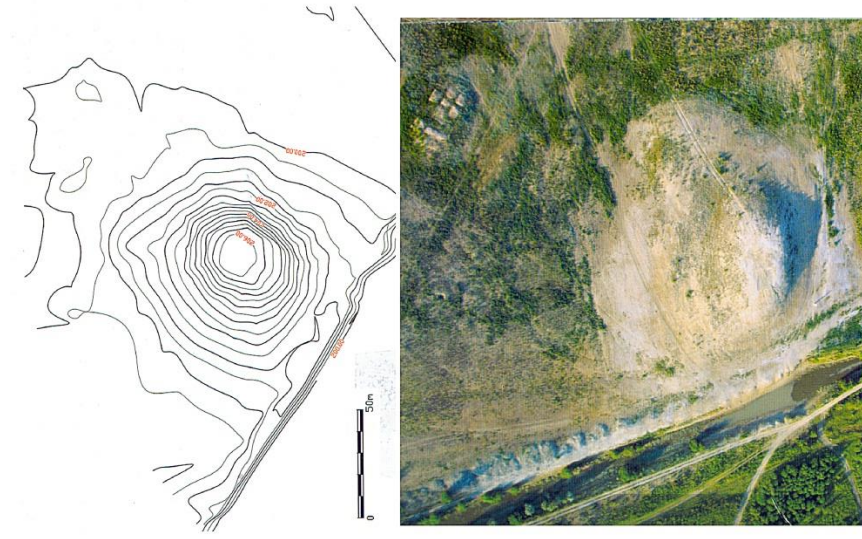

Рис. 4-4-1. Округлые и овалыные тобе. Сейтмантобе.

Рис. 4-4-2. Тобе с площадкой. Пшакшитобе:
а) вид с юго-востока;
б) вид сверху.

Рис. 4-4-3. Городища.
а) Пушук-Мардан;
б) Кок-Мардан.

РАЗДЕЛ 5. НЕКРОПОЛИ

5.1. Генезис и вопросы хронологии погребальных сооружений Кангюя

II в. до н. э. – IV в н. э.

Торгоев А.И., Ержигитова А.А.

К сожалению, археологические данные о Кангюе, описанном в китайских источниках, в настоящий момент очень скудны. Причиной этой скудости является то, что большинство поселений многослойные, и достичь нижних слоев чаще всего удастся лишь шурфами. На средней Сырдарье ни одно из поселений, за исключением Культобе Туркестанского, не было исследовано по нижним слоям широкой площадью. Могила же, более ранние чем основной массив, составляющий катакомбы Т-образной схемы, встречаются довольно редко. Тем не менее, определённая база данных о ранних погребениях накоплена.

Раннее могилы изучены пока не очень хорошо. Известны они преимущественно в горной зоне. В данном случае очень важны материалы могильников Бургулюк-2 и Бургулюк-4, относящиеся к поздне-сакскому времени, точнее – к периоду от рубежа IV-III в. до н. э. до рубежа эр (Байтанаев, 2011, с. 60-69). Здесь было исследовано порядка 10 каменных курганов. По обряду и конструкции погребальных сооружений они оказались близки одиночным курганам актамского типа в Фергане и на Алае.

У Ташкентского оазиса, в горах, также известны каменные курганы, к сожалению, содержащие очень мало инвентаря⁴⁹. Наиболее интересные погребения были исследованы Х. Дуке на могильнике у с. Бурчмулла на правом берегу Чаткала (Дуке, 1976, с. 36–39, рис. 8). В одном из погребений был найден лепной округлодонный горшок с орнаментом в виде треугольников заполненных наколами, который сам автор раскопок совершенно справедливо соотнес с типичной для усуньских погребений в Семиречье и на Тянь-Шане керамикой. В другом погребении, наиболее богатом, помимо бус, бронзовых серег и нашивок, был найден проволоочный браслет и пять серебряных трапециевидных накладок на пояс, украшенных двумя рядами треугольников, обращённых друг к другу вершинами (Там же, с. 39, рис. 8, 11, 12). Единственной аналогией этому поясу является пояс, случайно найденный в предгорьях Ферганской долины на территории Кыргызстана (Arts of the land of Timur, 2012, cat. № 66). Судя по всему, группа курганов у с. Бурчмулла должна датироваться в рамках III-II вв. до н. э.

Если скотоводческое население Кангюя, занимавшее горные районы, явно тяготело к кругу культур саков и усуней Тянь-Шаня, то о жителях равнин

⁴⁹ О раскопках Т.Р. Агзамходжева в 1958 г., а позже М.Т. Аминджановой, у слияния Чирчика и Угама осталось очень мало информации (Дуке, 1976, с. 41-42). К несчастью, поиски отчетов не увенчались успехом. Раскопки были слабо документированы.

судить довольно сложно. Как свидетельствуют немногочисленные находки в курганах, равнина также была населена племенами саков, материальная культура которых имела больше сходства с сакскими могильниками в низовьях Сырдарьи (Уйгарак, Южный Тагискен, более поздний Сенгир-там). Памятников позднесакского времени на равнине изучено еще очень мало. Однако не приходится сомневаться, что основным типом погребального сооружения, как и у скотоводческого населения ферганских предгорий, являлись *захоронения в грунтовых ямах*.

В могильниках равнинной части долины Сырдарьи известен ряд погребений в таких ямах. Это Жаман-Тогай, к. 21 и, видимо, погребение 6 в кургане 1 того же могильника; Шаушукум, к. 2, а также два погребения, впущенных в культурный слой поселения эпохи поздней бронзы- раннего железного века на Шаштепа в Ташкенте.

Общим для этих погребений является то, что все они были совершены в грунтовых ямах довольно значительной глубины, всегда превышающей 1 м. Внутри группы погребения хронологически разнятся. Наиболее ранней можно считать могилу под курганом № 2 в могильнике Шаушукум. Здесь, судя по опубликованным данным, в одиночной могиле были найдены длинный меч, кинжал без перекрестия и железный акинак с прямым (?) перекрестием и антенновидным навершием в сочетании с двумя наконечниками стрел, у одного из которых лопасти срезаны под острым углом (Максимова и др., 1968, табл. XXXIV, 1-5). Уже во II в. до н. э. акинаки такого типа выглядят анахронизмом. Это погребение можно датировать в рамках III-II вв. до н.э.

Далее по времени идут *захоронения в грунтовых ямах с заплечиками*. К ним относятся к. № 21 в могильнике Жаман-Тогай и два сохранившихся женских захоронения, впущенных в слои поселка раннего железного века на Шаштепа в Ташкенте. Последние датируются довольно четко. В погребении 2 был найден обломок бронзовой поясной пластины с изображением лежащего верблюда. В настоящий момент этот тип пряжек может уверенно датироваться в рамках II-I вв. до н. э (Королькова, 2006, с. 90-91, табл. 53, 7-13).

К той же группе может относиться и три погребения в грунтовых ямах раскопанные на Борижарском могильнике. Одно из них оказалось начисто разграбленным, во втором остались лишь обломки приземистого сосуда ручной лепки. Третья могила осталась не тронутой грабителями. Приведем описание ямы 3⁵⁰ под курганом 30 более подробно, так как его материалы не публиковались.

Земляная насыпь кургана 30 в плане имела округлую форму; южная и западная полы несколько вытянуты и пологие. Диаметр его по линии север-юг – 14,5 м, восток-запад – 12 м, высота относительно окружающей дневной поверхности 0,75 м в северной части и 0,56 м в южной. При расчистке юго-западного сектора на глубине 1 м от реперной точки вдоль бровки на площади

⁵⁰ Для Борижарского могильника существуют отдельные нумерации для раскопанных курганов по типу погребального сооружения. Это позволяет избежать путаницы.

1,1 x 0,35 м начался твердый грунт по консистенции сходный с пахсой. Он имел аморфные контуры и продолжался вниз на глубину 1,7 м. На этом уровне он занимал площадь примерно 2,8 x 1,4 м. При зачистке контуров этого монолитного «куска» грунта зафиксированы небольшие участки с рыхлым грунтом, включавшие древесный уголь. В ходе дальнейшей расчистки этого участка на глубине 1,7 м от репера выявлено пятно ямы прямоугольных очертаний, которую с запада почти полностью перекрывал массив твердого грунта (рис. 5-1-1). Яма была ориентирована длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад. Ее северный угол был разрушен входной ямой катакомбы Т-образной схемы № 21. Верхние слои заполнения ямы составлял твердый грунт толщиной до 0,3 м, далее шла более мягкая засыпка темно-коричневато-го цвета. По северо-западной стенке ямы слой древесных углей продолжался до ее пола. Длина погребальной ямы 3,08 м, ширина 1,22 м, глубина -1,63 м от древней дневной поверхности. На дне находился скелет человека, смещенный ближе к северо-западной стенке. Поза погребенного в вытянутом положении на спине, руки располагались вдоль туловища, головой ориентирован на юго-запад. Умерший положен на камышовой подстилке. Анатомический порядок скелета почти не нарушен. Рядом с левой бедренной костью погребенного у стенки ямы находились обломки черепа и других костей ребенка младенческого возраста (до 3 лет?). Среди его костей находились и фаланги пальцев от скелета взрослого человека. С левой стороны от черепа находилась круглая керамическая курильница (рис. 5-1-2, 2). С правой стороны возле черепа лежал небольшой раздавленный сосуд из грубого черного теста (рис. 5-1-2, 3), внутри которого находилась курильница прямоугольной формы из черного теста (рис. 5-1-2, 1). На дне курильницы были остатки золы. Еще два раздавленных лепных сосуда (рис. 5-1-2, 3, 5) находились у северо-восточной стенки ямы; они стояли на расстоянии 25-30 см от нижних конечностей погребенного. У изголовья найден сильно коррозированный железный предмет (шпилька?). Между бедренной костью взрослого человека и костными останками ребенка лежал однолезвийный нож плохой сохранности. Вдоль юго-восточной стенки, на расстоянии 0,5 м от костей таза, находились коррозированные трехлопастные железные наконечники стрел (21 штука) (рис. 5-1-3); у многих из них сохранились следы от деревянного древка. Поверх костей правого колена лежал фрагмент деревянной доски (?) очень плохой сохранности. Его длина 30 см, ширина – около 10 см. Установить назначение его, породу дерева и т.д. не представилось возможным.

Рядом с костями левой руки в верхней части лежали кости барана (лопатка и крестец), под которыми найден однолезвийный железный нож со слабой коррозией.

Важно заметить, что стенка этой ямы была частично прорезана входной ямой катакомбы № 11. Уже исходя из стратиграфии кургана становится ясным, что ямные погребения предшествовали катакомбам на Борижарском могильнике.

Решающее значение для датировки этого погребения имеет инвентарь. Здесь были найдены две курильницы. Прямоугольная, с низким бортиком относится к типу XI классификации К.Ф. Смирнова. По своей форме курильницы этого типа восходят к каменным прототипам распространенным в раннесарматский период (Смирнов, 1974, с. 169). Эта форма не является традиционной для местных культур сакского круга; они впервые появляются в подбоях, выкопанных в западной стенке могильной ямы в левобережном Хорезме, например в Туз-Гыре (Лоховиц, Хазанов, 1979, с. 189; табл. VII, 13) и курганах Бухарского оазиса (Обельченко, 1961). Авторы раскопок связывали эти могильники с проникновением из степи групп сарматского населения.

Другая курильница представляет собой низкий сосудик с выпуклыми стенками, расширяющимися к верху, и относится к типу IV по К.Ф. Смирнову. Происхождение этого типа также не местное и также связано с сарматским миром.

Горшки с яйцевидным туловом и ложным поддоном, совершенно аналогичные сосудам из этого погребения, найдены во втором, так называемом переходном горизонте Шаштепа (Филанович, 1982, с. 105, рис. 33. 9). Горизонт с керамикой переходного этапа перекрывает горизонт поселка раннего железного века на этом памятнике. В переходном горизонте еще практически нет форм, характерных для Каунчи I. Эти серо-черные в изломе, пористые горшки с большим содержанием крупинок белого отошителя (гипса или талька) появляются только в отложениях XX яруса (Там же, с. 105). Помимо целых горшков, здесь были найдены еще 28 фрагментов сосудов этого типа. Первоначально М.И. Филанович считала их связанными именно с культурными отложениями переходного периода. Однако после открытия погребения она справедливо заметила, что шесть целых горшков этого типа могли происходить из либо разрушенных, либо частично вошедших в площадь раскопа погребений (Филанович, 1991, с. 79-80). Наличие фрагментов горшков этого типа, происходящих именно из слоя поселения (Филанович, 1982, рис. 32, 2-4, 8, 9), свидетельствует о том, что слои поселка переходного периода и погребения очень близки по времени. М.И. Филанович справедливо датировала переходный горизонт в рамках III-II вв. до н.э. Погребение с обломком пряжки с изображением верблюда сейчас довольно уверенно можно датировать в рамках II-I вв. до н. э.

Крайне плохая сохранность и высокая традиционность форм ножей и шпильки не позволяет использовать их для датировки. Но наконечники стрел из этого погребения обладают значительным потенциалом для датировки (рис. 5-1-3). Мелкие черешковые трехлопастные наконечники стрел явно копируют еще формы наконечников стрел, отливавшихся в бронзе. Положение о том, что мелкие железные трехлопастные наконечники с опущенными жальцами и с лопастями, срезанными под острым углом, являются наиболее ранними типами железных наконечников, считается обоснованным и общепринятым. В Средней Азии, как показал Б.А. Литвинский, окончательная смена бронзовых наконечников стрел железными, как и в степной Евразии, происходит на

рубеже III-II вв. до н.э. Сейчас эти данные полностью подтверждаются находками на пограничной крепости Узундара в Бактрии. Крепость была построена в начале III в. до н.э. и прекратила существование в середине II до н.э. во время завоевания Бактрии саками и юэчажми. В слоях крепости были найдены как бронзовые, так и железные наконечники, в том числе и мелкие с опущенными жалъцами, аналогичные обнаруженным в погребении 30/3 на Борижарском могильнике (Двуреченская, 2017, с. 17).

Аналогии материалу из погребения позволяют уверенно датировать его в рамках II-I вв. до н. э. Важно, что оно выглядит даже несколько более ранним, чем могила в кургане № 21 могильника Жаман-Тогай (Максимова и др., 1968, с. 184-188, табл. II, 1, 2, 4; табл. III; табл. IV, 1, 2; рис. 5).

Здесь грунтовое погребение в яме с заплечиками (рис. 5-1-4, 1-2) по материалу очень близко могилам в катакомбах типа II по К.Ф. Смирнову. В погребении находились длинный меч (рис. 5-1-4, 14), от ножен которого сохранилась костяная скоба для продевания портупейного ремня (рис. 5-1-2, 15), а также кинжал без перекрестия (рис. 5-1-2, 13). Сочетание длинного меча и кинжала характерно для катакомб типа II по К.Ф. Смирнову и подбойных могил I в. до н. э. - I в. н. э. К портупейному ремню могли относиться две железные пряжки с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 5-1-4, 8, 9), которые начинают появляться в Средней Азии не ранее чем с I в. до н. э. В этом погребении была найдена только одна накладка на лук, длинная и узкая, конец которой сильно сужается (рис. 5-1-4, 28). Сейчас это, вероятно, самые ранние датированные накладки на лук в Средней Азии. Такие же накладки, относительно длинные и сильно сужающиеся к концам, обнаружены в погребении 6 кургана 1 того же могильника Жаман-Тогай (Максимова и др., 1968, табл. VII, 6-9, 11-15). В нем было 6 наконечников стрел с лопастями, срезанными под острым и прямым углами (рис. 5-1-4, 20-25), по формам соотносимые с наконечниками из ямы 3 на Борижарском могильнике. Из вещей явно западного происхождения отметим находку железного пинцета с узкими пластинами, слегка расширяющегося к концам (рис. 5-1-4, 10). Ножи (рис. 5-1-4, 5-7), раковины каури (рис. 5-1-4, 19) и два железных стержня (рис. 5-1-4, 11, 13) для датировки использовать не получается. Керамика представлена столовым лепным кувшином (рис. 5-1-4, 16), небольшим горшочком (рис. 5-1-4, 19) и курильницей типа IV по К.Ф. Смирнову (рис. 5-1-4, 17).

Наиболее интересной находкой в погребении 21 были две поясные пластины из гагата с гравированными изображениями на одной стороне и геометрическим орнаментом, выведенным набитыми гвоздиками. Такие каменные пластины хорошо известны в погребениях сюнну Забайкалья и Монголии, Средней Азии и Нижнем Поволжье (см.: Раев, 2017). Недавно серия гагатовых пластин сходного размера была найдена в могильнике Ала-Тей в Центральной Туве (Leus, Kilunovskaya, 2018, p. 10-12, fig. 30-35). Погребения этого некрополя уверенно датируются в рамках конца II-I вв. до н. э.

Б.А. Раев обратил внимание на то, что к моменту захоронения, лицевой стороной пряжек из Жаман-Тогая была та, что с рисунками, а первоначальная

инкрустация частично утрачена, и остатки ее зашлифованы (Раев, 2017, с. 299). То есть пряжка как минимум один раз была отремонтирована и служила довольно долго. Учитывая данные современной хронологии древностей сунну, погребения с гагатовыми пряжками встречаются в Южной Сибири в основном в I в. до н.э. – I в. н.э. (Миняев, 2007, с. 73-74), и данные по остальным вещам комплекса погребения 21 в Жаман-Тогае также нужно датировать в этих рамках. Материал из этой могилы имеет как черты, присущие сарматам, так и элементы восточного происхождения. Яма с заплечиками также сходна с рядом сарматских захоронений, но сам характер грунтового погребения явно связан с местным автохтонным населением. Этот комплекс отражает формационный этап культуры населения Кангюя, которая явилась сплавом местных традиций, восходящим к поздним сакам, восточных элементов, связанных с кочевниками находящимися под сильным культурным влиянием Китая и пришлых из степи племен сарматского круга.

Преобладающим типом погребальных сооружений Кангюя являются погребения *в катакомбах*. Говоря о среднеазиатских катакомбах, мы подразумеваем, в основном, два типа: Т-образные, у которых длинные оси входной ямы и камеры взаимноперпендикулярны (тип I по К.Ф. Смирнову, 1972 и Мошковой, Малашеву, 1999), и катакомбы, у которых длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы (тип II по К.Ф. Смирнову, 1972 и Мошковой, Малашеву, 1999). В литературе по археологии Средней Азии катакомбы Т-образной схемы обычно называют «кенкольскими», а катакомбы типа II, иногда, вслед за Ю.А. Заднепровским, именуют катакомбами «лявандакского» типа.

Для территории *Согдианы* катакомба, имеющая входную яму и дромос, соединяющий последнюю с камерой – ранний тип погребального сооружения, что неоднократно отмечалось исследователями. В этом районе сейчас известны и наиболее ранние для региона катакомбы Т-образной формы, точнее даже их конструктивно близкие прототипы. Они распространены в Самаркандской области и находятся на степных участках.

Ранние катакомбы Т-образной формы и их прототипы не образуют монокультурных могильников. Они являются впускными в культурные слои поселений, как аристократическое погребение на Коктепа (Rapin, Isamiddinov, Khasanov, 2001; Рапен, Исамиддинов, Хасанов, 2014) и погребение № 1 в слое поселения бронзового века Саразм (Исаков 1983. С. 222, рис. 1; Курбанов 2015. Рис. 72, 76, 79) (рис. 5-1-5, 3), либо в курганы более раннего времени; например, погребение 2 в кургане Сирлибай-тепа, (Иваницкий, Иневаткина, 1988) (рис. 5-1-5, 6). Они также входят в состав могильников с разными типами погребальных сооружений. К ним относятся катакомбные погребения в могильниках Акджар-тепа (Обельченко, 1962) (рис. 5-1-5, 1), Агалыксай (Обельченко, 1972) (рис. 5-1-5, 2) и Янги-Рабат (Vallé-Raewsky, 2013) (рис. 5-1-5, 5). Показателен могильник Акджар-тепа из 8 курганов, два из которых остались не исследованными; О.В. Обельченко раскопаны три катакомбы, катакомба-кенотаф и три ямы (Обельченко, 1962).

Вход в камеру, как правило, находился в северной стенке. В Янги-Рабате (к. 1) (рис. 5-1-5, 5) были три яруса ступеней, а форма входной ямы приближалась к квадрату, почти вдвое превышая размеры камеры (Vallé-Raewsky, 2013, fig. 3). В катакомбах Агалыкская и Акджартепа заплечики находились нижней части входной ямы (рис. 5-1-5, 1, 2). Эта особенность встречается у более ранних или синхронных катакомб второго типа (катакомба № 3 в Саразме: Курбанов, 2015, рис. 76). Большие входные ямы с обязательными заплечиками внизу, а часто и со ступеньками по трем сторонам, являются характерной особенностью ранних катакомб Самаркандского Согда. В Бухарском Согде, судя по раскопкам О.В. Обельченко, они не встречены.

В этих могильниках ширина камеры примерно вдвое больше ширины входной ямы, а часто встречающиеся ступеньки обязательно оканчивались заплечиками в нижней части входной ямы.

Наиболее ярким погребением этой группы является элитное захоронение на Кок-тепа (Рапэн, Исамиддинов, Хасанов, 2014), впущенное в холм более раннего поселения (рис. 5-1-5, 3). В этом погребении ширина входной ямы немногим менее ширины камеры, во входной яме было два ряда ступеней по трем стенкам. Длинная ось прямоугольной в плане, меридионально ориентированной камеры являлась продолжением длинной оси входной ямы. Погребенная женщина лежала перпендикулярно длинной оси входной ямы, головой на восток, что характерно для захоронений в катакомбах Т-образной формы. Однако соотношение длинных осей камеры и входной ямы напоминает катакомбы типа II, что позволяет рассматривать данное сооружение как переходную форму из типа II в тип I. Авторы раскопок на основании стеклянных бус и, главным образом, китайского зеркала сочли возможным датировать это погребение первыми десятилетиями I в. н. э. (Рапен, Исамиддинов, Хасанов, 2014. С. 99). Такой дате не противоречит и дата костяного гребня с протомами коней, квадратной керамической курильницы, единственного в среднеазиатском ареале западного типа, а также бронзового котла.

В Согде самые ранние катакомбы, массово исследованные в *Бухарском оазисе*, относятся к типу II; их нижняя дата в настоящее время не может опускаться ранее II в. до н. э. (Обельченко, 1992. С. 103-106). Одним из наиболее поздних по времени в катакомбах данного типа является захоронение в кургане 2 могильника Орлат. Участники раскопок Орлата Дж.Я. Ильясов и Д.В. Русанов пришли к выводу, что погребение в кургане 2 следует датировать в рамках I-II в. н. э. (Pyasov, Rusanov, 1997/98, p. 130). К аналогичному выводу пришел и В.Е. Маслов на основании наиболее последовательного и подробного анализа вещевого комплекса этого погребения (Маслов, 1999. С. 229). Этот комплекс является хронологическим репером для оценки верхней даты катакомб типа II в Согде.

Упомянутая катакомба из Кок-тепа, которую можно считать прообразом Т-образных катакомб, датируется в рамках I в. н. э., т.е. несколько ранее, чем катакомба из кургана 2 Орлата. В регионе катакомбы типа II древнее катакомб

типа I, но, видимо, во второй половине I – первой половине II вв. н.э. катакомбы обоих типов могли сосуществовать.

Схема развития форм погребальных сооружений выглядит следующим образом. Первоначально существует обряд погребения в ямах, характерных для коренного населения. Во II в. до н.э. появляются подбойные захоронения и катакомбы типа II. Подбойи и катакомбы типа II сосуществуют, но в кургане 2 могильника Лявандак катакомба типа II прорезала подбойное захоронение (Обельченко, 1961, с. 109). В рамках второй половины I – первой половиной II в. н.э., с тенденцией в сторону омоложения, появляются ранние формы катакомб Т-образной формы (тип I) с заплечиками в нижней части входной ямы. Во II-III в. н.э. согдийские катакомбы Т-образной формы приобретают устойчивую конструкцию с узкой входной ямой, часто со ступеньками у задней стенки. Погребенные, как правило, ориентированы головой в восточный сектор. Подобные катакомбы хорошо представлены в Сазаганском и Миранкульском могильниках в Самаркандском Согде, могильниках Хазара и Кызыл-тепа в Бухарском (Обельченко, 1992, с. 92-93). К IV в. н.э. катакомбы Т-образной формы в Согде полностью исчезают. В наиболее поздних по времени согдийских катакомбах встречаются уже захоронения очищенных костей (?) по зороастрийскому обряду (Обельченко, 1992. С. 50-52. С. 7 вклейки).

В районе *Средней Сырдарьи* исследован наибольший по количеству массив катакомб; здесь, как и в Согде, присутствуют катакомбы типов I и II. Общая ситуация с распространением катакомб в данном районе напоминает ситуацию в Согде. Судя по китайским хроникам, Согд ко 2-й пол. I в. н.э. входил в состав Кангюя, центр которого находился на Средней Сырдарье. Здесь известны могильники, целиком состоящие из катакомб Т-образной формы; эти катакомбы преобладают и в могильниках с ямами и катакомбами типа II. Практически всегда могильники с катакомбами связаны с укрепленными поселениями. Очевидно, что большая часть катакомб, прежде всего Т-образной формы, были оставлены насельниками этих поселений.

В среднем течении Арыси, правом притоке Сырдарьи, исследована самая большая выборка погребальных комплексов района (могильники Борижарский и Культобе), где значительную часть составляют катакомбы Т-образной формы. Датировка катакомб, как и этническая атрибуция, у разных исследователей отличаются. Большинство до сих пор полагает, что катакомбы Т-образной формы могут датироваться ранее рубежа эр. Однако в реальности обоснований столь ранней даты нет. Ориентиром в датировке выступают те катакомбы Т-образной формы, которые относительно уверенно можно датировать на основании аналогий артефактам с хорошо разработанной хронологией. К сожалению, инвентарь основной массы катакомб Средней Сырдарьи представлен преимущественно керамикой, а ее хронология разработана недостаточно хорошо, чтобы погребения можно было бы датировать в рамках коротких временных интервалов. Важно учесть, что опорные керамические комплексы надо датировать на основании вещей, хронология которых хорошо разработана, или монет, но в катакомбах этого района они неизвестны. Как

будет показано ниже, абсолютное большинство катакомб Т-образной формы не может быть датировано ранее II в. н. э.

С катакомбами Т-образной формы на Средней Сырдарье появляются значительные инновации в вещевом комплексе. В них массово находятся бусы из египетского фаянса и железные пряжки с подвижным язычком, имеющие аналогии в комплексах позднесарматского времени.

В качестве типичного примера можно привести катакомбу 27 могильника Борижар. Здесь под невысокой курганной насыпью был открыта входная яма длиной 5 м, слабо трапецевидной в плане формы с отвесными стенками, шириной 0,5 м в начале и 0,8 м конце. В начале входной ямы расчищены ступени.

Камера подпрямоугольной формы (рис. 5-1-6), размерами 1,5 х 2,2 м расположена перпендикулярно входной яме дромоса; собственно лаза в катакомбу не было. Стенки камеры отчетливо сохранились на высоту до 0,32 м; она была заполнена довольно плотными натечными слоями. На ее дне по центру расчищен скелет погребенного, уложенный на спину головой на восток. Руки были раздвинуты и согнуты в локтях, ноги также раздвинуты и согнуты в коленях (т.н. «поза всадника»). Кости еще четырех умерших были сдвинуты и сложены вдоль восточной стенки камеры. Справа от входной части в ней найдены керамические кувшин с ручкой (рис. 5-1-7, 1), фляга с высоким корпусом (рис. 5-1-7, 3; см.: раздел 4.1) и маленькая лепная кружка из черного теста (рис. 5-1-7, 2). Все сосуды лежали на боку.

Погребения такого типа составляют основной массив исследованных катакомб в Борижарском могильнике и других могильниках Ары-бадамского микрооазиса.

В описанной катакомбе был найден станковый кувшин с валиком в верхней части горла, покрытый потеками ангоба (рис. 5-1-7, 1). Такие кувшины, только разнящиеся в размерах, являются ведущим типом керамических сосудов, находимых в абсолютном большинстве катакомб типа I на средней Арыси. А.Н. Подушкин относил их к I-IV вв. н.э. Сейчас дату этого типа сосудов можно скорректировать на основании анализа стратиграфии городища Культобе Туркестанского, где в помещении 13 под нижним полом была найдена медная монета кушанского правителя Хувишки (рис. 4-3-18), которая четко определила дату *terminuspostquem* постройки. В заполнении между нижним полом и полом следующего горизонта был собран комплекс керамики (рис. 4-3-6), в котором выделяются два кувшина с манжетами в верхней части, покрытые потеками ангоба (рис. 4-3-6, 1, 2), аналогичные образцам из катакомб могильника Борижар (Ержигитова, 2009, рис. 2, 5, 9, 10; 2011, фото 5) и других могильников по Арыси (Подушкин, 2000, развертка, № № 72, 74-75, 92-93). Дата монет Хувишки в настоящий момент определена в рамках второй половины II в. н. э. Сосуды с валиком на горле в комплексах более раннего времени неизвестны как на поселениях, так и в погребениях, имеющих ранние черты. Таким образом, можно утверждать, что этот узнаваемый тип керамики может датироваться не ранее середины II в. н. э.

В Т-образных катакомбах Средней Сырдарьи обнаружены три фибулы, встреченные только в памятниках этого района. В погребении 7 могильника Культобе восточной группы найдена одночленная лучковая фибула 15-I вар. 4 (Подушкин, 2016, рис. 4, 7), датируемая в рамках второй половины II – первой половины III в. н.э. (Амброз, 1966, сС. 50-51; Кропотов, 2010, с. 80). С нею находился кувшин с валиком на горле, что дает дополнительное основание нашей датировки этого типа кувшинов.

В катакомбе 18 того же могильника найдена двучленная серебряная фибула с ромбической спинкой (рис. 5-1-10, 1). А.Н. Подушкин (Подушкин, 2006, с. 228) датировал комплекс широко, в рамках I в. до н.э. – IV в. н.э.; позже, на основании попытки анализа этой фибулы, он сузил датировку до конца I-II в. н.э. (Подушкин, 2014а, с. 126). Фибула из этого комплекса гибридная и не имеет прямых аналогий. Она морфологически напоминает, с одной стороны, сильно профилированные застёжки с крючком для тетивы и широкой ромбической спинкой гр. 11 вар. I-3 (Амброз, 1966, с. 41), с другой – по наличию завитка на конце приемника сближается с одночленными пружинными фибулами гр. 13 вар. 8 (Амброз, 1966. С. 46) с коленчато изогнутой ромбической спинкой. Датировка первых может определяться в рамках первой половины III в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009, с. 134), вторых – серединой – второй половиной этого столетия (Малашев, Яблонский, 2008, с. 62). Для оценки ее хронологии значима также орнаментальная композиция на ножке и на завитке (рис. 5-1-7, 1): нарезки и узкие надпилы напоминают схему украшения накладок мазунинского типа, появление которых относится ко времени не ранее III в. н.э., скорее ближе к его середине (Малашев, Яблонский, 2008, с. 53-55; Голдина, Красноперов, 2012, с. 25). Нехарактерный для Средней Азии прием орнаментации может свидетельствовать о том, что фибула была изготовлена в Приуралье, т.е. ее дата может рассматриваться в рамках III в. н.э., скорее не ранее середины.

Фибула типа *Aucissa* (Литвинский, 1973б, табл. 18, 2,3) происходит из кургана 7 могильника Джун – самой ранней датированной катакомбы в регионе. Подобные застёжки появляются не ранее финала I в. до н.э., период наибольшего распространения относится к I в. н.э., и они встречаются до середины III в. н.э. включительно (Амброз, 1966, с. 26-27; Литвинский, 1967, с. 31-32; Скрипкин, 1977, с. 116-117; Труфанов, 2009, с. 217). Учитывая отдаленность находки от основных территорий распространения, можно допустить для данного комплекса дату и позднее, чем I в. н.э. Не ранее I в. н.э. датируется зеркало из этого комплекса типа VIII по А.М. Хазанову (Скрипкин, 1990, с. 152, 172). Что касается костяного навершия гребня, то подобная находка происходит из уже анализированного комплекса I в. н.э. из Кок-тепа.

Более поздние даты дает подбор аналогий немногочисленным пряжкам из цветных металлов. В катакомбе № 5 могильника Борижар (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 92-93; рис. 2.20, 1-9, 11) была найдена бронзовая пряжка с фигурной рамкой; ее язычок имел округлое расширение в средней части с неглубокой выемкой (рис. 5-1-10, 2). Морфологически она сходна с

позднеримскими ременными застежками, представителем или дериватом которых и является. Подобные пряжки с укороченной задней частью рамки находят серию аналогий в Сарматии от Венгрии до Нижнего Дона и характерны для комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. (Вадаи, Кульчар, 1984, с. 248, 256; Малашев, 2000, с. 208, рис. 3Б, 2,3; 5А, 3; Труфанов, 2009, с. 218). Учитывая наличие фасетировки, ее датировка может быть в пределах первой половины III в. н.э.

Типологически (и хронологически) близка борижарской застежке серебряная пряжка с фигурной граненой рамкой из Т-образной катакомбы кургана 10 могильника Кылышжар (Подушкин, 2010, рис. 4, 5); ее отличает наличие круглых дисков с выемкой в центре, расположенных при переходе от передней к задней части рамки. В комплексе, помимо пряжки, находился железный кинжал с кольцевым навершием, которые встречались вплоть до первой половины III в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009, с. 129-130). Пряжка может являться дериватом провинциально римских образцов с датировкой первой половиной III в. н. э.

На Арыси крайне немногочисленны комплексы из Т-образных катакомб, которые можно датировать ранее II в. н.э. Из примеров стоит привести комплекс катакомбы 7 восточной группы курганов могильника Культобе Т-образной формы, с длинной входной ямой без дромоса и одиночным погребением, ориентированным головой на восток (Подушкин, 2016, рис. 2, 3). В инвентаре были длинный меч, кинжал, несколько наконечников стрел, обломки накладок на лук, кубическая курильница, керамический сосуд и костяная ложечковидная подвеска. Автор раскопок, основываясь на ранних аналогиях вещам, прежде всего ложечковидной подвеске, датировал погребение в рамках I в. до н. э. – II в. н.э. Меч имеет железное перекрестие, сломанное под тупым углом, образующим треугольный выступ. Мечи с таким перекрестием рассмотрены В.Е. Масловым (Маслов, 1999, с. 221), который относит их бытование в степных комплексах к I – началу II в. н.э. К упомянутой сводке можно добавить еще один меч из погребения второй половины I в. н.э. у с. Весняне (Симоненко, 2010, рис. 27, 1).

Катакомба 9 могильника Борижар, также Т-образная, может датироваться аналогично. В пользу такой даты говорят наличие прямоугольной курильницы типа XI по К.Ф. Смирнову (рис. 5-1-9, 2), ранний тип фляги с уплощенным верхом (рис. 5-1-9, 4) и бронзовое зеркало с короткой боковой ручкой (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, 2004, фото 2.9) (рис. 5-1-9, 1). В этом же погребении найдена бусина цилиндрической формы с сохранившейся золотой обкладкой на одном конце (рис. 5-1-9, 3).

Материал из катакомб, у которых длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы (катакомбы типа II), всегда более ранний, чем инвентарь из катакомб Т-образной формы. А.Н. Подушкин – основной исследователь катакомбных захоронений на Арыси – предлагает датировку как Т-образных катакомб, так и некоторых катакомб типа II, начиная с III-II в. до н. э. Такая датировка сегодня может быть скорректирована.

Самым интересным захоронением в катакомбе типа II является курган 3 могильника Культобе, исследованный А.Н. Подушкиным (Подушкин, 2012). В инвентаре этого кургана есть явно привозные вещи, в частности части детали поясного набора, представленные замечательной крупной овальной пряжкой из рога носорога, инкрустированной камнями, с ажурным прорезным кольцом и некогда нашитыми на ремень раковинами каури. Обращает на себя внимание, что в могилу была положена только часть пояса, и, если бы набор был бы целый, в нем была бы найдена и вторая симметричная пряжка. Ажурное прорезное кольцо, которое в рассуждениях А.Н. Подушкина служило одним из подтверждений сюннуской принадлежности этого кургана⁵¹, имеет прочные даты в Забайкалье и Туве. В погребении 38 могильника Дырестуйажурная пряжка верхнего пояса была найдена вместе с монетой «у-шу», которая определила *terminus post quem* погребения не ранее 118 г. до н. э., а исследователи склонялись к дате в рамках I в. до н. э. (Давыдова, Миняев, 1988, с. 233). Таким образом, II в. до н. э. для этого погребения является даже теоретически недопустимым. Накладки на лук из этого погребения - не вытянутые удлиненные (ср. накладки из кургана 21 в Жаман-Тогае: рис. 5-1-4, 28), как в катакомбах Т-образной формы, а довольно короткие, удлиненно-треугольной формы. В составе инвентаря есть железные пряжки с подвижным язычком, которые в Средней Азии неизвестны в хорошо датированных комплексах ранее рубежа эр. Набор наконечников стрел имеет прямые аналогии в кургане 2 могильника Орлат. Очевидно, что погребение в катакомбе типа II курган 3 могильника Культобе может быть немного ранее кургана 2 в Орлате, вероятно - в рамках I в. н. э. Близкую дату имеют и некоторые комплексы из могильников Чардары (Максимова и др., 1968, с. 205-206, табл. XXIV-XXVII).

Вещи, схожие с сюннускими, встречаются и в других погребениях. Недавно в Ташкентском оазисе на могильнике у городища Каршавул (остатки могильника у ст. Вревская) в катакомбе Т-образной формы с коротким дромосом был найден колчаный набор, состоящий из железных наконечников стрел, в котором есть ярусные, не характерные для Средней Азии. Последние, судя по пропорциям и размеру, вполне соответствуют ярусным наконечникам стрел из могильника Кокэль в Туве и могут датироваться не ранее рубежа I-II вв. н.э. (Николаев, 2001, с. 14-15). Появление сюннуских вещей в Средней Азии может действительно отражать события рубежа эр, но эти вещи всегда находятся в катакомбах и никогда не образуют полного комплекса присущего погребениям, собственно, сюнну в Забайкалье и Монголии. Стоит также учесть,

⁵¹ Верно сопоставляя комплекс из катакомбы 3 с комплексом из кургана 2 Орлат, А.Н. Подушкин датировал культобинскую катакомбу II-I вв. до н. э. (Подушкин, 2012, с. 43). Однако здесь имеет место неверный посыл в датировке, так как рассматривались только ранние аналогии вещам, и делалась попытка связать комплекс с данными письменных источников о передвижениях сюнну (Там же, с. 43-46). На деле комплексы синхронны, а даты приводимых аналогий часто нуждаются в ревизии.

что и ложечковидные подвески, и гагатовые пряжки, и ярусные наконечники стрел переживают время наибольшей экспансии сюнну в Средней Азии в начале нашей эры. Иначе говоря, находимые в погребениях Средней Азии отдельные вещи сюннуского круга сильно запаздывают по отношению к исконным территориям.

Таким образом, для Средней Сырдарьи, как и для Согда, катакомбы типа II предшествуют катакомбам Т-образной формы. Как и в Согде, ранние Т-образные катакомбы Сырдарьи (Чардара) и Арыси имеют заплечики внизу входной ямы (Максимова и др. 1968, рис. 9) (рис. 5-1-8, 1, 3, 5, 6). В могильнике Шаушукум исследованы катакомбы со ступеньками и заплечиками внизу входной ямы (рис. 5-1-8, 3), схожие с катакомбами Самаркандского Согда (Максимова и др., 1968, рис. 11, 12). Есть и переходные типы катакомб, например – курган 9 могильника Жаман-Тогай (Максимова и др., 1968. рис. 2, 1 – 4; табл. I) (рис. 5-1-8, 4), Правда, из-за ограбления не ясно положение погребенного, но ступенчатая входная яма с заплечиками, небольшая камера и наличие бронзового котла в инвентаре напоминает погребение в Кок-тепа. К катакомбам переходного типа также относятся две катакомбы под курганом 50 в Шаушукуме (рис. 5-1-8, 2). Очевидно, что катакомбы типа II в этом районе сосуществуют с Т-образными, видимо - в первой половине II в. н.э.

Тянь-Шань и Фергана. На Тянь-Шане катакомбы Т-образной формы появляются позже остальных районов. Здесь население, оставившие катакомбы, сменяет автохтонных жителей, которые хоронили в курганах с ямами. Во всяком случае, на крупных могильниках типа Кенкол подкурганные катакомбы Т-образной формы находятся рядом с погребениями в ямах. Вполне вероятно, что катакомбы и погребения в ямах сосуществовали, но ввиду малочисленности инвентаря в последних говорить об этом определенно пока не удастся. В этом регионе катакомбы типа II достоверно неизвестны⁵².

Главным вопросом является время появления катакомб Т-образной формы на Тянь-Шане. Обычно в среднеазиатской археологии они называются *катакомбами кенкольского типа* по могильнику Кенкол в Верхнем Таласе, исследованному А.Н. Бернштамом в 1938-1939 гг. и И.К. Кожомбердиевым в 1950-х гг.

Хронология Кенкола до сих пор остается в значительной степени дискуссионной. Нет нужды приводить здесь полную историографию, уже не раз изложенную; отметим лишь, что сейчас для этого могильника принята дата в рамках I-V вв. н. э. Такая широкая датировка является следствием слабой разработанности хронологии вещевого комплекса самого Кенкольского могильника и памятников типа Кенкола, прежде всего – керамики. Но выход на

⁵²В архиве И.К. Кожомбердиева сохранился чертеж одного наполовину раскопанного кургана в Кенколе, сверху напоминающий план катакомбы II. Но отсутствие продольного разреза не дает возможности утверждать, что это катакомба типа II. Может быть это просто расчищенная входная яма одной из Т-образных катакомб.

даты может дать анализ вещей, главным образом, украшений. В настоящий момент, проанализировав весь блок катакомб Кенкольского могильника из раскопок А.Н. Бернштама и большей части катакомб, исследованных И.К. Кожомбердиевым, один из авторов раздела, А.И. Торгоев, пришел к выводу, что в Кенкольском могильнике *нет погребений ранее III в. н.э.*

Наиболее ранним в могильнике Кенкол можно считать курган 55, в камере которого были найдены две бронзовые пряжки с округлой рамкой, прогнутым в середине язычком и прямоугольным фасетированным щитком со скругленной задней частью (Таласская долина, 1949, с. 23) (рис. 5-1-10, 3,4). Они близки пряжкам П4, которые в целом можно датировать в рамках первой половины – середины III в. н.э. (Малашев, 2000, с. 208, 209, рис. 2). Территориально наиболее близкая им аналогия происходит из кургана 110 могильника Шаушукум (Максимова и др. 1968, табл. XVII, 8). В инвентаре кургана 55, помимо пряжек, сохранился горшок с ушками для подвешивания (Бернштам, 1940, табл. XIV, вверху). Он имеет аналогии в инвентаре катакомбы 15 могильника Тулебай-тобе II (Подушкин, 2000, с. 100-101), который по инвентарю не может быть датирован ранее II-III в. н.э. Таким образом, могильник Кенкол вряд ли может датироваться ранее III в. н.э., а основное количество катакомб датируется в рамках III-V в. н.э.

Разбирая признаки ранних катакомб в Согде и на Средней Сырдарье, мы уже обращали внимание на такой признак ранних Т-образных катакомб, как заплечики в нижней части входной ямы. На Тянь-Шане подобные катакомбы известны, но крайне немногочисленны. Одна катакомба с такой конструкцией входной ямы была изучена в могильнике Кум-Арык (Чуйская долина) в кургане № 33 (Кожомбердиев, 2012, с. 75, рис. 14) (рис. 5-1-8, 8). Из инвентаря здесь была найдена золотая крестовидная накладка, у которой в центре зернью обозначен круг, а на концах креста сделаны касты для вставок каплевидной формы, оконтуренные зернью. В качестве ее прототипа может рассматриваться золотая накладка из Чирик-Рабата (Толстов, 1962, рис. 81), найденная в неясных стратиграфических условиях, но по совокупности других вещей датирующаяся временем около рубежа эр. Однако самой близкой ей аналогией является золотая бляшка, покрывающая сверху янтарное навершие меча из кургана 8 могильника Камышевский I на Дону (Безуглов, 2000, с. 172, рис. 4, 6), надежно датированного концом II-первой половиной III вв. Отличием является лишь то, что накладка из Камышевского имеет круглое основание, но каплевидные элементы, обведенные зернью, совпадают целиком. Таким образом, крестовидная накладка из Кум Арыка, которая датируется также, как аналогичная из Камышевского, и могла украшать навершие меча. Таким образом курган 33 могильника Кум-Арык является примером позднего варианта катакомбы Т-образной схемы с заплечиками внизу входной ямы, относящейся к раннему этапу кенкольской культуры.

Катакомбы Т-образной формы с заплечиками в нижней части входной ямы есть и в Фергане (Заднепровский 1960, с. 95, рис. 52; Брыкина 2001, рис. 1, 5, 6; 7, 5), и они весьма напоминают сырдарьинские и согдийские. Для Ферганы

характерно большое разнообразие форм катакомб. Катакомбы типа I (Т-образные) наиболее типичны для востока долины (Заднепровский, 1995). Здесь, как и на Тянь-Шане, практически неизвестны катакомбы типа II. В могильнике Курук-Сай Б.А. Литвинским вскрыто несколько катакомб данного типа (Литвинский, 1973а, с. 89-90), но этот могильник находится в Карамазарских горах (Кураминский хребет), являющихся юго-западной границей Ферганской долины. Эта зона в культурном отношении более тяготеет к среднему течению Сырдарьи. В самой долине катакомбы типа II неизвестны. Основная проблема датировки ферганских памятников состоит в том, что в катакомбах очень мало узко датированных предметов. Инвентарь представлен керамикой, которая находит прямые параллели в посуде находящейся рядом поселений. Относительная шкала ферганской керамики хорошо разработана, но привязок к абсолютным датам у нее практически нет, так как на поселениях хорошо датирующие предметы отсутствуют. В целом ферганские катакомбы Т-образной формы никак не могут быть старше тянь-шаньских и сырдарьинских. В Ферганской долине появление Т-образных катакомб связывается с кочевым населением, приходящим в долину с Тянь-Шаня или по Нарыну.

Объем настоящей работы не дает возможности представить полную хронологическую шкалу катакомб Т-образной схемы. Однако можно сказать, что на Тянь-Шане катакомбы Т-образной формы продолжают существовать и в V – середине VI в. н. э. (Кожомбердиев, 1977, с. 224; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 27-30). В разрушенном погребении на могильнике Кара-Буура в Верхнем Таласе, по словам и схематическому рисунку исследовавшего его М.Ф. Тура, захоронение было совершено в Т-образной катакомбе, в которой найден геральдический поясной набор; последний дает основания полагать, что обряд погребения в катакомбах мог задержаться здесь до VII в. н.э. (Торгоев, 2005).

На Тянь-Шане и в Фергане, помимо катакомб Т-образной схемы, распространены и *подбойные могилы*, на Сырдарье встречающиеся реже. Они непрерывно бытуют, начиная с финала сакского времени и вплоть до раннего средневековья. Типология и хронология подбоев нуждается в некотором уточнении, и подробный разбор этого типа погребальных сооружений потребовал бы значительного места. Здесь лишь отметим, что *на Тянь-Шане существуют погребения в подбоях в западной стенке с ориентировкой погребенного в северном секторе*, которые, видимо, образуют отдельную группу погребений первой половины I тыс. н. э. К примеру, можно назвать такие погребения как курган № 19 могильника Турасу (Кибиров 1959, с. 116-117, рис. 19, 4 – 6), курган № 5 могильника Айгырджал (Там же, с. 121), курган 27 могильника Кеген IV (Кариев, 2016), курган 28 на могильнике Акташ I (Акишев, Свиридов, 2011), погребение на Краснореченском городище (Торгоев, Кольченко, 2017). Именно в могилах этой группы встречается инвентарь, связанный с западной традицией (колты, серьги, прямоугольно-рамчатые бронзовые пряжки).

Такие погребения в подбоях в западной стенке с северной ориентировкой умершего являются характерными для могильных сооружений в ареале позднесарматской культуры (Малашев, 2009, с. 47), и тянь-шаньские погребения очень напоминают их. Сходство в погребальных конструкциях, вероятно, также должно говорить и о связях населения. Однако из-за того, что на Тянь-Шане исследовано гораздо меньше погребений, чем в Приуралье, Нижней Волге и Нижнем Дону, практически отсутствуют данные антропологии, а вещевой комплекс имеет сходство только в отдельных категориях погребального инвентаря, судить о характере связей и влияниях кажется преждевременным.

Итоговая схема развития погребальных сооружений II в. до н. э. - IV в. н. э. выглядит следующим образом. Первоначально, на рубеже III-II вв. до н.э. по всей территории будущего Кангюя существуют грунтовые могилы. В некоторых типах грунтовых могил появляется такой элемент, как заплечики, который роднит их с синхронными типами погребений в Азиатской Сарматии. Не ранее рубежа III-II вв. до н. э. в Среднюю Азию из степных районов (южноуральские степи) привносятся катакомбы типа II. В новациях вещевого комплекса, связанного с Т-образными катакомбами, появляются определенные элементы костюма (пряжки, фибулы, бусы) связанные с позднесарматской культурой. Среднеазиатские камерные могилы типа I, видимо, являются производными от типа II; Т-образные катакомбы ко II в. н. э. полностью меняют катакомбы типа II. На Средней Сырдарье Сырдарье и Согде после опустошительного рейда хионитов в IV в. катакомбы Т-образной схемы довольно резко сменяются наземными сырцовыми склепами.

Список иллюстраций

Раздел 5

5.1.

Рис. 5-1-1. Борижарский могильник, курган 30. Чертежи А.А. Ержигитовой и А. Сулаймановой: а – план кургана; б – план погребения (яма 3).

Рис. 5-1-2. Борижарский могильник, яма 3. Лепная керамика. Рис. А.А. Ержигитовой и А.И. Торгоева.

Рис. 5-1-3. Борижарский могильник, яма 3. Железные наконечники стрел. Рис. А. Сулаймановой.

Рис. 5-1-4. Могильник Жаман-Тогай, курган 21. План погребения и находки из него (по: Максимова и др., 1968).

Рис. 5-1-5. Т-образные катакомбы Согдианы: 1 – могильник Агалыксай, к. 8 (по: Обельченко, 1969. Рис. 2); 2 – Акджартепа (по: Обельченко, 1962. Рис. 1, без масштаба); 3 – Кок-тепа (по: Рапэн, Исамиддинов, Хасанов, 2012. Рис. 5, 6); 4 - погребение 1, раскоп II на поселении Саразм (по: Исаков, 1983. Рис. 2); 5 –

Янги-Рабат, к. 1 (по: Vallée-Raewsky, 2013. Fig. 3); 6 – Сирлибай-тепа (по: Иваницкий, Иневаткина, 1988. Рис. 2А,Б). Сост. А.И. Торгоев.

Рис. 5-1-6. Борижарский могильник, катакомба 27, погребальная камера. Фото А.А. Ержигитовой.

Рис. 5-1-7. Борижарский могильник, катакомба 27, керамика. Фото А.А. Ержигитовой.

Рис. 5-1-8. Т-образные катакомбы Средней Сырдарьи и Тянь-Шаня: 1 – Шаушукумский могильник, к. 50, катакомба 1 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 11); 2 – Шаушукумский могильник, к. 50, катакомба 2 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 11); 3 – Шаушукумский могильник, к. 56 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 12, 1-3); 4 – могильник Жаман-Тогай, к. 9 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 2, 1-4); 5 – могильник Кылышжар, к. 4 (по: Подушкин, 2007. Табл. 4); 6 – могильник Каратобе, к. 3 (по: Подушкин, 2000. С. 54); 7 – могильник Кылышжар, к. 10 (по: Подушкин, 2010. Рис. 4); 8 – могильник Кум-Арык, к. 33 (по: Кожомбердиев, 2012. Рис. 14). Сост. А.И. Торгоев.

Рис. 5-1-9. Борижарский могильник, катакомба 9, погребальный инвентарь. Рис. А.А. Ержигитовой: 1 – бронза» 2, 4, 5 – керамика; 3 – камень, золото.

Рис. 5-1-10. Некоторые датирующие предметы из Т-образных катакомб средней Сырдарьи и Тянь-Шаня: 1 – серебряная фибула из кургана 18 могильника Культобе; 2 – бронзовая пряжка из катакомбы 5 Борижарского могильника; 3, 4 – бронзовые пряжки из кургана 55 могильника Кенкол. Рис. А.И. Торгоева.

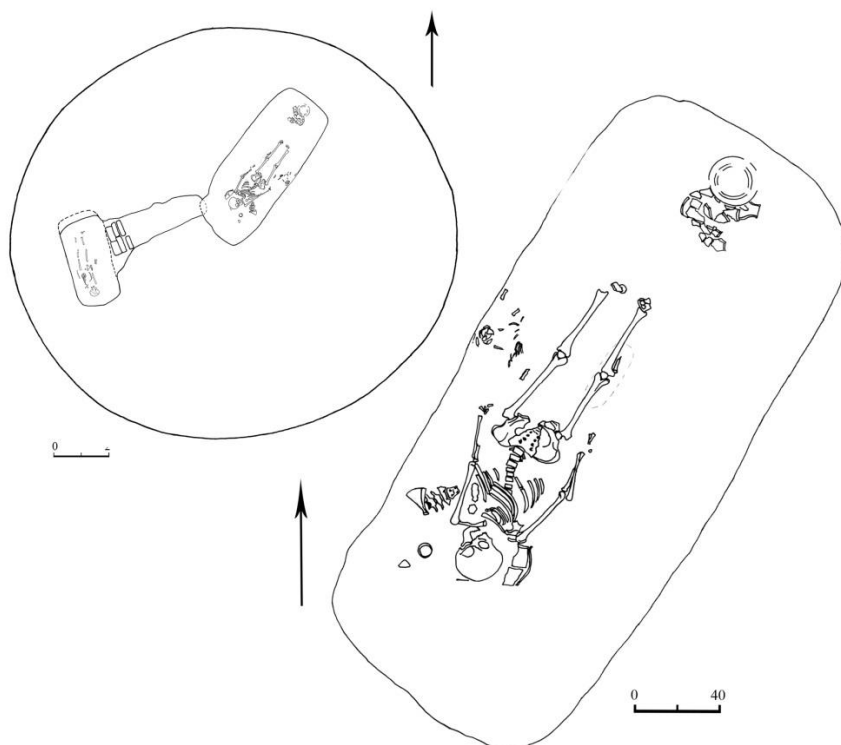

Рис. 5-1-1. Борижарский
могильник, курган 30.

Чертежи А.А.
Ержигитовой и А.
Сулаймановой:
а – план кургана;
б – план погребения
(яма 3).

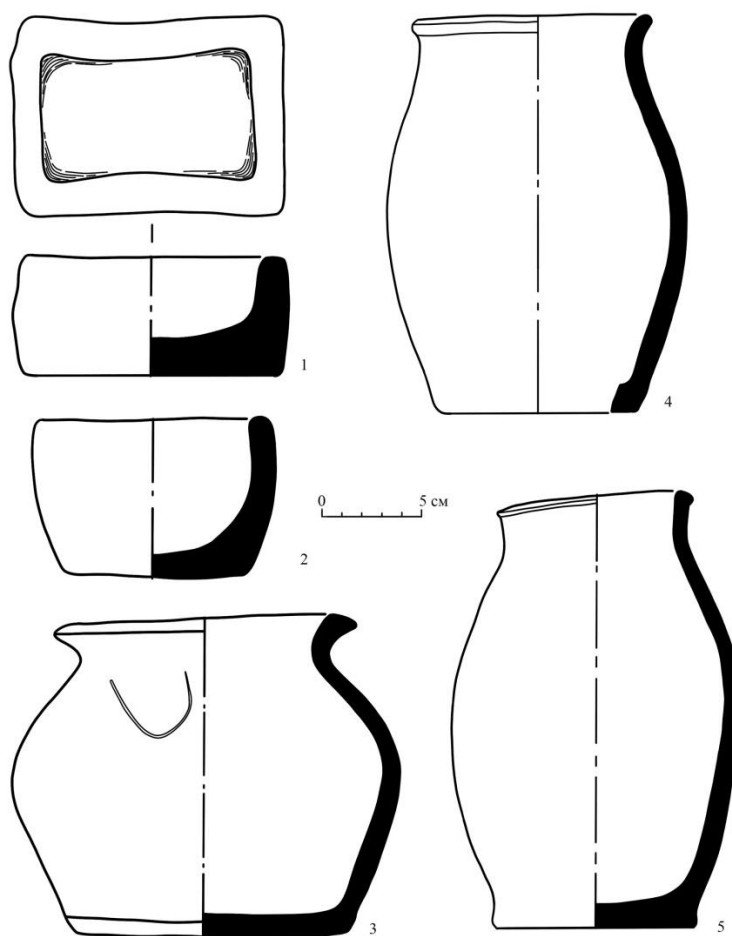

Рис. 5-1-2. Борижарский
могильник, яма 3. Лепная
керамика. Рис. А.А.
Ержигитовой и А.И. Торгоева.

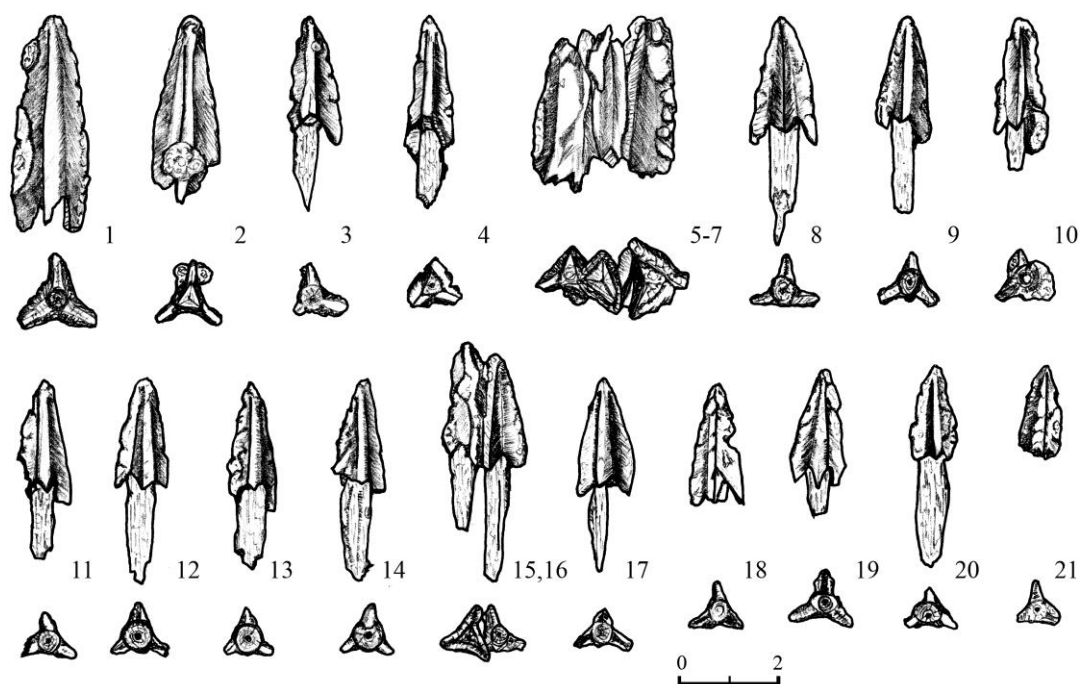

Рис. 5-1-3. Борижарский могильник, яма 3. Железные наконечники стрел. Рис. А. Сулаймановой.

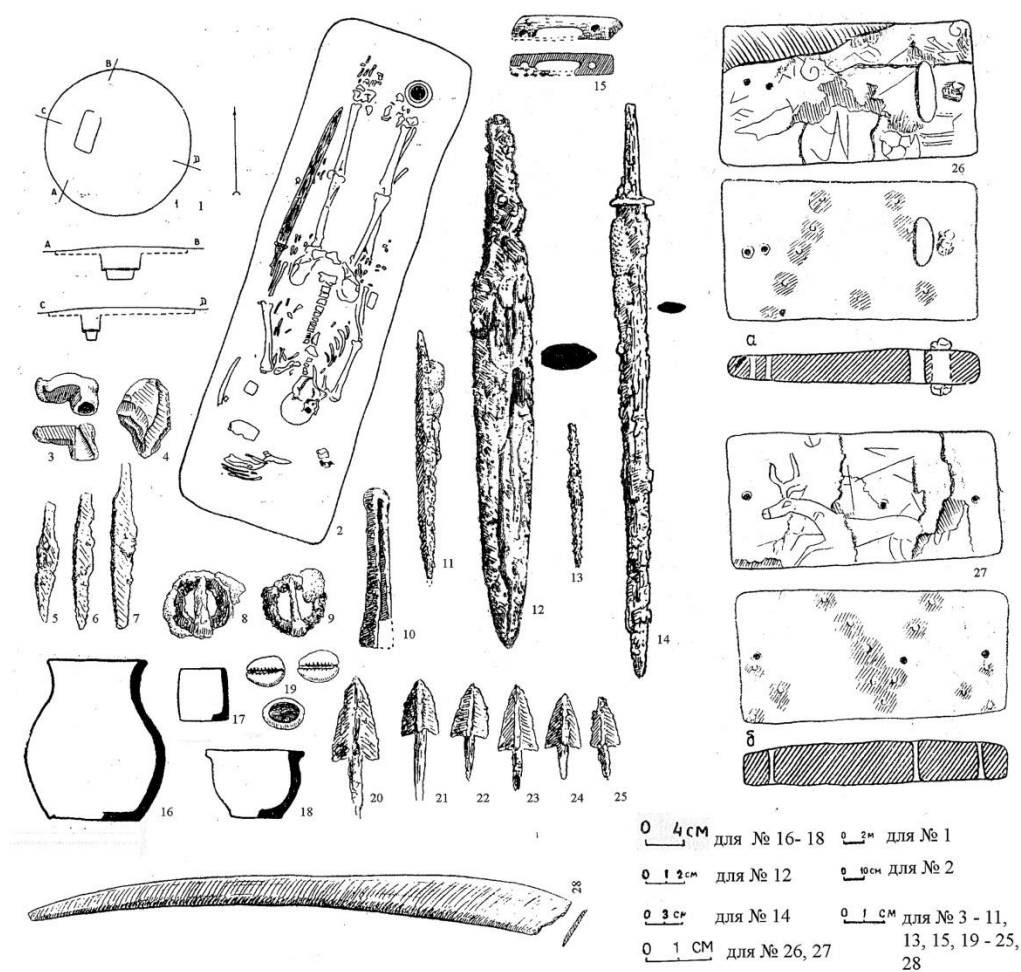

Рис. 5-1-4. Могильник Жаман-Тогай, курган 21. План погребения и находки из него (по: Максимова и др., 1968).

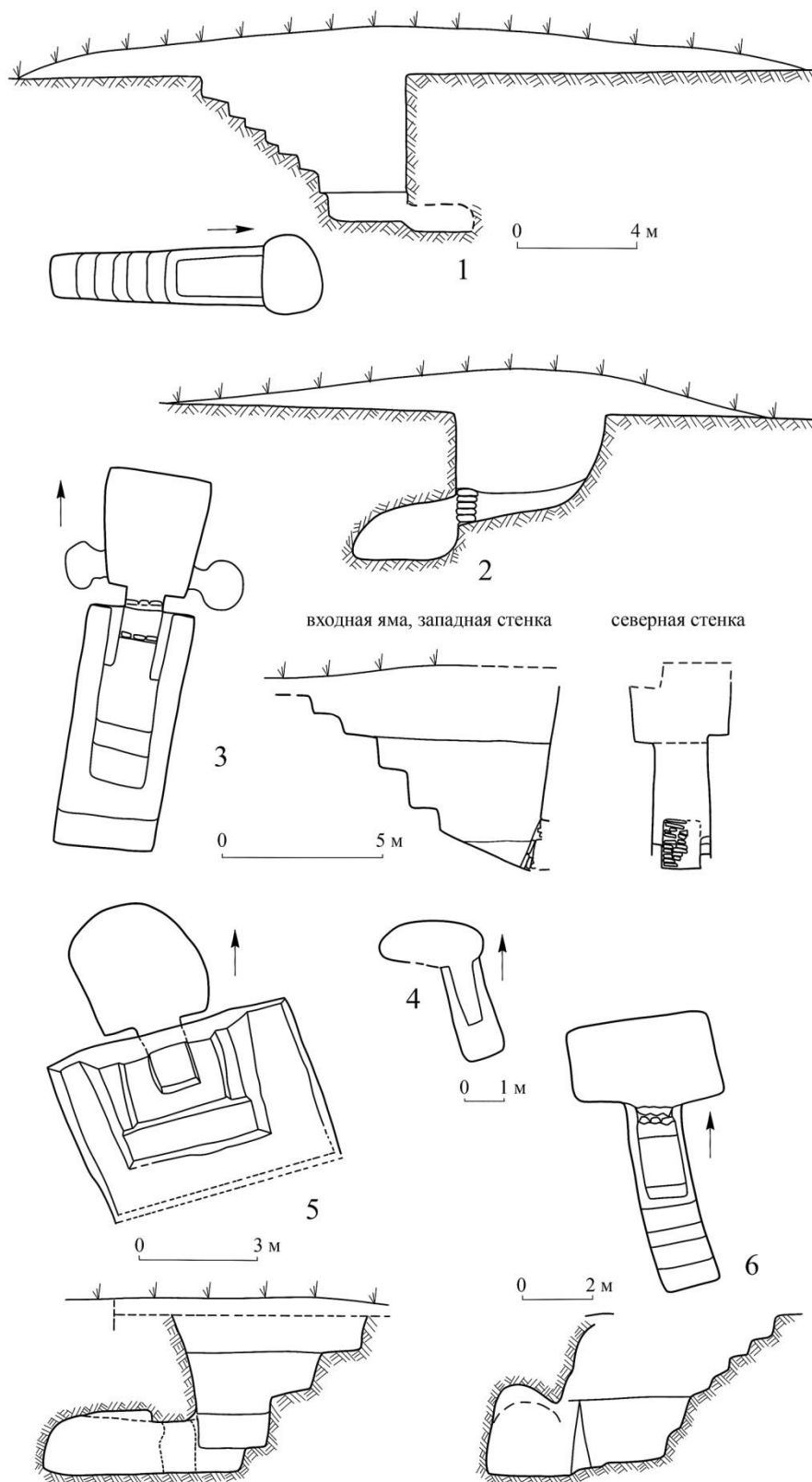

Рис. 5-1-5. Т-образные катакомбы Согдианы: 1 – могильник Агалыксай, к. 8 (по: Обельченко, 1969. Рис. 2); 2 – Акджартепа (по: Обельченко, 1962. Рис. 1, без масштаба); 3 – Кок-тепа (по: Рапэн, Исамиддинов, Хасанов, 2012. Рис. 5, 6); 4 – погребение 1, раскоп II на поселении Саразм (по: Исаков, 1983. Рис. 2); 5 – Янги-Рабат, к. 1 (по: Vallée-Raewsky, 2013. Fig. 3); 6 – Сирлибай-тепа (по: Иваницкий, Иневаткина, 1988. Рис. 2А,Б). Сост. А.И. Торгоев.

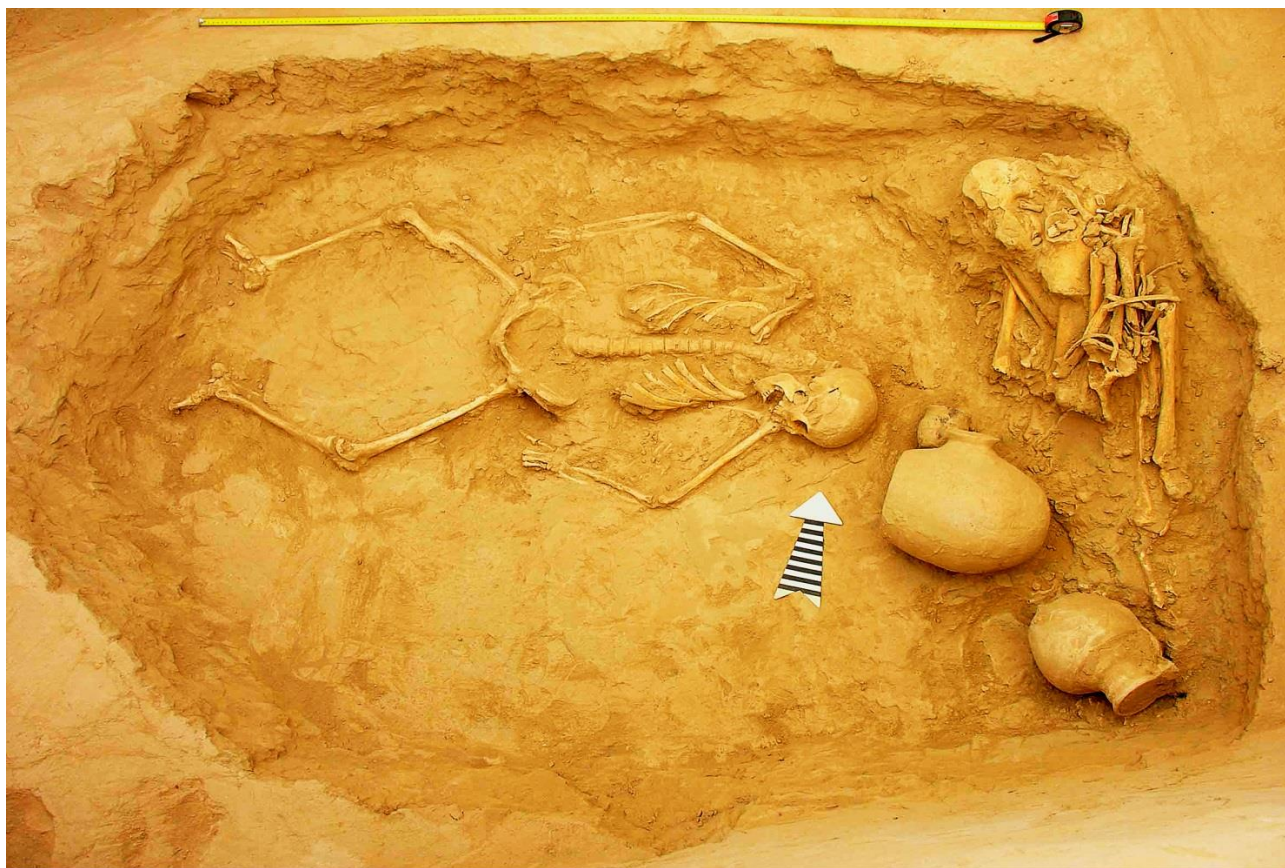

Рис. 5-1-6. Борижарский могильник, катакомба 27, погребальная камера. Фото А.А. Ержигитовой.

Рис. 5-1-7. Борижарский могильник, катакомба 27, керамика. Фото А.А. Ержигитовой.

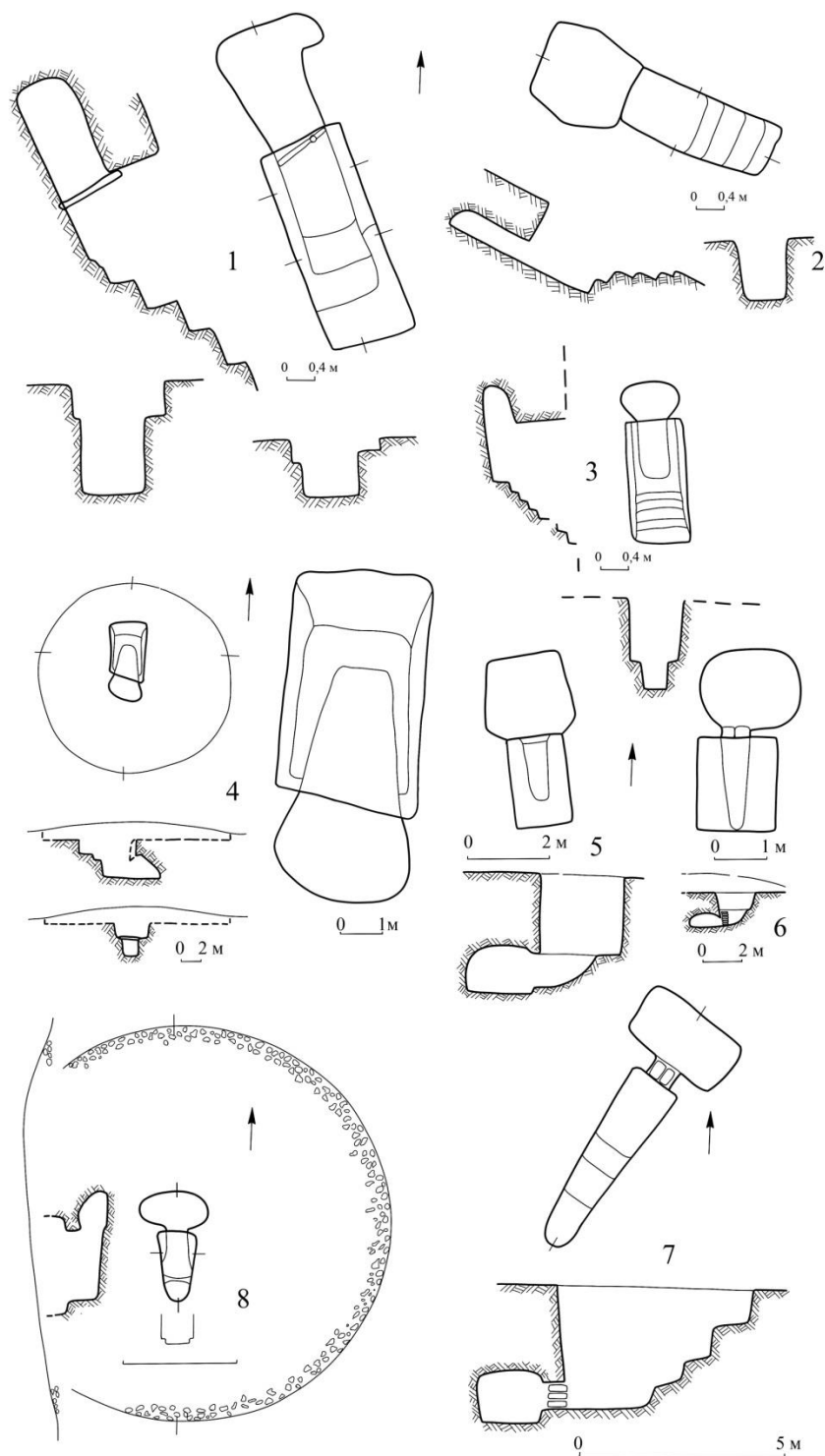

Рис. 5-1-8. Т-образные катакомбы Средней Сырдарьи и Тянь-Шаня: 1 – Шаушукумский могильник, к. 50, катакомба 1 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 11); 2 – Шаушукумский могильник, к. 50, катакомба 2 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 11); 3 – Шаушукумский могильник, к. 56 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 12, 1-3); 4 – могильник Жаман-Тогай, к. 9 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 2, 1-4); 5 – могильник Кылышжар, к. 4 (по: Подушкин, 2007. Табл. 4); 6 – могильник Каратобе, к. 3 (по: Подушкин, 2000. С. 54); 7 – могильник Кылышжар, к. 10 (по: Подушкин, 2010. Рис. 4); 8 – могильник Кум-Арык, к. 33 (по: Кожомбердиев, 2012. Рис. 14). Сост. А.И. Торгоев.

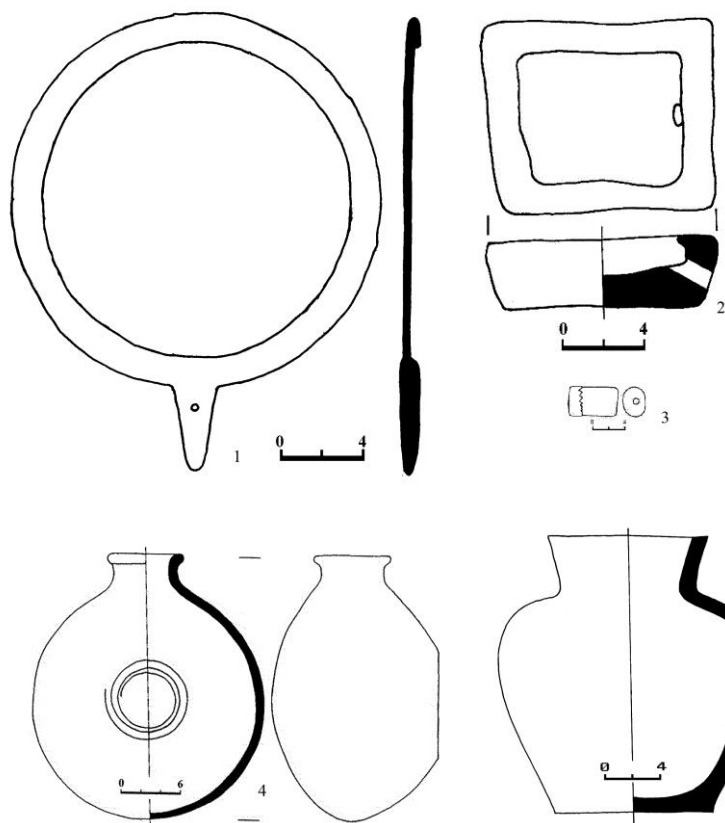

Рис. 5-1-9.
Борижарский
могильник,
катакомба 9,
погребальный
инвентарь. Рис. А.А.
Ержигитовой: 1 –
бронза» 2, 4, 5 –
керамика; 3 – камень,
золото.

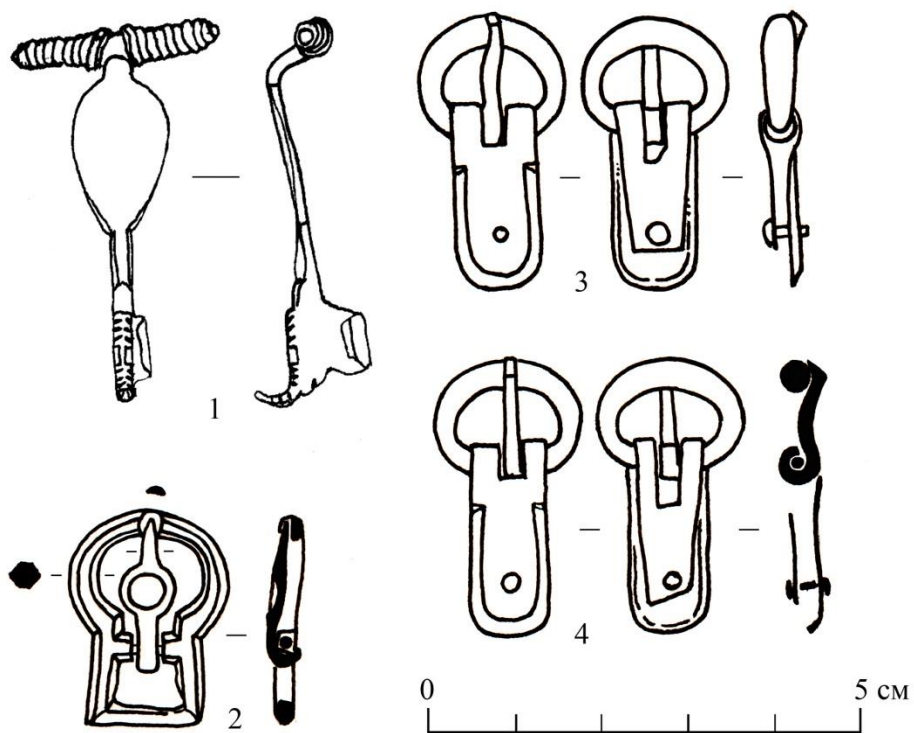

Рис. 5-1-10.
Некоторые
датирующие
предметы из Т-
образных катакомб
средней Сырдарьи и
Тянь-Шаня:
1 – серебряная
фибула из кургана 18
могильника
Культобе;
2 – бронзовая
пряжка из катакомбы
5 Борижарского
могильника;
3, 4 – бронзовые
пряжки из кургана 55
могильника Кенкол.
Рис. А.И. Торгоева.

5.2. Некрополи Отрарского оазиса

Авизова А.К.

Основные материалы для суждения о характере погребального обряда населения Отрарского оазиса кангуйского времени дают могильники Кыркескен, Кок-Мардан Коныртобе I, Коныртобе II и Талтакай.

Могильник *Кыркескен*, который располагался на северной окраине с. Тимур Отрарского района, исследован Б.Н. Нурмуханбетовым в 1976 г. Вскрыты 27 погребений, зафиксированных на дневной поверхности вследствие ветровой эрозии. Конструкция погребальных сооружений не установлена. Для всех погребенных характерно положение «вытянутое на спине». По ориентировке головы различаются три типа погребений: ориентированные на ССВ, на ЗЮЗ и ЮЮВ. Погребальный инвентарь захоронений первого типа состоит из железных ножей, биконических пряслиц, бус и керамических кувшинов. Сопроводительный инвентарь захоронений второго и третьего типа представлен предметами вооружения, украшениями и керамикой. Могильник Кыркескен был датирован II-IV вв. н.э. К сожалению, подробные данные о результатах вскрытия погребений отсутствуют (Нурмуханбетов, 1977, с. 519 – 520).

Довольно хорошо изучен некрополь *Кок-Мардан*, расположенный в 300 м к востоку от одноименного городища и состоящий из трех групп невысоких всхолмлений. Первая группа представлена прямоугольными возвышениями, вторая – курганообразными возвышениями в виде земляного вала длиной 700 м, шириной 15-25 м, высотой 0,5-1,5 м. На отдельных участках вала заметны контуры возвышений и неглубокие седловинки между ними. По наблюдениям исследователей, вал образовался в результате слияния отдельных погребальных сооружений из-за их разрушения. Третья группа включает в себя отдельно стоящие, бессистемно расположенные курганообразные всхолмления. Диаметр их 10-30 м, высота 0,5-2,0 м. Здесь на протяжении полевых сезонов 1977-1979 гг. курганным отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ) под руководством Б.Н. Нурмуханбетова было вскрыто более 60 погребений (Нурмуханбетов, 1978а, с. 517; 1979, с. 539; 1980, с. 438-439). Раскопки велись на объектах I, II, III, IV и VI. Почти все захоронения, за исключением разграбленных и разрушенных, сопровождались погребальным инвентарем. На основании анализа погребального инвентаря могильник был датирован III-V вв. н.э. (Нурмуханбетов, 2011, с. 42-73).

В конце 80-х годов XX века на Кок-Мардане проводились аварийные раскопки экспедицией Отрарского государственного археологического заповедника-музея. Были исследованы два курганообразных всхолмления (объект А и объект Б), где вскрыты в общей сложности 19 погребений. Памятник датирован в основном III-V вв., но были обнаружены и поздние захоронения X-XII вв. (Кожа, 2007, с. 273 – 284).

Таким образом, при раскопках могильника Кок-Мардан всего выявлено 80 погребений.

На объектах I и II вскрыты 4 погребения. Плохая сохранность не позволила определить характер конструкции погребальных ям. Ориентировка умерших головой на СВ и ЮВ.

Количество погребений, исследованных на объекте III, составляет 18 (13 взрослых, 5 детских индивидов, 1 предположительно детский). Все они расчищены в четырехугольной платформе размером 8,6 х 8,8 х 1,5 м (рис. 5-2-1). Число катакомбных могил для взрослых составляет 6. Из детских погребений конструкция определяется у четырех захоронений: одно как ниша, остальные как ямы с подбоем. В 10 случаях тип могильных ям не установлен. Катакомбы прорублены поперек вертикальных стен платформы. Расположены они по ее периметру. Длина дромоса 0,6-1,2 м, ширина 0,5-0,5 м. Погребальная камера является его продолжением. Детские погребения устроены по краям пахсовой платформы; одно из них (№ 7) находилось за ее пределами. Ритуальные позы умерших не выявлены в девяти случаях. Об одном детском погребении (№ 9) сказано, что скелет лежал на левом боку, но позиция нижних конечностей не ясна. Для остальных 8 умерших характерна одна поза: вытянутая на спине. Костяки в катакомбных могилах обращены головой к краям платформы. Детские погребения имели СВ, С и В ориентировку.

На объекте IV раскопаны 24 погребения (рис. 5-2-2). Количество детских захоронений – 13. Среди них 6 взрослых и 1 детское совершены в катакомбах. Наряду с катакомбными конструкциями присутствуют 2 простых ямы, 9 детских и 1 взрослое погребение в нише, 1 погребение в яме с подбоем. В двух случаях тип могильных ям не установлен. Ориентировка погребений различная: СЗ, СВ, ЮВ, В и ЮЮЗ. В девяти случаях ориентировка головы не установлена.

На объекте VI обнаружено 15 погребений, 7 из которых детские и 8 взрослых захоронения. Катакомбных могил для взрослых 6, простых ям – 2. Из детских погребений конструкция определяется у шести захоронений: 1 как ниша, 2 – как ямы с подбоем, у остальных конструкции ям не установлены. В погребальном обряде представлены следующие ориентировки: СВ, ССВ, ЮВ, В и ЮЗ. В шести случаях ориентировка головы неясна.

В восьми погребениях объектов I, III, IV и VI зафиксирована искусственная деформация черепа.

На объектах, раскопанных в 1989-1990 гг., выявлены 19 погребений. На объекте А могильные ямы были впущены в глинобитные платформы высотой более 2 м. Внутри конструкций вскрыто 12 погребений, за их пределами в натечных слоях еще два. Объект Б на момент раскопок представлял собой курганообразное сооружение, в основе которого находилась округлая в плане платформа диаметром 5,2 м, высотой 1,7 м. Здесь обнаружены 5 погребений. Для всех умерших характерна одна поза: вытянуто на спине. По восьми погребениям отсутствуют данные об ориентировке головы, остальные не имели строгой ориентировки: С, СЗ, СВ, ССВ, ЮВ и В. Умерших хоронили с определенным набором сопроводительного инвентаря.

Б.Н Нурмуханбетов и вслед за ним – Е.А. Смагулов рассматривали сооружение как наземную конструкцию из пахсы, условно называя ее «погребальной платформой». Современный курганообразный холм, по мнению исследователей, образовался вследствие разрушения самого погребального сооружения (Бейсебаев, Нурмуханбетов, 2002, с. 104-110; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 68-69). Однако, судя по описаниям в публикациях, погребение № 7 объекта III, а также погребения № 21, 22, 23 и 24 объекта IV находились за пределами пахсовой платформы в материковом грунте или под насыпью «кургана», а погребения № 1 и 2 объекта VI – в надпахсовом песчаном слое. Из этих могил 4 являются простыми ямами, 1 – катакомбой, конструкция четвертой могилы не установлена. Отметим, что на объекте VI раскопки произведены лишь на ограниченном участке, поэтому точное количество впускных ям вне платформы неизвестно. По некоторым особенностям (ориентация головы костяка на СЗ, отсутствие инвентаря за исключением фрагментов сосуда), можно допустить, что погребение № 7 объекта III – более позднее, мусульманское. Что касается объекта IV и VI, то, учитывая идентичность некоторых погребений по конструкции и инвентарю, даже самые ранние захоронения здесь могли быть произведены уже после запустения сооружений, построенных на глинобитной платформе. Вероятно, за специально возведенные для могильника платформы были приняты платформы заброшенных построек, которые со временем превратились в невысокие бугры высотой 2-4 м.

Наибольший материал для исследования погребального обряда древнего населения дал некрополь *Коныртобе*, который расположен в 300 м к западу от городища Куюк-Мардан. Могильник представлял собой два невысоких холма, обозначенные как «некрополи Коныртобе I и II». Здесь курганным отрядом ЮККАЭ были исследованы 130 погребений. Материалы раскопок достаточно подробно опубликованы в виде статей и монографии (Байпаков, Смагулов, 1990, с. 20-27; Смагулов, 2005, с. 72-88; 2007, с. 137-140; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 12-69).

Погребальное сооружение интерпретировано исследователями как наземная постройка в виде искусственной платформы, сооруженной из пахсы. Платформа некрополя Коныртобе I углами была ориентирована по странам света. Длина ее сторон составляла около 20-25 м. Погребения совершались во впускных в нее ямах, в т.н. «склепах» из сырцового кирпича. Умерших хоронили с набором сопроводительного инвентаря. Вещи при них отличались в зависимости от возраста и пола покойных. Зафиксированы 15 случаев погребения покойного в керамических сосудах. Могильник датирован III-V вв. н.э. Анализ комплекса находок дал основание заявить об относительной синхронности погребений, несмотря на вариативность погребальных норм, таких как положение костей и случаи захоронения в хумах (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 39).

В обобщенном описании погребального комплекса Коныртобе Е.А. Смагулов интерпретировал погребальные сооружения как наземную постройку

в виде пахсовой платформы прямоугольных очертаний в плане (Там же, с. 63). В пахсовый монолит сверху «впускались» могильные ямы, на дне которых устраивался склеп из сырцового кирпича. Отметим, что, по утверждениям самих исследователей, во многих случаях сырцовые ящики не определимы. Они предполагают, что у части погребений стенки отсутствовали, а кирпичи перекрытий опирались на плечики ямы (Смагулов, Ержигитова, 2011, с. 151). Однако раскопщикам все же удавалось зафиксировать сырцовые выкладки могилы. К сожалению, размеры сырцовых кирпичей неизвестны.

Итак, на объектах Коныртобе I и II зафиксирован один тип погребальных сооружений: «склеп» из сырцового кирпича, впущенный в искусственную глинобитную платформу (рис. 5-2-3). Основным способом захоронения является индивидуальное трупоположение. Их количество составляет 110. Выявлено одно двойное захоронение. Оба костяки слегка изогнуты в пояснице на левый бок, ориентированы головой на ЮЮВ. Распределение погребенных по ритуальным позам демонстрирует, что умерших, как правило, хоронили в вытянутом положении на спине. В четырех случаях покойник лежал с согнутыми ногами. Скелеты не имели строгой ориентировки. Результаты подсчетов показывают, что среди погребенных доминируют лежащие головой на С, СВ, ССВ (34) и ЮЮВ, ЮВ, ЮВВ (30). 18 индивидов ориентировано на СЗ и ССЗ. В пяти погребениях зафиксирована искусственная деформация черепа.

Специфическим способом погребения на Коныртобе I были захоронения в глиняных сосудах, установленных на дне ямы. Всего их 15, три погребения взрослых людей, остальные детские. В основном сосуды оказались раздавленными. В пяти сосудах скелеты были неполными, а в некоторых сосудах сохранились лишь отдельные их кости. В некоторых случаях ямы с погребениями в хумах и хумчах частично разрушали, перекрывали погребения в сырцовых ящиках. Е.А. Смагулов считает их более поздними, чем «склепы» из сырцового кирпича, но относит их к заключительному этапу существования могильника. Хумные погребения на Коныртобе I, скорее всего, датируются уже VII-VIII вв. К этому времени относятся аналогичные погребения на некрополе Бесиншитобе, датировка которых подкреплена находкой бронзовой монеты, найденной вместе с погребенным в одном из погребальных хумов (Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, с. 72).

Полагаем, что ряд погребений Коныртобе I можно отнести к еще более позднему времени. Это безынвентарные погребения №№ 91 (1)⁵³, 93 (3), 109 (19), ориентированные головой на СЗ. В отдельных случаях они перекрывают погребения с инвентарем. В частности, костяк № 108 перекрыт конструкцией захоронения № 91. Погребение № 108 (18) ориентировано головой на СВ, руки на тазовых костях, ноги плотно прижаты. Разница в глубине залегания скелетов относительно нулевого репера составляет 0,5 м.

⁵³ В плане раскопок 2004 г. это погребение № 1.

В ряде случаев погребения с сопроводительным инвентарем перекрывают друг друга. Некоторые из них одинаково ориентированы, но расположены на разных глубинах от условного репера. Среди них есть погребения, отличающиеся ритуальной позой и ориентировкой головы. Известен случай, когда погребение с инвентарем (№ 103) перекрывает погребения без инвентаря (№ 112).

Исследован также могильник *Талтакай* (Мардан или Мазраты Мардан), расположенный в урочище Талтакай, в 2 км к северо-востоку от городища Жалпактобе и в 3,5 км к юго-западу от городища Куюк-Мардан. Могильник состоит из курганообразных, сильно оплывших насыпей, образующих 15 цепочек, вытянутых с запада на восток. В цепочках было от двух до пяти насыпей. В свою очередь, под насыпями находилось до нескольких десятков погребальных сооружений. Раскопки производил курганный отряд ЮККАЭ под руководством Б.Н. Нурмуханбетова в 1971-1974 гг. (Нурмуханбетов, 1976, с. 130-136; 1978б, с. 99-103).

Первые раскопки производились в трех цепочках и на одном из отдельно стоящих курганов. Из раскопанных 13 погребений хорошо сохранились лишь четыре конструкции, в которых были расчищены четыре непо потревоженных погребения с инвентарем. Сохранились только нижние части могильных ям. Способы захоронения во всех 13 погребениях одинаковы – индивидуальное трупоположение. В шести случаях ритуальные позы умерших не были установлены. Для остальных зафиксирована поза «вытянутое на спине», ориентировка головы на ЮЮВ. Исключение составляет одно погребение, где костяк был ориентирован головой на ЮЗ. Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами, предметами быта и украшениями. В детском захоронении найдено семь монет с квадратным отверстием в центре типа «у-шу».

Б.Н. Нурмуханбетов характеризует их как могильные сооружения в виде пахсовых склепов, сооруженных на песчаных буграх. Позже на основании новых материалов, полученных на этом же могильнике, выдвинуто предположение, что захоронения могли совершаться в узких ямах или сырцовых «склепах» на платформе. Первоначально материалы из захоронений не позволили датировать могильник более точно, хронологический диапазон охватил несколько веков, с I в. н.э. до VI в. н.э. Датировка была скорректирована находками монет «у-шу» и другого погребального инвентаря, сузив и удревнив дату функционирования могильника I в. до н.э. – II в. н.э. (Нурмуханбетов, 1978б, с. 103).

В полевых сезонах 2000-2004 гг. отряд ЮККАЭ продолжил исследования на могильнике. В общей сложности в Талтакае было выявлено более 30 погребений (Нурмуханбетов, Воякин, 2007, с. 140-148).

Основным способом захоронения здесь являлось индивидуальное трупоположение. В одном случае представлено захоронение ребенка в сосуде. В двух погребениях зафиксирована искусственная деформация черепа.

При раскопках могильников Отрарского оазиса найдены находки из разных материалов: керамики, бронзы, железа, кости, камня и др. Захоронения в большинстве своем были разграблены еще в древности. Но сохранились и не потревоженные погребения, среди них есть богатые с большим количеством украшений, оружием, глиняными сосудами. В бедных могилах вещей меньше и нет изделий из драгоценных металлов. В детских захоронениях, как правило, встречаются один-два глиняных сосуда.

В некрополе Кок-Мардан почти все могилы взрослых и детей имели сопроводительный инвентарь (рис. 5-2-4). Исключение составляют плохо сохранившиеся (разграбленные) погребения, некоторые детские и поздние могилы. Керамическая посуда была представлена кувшинами с носиками, кружками, чашами на трех ножках, миниатюрными сосудами, которые обычно встречаются в детских захоронениях. На стенках некоторых сосудов сделаны налепы в виде змей, имеются процарапанные тамгообразные знаки, прочерченные схематизированные изображения горных козлов.

В кокмардинский комплекс предметов вооружения входят железные трехлопастные наконечники стрел, сложные луки с костяными накладками, длинные железные мечи и однолезвийные кинжалы. Их клали в могилы довольно редко.

В захоронениях часто встречаются железные черешковые ножи, железные, бронзовые пряжки от кожаных ремней, бляшки, украшенные вставками цветных камней и зернью. Украшения изготовлены из разных пород камня, металла и стекла. Среди них каменные, металлические, стеклянные бусы, серьги и подвески со вставками из цветных камней, с гроздьями бронзовых или золотых шариков, гривны, сплетенные из проволочных дров, бронзовый медальон, украшенный вставками из прозрачного стекла и шпильки для скрепления волос. Бусы сделаны из сердолика, агата, гагата, горного хрусталя, стекла и стекловидной пасты. Характерно для могил Кок-Мардана и присутствие различных амулетов-подвесок: литые бронзовые фигурки козлов и птиц. Для инвентаря женских могил типичны такие предметы, как бронзовые зеркала, графитовые палочки-сурманташи, служившие для подкраски бровей и ресниц.

Разнообразен состав погребального инвентаря некрополя Коныртобе: керамическая посуда, железные ножи, наконечники стрел, мелкие бытовые и косметические предметы, пряжки, украшения, амулетные наборы, геммы и бронзовые пластины-нагубники (рис. 5-2-5).

В инвентарь захоронений входили преимущественно один, в редких случаях два сосуда, размещенные в ногах или у изголовья погребенного. Они изготовлены ручной лепкой. Наружная поверхность сосудов покрыта красным или темно-красным ангобом, часто залощена. Кувшины представлены двумя типами: яйцевидные с невысокой горловиной, с цилиндрическим носиком-сливом и с дугообразной пластинчатой ручкой; широкогорлые с короткой или высокой шейкой без носика-слива, с покатым туловом, с дугообразной ручкой. Кружки двух видов: шаровидные и грушевидные с петлевидной ручкой. Среди

них выделяются экземпляры с низкопосаженной ручкой и сосуды с ручкой, верхний конец которой крепится к венчику, кружки без ручек.

Пряжки (железные, реже бронзовые) от поясных ремней, железные ножи малых и средних размеров относятся к самым распространенным находкам в могилах. Ножи обычно находились в области пояса умершего, как правило – на тазовых костях вместе с поясной пряжкой. Встречаются массивные ножи крупных размеров, двулезвийные ножи-кинжалы, серпообразные ножи. На всех крупных ножах и кинжалах при расчистке отмечен древесный тлен от ножен, в некоторых случаях обнаружен белый тлен от костяной рукояти.

Железные наконечники стрел были трехперые, с ромбовидной головкой. Общая длина наконечников 6,2-7,8 см, длина головки 4-4,7 см.

Бусы изготовлены из разных минералов, смолистых веществ, металла, стеклопасты, керамики и фаянса. Самыми распространенными были сердоликовые, стеклянные разноцветные и коралловые бусы. Найдены также хрустальные, халцедоновые, янтарные, металлические, а также раковины *Sauri* (*Cowrie*), которые входили в «амулетный набор» (набор украшений и других специфически женских предметов, положенный в свернутом виде сверху погребенной). Изредка встречались стеклянные глазчатые бусы, халцедоновые, металлические и керамические бусы.

Бронзовые литые фигурки козликов-амулетов, бронзовые серьги и бронзовые «пластины-нагубники» являются частыми находками в могилах. Важной принадлежностью женского инвентаря были графитовые палочки-сурматаши, костяные и бронзовые заколки для волос, бронзовые зеркала, но они встречаются довольно редко. В единичных экземплярах встречены браслеты, цепочки. В комплекс редких предметов входят четыре геммы – резные камни из сердолика и халцедона. Они происходят из одного женского погребения.

Итак, материалы некрополей Кыркескен, Кок-Мардан Коныртобе I, Коныртобе II и Талтакай показывают, что в качестве могильника древнее население Отрарского оазиса использовало наиболее возвышенные участки, не затопляемые во время весенних паводков. Местоположение погребений на буграх, видимо, предохраняло их от размывания. Наряду с естественными возвышениями (могильник Кыркескен), использованы специально воздвигнутые пахсовые платформы (Кок-Мардан, Коныртобе, Талтакай).

Расположение отрарских могильников рядом с такими крупными городищами как Отрартобе, Куяк-Мардан, Кокмардан, Жалпактобе указывает на то, что они являются некрополями ранних поселений. Возможно, некоторые из них были использованы жителями оазиса после длительного перерыва.

Население здесь практиковало различные виды погребальных обрядов, и связанных с ними типы погребальных сооружений. Это отражается в способах захоронений, ритуальных позах и ориентациях головы умерших (табл. 1). За исключением могильника Кыркескен все известные до сих пор погребения являются впускными. Встречаются следующие основные типы могил: простая могильная яма без дополнительных конструкций, могильная яма в виде

сырцовых ящиков (т.н. «склепы-ямы», обложенные кирпичом),могилы в катакомбах. Если склепы «впущены» в искусственные пахсовые платформы, то третий тип сооружений исследователями были определены как катакомбы, устроенные в «теле» специально воздвигнутой искусственной платформы. В некоторых случаях зафиксированы могильные ямы с подбоем или нишей.

В катакомбах, могильных ямах и склепах похоронены как взрослые, так и дети. В ряде случаев в простые могильные ямы помещались хумы, в которых обнаружены кости детей и подростков, что позволяет допустить существование традиции погребения детей в керамических сосудах, но в более поздний период.

Как показывают приведенные данные, погребальные памятники района изучены весьма неравномерно. Наиболее хорошо изученными является некрополи Коныртобе и Кок-Мардан. По имеющимся материалам, могильник Кыркескен функционировал во II-IV вв., Кок-Мардан и Коныртобе - в III-V вв. Некрополь Талтакай исследователями датирован I в. до н.э. - II в. н.э. Для более четкой хронологии и периодизации погребальных памятников Отрарского оазиса необходимы тщательный анализ и типология форм всех категорий вещей. Потребуется также новый массив материалов, и их могут дать, прежде всего, археологические исследования.

Список иллюстраций

5.2.

Рис. 5-2-1. Могильник Кок-Мардан, объект № 3 (по Нурмуханбетов, 2011).

Рис. 5-2-2. Могильник Кок-Мардан, объект № 4. План и разрезы (по Нурмуханбетов, 2011).

Рис. 5-2-3. Некрополь Коныртобе I: план раскопа 2004 г. (по: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005).

Рис. 5-2-4. Кок-Мардан. Находки из погребений.

Рис. 5-2-5. Коныртобе. Находки из погребений.

Табл. 5-2-1. Распределение типов сооружений, способов захоронений, поз и ориентировок умерших по могильникам.

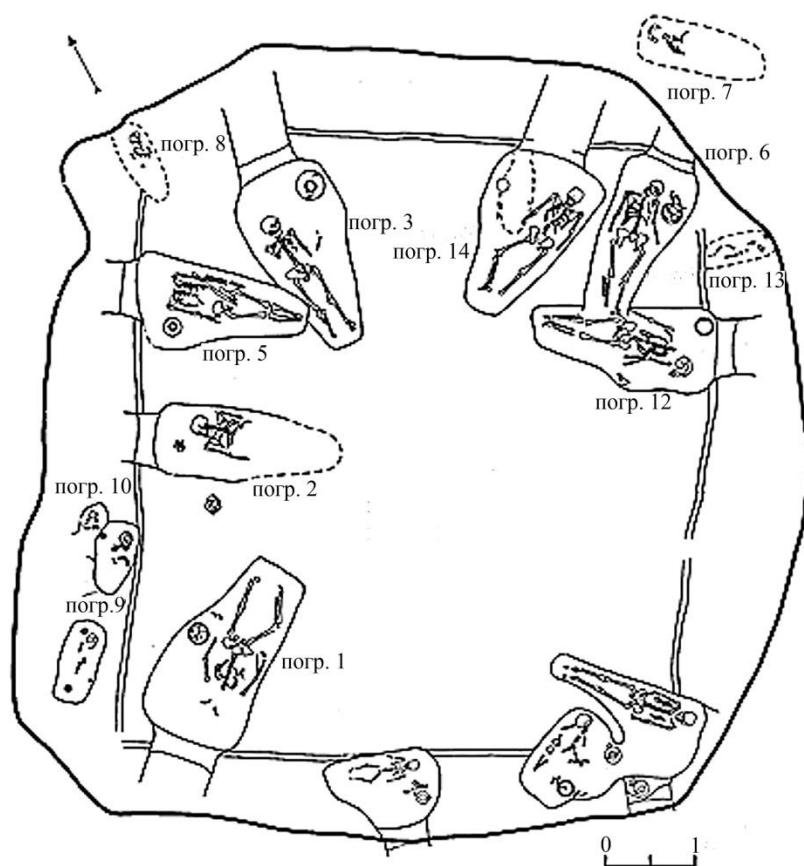
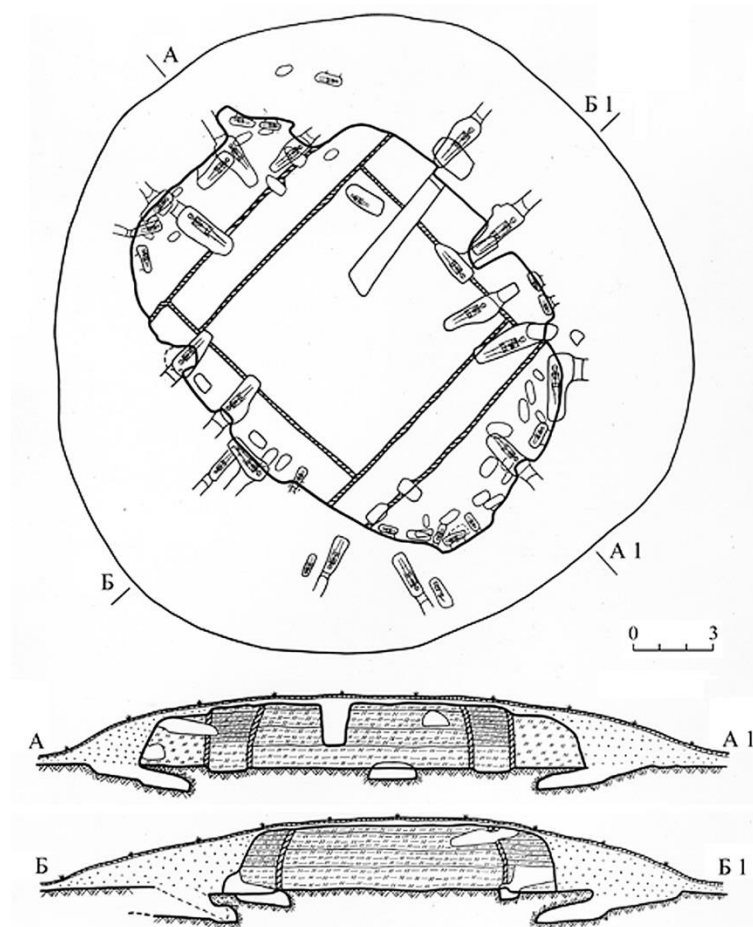

Рис. 5-2-1. Могильник Кок-Мардан, объект № 3 (по Нурмуханбетов, 2011).

Рис. 5-2-2. Могильник Кок-Мардан, объект № 4. План и разрезы (по Нурмуханбетов, 2011).

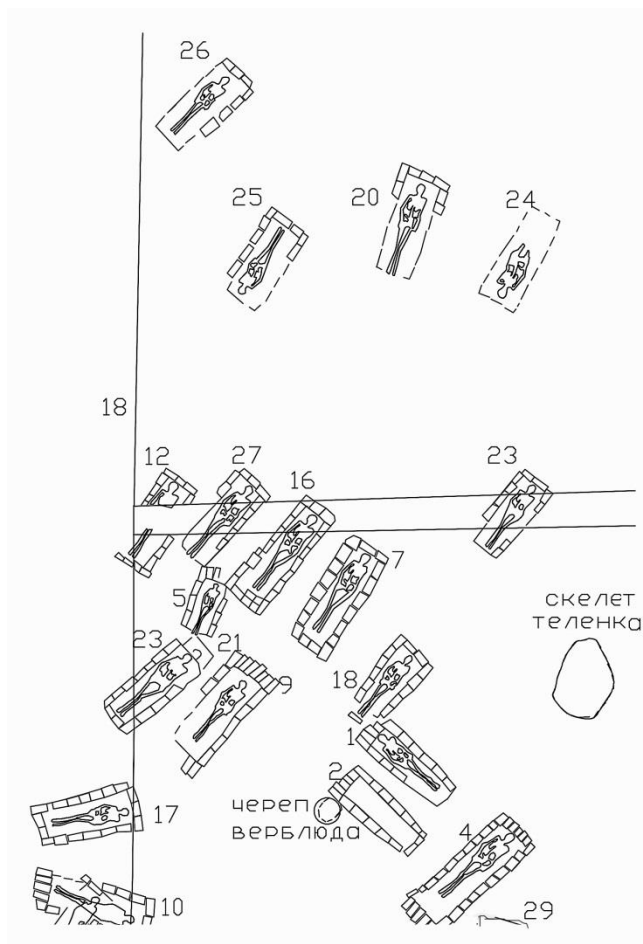

Рис. 5-2-3. Некрополь Кобыртобе I: план раскопа 2004 г. (по: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005).

Рис. 5-2-4. Кок-Мардан. Находки из погребений.

Рис. 5-2-5. Коныртобе. Находки из погребений.

сырцовых ящиков (т.н. «склепы-ямы», обложенные кирпичом),могилы в катакомбах. Если склепы «впущены» в искусственные пахсовые платформы, то третий тип сооружений исследователями были определены как катакомбы, устроенные в «теле» специально воздвигнутой искусственной платформы. В некоторых случаях зафиксированы могильные ямы с подбоем или нишей.

В катакомбах, могильных ямах и склепах похоронены как взрослые, так и дети. В ряде случаев в простые могильные ямы помещались хумы, в которых обнаружены кости детей и подростков, что позволяет допустить существование традиции погребения детей в керамических сосудах, но в более поздний период.

Как показывают приведенные данные, погребальные памятники района изучены весьма неравномерно. Наиболее хорошо изученными является некрополи Коныртобе и Кок-Мардан. По имеющимся материалам, могильник Кыркескен функционировал во II-IV вв., Кок-Мардан и Коныртобе - в III-V вв. Некрополь Талтакай исследователями датирован I в. до н.э. - II в. н.э. Для более четкой хронологии и периодизации погребальных памятников Отрарского оазиса необходимы тщательный анализ и типология форм всех категорий вещей. Потребуется также новый массив материалов, и их могут дать, прежде всего, археологические исследования.

Список иллюстраций

5.2.

Рис. 5-2-1. Могильник Кок-Мардан, объект № 3 (по Нурмуханбетов, 2011).

Рис. 5-2-2. Могильник Кок-Мардан, объект № 4. План и разрезы (по Нурмуханбетов, 2011).

Рис. 5-2-3. Некрополь Коныртобе I: план раскопа 2004 г. (по: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005).

Рис. 5-2-4. Кок-Мардан. Находки из погребений.

Рис. 5-2-5. Коныртобе. Находки из погребений.

Табл. 5-2-1. Распределение типов сооружений, способов захоронений, поз и ориентировок умерших по могильникам.

Раздел 6. Тамги Кангюя

Яценко С.А., Кулиш А.В., Смагулов Е.А., Торежанова Н.Ж.

Недавно тамги времени Кангюя на Средней Сырдарье, известные на 2018 г., стали предметом весьма детального анализа (в разделах по Южному Казахстану, Чачу; отчасти это касается и знаков поднеантичного времени на петроглифах Южного, Восточного и Центрального Казахстана) в коллективной международной монографии по гранту ЮНЕСКО, полученному через Международный институт центральноазиатских исследований (МИЦАИ) в Самарканде (Яценко и др., 2019, с. 142; рис. 2, 1-3; с. 162-179, 202-203).

Здесь нам нет необходимости повторять уже сказанное, и мы сосредоточимся на тех интересных материалах двух важных, недавно раскопанных памятников Кангюя (крепость Бака-тобе и укрепленное поселение Культобе Туркестанское), которые по различным причинам в монографию не попали.

На сегодняшний день фиксация тамг при раскопках там, где их находят сравнительно много на одном памятнике, все еще очень несовершенна во всем мире. В лучшем случае анализируется их совокупность в пределах большого раскопа, и хорошо, если по слоям. Характерный пример – работа такого внимательного исследователя знаков доарабского Чача (особенно – городища Канка), как Г.И. Богомолов, со знаками на керамике Канки (Богомолов, 2011, с. 97-104; табл. 1). Аналогично с 2005 года Е.А. Смагулов и С.А. Яценко рассматривали самую обширную коллекцию керамики со знаками для оазисов Средней Азии на городище Сидак под Туркестаном (интенсивно копавшемся по 2012 год) в рамках конкретных раскопок, лишь изредка обращая внимание на отдельные помещения с хумами, отмеченными тамгой. В полевой документации Г.А. Брыкиной по ферганскому Кайрагачу нам не без труда удалось в начале 2016 г. обнаружить три помещения, для которых обильный материал с тамгами хоть и не полностью, но был документирован (Яценко и др., 2019, с. 234; рис. 3).

Существуют объективные проблемы, мешающие выявлению тамг *по отдельным помещениям*. Так, большинство малых, прочерченных тонкой линией знаков обнаруживается только после мытья битой керамики на базе экспедиции, куда отобраны лишь профильные фрагменты: следовательно, уже на начальном этапе значительная часть материала с тамгами выбрасывается в отвал. Живя в разных государствах, соавторы Е.А. Смагулов и С.А. Яценко виделись лишь около месяца в летний полевой сезон. По приезду на базу экспедиции приходилось смотреть керамику конца предыдущего сезона, и выяснялось, что часть «малой» информации об уже выявленных, зарисованных и т.п. фрагментах керамики к этому моменту забывалась: ее не хватало времени зафиксировать. Кроме того, мы вообще долго (до работ над материалом Кайрагача в 2016 г.) не ставили трудоемкую задачу фиксации тамг

непосредственно по помещениям, и, как и все исследователи тамг с поселений, не понимали значения этого аспекта работы.

Гораздо проще вести документацию тамг *в некрополях*, которые состоят обычно из небольших закрытых комплексов, традиционно детально документируемых. Так, в крымском грунтовом скифо-сарматском некрополе Бельбек IV, благодаря тщательно проанализированному и обильному римскому импорту, выявляются на 200 лет использования 6 периодов, и анализ тамг на зеркалах и медальонах на их основе, а также по двум типам могил дал интересные результаты (Яценко, 2018, рис. 1-2).

6.1. Культобе Туркестанское

В этом смысле не стало, увы, исключением выявленное с 2010-2011 гг. небольшое укрепленное поселение Культобе эпохи «кочевой империи» Кангюй в южной части старого Ясы / Туркестана (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011; Смагулов, Ержигитова, 2013а; Смауглов, 2019 и др.) (см. разделы 4.2 и 4.3) (рис. 6-1). Сегодня, после пересмотра всего комплекса материалов, А.И. Торгоев датирует поселение Культобе в г. Туркестане уже не с рубежа н.э., как первоначально предполагалось, а со II в. н.э. до ее гибели в пожаре в середине IV в. н.э., и выделяет за эти два столетия шесть строительных периодов (см. разделы 4.2, 4.3). Активные раскопки слоев этого времени, давшие много изображений тамг на керамике (за двумя исключениями – оттиска печати и рисунка краской на хумах, это *граффити*, обычно нанесенные до обжига), продолжались, с перерывом по 2015 г., а во время работ 2017-2019 гг. знаки нами специально не изучались, т.к. их было найдено очень мало. К сожалению, необходимость описания этих меток по помещениям была сформулирована нами с опозданием. Все же для части тамг сразу же фиксировалась принадлежность к конкретному помещению, и это можно считать определенным достижением. В результате мы получаем *вполне представительную* выборку знаков на керамике раннего, кангюйского Культобе, которая анализируется ниже. Впрочем, и не привязанная надежно к малым объектам часть посуды с тамгами тоже может дать немало любопытной информации. Важно, что все достоверные, привязанные к помещениям находки знаков не выходят за пределы оборонительной ранней стены крепостной стены поселения (которая лишь в IV в. н.э. охватила практически всю его площадь), то есть не отмечены в его восточной части. Не было их выявлено и в *самой ранней постройке Культобе в форме креста* с закругленными углами 18 x 18 м с помещениями А, В и С внутри. Иными словами, на площади памятника тамги концентрировались *внутри более позднего укрепления* и находившегося внутри него прямоугольного *замка* с тремя башнями на торцах (в начале IV в. замок или «западный дом» был забутован, кроме помещения 13, имевшего отдельный вход с улицы), причем именно в некоторых группах его помещений, которые выделяются среди прочих и по иным причинам (рис. 6-2). Другая особенность распределения тамг заключается в том, что большинство их относится к поздним строительным периодам существования кангюйского поселения – 2-й половине III - 1-й половине IV вв. н.э. Но это еще не говорит о том, что знаков

таких типов не использовали в данной районе раньше. Заметим также, что в целом в культобинской коллекции знаков среди определяемых по помещениям сосудов преобладают самые крупные из них – хумы, которые, видимо, были более заметны работникам на раскопе (с знаками на горловине), тогда как среди «депаспортизованных» заметно преобладание кувшинов, обычно небольших (на них тамга наносилась чаще всего на тулове, а также на ручке и под нею). В Культобе на сосуде всегда изображалась одна тамга, и нет знаков в виде объемного налепа. Рассмотрим теперь находки по хронологии.

1. Ранние знаки II-III и III вв. н.э.

Особый интерес представляет небольшое помещение 13 в прямоугольном здании замка с двумя башнями на торцах. В нем под нижним полом найдена кушанская медная монета Хувишки. В верхних слоях (где перемешаны и синхронные и *более ранние* образцы керамики) обнаружены остатки трех хумов, два из которых – с тамгой (рис. 6-3). Однако можно вполне уверенно считать, что оба наших хума – раннего периода, т.к. их формы уже бытовали в европейской Сарматии, связанной с Кангюем, с начала-середины II до середины III вв. н.э.

Самое важное место во всей нашей коллекции, без сомнения, занимает знак № 2 (рис. 6-2) – самый «популярный» в этом поселении. Он найден только на хумах, причем пять раз (!); для четырех из них, увы, номера помещений не определены. На Средней Сырдарье он более не известен, но во II-I вв. до н.э. встречен в контексте особых петроглифов «постсакского» облика к востоку от оз. Балхаш – в долине Томар на хребте Тарбагатай (Яценко и др., 2019, с. 142; рис. 2, 10). С начала II до середины III вв. н.э. он хорошо известен европейским сарматам, будучи встречен на миниатюрных зеркалах-подвесках и краснолаковой миске в могилах сарматских женщин, выданных, видимо, замуж за нижнедонских меотов (Кобяково) или поздних скифов Крыма (Битак) (Яценко и др., 2019, с. 166).

Другая тамга (№ 3) принадлежала в Сарматии какому-то влиятельному клану кочевого происхождения: она четыре раза представлена в скоплениях (следах различных важных договоров, визитов и т.п.) тамг на каменных плитах из Танаиса и Пантикапея, и в глубине степи – на сарматской стеле из Кривого Рога. Во времена Кангюя известен сходный знак (зеркальное отражение по горизонтали) в сплошной вымостке пола из крупных черепков (неоднократно встречающаяся на Средней Сырдарье) в помещении 1 городища Пшакшитобе в ближайшем Отрарском оазисе (Байпаков, Авизова, 2017. С. 159-160; рис. 2, 4).

Однако настоящей загадкой является *странная совместимость* *обоих кланово-семейных знаков* как в одном помещении на соседних фрагментах хумов в Культобе, так и в европейской Сарматии в единственном некрополе в двух соседних могилах (Битак на окраине Неаполя Скифского в центральном Крыму) (Яценко, 2018, рис. 3, 1, 6). Возможно, представителей обоих кланов нечто прочно связывало...

Еще одним из наиболее ранних предметов с тамгой, относящихся к III веку, можно считать хум в дальнем углу пристроенного изнутри к первой

крепостной стене поселения помещения 42, обращенного к наиболее позднему т.н. пятиугольному двору (последний хорошо виден в центре аэрофото: помещение 39) (рис. 6-1). Соседние помещения 40 и 42 являлись хозяйственными постройками при замке, и какое-то время были единым комплексом. Знак отличается не только размерами и тем, что хум с ним долго стоял на полу помещения, но и тем, что это единственное *дипинти*: огромный знак в виде креста нанесен на нем весьма аккуратно, широкой полосой красной краски (рис. 6-6). И вторая тамга из этого комплекса тоже не является граффити, как все остальные на поселении: она была оттиском личной печати (помещение 40; см. ниже).

2. Знаки около рубежа III-IV вв. н.э.

Одна из находок происходит из любопытного и хорошо документированного комплекса – смежных помещений 5 и 5а. Последнее является внутрибашенным помещением юго-западной башни прямоугольного замкового здания («западного дома»), примыкавшего с юга к первоначальной крестовидной постройке с закругленными углами. Вдоль всех стен в обоих устроены суфы. На раннем полу, в ямах, вырытых с него, обнаружены остатки производства мастерской ювелира: материалы и бракованные изделия (см. раздел 4.3). В яме № 1 в помещении 5 был также обнаружен фрагмент фигурки идола. Еще одна головка идола с раскраской была найдена между полами в помещении 5а (Смагулов, 2014а, рис. 5, 5; 7, 4). На уровне второго пола планировка помещения 5 практически не изменилась, а в северо-западном углу была сделана загородка между суфами; в образовавшемся сырцовом «ящике» находился разбитый хум, на котором была одна тамга – небольшой простой крестик № 14 (такой же крест нанесен, как уже говорилось, огромного размера и краской на хуме же из помещения 42). Находка датируется, видимо, второй половиной III века. Этот же знак встречен и на паре фрагментов кувшинов, но помещения неизвестны. Хумы с таким крестом на горловине в кангюйское время есть и в других пунктах Сырдарьи (см., например, Актобе 2 в Чардаре: Максимова и др., 1968. С. 44. Рис. 17, 2).

Далее следуют находки из двух прямоугольных дворов (№ 3 в замке – «западном доме» и в помещении 40), которые не были крытыми, и внутри них располагались сезонные каркасные зимние полусферические жилища из прутьев, обычные до недавних пор у многих полукочевых народов (то же можно сказать и об одном участке к северо-востоку от крепостных стен). Они оставили на поверхности дворов множество следов неоднократной установки в виде ямок от опорных столбов.

Один из таких знаков выявлен в помещении 40, где тамгу № 37 видим на тазе-тагоре (она была найдена в мусорном сбросе) (рис. 6-5). Перед нами не обычное граффити, а оттиск на ручке небольшой квадратной печати (на остальных оттисках, размещенных на венчиках хумов, подчас по несколько в ряд, видим не тамгу, а изображение иного типа – стилизованный растительный побег, вписанный в круг). Другая находка (№ 31) сделана во внутреннем дворике прямоугольного здания замка, примыкавшего к ранней крестовидной

постройке (помещение 3). В центре двора были найдены втопанные в верхний пол под конец его бытования золотые бляшки. Знак прочерчен на ручке большого кухонного горшка.

Жившие в обоих дворах в каркасных зимних жилищах люди, как видим, метили тамгами редко употребляемую для этого посуду.

3. Знаки первой половины IV в. н.э.

Обратимся теперь к поздним тамгам, близким по времени к общему пожару. Они застали в середине IV в. гибель раннего Культобе (видимо, как и многих укреплений этого региона) от рук северо-западных кочевников.

Это только находки из одного, самого позднего большого домовладения (построенного незадолго до гибельного нашествия врагов), которое было названо условно «угловым домом». Он действительно находится в северо-восточном углу ранних укреплений поселка, примыкая к ним. По первоначальному мнению, Е.А. Смагулова, он состоял из пяти небольших помещений, образуя прямоугольник (пом. 21, 22, 24, 25, 26, 27). Однако сегодня, благодаря стратиграфическим наблюдениям, можно думать (см. раздел 4.2), что не только поздний пятиугольный двор (помещение 39), но и находящиеся южнее помещения 38 и 41, могли быть частью этого домовладения (видимо – хозяйственными). Здесь практически одновременно использовалась посуда с целой серией тамг (5 находок, 4 типа) (рис. 6-2; 6-4). В трех помещениях прямоугольной части домовладения найдены небольшие алебастровые идольчики, а также курильница со знаком № 39. В помещениях основного прямоугольника (в каких именно – неизвестно) документированы дополнительно три тамги: на хумах (№№ 4, 7) и на кувшине (№ 25). Еще одна тамга обнаружена на хуме в яме, вырытой с уровня верхнего пола двора и прорезавшей полуземлянку во дворе (помещение 39). Это та же тамга, что и на хуме из основного прямоугольника домовладения. Видимо, это и есть знак хозяев дома. Но что тогда означают в том же доме использовавшиеся практически синхронно разнотипные (несхожие) знаки собственности на трех других сосудах: подарки, личные вещи женщин, вошедших в эту семью из других, или что-то другое?

Если учесть и знаки из неизвестных помещений, то некоторые их типы найдены неоднократно, и при этом – на разных типах посуды – хумах, кувшинах и горшках (мы уже учли знаки №№ 14 и 25, которые неоднократно ставились именно на хумах). Это тамги №№ 10 и 29 в форме прямоугольников, разделенных в два ряда на 6 или 8 квадратиков (дважды встречалась и простейшая форма таких знаков из 4 квадратиков (рис. 6-7). Казалось бы, такие формы должны быть в I-IV веках во многих пунктах Средней Сырдарьи. Но на деле похожие тамги там точных аналогий нашим не имеют. Они появляются на керамике, когда Кангюя уже не стало – неподалеку в Сидаке и на Канке в Ташкентском оазисе (Яценко и др., 2019, с. 166, рис. 2, II; с. 216, рис. 2, III). Но при этом все три названные формы существуют в I-III вв. на сарматизованном Боспоре (Там же, с. 169).

Мы уже писали в 2017-2018 гг. об аналогиях простейшим по форме тамгам Культобе Туркестанского кангюйского времени в материалах раскопок А.Н. Подушкина (Байпаков, Подушкин, 1989, рис. 64; Подушкин, 2000, с. 38, 64, 94, 101) на Арыси: №№ 6, 7, 31; также - на поясе из Жаман-Тогая на окраине Чача: №№ 6, 13. В посткангюйское время такие аналогии есть на кирпичах Канки (№ № 4, 8, 9, 25, 30), на Ушбастобе (№№ 14, 25), единичные – на Жуантобе 2011 г. (№ 4) (Яценко и др., 2019а, с. 166-169), в кургане 1 2013 г. восточной группы Культобе Арысского (№ 7) и т.п.

6.2. Бака-тобе

Крепость Бака-тобе в долине р. Талас середины II – середины IV вв. н.э. – небольшое укрепление на северо-восточной окраине Кангюя (см. раздел 4.1). Оно расположено в Жамбылской области на границе песчаной пустыни Мойынкум. Здесь проводились исследования Тянь-Шаньской экспедицией Гос. Эрмитажа и Центрального музея Республики Казахстан. Найденные на небольших фрагментах тарной посуды (вероятно - флягах или хумче) тамги представляют большой интерес и во многом необычны для тогдашней Центральной Азии, и не только для нее.

Три фрагмента были найдены в разные сезоны: в 2016, 2018 и 2019 гг. и в разных местах крепости (рис. 6-8). Два из них, более крупных (2016 и 2018 гг. находения), хранят на себе следы копоти от пожара, в котором погибла крепость около середины IV в. н.э. Однако разбились сосуды перед самым пожаром: обгорели вскоре и изломы черепков. Уникальность этих знаков состоит в том, что они нанесены не палочкой и не лезвием, как обычно на сосудах этого региона, а, судя по характеру отпечатков – специальными небольшими *железными штемпелями для клеймения скота*, насаженными на деревянную рукоять (похожие изделия еще недавно использовались для мечения скота от Монголии до Кавказа и Ближнего Востока) (см., например: Яхтанигов, 1993) (рис. 6-11, 3).

Обратимся вначале к первому из фрагментов, обнаруженному в 2016 г. на полу нижнего этажа в обводном коридоре ограды западного угла крепости шириной 2,2 м (рис. 6-9; 6-10). Он сразу же обратил на себя внимание своей уникальной композицией. На сосудах (речь, видимо, идет о выпуклой, внешней поверхности большой фляги с лощеной поверхностью, где тамги наносились в ее центре) до обжига была нанесены исключительно аккуратно, видимо, *четыре знака, образывавших продуманную и симметричную композицию*. С такими мини-скоплениями тамг на одном портативном предмете иногда приходится сталкиваться и в археологических, и в этнографических материалах. Центром композиции были *два разных знака*, чьи оттиски очень тщательно размещены впритык, как бы продолжая линии друг друга (между ними есть лишь очень небольшой зазор). Таким способом, вероятно, подчеркивалась *некая близость* обоих хозяев этих тамг. Фрагментированные знаки, размещенные параллельно, выше и ниже упомянутой пары, при наложении их друг на друга, как выясняется, дают *оттиск одного и того же штампа* в форме S-видной тамги (обычно это означало присутствие на некоем

событии или ритуале двух представителей одного и той же фамилии или клана). Таким образом, в сохранившейся композиции представлены в ряд 4 знака. Судя по имеющимся в Евразийских степях того времени аналогиям, мы имеем дело с сохранившейся в целом композицией. Обычно подобная композиция из тамг представляла собой символ объединения нескольких больших семей или кланов или же – представителей неродственных групп для неких важных общих дел (договоров, военных союзов, совместных жертвоприношений и т.п.) (см. Яценко, 2001, рис. 24).

Для территории Кангюя симметричные композиции с тамгами встречались неоднократно в гравировках на камне, и там они строились вокруг стилизованной человеческой фигуры. Это плитка с городища Мингурюк в Ташкенте (Там же, с. 202-203, рис. 1 (2)) (рис. 6-12, 1) и фрагмент скалы в Бескепе, чуть западнее р. Талас (Там же, с. 170-179, рис. 5) (рис. 2-1). На соседним с Кангюйским государством территориях тоже известны позднеантичные композиции с несколькими тамгами, но там фигурирует уже знакомая нам «S»-видная тамга № 1, соединенная с двумя другими, идентичными тамгами по сторонам ее (что, вероятно, означало союз двух кланов). Этот уникальный знак (рис. 6-12, 2-3) известен в противоположных концах обширного Казахстана – в Чу-Илийских горах на западной границе Семиречья с петроглифами «постсакского облика» и у входа в город Каракабак на Мангыстау в скоплении сарматских тамг (Там же, с. 143, рис. 2, 4б).

Известные ли еще археологии позднеантичного времени такие оттиски или инструменты, их наносившие? Да, и такая находка пока – тоже единственная в своем роде. Это железный наконечник клейма, положенный в бронзовый римский таз, рядом с парадной уздечкой с золочеными бляхами. Он найден в низовьях Дона, в сарматском курганном некрополе Кирсановский III (курган 2), в потревоженной грабителями мужской аристократической могиле, относящейся к среднесарматской культуре, датируемой около рубежа I-II вв. н.э. и связанной с влиятельной группировкой ранних аланов, кочевавших на Нижнем Дону и, вероятно, как-то связанных в своем продвижении в Европу с Кангюем (Там же, рис. 1; Раев, 1979, рис. 2, 5) (рис. 6-10, 1-2). Понятно, что при клеймении получалось на теле животного зеркальное отражение формы клейма по горизонтали. Получаемый при оттиске знак является.... *тем же самым*, который оттиснут дважды на хуме из Бока-тобе (знак № 1), но примерно в три раза больше по размеру. Совпадения в начертании знака здесь касаются и ориентации в пространстве (основная ось горизонтальна). Судя по тому, что будет говориться далее, здесь вряд ли речь здесь идет о случайном совпадении... Итак, хозяином тавра был представитель клана, кочевавшего в низовьях Дона, где в это время, по Иосифу Флавию и Гегесиппу, проживали *аланы*. Случай помещения железного клейма (которое ежегодно было нужно для клеймения молодняка) в могилу пока совершенно уникален, и в данном случае это могло означать *прекращение мужской линии* в одной из ветвей данного клана.

В Сарматии есть один район, где также встречены такие знаки, и он очень компактен: *это Восточный Крым* в I–III веков н.э., отделенный от Бока-тобе примерно 2500 км расстояния напрямую. Все такие тамги изображены там в скоплениях-«энциклопедиях» – своеобразных мини-святилищах. Клан – хозяин такой тамги был явно знаменит в Сарматии: например, в самом крупном скоплении сарматских тамг на найденной в 1871 г. «писаной плите» из Керчи / Пантикапея, столицы Боспорского царства, с 480 знаками наша тамга № 1 расположена в самом центре композиции, крупная, на «почетном месте» и представлена там не одна: к ней примыкает такой же знак; два малых есть на периферии скопления. Эти знаки изображены как с горизонтальным положением основной оси, так и с разворотом знака на 90 градусов (вертикально) (Драчук, 1975, табл. XXXI–XXXIII). Там же есть знак № 3. Интересно, что тамги обоих типов представлены только на *основной поверхности* плиты, а не на ее торцах.

Когда эти знаки появились в Сарматии? Самая ранняя находка зеркального отражения знака 1 датируется там довольно точно. Речь идет о таком известном памятнике, как закладная плита из боспорской крепости Артезиан на Керченском полуострове. Здесь первоначальный ряд крупных, глубоко врезанных в ряд, одного размера, трех тамг, окаймляемых парой греческих монограмм. Интересующий нас знак высечен рядом со знаком первого правителя Боспора сарматского происхождения Аспурга (14–37 гг. н.э.), крупно и на почетном месте (Яценко, 2009, рис. 1). Вскоре, в середине I в., крепость, как известно, погибла. Видимо, клан со знаком этого типа был влиятельным уже в 20–30-е годы I в., т.к. поставлен в ряд с царским, и одного размера с ним. Эта тамга процарапана также на знаменитом ольвийском мраморном льве № 1.

Знак № 2 редок в Сарматии, но он встречен и на той же «писаной плите», на другой пантикапейской плите со скоплением сарматских тамг (№ 45 по Эллу Соломоник), где такие знаки наносились в четыре этапа, на последней стадии его вторичного использования – в первой половине в III в. н.э. (Яценко, 2002, рис. 1). Этот же знак высечен и в таком сакральном и в античности месте, как скала Ак-Кая (пещера-святилище № 2) (Соломоник, 1959, № 58). В посткангюйский период, до нашествия арабов, эта тамга еще бытовала в регионе. Так, она представлена в Сидаке (Туркестанский оазис). Там известен и знак в виде усложненной свастики. Показательно, что оба они (№№ 78 и 79 по сквозной нумерации сидакских тамг) были вырезаны именно на двух уникальных для этого памятника *штемпелях* для керамики (Яценко и др, 2019, с. 166, рис. 2, II).

Иными словами, все три знака на черепке сосуда имеют точные аналогии в Сарматии начала I – середины III вв. н.э., тесно связанной с Кагньюем, в восточных своих областях платившей ему дань.

Тамга № 1 представлена и на монетах одного из ранних хорезмийских царей (тип Т-6 по Б.И. Вайнберг). Остальные *знаки № 2 и 3* тоже бытовали в *античном Хорезме*, в зеркальном отражении (Яценко, 2001в, рис. 27–28).

Фрагмент 2018 г. (рис. 6-9; 6-10, 4, 6) не менее интересен. Это тоже фрагмент предполагаемой фляги и тоже с серией отпечатков клейм для скота. Он обнаружен в завале керамики, упавшей со второго этажа замка-донжона во время губельного пожара. На нем – тоже отпечатки клейм уже указанного типа, но очень различающиеся. На одном из них – практически полностью сохранившаяся редкая тамга. На другом – фигурка собаки с характерными стилизованными миниатюрными крыльями, сложенными в форме «^». Ближайшей аналогией такой иконографической схеме является знаменитый петроглиф из Жалтыракташа в верховьях того же Таласа (Шер и др., 1987) (рис. 6-9, справа). Это тоже собака в профиль, в движении и с крыльями той же формы. А.Е. Рогожинский склонен включать его в группу позднеантичных петроглифов региона, синхронных Кангюю (Яценко и др, 2019, с. 146-147) (см. раздел 7), и наше клеймо подтверждает эту догадку. Под и справа штампа с собакой, на краях черепка видны маленькие фрагменты краев, видимо, еще двух знаков. Похоже, речь идет также о симметричной композиции, когда три тамги окружали фигурку крылатой собаки.

Третий фрагмент округлой формы найден в 2019 г. не в крепостных коридорах и не на фляге. Он обнаружен во внутреннем открытом дворе между замком-донжоном и внешней крепостной стеной, принадлежал хумче или большому водоносному кувшину и попал туда до пожара (рис. 6-9; 6-10, 5). Хотя знак сильно фрагментирован, он с высокой долей вероятности воспроизводит уже упоминавшуюся выше кангюйскую тамгу найденную и в помещении 13 Культобе и на Пшакшитобе (рис. 6-2, № 1; 6-3, 1). Думается, клан или фамилия, которой он принадлежал, была достаточно влиятельной в данном регионе – от Отрарского оазиса до р. Талас. У европейских сарматов клан, владевший им, тоже явно был весьма значимым: тамга гравирована в 4 скоплениях тамг (см. выше) (Яценко и др., 2019, с. 167-168).

В целом на обоих укрепленных поселениях получены интересные результаты, которые будут полезны в работе с этим типом знаковых систем.

Список иллюстраций

Раздел 6

Рис. 6-1. Аэрофото ранней крепости Культобе Туркестанское, участок позднеантичной застройки, исследованный по 2014 г.

Рис. 6-2. Типы тамг по помещениям Культобе Туркестанского: I - хумы; II - кувшины; III - горшки; IV - кружки; V - тагоры; VI - котлы; VII - курильницы; VIII - хумчи; IX - фляги.

Рис. 6-3. Тамги на хумах из помещения 13 Культобе.

Рис. 6-4. Тамги из «углового дома» в Культобе.

Рис. 6-5. Тагора из помещения 40 Культобе.

Рис. 6-6. Хум из помещения 42 с росписью по ангобу в Культобе.

Рис. 6-7. Образцы наиболее распространенной серии знаков Культобе Туркестанского.

Рис. 6-8. Находки керамических фрагментов с тамгами и изображением крылатой собаки в Бака-тобе.

Рис. 6-9. Фрагменты фляг (2016, 2018 гг.?) и хумчи (2019 г.?) из Бака-тобе; аналогия зооморфному изображению, Жалтыракташ (по Я.А. Шеру).

Рис. 6-10. Элементы изображений на керамических фрагментах (верхний ряд); фрагмент сосуда 2016 г. из Бака-тобе: прорисовка; реконструкция композиции и типы тамг (нижний ряд).

Рис. 6-11. Сарматские и кавказские этнографические аналогии: 1-2 - Кирсановский III, курган 2 (план погребения и железное клеймо, по Б.А. Раеву); 3 – адыгские инструменты для клеймения скота (по Х.Х. Яхтанигову).

Рис. 6-12. Симметричные композиции с несколькими тамгами в Кангюе и на соседних территориях: 1 – городище Мингурюк (Ташкент); 2 – Чу-Илийские горы; 3 – каньон у города Каракабак, по З.С. Самашеву.

Рис. 6-1. Аэрофото ранней крепости Культобе Туркестанское, участок позднеантичной застройки, исследованный по 2014 г.

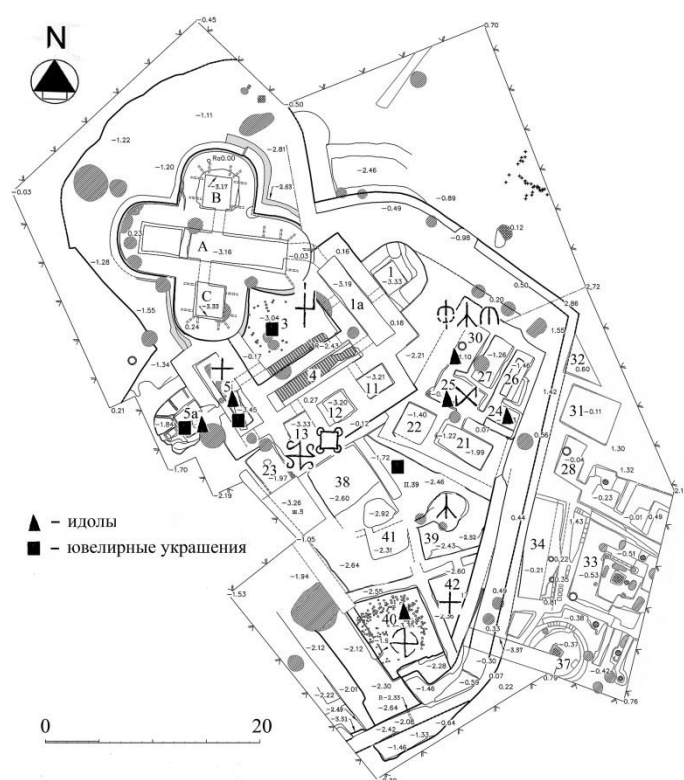

Рис. 6-2. Типы тамг по помещениям Культобе Туркестанского: I - хумы; II - кувшины; III - горшки; IV - кружки; V - тагоры; VI - котлы; VII - курильницы; VIII - хумчи; IX - фляги.

I	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
II	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
III	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41					

Рис. 6-3. Тамги на хулах из помещения 13 Культобе.

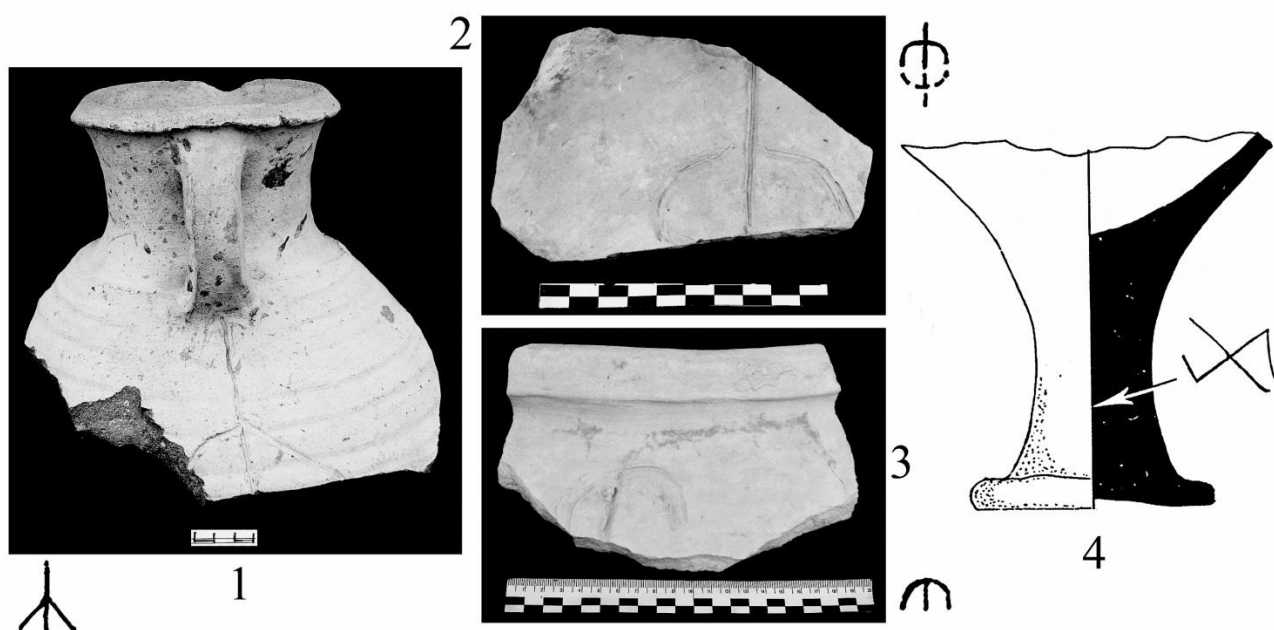

Рис. 6-4. Тамги из «углового дома» в Культобе.

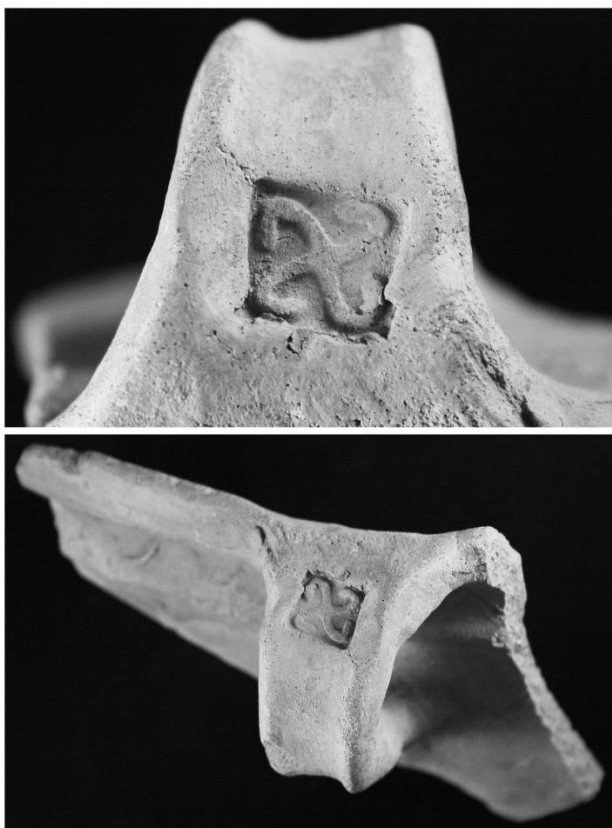

Рис. 6-5. Тагора из помещения 40 Культобе.

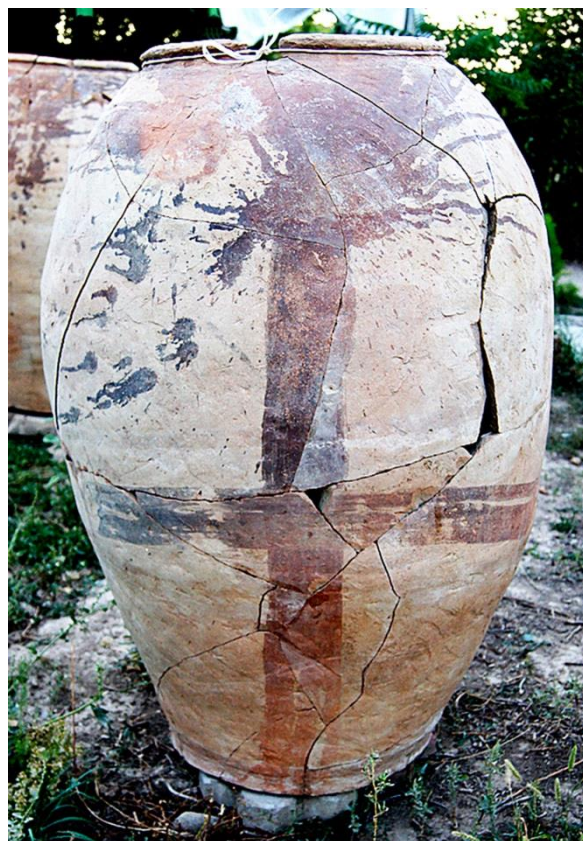

Рис. 6-6. Хум из помещения 42 с росписью по ангобу в Культобе.

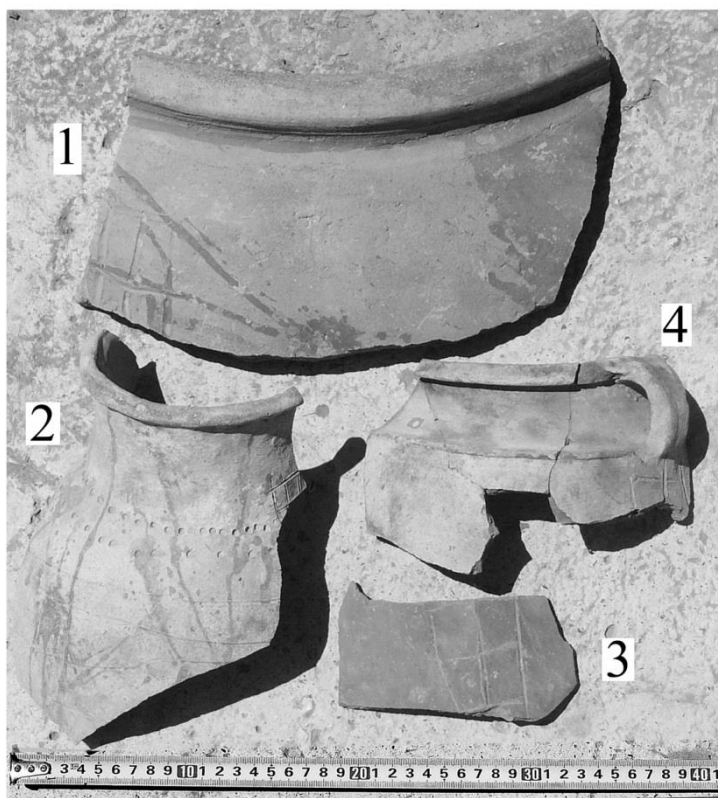

Рис. 6-7. Образцы наиболее распространенной серии знаков Культобе Туркестанского.

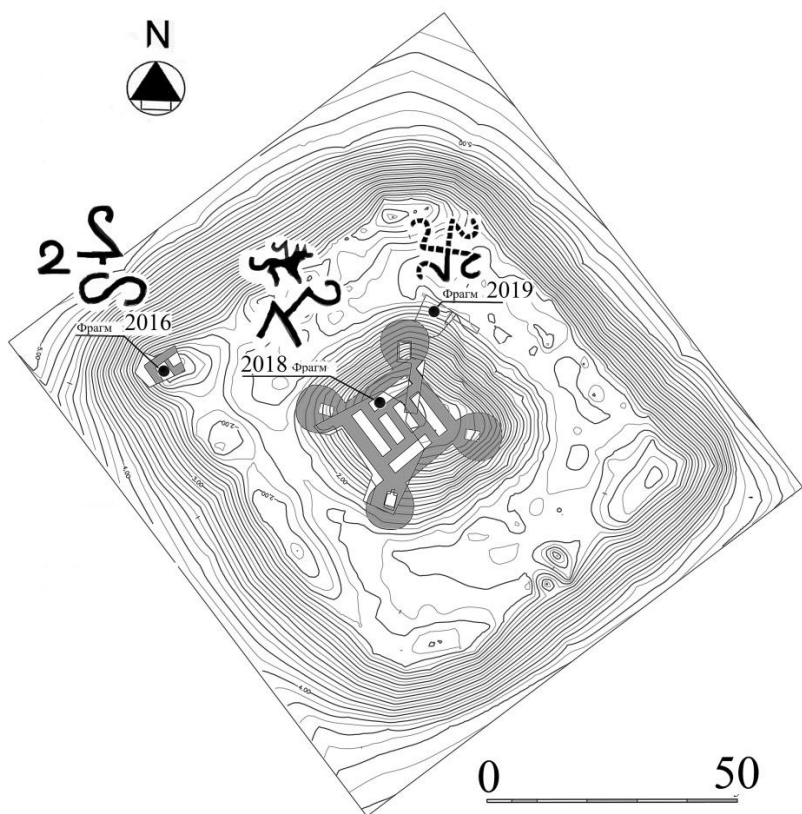

Рис. 6-8. Находки керамических фрагментов с тамгами и изображением крылатой собаки в Бака-тобе.

2016 г.

2019 г.

Рис. 6-9. Фрагменты фляг (2016, 2018 гг.?) и хумчи (2019 г.?) из Бака-тобе; аналогия зооморфному изображению (по Я.А. Шеру).

2018 г.

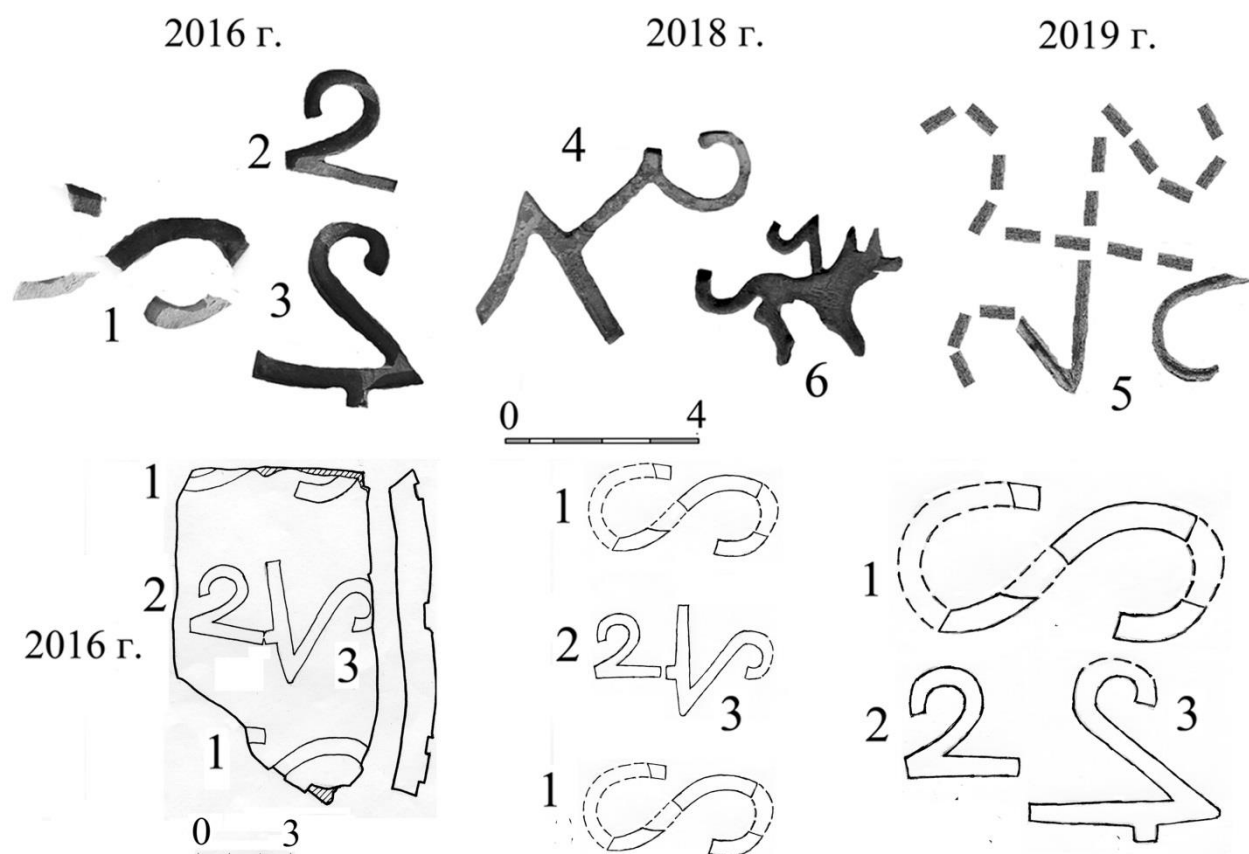

Рис. 6-10. Элементы изображений на керамических фрагментах (верхний ряд); фрагмент сосуда 2016 г. из Бака-тобе: прорисовка; реконструкция композиции и типы тамг (нижний ряд).

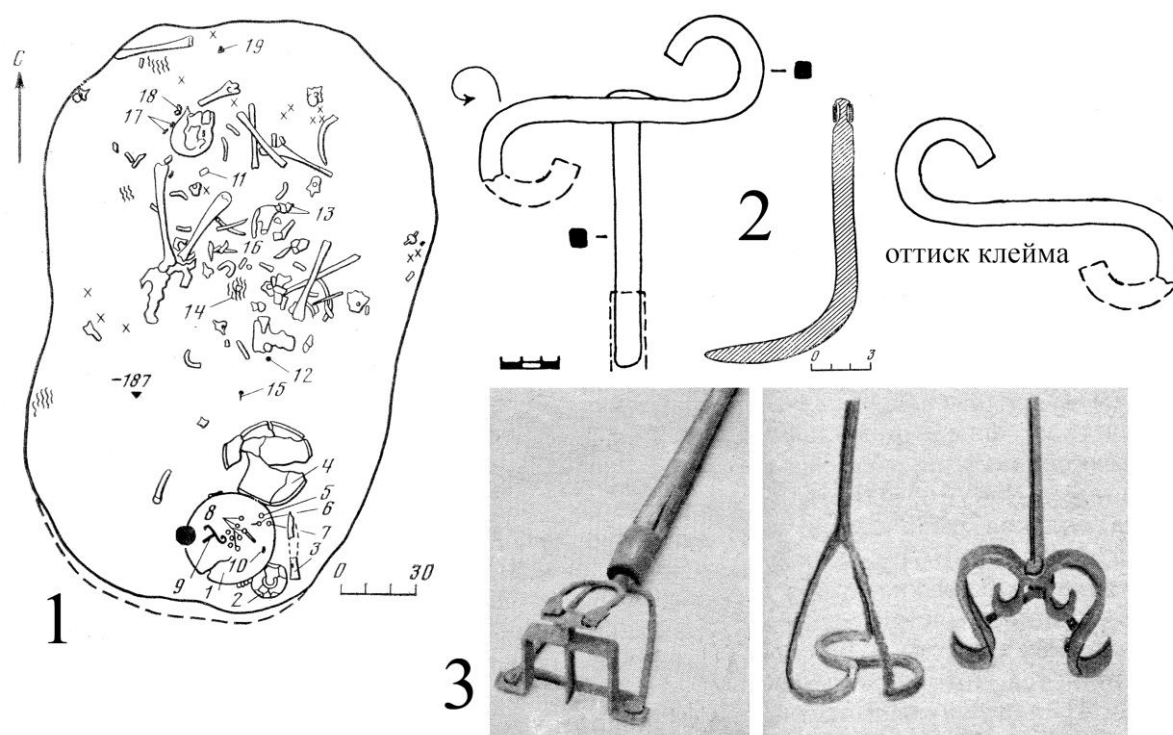

Рис. 6-11. Сарматские и кавказские этнографические аналогии: 1-2 - Кирсановский III, курган 2 (план погребения и железное клеймо, по Б.А. Раеву); 3 – адыгские инструменты для клеймения скота (по Х.Х. Яхтанигову).

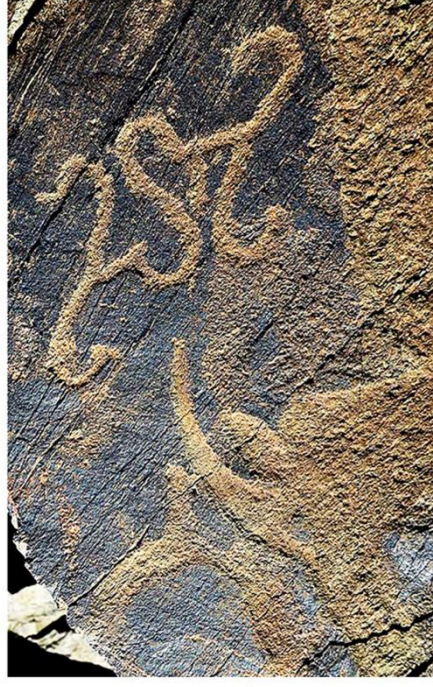
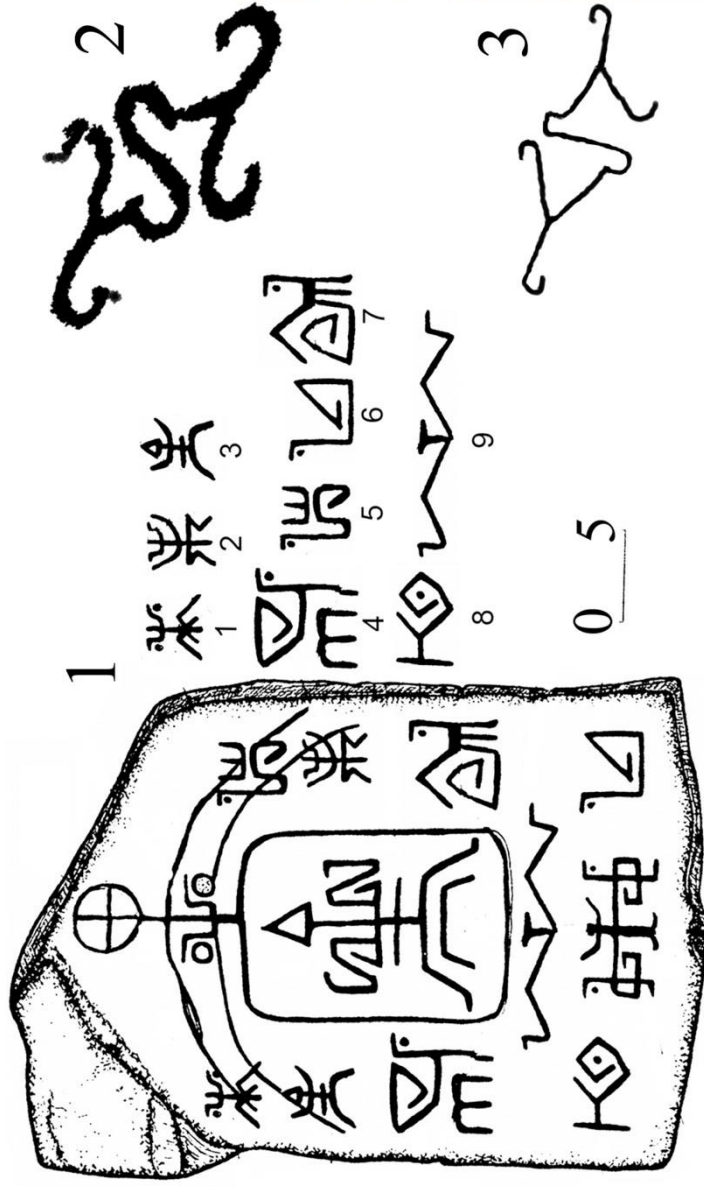

Рис. 6-12. Симметричные композиции с несколькими тамгами в Кангюе и на соседних территориях:
1 – городище Мингүрюк (Ташкент); 2 – Чу-Илийские горы; 3 – каньон у города Каракабак, по З.С. Самашеву.

Раздел 7. Наскальные изображения поздней античности

Рогожинский А.Е.

Сравнительно недавно методический арсенал археологии наскального искусства Центральной Азии пополнился еще одним приемом установления датировки и культурной принадлежности петроглифов, который основан на сравнительном изучении часто интегрированных в изобразительный контекст особых знаков идентичности типа тамга. Наряду с традиционными методами петроглифоведения, опирающимися на анализ техники, стратиграфии, иконографии и стиля рисунков, приемы тамговедения, а также изучение сопутствующей эпиграфики (в отдельных случаях и для определенных периодов) позволяют сегодня эффективно выявлять и атрибутировать крупные серии наскальных рисунков, вводя их в круг ценных исторических источников. Так, в минувшее десятилетие благодаря открытиям нескольких скоплений выразительных петроглифов с тамгами в восточных и южных областях Казахстана удалось выделить гравюры позднесакского изобразительного комплекса III–II вв. до н.э., которые связаны с перемещением из глубин Центральной Азии на запад различных групп племен в период начала возвышения хунну. Задача выделения памятников наскального искусства кангюйского времени на юге современного Казахстана и смежных областей Кыргызстана и Узбекистана прежде никогда не ставилась, и на этих страницах реализуется впервые. Разумеется, будущие исследования помогут дополнить, уточнить и расширить некоторые предлагаемые здесь атрибуции и интерпретации памятников, которые сегодня следует рассматривать как предварительные.

В горных областях Западного и части Внутреннего Тянь-Шаня, в Присырдарьинском Каратау к настоящему времени обнаружены десятки местонахождений петроглифов, в том числе весьма значительных по количеству рисунков и репрезентативных в отношении художественных качеств изображений разных исторических периодов. К сожалению, сохраняется неравномерность в изученности многих памятников и в документальном представлении изобразительных материалов; это ограничивает возможности типологизации петроглифов отдельных комплексов и сравнительного изучения хронологически близких групп рисунков разных местонахождений. К наиболее важным для нашей темы и относительно хорошо исследованным местонахождениям петроглифов данной области относятся Сауыскандык, Арпаозен, Кемер и ряд других пунктов в Каратау (Казахстан), Жалтыракташ в Таласском Алатау и Саймалыташ на Ферганском хребте в Кыргызстане. Памятники этой горной области рассматриваются как культурные ландшафты, потенциально содержащие различные материальные свидетельства, в том числе петроглифы, обитания здесь кочевого и полукочевого скотоводческого населения, входившего в объединение Кангюй. Фигуративные изображения и связанные с ними знаки идентичности – тамги-

петроглифы, хронологически и исторически относящиеся к населению Кангюя, выявляются на основе сопоставления с другими известными изобразительными памятниками и тамгами на предметах, которые происходят из строительных горизонтов городищ и некрополей последних веков I тыс. до н.э. – начала I тыс. н. э. в пределах того же ареала. Большое значение имеет возможность сопоставления художественных изображений и тамг-петроглифов с материалами памятников, лежащих далеко к востоку и западу за пределами исторического Кангюя: такие дальние аналогии помогают проследить во времени и пространстве перемещения обладателей сходных знаков идентичности и носителей определенных традиций изобразительного творчества.

Некоторые тамги-петроглифы и сопутствующие им рисунки, обнаруженные в Тарбагатае (Томар), Северном Прибалхашье (Калмакэмель) и Жетысуском (Джунгарском) Алатау (Ешкиолмес), уже подробно рассматривались в других публикациях и на страницах этой книги, поэтому здесь на их описании останавливаться нет необходимости. Следует лишь дополнить характеристику условий нахождения уникального граффито бегущего волка из Ешкиольмеса с тамгой на корпусе (Яценко и др., 2019, с. 152, рис. 3, 13) (рис.7-1), которая имеет единственную точную аналогию – на крупе коня с костяной пластины кангюйского пояса из Орлата (рис. 2-7, 1). Вблизи данного рисунка на смежной грани скалы в 2015 г. автором обнаружено второе граффито – изображение бегущего влево горного козла, которое по технике, крупным размерам (около 20 см) и манере рисунка имеет полное сходство с изображением волка. Более того, вблизи скалы выявлена определенная точка наблюдения, с которой обе гравюры видны одновременно и составляют, таким образом, единый сюжет: волк подстерегает добычу. Оба рисунка самобытны по стилю и точных аналогий пока не находят, но в целом обнаруживают сходство по технике и манере передачи движения с гравировками сцены охоты из Орлата; совпадение формы тамги с орлатской тамгой подкрепляет это мнение и позволяет датировать гравюры из Ешкиолмеса началом нашей эры.

Еще далее к северо-востоку, на берегах Верхнего и Среднего Енисея, обнаруживается еще один комплекс петроглифов и знаков, след от которого ведет на юго-запад к истокам Сырдарьи и Таласа. Замечательные находки предметов, отмеченных Н-образным знаком, а также выразительные зооморфные гравюры на поясных пряжках из могильников Ала-Тей 1 и Терезин, позволили исследователям выделить целую серию подобных изображений и знаков на памятниках Монголии, Тувы и Минусинской котловины, а самая удаленная аналогия отмечается на правобережье Сырдарьи, на окраине Чача (могильник Жаман-Тогай) (Килуновская, Леус, 2019). Большой интерес вызывает также серия петроглифов из Малого Баянкола и Усть-Тубы на Енисее, отличающихся своеобразной манерой выполненных контуром животных, также сопряженных с тамгами-петроглифами Н-образной формы. Авторы справедливо полагают, что речь может идти о «существовании определенного изобразительного канона, формировавшегося в среде племен,

живших в различных провинциях империи сюнну или находившихся под их влиянием» на рубеже нашей эры (Там же, с. 89). Благодаря этим исследованиям следы носителей данной своеобразной изобразительной традиции и обладателей подобных знаков идентичности выявляются и в западной части Центральной Азии.

Ближайшим пунктом, отмечающим передвижение на юго-запад создателей петроглифов подобного облика, является хребет Тарбагатай: в урочище Карсак в горах Доланкара здесь обнаружена одиночная композиция с наскальными изображениями конного лучника, поражающего стрелами двух оленей (рис. 7-2). Техника и стилистические приемы, использованные художником, вызывают ассоциации с рисунками Малого Баянкола, где Н-образные тамги нанесены на корпус одного из животных. К сожалению, петроглифы данного местонахождения не сопровождаются никакими тамгами.

Следующим звеном цепи вероятных перемещений обладателей знака, напоминающего «Н», являются горы Жельтау на левобережье р. Токрау в Северном Прибалхашье. Крупное скопление разновременных петроглифов обнаружено вокруг одной из древних горных стоянок, место которой занимают остатки казахской зимовки начала XX в. Комплекс петроглифов включает небольшое количество рисунков тюркского периода с тамгами в форме двух дуг, обращенных выпуклой стороной друг к другу. Наибольшую часть наскальных рисунков составляют маловыразительные изображения животных и людей, в отдельных случаях – это фигуры пеших воинов с длинными мечами и луком за спиной. Вблизи поселения на отдельных скалах имеются также выбитые тамгообразные знаки, которые по технике выбивки и по цвету патины выглядят древнее средневековых тамг-петроглифов, как и сопровождаемые ими другие рисунки. На небольшом удалении от этого скопления рисунков находится скала с целым собранием тамг-петроглифов. Среди них есть также тамги тюркского периода того же типа, но с дополнительными элементами. Однако более древнюю часть собрания знаков составляют тамги двух типов, которые отмечены и в скоплении рисунков возле стоянки. Дважды повторяется тамга в форме перевернутой заглавной «У»; три тамги второго типа выглядят как перевернутая набок «Н» (рис. 7-3) или римская цифра «I» с чрезмерно длинными параллельными линиями. Нельзя утверждать полную идентичность этого знака Н-образным тамгам Тувы, однако в целом такое сопоставление весьма вероятно, а относительный возраст этих тамг-петроглифов и всего комплекса рисунков, безусловно, старше знаков тюркского времени.

Самыми удаленными пунктами, где обнаружены небольшие серии Н-образных тамга-петроглифов, являются два крупнейших памятника наскального искусства Кыргызстана – Жалтыракташ и Саймалыташ. Всемирно известный высокогорный комплекс петроглифов Саймалыташ в Ферганском хребте, к сожалению, всё еще остается малоисследованным и детально представленным в качественных публикациях. Как исключение следует указать на издание большого фотоальбома «Археологический ландшафт Саймалуу-Таш», подготовленного кыргызскими археологами по результатам новейшего

обследования двух смежных местонахождений Саймалыташ I и II (Сулайманова, Жолдошов, Дуйшаналиева, 2016). К сожалению, даже в этом случае не все репрезентативные петроглифы представлены на страницах объемного издания, и автор проявляет здесь свою осведомленность о таковых только благодаря любезному содействию А.Т. Сулаймановой.

На местонахождении Саймалыташ I тамга в форме «Н» представлена трижды; в двух случаях знаки включены в состав более древних петроглифов, что не позволяет уверенно связывать их с теми или иными изображениями, невыразительные изображения козлов в третьем случае также оказываются не информативными. Здесь же встречено одиночное изображение тамги в форме «У» (рис. 7-4), теперь уже хорошо известной по находкам в составе постсакского комплекса петроглифов в Чу-Илийских горах и возле древней стоянки в Кемер на юго-востоке Каратау (Яценко и др, 2019, с. 142, рис. 2, 2). Возможно, с этими типами тамга-петроглифов в Саймалыташе связана многочисленная серия высокохудожественных изображений животных (быков, лошадей, козлов) в особой стилистической манере. Несомненно также, к петроглифам времени существования «кочевой империи» Кангюй относится изображение фантастического хищника с S-видным хвостом и рогами (рис. 7-5). Изображение имеет иконографическое сходство с известными гравировками фантастических животных из Жалтыракташа. На соседнем местонахождении Саймалыташ II обнаружено изображение тамги того же типа, что представлена на оттисках тавра на фрагментах сосудов из Бока-тобе (рис. 6-9; 6-10: 2016 г., № 2). Думается, эти уникальные находки позволяют уверенно говорить о присутствии в составе петроглифического комплекса на Саймалыташе представительной серии наскальных рисунков кочевников Кангюя в период расширения его территории до границ Ферганы.

В другом известном комплексе петроглифов, на Жалтыракташе, следует отметить присутствие Н-образной тамги в составе композиции с изображениями хищников и других животных, ранее соотносившихся всеми исследователями с раннесакской эпохой и художественной традицией. Однако присутствие здесь же Н-образной тамги (фото Айбека Султанова, источник: https://24.kg/agent_024/77772_mgnoveniya_jizni_talasskie_petroglifyi_iutrenniy_na_guin/), путь которой мы проследили от Саянского нагорья, позволяет иначе рассматривать специфические черты стиля в рисунках данной серии (рис. 7-6). Наибольшим сходством с данной серией петроглифов обладают изображения в зверином стиле, представленные в композиции на Сауыскандык на севере Каратау. Вероятно, эту группу изящных зооморфных рисунков также следует датировать началом I тыс. н.э., а происхождение особенностей художественного стиля искать в составе более обширного и репрезентативного комплекса наскальных изображений Жалтыракташа (рис. 7-7).

Список иллюстраций

Раздел 7.

Рис. 7-1. Ешкиольмес (рис. А.Е. Рогожинского).

Рис. 7-2. Урочище Карсак.

Рис. 7-3. Горы Жельтау.

Рис. 7-4. Саймалыташ I.

Рис. 7-5. Саймалыташ I.

Рис. 7-6. Жалтыракташ (фото А. Султанова).

Рис. 7-7. Жалтыракташ.

Рис. 7-1. Ешкиольмес (рис. А.Е. Рогожинского).

Рис. 7-2. Урочище Карсак.

Рис. 7-3. Горы Жельгау.

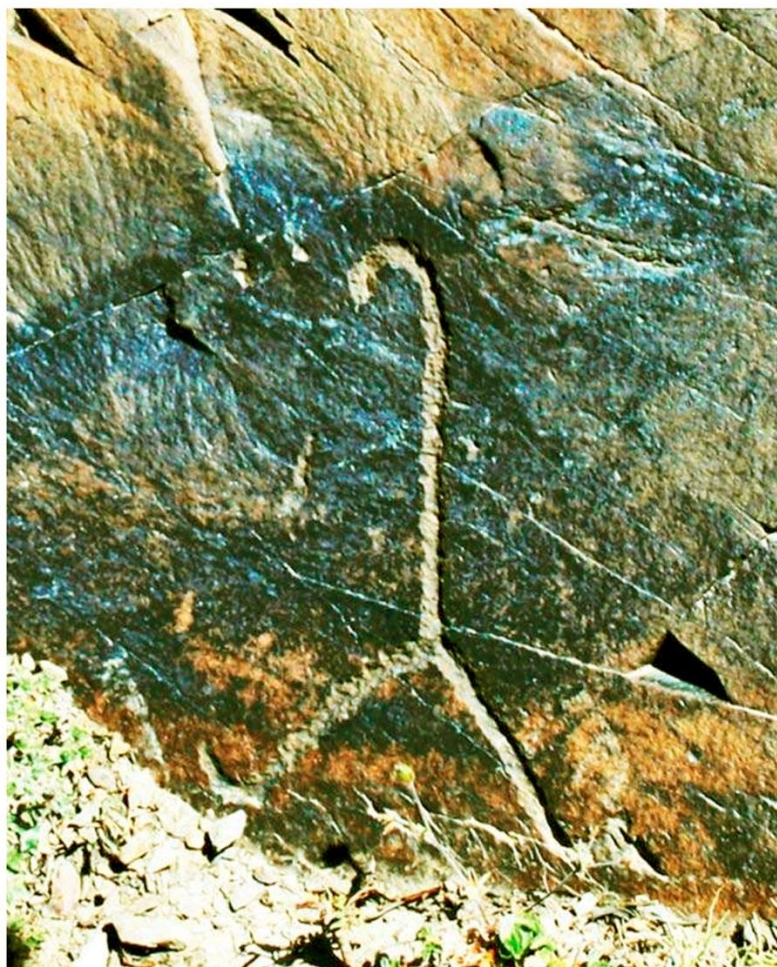

Рис. 7-4. Саймалыташ I.

Рис. 7-5. Саймалыташ I.

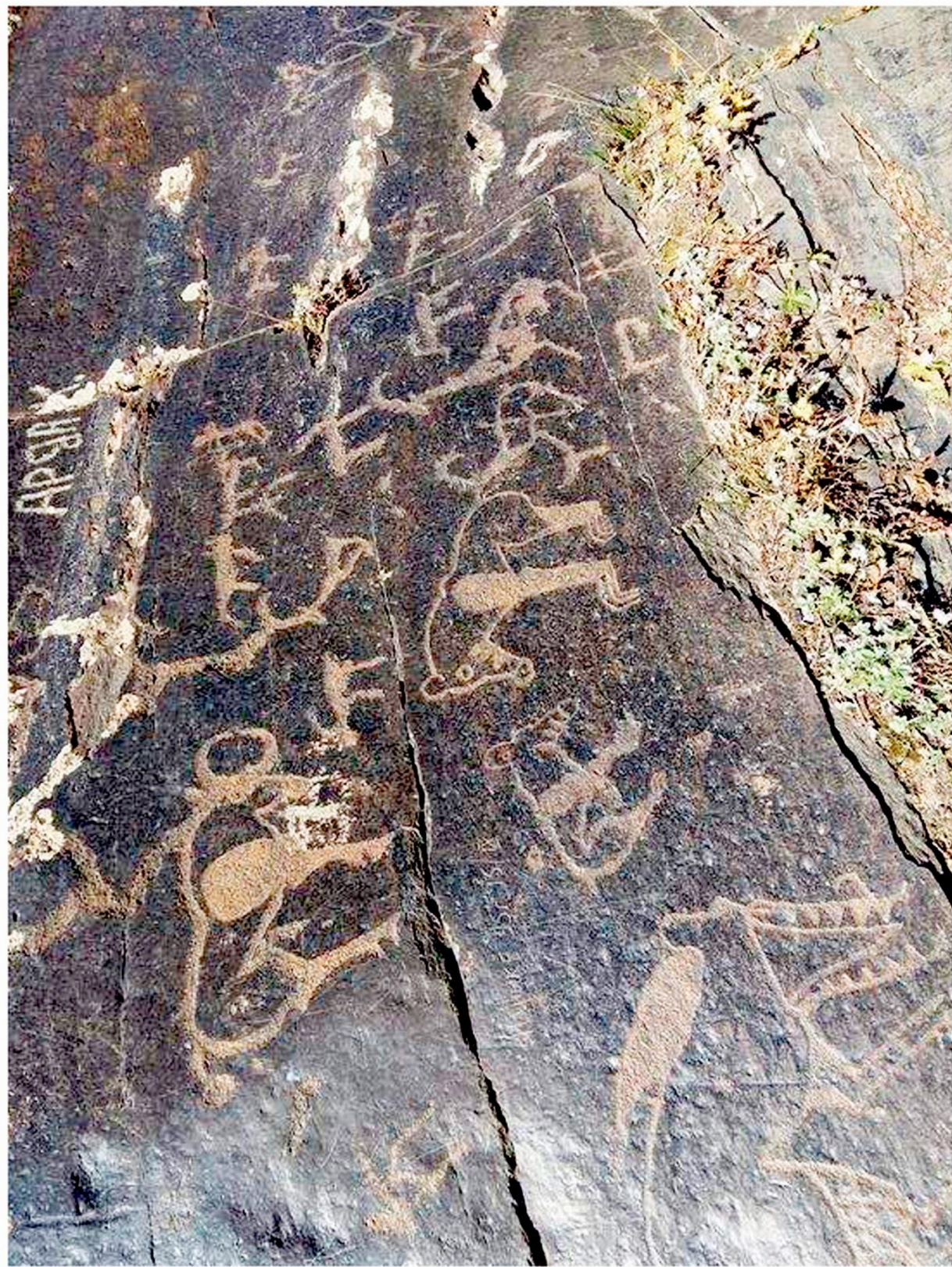

Рис. 7-6. Жалтыракташ (фото А. Султанова).

Рис. 7-7. Жалтыракташ.

Раздел 8. Исторические процессы на Средней и Нижней Сырдарье по данным палеоантропологии рубежа н.э. - III-IV вв. н.э.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.

Многочисленные могильники кочевников Южного Казахстана I-IV вв. н.э. приурочены к среднему течению Сырдарьи и бассейну реки Арысь. Эти памятники настолько многочисленны, что некоторые из них составляют огромные могильные поля, состоящие из курганов или цепочек памятников, часто переходящие один в другой. Весь рассматриваемый антропологический материал происходит из катакомбных частей этих могильников.

Памятники подобного типа в Южном Казахстане соотносятся с каунчинской, кенкольской, отраро-каратауской и джетыасарской археологическими культурами (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005). Также на основе памятников арысь-бадамского оазиса А.Н. Подушкиным была выделена арысская культура (Подушкин, 2000); впоследствии данная точка зрения подверглась критике (Смагулов, 2004; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005). Возможно, что перечисленные выше родственные культуры логично было бы объединить в одну культуру или общность с несколькими ее локальными вариантами. Все они связаны с единой культурно-хозяйственной зоной от низовьев Сырдарьи до Ферганы, для которой характерны оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки как ведущий тип расселения и слабо развитое ремесло (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005). Этнополитически рассматриваемые памятники находятся на территории древнего государства Кангюй и соотносятся с ним.

Еще одним сложным и дискуссионным является вопрос датировки комплексов всех перечисленных культур. Так, например, памятники кенкольского типа датировались от II в. до н.э. по V вв. н.э., но позже исследователи склонялись к датировке со II по IV вв. н.э. (Мокрынин, 2010). Подобная ситуация наблюдается и с другими рассматриваемыми культурами.

События последних десятилетий значительно уменьшили интерес многих исследователей к ярким памятникам, расположенным на сегодняшний день на значительной территории нескольких государств. Осложнялась ситуация также и отсутствием радиоуглеродных датировок (C^{14}) и неразработанностью сложных по объему археологических процедур соотнесения среднеазиатских комплексов с синхронными памятниками степной полосы Евразии (где вопросы датирования находятся на совершенно ином этапе развития). В настоящее время с ростом хоздоговорных работ в Южном Казахстане, развитием источниковой базы, сопровождающимися яркими находками, в том числе и графическими, а также письменными источниками увеличивают интерес к памятникам данного хронологического среза. В нашей работе мы придерживаемся датировки катакомбных частей могильников, соотносимых с

активностью государства Кангюй серед. I - серед. IV вв. н.э, т.е. они в значительной степени синхронны позднесарматскому времени.

История антропологического изучения населения региона связана с достаточно хорошей изученностью каунчинской культуры Ташкентского оазиса (Ходжайов, 1980), кердерской культуры в правобережье дельты Амударьи (Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008), и джетыясарской культуры (Кияткина, 1993а; 1993б; 1995; Ходжайов, Кияткина, 2002). Изучение антропологии памятников кенкольского типа проводилось на протяжении достаточно длительного времени (Жиров, 1940; Гинзбург, Жиров, 1949; Миклашевская, 1964; Перевозчиков, 1967; Тур, 1997 и др.). Изучение же населения первых веков нашей эры из памятников Южного Казахстана долгое время не проводилось, несмотря на достаточно хорошо изученные погребальные памятники региона. Одной из первой является работа М.М. Герасимовой и Н.А. Лейбовой, основанная на изучении небольшой краниологической серии из могильников Борижары и Чон-Капка 1 из раскопок А.А. Ержигитовой и Е.А. Смагулова. Авторами на основе краниологического и одонтологического анализа серия охарактеризована как европеоидная, имеющая аналогии среди синхронного населения региона (Герасимова, Лейбова, 2009). Также были исследованы и другие материалы из этих могильников (Китов, Ходжайов, 2012; Китов, Саипов, 2015). Всеми названными исследователями отмечалась смешанность населения в рассматриваемое время. Обсуждались вопросы наличия в некоторых сериях монголоидности в связи с возможными миграциями на территорию Средней Азии «сюннуских» и других популяций.

Также были изучены одонтологические и палеопатологические особенности на материалах могильника Борижары (Борижар). Практически во всех имеющихся случаях фиксируется неравномерная сточенность зубов на верхней и нижней челюсти. Повышенная стертость находит аналогии среди антропологических материалов джетыясарской культуры. Было высказано предположение об использовании зубочелюстного аппарата в специфической деятельности, связанной с выделыванием различных типов тканей (выделывание волокон растительного и животного происхождения). Население можно охарактеризовать как носителей южного грацильного одонтологического комплекса, широкого распространенного на территории Средней Азии. Состояние зубочелюстной системы позволяет сделать вывод об общем благополучном состоянии группы. Рацион питания группы можно охарактеризовать как разнообразный, включающий в себя, в том числе, и продукты земледелия, что подкрепляет предположения об оседлой земледельческо-скотоводческой экономике части населения древнего государства Кангюй. При этом фиксируется также и повышенное количество травм на костях посткраниального скелета (Китов, Китова, 2017).

За последнее десятилетие было накоплено и обработано значительное количество материалов из могильников на территории Южного Казахстана, которые являлись основной территорией древнего государства Кангюй. Это

могильники: Борижары (Борижар), Кылышжар, Культобе, Кайнар-Булак, Коныр-Тобе и др. (неопубликованные данные Е.П. Китова). Приведение краниометрических, одонтологических и других данных по могильникам, и в целом, по культурно-хронологическим периодам не представляется возможным, так как займет значительный объем и относится к сугубо узкому антропологическому исследованию. Все подробные данные приведены в работе Е.П. Китова, С.С. Тур и С.С. Иванова (2020, в печати).

Самая большая сложность при исследовании антропологических особенностей населения в рассматриваемый период, это – ограниченность возможностей краниологического анализа, т.к. по данному направлению собрана значительная сравнительная база. В нашем случае *мы имеем дело в основном с черепами со следами кольцевой деформации*. Если в обычном анализе мы сравниваем метрические и угловые характеристики черепной коробки, которая формируется на основе биологических особенностей, то ввиду вмешательства в естественный ход роста индивидуума - перематывания головы у ребенка (вследствие сложившейся традиции) это искажает биологическую основу. И в данном случае уже играют роль уже навыки носителя традиции придания новой формы черепа и длительность фиксации повязки у младенца. Эти установки и будут влиять на метрические и угловые характеристики, что значительно влияет на возможности сравнения серий между собой и практически лишает нас возможности применения одного из наиболее разработанного направления исследований в физической антропологии – краниологии.

Несмотря на то, что искусственная деформация черепа мешает в классическом направлении исследований, она сама по себе *является ярким проявлением наличия и распространения определенных традиций*, принятых в этот период. Таким образом, краниологические материалы дают еще один, независимый от антропологических особенностей популяций, источник исторической информации. В рассматриваемое нами время — это кольцевая деформация черепов, обусловленная практикой соответствующих обычаев. Вопрос о происхождении в Средней Азии традиции деформации головы и возможности использования ее в этногенетических исследованиях уже длительное время является предметом дискуссии. Неоднократно высказывалось мнение, что он может служить важным этническим признаком (Бернштам, 1940, с.26; Трофимова, 1959, с.65; Ходжайов, 1966, с. 60; Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 170; Заднепровский, 1971, с. 32; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 101; Тур, 1997; Китов, 2013; 2014; Ягодин и др., 2018; 2020; Китов и др., 2019 и др.).

На территории Центральной Азии первые находки древних кольцевидно сформированных черепов были сделаны при раскопках Кенкольского могильника, считавшегося тогда памятником сюнну. Местное среднеазиатское население, согласно имевшимся в то время палеоантропологическим материалам, до рубежа н.э. кольцевую деформацию головы не практиковало. На основании этого А.Н.Бернштам высказал предположение, что новый обычай принесли с собой сюнну с востока. «Как этническое происхождение, так и

социальное положение захороненных определяется деформацией черепа», - писал он по поводу кенкольцев (Бернштам, 1940, с.26). Несмотря на полное отсутствие следов обычая кольцевой деформации головы в местах исконного обитания сюнну, эта идея прочно утвердилась в научной литературе.

Самые первые палеоантропологические находки, которые не просто укладывались в «восточную» схему, но и содержали конкретные указания на возможность иных истоков этого явления, а именно, в среде местного среднеазиатского населения более раннего, сакского времени далеко не сразу получили должную оценку (Гинзбург, 1950, с.85; Бернштам, 1952, с.198; Гинзбург, 1954, с.368; 1957, с. 92; 1962, с. 216-218). Со временем, однако, стало ясно, что обычай кольцевой деформации головы, имевший широкое распространение в кангуйское и гуннское время, практиковался местным населением юга Центральной Азии уже с середины I тыс. до н.э. (Ходжайов, 1966; Трофимова, 1968). В ходе дальнейшего накопления краниологических материалов все явственнее проступает новое противоречие. Если поначалу немногочисленность, даже единичность находок кольцевидно деформированных черепов догуннского времени казалась результатом недостаточной палеоантропологической изученности среднеазиатского региона, то полученный в последующие годы в ходе широкомасштабных раскопок материал подтвердил реальность сложившегося ранее соотношения. Выяснилось, что, хотя кольцевая деформация черепа и встречается в Центральной Азии с середины I тыс. до н.э., но на протяжении ряда веков она остается довольно редким явлением и только в гуннское время внезапно и повсеместно становится массовой. В свете этих данных генетическая связь между единичными случаями кольцевой деформации на среднеазиатских черепах догуннского времени и массовым обычаем деформации головы в гуннскую эпоху ставится под сомнение. Возрождается интерес к «восточной» гипотезе (Ходжайов, 1980, с.164-165). Последняя, впрочем, так и не находит каких-либо подтверждений в палеоантропологических материалах. На сегодняшний день существует необходимость уточнения датировок комплексов, откуда происходят подобные черепа. Все больше данных о появлении ее именно с первых веков новой эры и дальнейшего ее массового распространения.

Анализируя динамику обычая кольцевой деформации головы, следует исходить из того, что антропологические и культурные признаки в качестве источников исторических сведений отражают действительность по-разному. Если появление какого-либо антропологического типа на той территории, где он не был зафиксирован ранее, всегда есть результат непосредственного переселения, то динамика культурных признаков определяется не только миграциями населения, она может быть результатом трансформации, влияния и т.п. (Дебец, Левин, Трофимова, 1952; Левин, 1961).

Кроме кольцевой деформации в Центральной Азии позднесарматского времени практиковались и другие виды искусственной деформации черепа - лобно-затылочная и теменная. Лобно-затылочная деформация, при которой

голова сдавливалась не по окружности, а лишь в передне-заднем направлении и приобретала совершенно иную форму, чем при кольцевом деформировании, появляется в последних веках до нашей эры. Наиболее ранние находки черепов с лобно-затылочной деформацией локализуются более компактно (курганы Сирлибайтепе - III—II вв. до н.э., Кошрабада и Орлата — II—I вв. до н.э., Тулхарский и Бабашовский могильники - II в. до н.э.-I в.н.э.) в южных районах Таджикистана и Узбекистана (Гинзбург, Трофимова, 1972, с.162; Кияткина, 1975, с.211-212; Ходжайов, 1983; Иваницкий, Иневаткина, 1988, с.59). Теменная форма деформации, при которой одностороннее давление производилось на теменную область черепа, отмечается в VIII-первой половине II вв. до н. э. на черепках саков Казахстана и Киргизии (Китов и др., 2019). Таким образом, немногочисленные находки самых ранних искусственно деформированных черепов в пределах центральноазиатского региона встречаются на значительном удалении друг от друга и связаны в своем происхождении с различными археологическими культурами. Отмеченные расхождения в форме обусловлены различным расположением давящих повязок, а иногда и фиксации ребенка в определенном положении. Речь может идти о разных вариантах самостоятельной реализации одной и той же идеи, как правило, заимствованной. Для людей, незнакомых с обычаями искусственной деформации головы, последствия сильного и длительного сдавливания головы младенца с помощью повязок или иных приспособлений, особенно отдаленные, не являются сколько-нибудь очевидными. Самостоятельная выработка знаний о том, что результатом подобного воздействия становится не болезнь, снижение интеллектуальных способностей или нарушения в поведении, а достаточно безопасное во всех отношениях изменение естественной формы головы. Сам процесс длительный и совершается в ходе соответствующей практики.

Можно предположить, что возникновению обычаев преднамеренной деформации головы способствуют некоторые обычаи, приводящие к небольшой непреднамеренной деформации головы в процессе ухода за новорожденными. Однако возникнув в одной локальной группе, представления о возможности целенаправленного изменения формы головы могут в результате даже относительно поверхностных контактов сделаться достоянием многих других групп населения, в том числе иноэтничных. Тем самым создаются определенные предпосылки для быстрого распространения обычая искусственной деформации головы на значительной территории. Предоставляется, что первоначально обычай искусственного изменения формы головы возникает все-таки в одной из локальных групп населения юга Центральной Азии в первые века до н.э. Затем идея о возможности придать голове причудливую форму и таким образом выделиться среди других становится известной в более широкой среде и заимствуется некоторыми другими группами населения, то есть, в свою очередь, становится новым источником распространения этих представлений.

Для последующего распространения любой инновации из всех ее функций наибольшее значение имеют две - утилитарная и престижно-знаковая.

Большинство культурных инноваций возникают как утилитарные приспособления и только позднее, совершив восхождение по ступеням социальной лестницы, приобретают престижно-знаковое значение, утрачивая при этом частично свою утилитарность (Арутюнов, 1979; 1985; 1989). Изменение естественной формы головы с помощью разнообразных деформирующих приспособлений не имеет никакой практической полезности. Необычная форма головы становится знаком для внешнего выделения людей, занимающих в общности какое-то особое, престижное положение. Таким образом, кольцевая деформация возникает как соционормативный обычай, по всей видимости в низовьях Сырдарьи на рубеже эр – в первом веке новой эры. В конце I-V/VI вв. н.э. кольцевая деформация головы становится массовым явлением. Количество деформированных черепов во многих сериях этого времени достигает 60-100 процентов. Понятно, что в этом случае деформация головы уже не может выполнять социально-различительную функцию. Но как отличительная черта всех членов данной группы может служить для внешнего выражения их единства и противопоставления в качестве такого единого целого другим общностям, деформацию не практикующим (противопоставление по типу «свой - чужой»). С течением времени степень деформации изменяется от слабой (едва заметной) к очень выраженной. Непосредственной причиной трансформации обычая кольцевой деформации головы становится, возможно, интенсивное смешение населения, начавшееся в эпоху великого переселения народов. Для территории бассейна реки Урал кольцевая деформация черепа представляет собой уже этнический маркер, так как встречается на черепах у 100% населения (Китов, 2013; Китов, Хохлов, 2010). Функционирование обычая кольцевой деформации головы в новом качестве этноразличительного признака может быть относительно непродолжительным в силу того, что заимствование культурных явлений престижно-знакового характера от одной культуры этноса к другой может приобретать цепной характер. Например, культура кочевников в силу причин политического или конкретно исторического характера может восприниматься как престижная различными слоями более развитых оседлых обществ (Арутюнов, 1989, с.186-198). Первыми новые «модные» веяния кольцевидно деформировать голову для того, чтобы придать ей более "красивую» форму, будут усваивать опять же социально-престижные слои.

Анализ различных типов деформации на территории древней и средневековой Средней Азии, проведенный Т.К. Ходжайовым, привел его к выводу о том, что «теменная и лобно-затылочная деформация могут иметь этнический характер. Что касается кольцевой деформации, то здесь еще много неясного, поэтому трудно однозначно ответить: является ли она этническим или социальным признаком» (Ходжайов, 1981. с.40). Возможно, такое взаимоисключающее противопоставление значений «этнический» и «социальный» не совсем верно, и не только по отношению к обычаю кольцевой деформации головы. Во-первых, как уже отмечалось, обычай этот может менять свои знаковые функции с течением времени. Во-вторых, многие

элементы, объективно отличающие одну этническую культуру от другой, функционируют лишь в пределах определенных социальных слоев, являясь тем самым одновременно и социально-различительными признаками. Наконец, один и тот же культурный элемент может иметь этническое значение в одном случае и не иметь его в другом (Бромлей, 1973, с.66).

Социально-различительная функция обычая кольцевой деформации головы в археологических материалах непосредственного подтверждения не находит. Обычно в пределах одного могильника кольцевидно деформированные черепа наряду с недеформированными встречаются как в богатых, так и в бедных захоронениях. Аналогичным образом деформированные черепа наряду с недеформированными находят и в таких могильниках, в материальной культуре которых имущественное расслоение не выявляется. Это свидетельствует о том, что искусственная деформация головы используется для обозначения социально-престижного статуса некоторых членов общества, не связанного с их экономическим положением. Выделение рангов, различающихся по социальному престижу в зависимости от происхождения (сословия), сохраняется и в имущественно-дифференцированных обществах (люди «знатного», «благородного», «аристократического» и «простого» происхождения). Как знак принадлежности к знатному роду может быть истолкована искусственная деформация головы (кольцевая или лобно-затылочная) кушанских царей, которая устанавливается по их официальным изображениям на монетах (Трофимова. 1968, с. 168-169). Еще более интересная в этом плане находка была сделана в царском некрополе Тиллятепе в Северном Афганистане (Сарианиди, 1989. с. 114-130). Женский череп из погребения 6 (начало I в. н.э.), с которым мы имели возможность ознакомиться в Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН, имеет очень сильную лобно-затылочную деформацию, точно такую же, как на некоторых черепах из Тулхара. В Тулхарском могильнике выделяются несколько обособленных групп курганов. Черепа с лобно-затылочной деформацией составляют только 15% рот общей численности тулхарской серии и встречаются лишь в трех из 8 курганных групп, давших краниологический материал. В одной из них лобно-затылочную деформацию имеют 22,2% черепов, в другой - 28,6%, в третьей - 50,0% (на одном из двух черепов). Связи лобно-затылочной деформации с типами могильного сооружения и другими элементами погребального обряда не обнаружено. Только у женщин из первой курганной группы (самой многочисленной) лобно-затылочная деформация коррелирует с положением костяка (Кияткина, 1976, с.117-125). Все это побудило Т.П. Кияткину отказаться в данном случае от оценки лобно-затылочной деформации как этнического маркера (Кияткина, 1991, с. 16-17). Население, оставившее Тулхарский могильник, в расовом отношении было неоднородным. Разные морфологические компоненты не связаны с той или иной группой курганов, но выявляются отчетливые параллели между антропологическим типом и лобно-затылочной деформацией, которая отмечается только на брахикранных черепах

с высоким и широким лицом, причем не на всех, а лишь части из них. Недалеко от Тулхарского могильника расположен могильник Аруктау, сходный с ним археологически, но не давший черепов с лобно-затылочной деформацией. Различаются эти могильники и по антропологическому составу погребенных (Кияткина, 1961). Сопоставив все эти факты трудно согласиться с тем, что лобно-затылочная деформация головы у кочевников, оставивший Тулхарский могильник, была знаком принадлежности их к этнической общности, которую «пока невозможно идентифицировать с каким-либо этносом, известным по письменным источникам» (Ходжайов, 1983, с. 38). Более вероятно, что она служила для выделения значительно более мелкого социального подразделения и была знаком принадлежности к знатному кочевому роду, к которому могли принадлежать также будущие правители Кушанского государства и царица из Тиллятепе. Череп из Тиллятепе очень сходен морфологически с высоколицыми черепами из Тулхара и Чирик-Рабата. Взяв за основу черепа из могильника Чирик-Рабат, можно сделать вывод что на территорию Приаралья приходит группа определенного социального статуса, которая дает толчок для передачи традиции деформации черепа широким слоям общества и впоследствии трансформируется в кольцевую в промежутке от первых веков до н.э. к первым векам новой эры. На территории Южного Казахстана традиция искусственной деформации черепа кольцевого типа распространяется постепенно и фиксируется на начальных этапах смешения на 60 % черепов и увеличивается с течением времени. Это связано с механическим смешением на первых этапах (конец I – начала II вв. н.э.) и при смешения биологическом, видимо, происходит перенимание традиций и как следствие – увеличение процента деформированных черепов.

На территории Киргизии обычай кольцевой деформации головы получает широкое распространение среди кенкольцев и населения культуры катакомбно-подбойных погребений. Кольцевидно-деформированные черепа составляют: в Таласе - 52,8% у мужчин, 73,0% у женщин; в Чуйской долине - 87,5% у мужчин, 93,3% у женщин; в Кетмень-Тюбе - 79,2% у мужчин, 83,3% у женщин; на Алае - 83,3% у мужчин, 87,5% у женщин; во Внутреннем Тянь-Шане - 51,1% у мужчин, 68,6% у женщин. На территории современной Киргизии встречаются две разновидности кольцевой деформации - наклонная, или конусовидная, и башенная. Большинство деформированных черепов характеризуются конусовидной формой. Башенная деформация имеет распространение только в Кетмень-Тюбе и отмечается, главным образом, на черепах из могильников Алмалуу и Кызыл-Джазы. Помимо случаев, приведенных в данной работе, башенная деформация регистрировалась в ходе раскопок и на других черепах из Алмалуу и Кызыл-Джазы, не взятых из-за плохой сохранности для антропологического исследования, но сведения о которых сохранились в полевой документации (Кожомбердиев, 1968). Единичные черепа башенной формы были найдены также в Таласе (Кенкол, Кара-Буура) и во Внутреннем Тянь-Шане (Баския II). Появление их за пределами Кетмень-Тюбе следует считать результатом расселения кочевников из этого района (Тур, 1997).

Возможно, различия в форме деформации обусловлены разными хронологическими периодами и связаны с трансформацией изменения деформации от слабой к сильновыраженной, башенной.

Появление в кенкольской культуре обычая кольцевой деформации головы связано с пришлым долихокранным населением. В связи с этим «следует обратить внимание на то, что на территории Центральной Азии кольцевидно деформированные черепа не всегда происходят из катакомбных или подбойных захоронений, однако этот обычай, практикуют все длинноголовые группы, антропологически сходные с пришлым населением в составе кенкольской культуры. По-видимому, преимущественное распространение обычая кольцевой деформации головы среди долихокранного населения следует поставить в связь с широким распространением обычаев подчеркивать, усиливать ту или иную характерную расовую черту, на что обращает внимание Л.В. Ошанин. Опрошенные им туркмены, практикующие кольцевую деформацию черепа, объясняли смысл этого обычая следующим образом. Поскольку у туркмен удлиненная голова, они стремятся подчеркнуть эту особенность, чтобы их не путали с другими народами. Чем длиннее голова, тем «чище» туркмен, тем яснее его принадлежность «по крови» к туркменскому народу (Ошанин, 1959, с. 30-32). Материальная культура кенкольцев Таласа достаточно однородна. Обычай кольцевой деформации головы - единственный элемент культуры, который четко разграничивает население местного происхождения и пришельцев. В обязательном порядке он практикуется также в метисных группах. Все это свидетельствует о том, что даже в условиях полной культурной ассимиляции с пришельцами, потомки местных саков осознавали свое иное происхождение, своеобразным внешним знаком которого служила «нормальная» форма головы. Однако на позднем этапе существования кенкольской культуры подобные представления о происхождении, видимо, уже утрачивают свою актуальность, и обычай кольцевой деформации головы получает распространение не только в метисных группах, но и среди кенкольцев – потомков местных саков.

Примерно такая же ситуация складывается и в районах Внутреннего Тянь-Шаня, куда проникают кенкольцы и где они сталкиваются не только с местным населением - потомками саков, но и с пришлыми кочевниками иного антропологического облика и, судя по всему, иного происхождения. Местное население Тянь-Шаня, культурно ассимилированное кенкольцами, обычай кольцевой деформации головы у них не перенимает. Но в группах метисных по происхождению он получает распространение. Иначе ведут себя пришельцы предположительно центральноазиатского происхождения. В процессе культурной ассимиляции с кенкольцами они быстро усваивают и их обычай кольцевой деформации головы. В целом же в условиях контактов населения культуры катакомбно-подбойных погребений с кочевниками, оставившими памятники чильпекского типа, кольцевая деформация головы служила этническим признаком. В то же время у местных племен – потомков сако-усуньского населения практиковалась затылочная деформация. Происхождение

последней объясняется использованием особых (типа среднеазиатского бешика) колыбелей, в которых ребенок длительное время лежит привязанный неподвижно на спине; подробно затылочная деформация у населения Притяньшанья была рассмотрена Е.П. Китовым, С.С. Тур и С.С. Ивановым в недавней работе (Китов и др., 2019).

Таким образом, *традиция деформации черепа появилась в результате миграции из более южных территорий в Нижней Сырдарье в качестве лобно-затылочной и ее трансформации в кольцевую*. В дальнейшем она распространяется среди населения региона, получая 100-процентное распространение у позднесарматского населения в результате расселения групп из Северного Приаралья. У населения бассейна реки Арысь, Талас и далее в Центральную Киргизию деформация распространяется вместе с передвижением кочевнических групп, сначала размываясь, а потом увеличивая процент ее наличия.

Если вернуться к краниологическим характеристикам населения, то мы фиксируем значительное смешение различных групп населения: джетысарского и позднесарматского, оседлого земледельческого южноевропейского, потомков сако-усуньских групп и др. Значительное механическое смешение переходит в биологическое, что приводит к специфическому и в некотором смысле хаотичному смешению краниологических характеристик к концу рассматриваемого периода. Все это позволяет говорить о сложных процессах, которые происходят на территориях распространения и смешения кочевых и полукочевых групп, исходно связанных происхождением с восточным и северным Приаралем и оседлого земледельческого населения.

Таким образом, *территория нижнего и среднего течения реки Сырдарья* является очагом культурогенеза, который является катализатором ускорения процессов расселения населения смешенного облика с традициями, которые перенимаются на всей территории. Реки являются естественными путями – направлениями движения. Через р. Арысь и Талас на территорию Центрального Тянь-Шаня, через бассейн реки Урал в Предкавказье, Нижнее Поволжье и Волго-Донской регион и т.д.

Литература

- Аальто П. Имя Ташкент // *Shygys Kazakhstan*. 2005. № 1. Алматы. С. 101-115.
- Абаев В.И. Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки/ Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. С. 271-316.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.О. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИАЭ. Алма-Ата, 1958. Т. V. С. 3-215.
- Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983.
- Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования). Алматы: Наука, 2013.
- Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук. 1969. Вып. 1. С. 30 – 47.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Гылым, 1972.
- Акишев К.А., Свиридов А.Н. Курган № 28 могильника Актас I // Маргулановские чтения – 2011. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 188–191.
- Алборов Б.А. Почему осетины называют балкарцев «асы»? // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1960, с. 108-112.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. (САИ. Вып. ГІ-12(1)). М.: Наука, 1975.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. ГІ-12(2)). М.: Наука, 1979.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.
- Алымова А.К., Притеева Н.А., Шаршеналиева А.К. Золото древнего Кыргызстана. Бишкек: Государственный исторический музей КР, 2008.
- Амброз А.К., Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. (САИ. Вып. Д1-30). М.: Наука, 1966.
- Анарбаев А.А. Ахсикет - столица древней Ферганы. Ташкент: Taffikur, 2013. 536 с.
- Арутюнов С.А. Этнографическая наука и культурная динамика // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 48-60.
- Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985. С.31-49.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
- Астафьев А. Е., Богданов Е. С. 2019. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17-38.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982-84 гг. Симферополь-Керчь, 2008.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (XI-нач. XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. 1. Алматы: МОН РК, 2012.

Байпаков К.М., Авизова А.К. Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 155-167.

Байпаков К.М., Авизова А.К., Акылбек С.Ш. Археологические исследования городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Антонов М.А., Акылбек С.Ш., Сорокин Д.В. Создание геоинформационной системы Борижарского могильника // Известия НАН РК. Серия общ. и гум. наук. 2008. № 1. С. 239-247.

Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз: Археологическая экспертиза, 2011.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Кангюй // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5-и томах. Т.1. Алматы: Атамұра, 2010. С. 272 – 287.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Казахстан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 1. Традиционные верования и шаманизм / Науч. ред. К.М. Байпаков и др. Самарканд: МИЦАИ, 2016. С. 67 – 75.

Байтанаев Б.А. От Испиджаба до Будухкета (археолого-лингвистический анализ) // Известия МОН РК. Серия общ. наук. 2002. № 1. С. 165-181.

Байтанаев Б.А. К вопросу генезиса ранних поселений Испиджабского историко-культурного района // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы межд. конф. Шымкент, 2008. С. 31–37.

Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011.

Балабанова М.А. Хронологические и локальные особенности населения Нижнего Поволжья сарматского времени // Человек: его биологическая и социальная история. / Отв. ред. Н.А. Дубова. Т. 1. М., Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 124–129.

Балабанова М.А. О центральноазиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 82-91.

Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 2013.

Баратов С.Р. Археологические исследования на юге Хорезма в 2004-2005 гг. // Археологические исследования в Узбекистане. 2006. Вып. 5. С. 47-55.

Баштанник С.В. Остатки растений в средневековых памятниках долины реки Арысь // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности / Под ред. Т. Рыскелдиева. Туркестан: Экономика, 2006. С. 99-107.

Бедельбаева М.В. Изучение скифо-сакской эпохи Казахстана в трудах отечественных и российских исследователей (вторая половина XX - начало XXI вв.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Караганды, 2010.

Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевой // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы» (тезисы докладов) / Отв. ред. В.Е. Максименко. Ростов-на-Дону: РГГУ, 1998. С. 87-88.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.В. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169-193.

Бейсебаев А., Нурмуханбетов Б.Н. Некрополь городища Кок-Мардан (погребальный обряд) // Археологические исследования в Казахстане: Труды научно-практ.конференции «Маргулановские чтения – 14». Шымкент, Алматы. 2002. С. 104-110.

Бейсенов А.З. Погребольные памятники и культовые сооружения древних кочевников Центрального Казахстана. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Алматы, 1997.

Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом Шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 1992. С. 29-37.

Берлизов Н. Е., Каминский В.И. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. 1993. №7. С. 94 – 112.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1940. 34 с.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологии. 1949. С. 90-98.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ. 1951.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (МИА. Вып. 26). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 348 с.

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. I. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Богачев А.В. Древности кочевников гуннского и постугунского времени (V-VI вв. н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 3. Ранний железный век и средневековье. М., Самара: Самарский научный центр РАН, 2000. С. 135-154.

Богомоллов Г.И. К типологии и значению тамгообразных знаков на керамике Чача // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Т. III. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 91-105.

Богомоллов Г.И., Ильясова С.Р. К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче//Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии /Под ред. К. Абдуллаева. Самарканд: Noshirlik yugdusi, 2010a. С. 106-116.

Богомоллов Г.И., Ильясова С.Р. К вопросу о зданиях с крестообразной планировкой // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 2010б. С. 177-185.

Болелов С.Б. Расписная хозяйственная посуда древнего Хорезма (по материалам Калалы-Гыр 2) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010 № 1(27). С. 122-142.

Болелов С.Б. Древний Хорезм в системе трансконтинентальных и торговых связей во второй половине I тыс. до н.э. // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук / Отв. ред. А. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2017. С. 98-117.

Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историографический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука, 1989.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2009.

Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 32-87.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1982.

Брыкина Г.А. Погребальные сооружения и обряды Ферганы I тысячелетия н. э. // Древние культуры Евразии. История и культура. Материалы международной конференции посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. С. 102-123.

Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1975.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.

Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории населения Средней Азии в древности и средневековье // Материалы к

этнической истории населения Средней Азии. Т. 1. Ташкент: Фан, 1986. С. 50-67.

Бэйли Х.У. Сакский и аланский // Вопросы иранской и общей филологии/ Гл. ред. Н. Я. Габараев. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 38-47.

Вадаи А.Х., Кульчар В. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // *Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae*. Т. XXXVI. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М.: Восточная литература, 1999.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. (Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах древних Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1976. С. 69-73.

Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иристон, 1999.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: Ин-т археологии РАН, 1996.

Гавритухин И.О. Эволюция «геральдических» ремennых гарнитур Кисловодской котловины // Плиска-Преслав. Т. 14. В печати.

Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 170-189.

Герасимова М.М., Лейбова Н.А. Палеоантропологические материалы из склепов Чоон-Капка и Борижары (Южный Казахстан) эпохи Кангюя // Вестник антропологии. 2009. Вып. 17. С. 155-163.

Гинзбург В.В. Антропологические материалы из Вуадильского и Актамского могильников // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 91-94.

Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // ТИЭ. 1954. Т. 21. С. 354-412.

Гинзбург В.В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы // МИА. 1962. Вып. 118. С. 201-218.

Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (гунны и саки Тянь-Шаня, Алая и южного Памира) // КСИЭ. 1951. Вып. XI. С. 83-96.

Гинзбург В.В., Жиров Е.В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // СбМАЭ. 1949. Т. X. С. 213-265.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.

Глебов В.П., 2004. Ранние подвязные фибулы и проблема конечной даты раннесарматской культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I международная Нижневолжская археологическая конференция / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 199-203.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Конструктивная и хронологическая классификация материалов Нырғындынского I могильника II-III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2012. С. 9–55.

Голдина Р.Д. Перевозчикова, Голдина Е.В. Могильник VI-IX вв. в деревни Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: УдГУ, 2018.

Горбунова Н.Г. К вопросу о связях древних ферганцев с сарматами Южного Приуралья // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1992. С. 191-192.

Горбунова Н.Г. Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане // АСГЭ. 1985. № 26. С. 45-70.

Горбунова Н.Г. Поселение Арк-тепе в Южной Фергане // РА. 1994. № 4. С. 191-206.

Горбунова Н.Г. Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур) // Археологические культуры Евразии и проблемы их интерпретации. Краткие тезисы докладов. СПб.: ИИМК РАН, 1991. С. 18-21.

Горская О.В. Тайна загадочной могилы // Тайна Золотой Маски. Каталог выставки / Под. Ред. А.М. Бутягина. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2009. С. 63-75.

Горячев А.А. Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Серия общ. и гум. наук. 2015а. № 6. С. 5-18.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутовка // Сакская культура Сарыарки в системе изучения социокультурных процессов Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегаз-Тасмола, 2015. С. 90-95.

Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-4 в верховьях ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 632-648

Государство Кангюй. Портал «NATIONAL DIGITAL HISTORY»: <http://e-history.kz/ru/contents/view/256>.

Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР-1986. М.: Наука, 1988. С. 6-175.

Грене Ф., Рапен К. Формационные этапы согдийской культуры // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники / Отв. ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 13-28.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН Каз. ССР. Серия археологическая. 1948. № 1. С. 47-78.

Грошев В.А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. С. 181-189.

Гугуев В.К., 1992. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов в I в.н.э.) // ВДИ. 1992. № 4. С. 116-129.

Гугуев В.Ю., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143-156.

Двуреченская Н.Д. Крепость Узундара (буклет), Ташкент, 2017.

Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологические материалы как исторический источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 22-35.

Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда Волго-Уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пущино: ИФХиБПП РАН, 2012.

Джумабекова Г.С., Баразбаева Г.А. О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2. С. 469-484.

Дивбойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.

Древний Ташкент / Отв. ред. И. Ахраров. Ташкент: Фан, 1973.

Ержигитова А.А. Отчет об археологических исследованиях курганов Борижарского могильника в 2007-2008 годах // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 году. Алматы: Типография комплекс, 2009. С. 232-235.

Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып.8. С. 81-88.

Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Колос, 1964.

Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1960.

Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. - V в.н.э // СИНВ. Вып. X. 1971. С. 27-36.

Заднепровский Ю.А. Городище Билувуртепа (Восточная Фергана) // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 88-95.

Заднепровский Ю.А. Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование, историческое истолкование // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек: «Илим», 1995. С. 53-74.

Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. — V в. н.э. // Древние

номады Центральной Азии (Археологические изыскания. Вып. 40). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 30–43.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994.

Захаров А.О.К этническому аспекту проблемы падения Греко-Бактрии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Вып. X. С. 446–454.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983. 344 с.

Зуев Ю.А. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай / Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков. Проблемы генезиса и трансформации / Отв. ред. Н.Э. Масанов. Алматы: Рафах. 1995. С. 38–45.

Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Раскопки кургана Сирлибай-тепе // ИМКУз. 1988. Вып. 22. С. 44–59.

Ирригация Узбекистана. Т. 3 / Гл. ред. А.С. Садыков. Ташкент: Фан, 1979.

Исаков А.И. Работы Косатарошского отряда в 1977 году // АРТ. 1983. Вып. XVII (1977 г.). С. 210–224.

Исмагулова А.О. Антропология эпохи раннего железа и рубежа нашей эры // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5-и томах. Т. 1. Алматы: Атамура, 2010. С. 288–294.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах. Том 1. Алматы: Атамура, 1996.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр.ИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-ата, 1959. Т. VII. С. 162 – 202.

Кайдар А.Т. Қаңлы (тарихи шежіре). Алматы: Дайк-пресс, 2004.

Қазақстан Республикасының тарихи жәнә мәдени ескерткіштер Жиынтығы. Жамбыл облысы. Т. 1–2. Аламаты: ММЕ ҒЗЖИ, 2002.

Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в понтийских степях // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 238–256.

Казанский М.М. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции посвященной 70-летию А.И. Айбабина. Симферополь: ООО «Антика», 2019. С. 61–64.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М.: Наука, 1988.

Кариев Е.М. Параллели некоторых археологических памятников гунно-сарматской эпохи Евразии (по материалам исследований на плато Кеген) // Кадырбаевские чтения – 2016 Отв. ред. А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2016. С. 156–170.

Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1981.

Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953 – 1955 гг. // Труды Киргизской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 63–138.

Килуновская М.Е., Леус П.М. Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н.э. в Туве // Записки ИИМК РАН. 2019. № 29. С. 82–91.

Китов Е.П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов/ Гл. ред. Г. С. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 519-544.

Китов Е.П. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014.Т. 16. № 3. С. 611-616.

Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С. Возвращение в Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе // Восток (Oriens). 2019. № 6. С. 52-70.

Китов Е.П., Китова А.О. Одонтологические и палеопатологические особенности населения бассейна р. Арысь // Известия НАН РК. Серия общ. и гум.наук. 2017. № 1 (311). С. 58-63.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – 1-ая половина II в. до н.э.). Алматы: «Хикари», 2019.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология подбойно-катакомбных культур Притяньшанья (2-ая пол. II в. до н.э. – V в. н.э.). Алматы: «Хикари», 2020 (в печати).

Китов Е.П., Саипов А. Новые краниологические материалы из могильника Борижары (к вопросу о населении средней Сырдарьи и Таласа) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Том 17. № 3. С. 528–539.

Китов Е.П., Ходжайов Т.К. Население среднего течения бассейна Средней Сырдарьи и Таласа на примере могильника Борижары // Кадырбаевские чтения – 2012 / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе:Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 454-457.

Китов Е.П., Хохлов А.А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2010. № 10. С. 127-131.

Кияткина Т.П. Черепа из могильника Аруктау (Таджикистан) // ТИЭ.Новая серия. 1961. Т.LXXI. С. 98-106.

Кияткина Т.П. Антропологические находки из раннекочевнических памятников в долине Кетмень-Тюбе // УСА. 1975. Вып.3. С. 57-59.

Кияткина Т.П. Краниологические-материалы из курганных могильников Северной Бактрии // Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. С.202-212.

Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш. 1976.

Кияткина Т.П. Расовые процессы в древнем Тохаристане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. М.: Наука, 1991. С. 14-23.

Кияткина Т.П. Краниологические материалов из склепов могильников Томпакасар, Косасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. 4.1. Склепы. М.: Наука, 1993а. С. 224-243;

Кияткина Т.П. Краниологические материалы из могильников Косасар-2 и Косасар-3 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Ч. 2. Могильники Томпакасар и Косасар. М.: Наука, 1993б. С. 206-247.

Кияткина Т.П. Краниологические исследования из могильников Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыясарская культура. Ч. 5. М.: Наука, 1995. С. 240-282;

Классен Х. Дж. М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ / Отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2012. С. 190-218.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кожа М. Новые данные к палеогеографии Средней Сырдарьи // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-14». Шымкент-Алматы: Изд-во ЮКГУ, 2002. С. 129-140.

Кожа М. Б. Могильник Кок-Мардан // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район / Под ред. К. М. Байпакова. Алматы: Баур, 2007. С. 273 – 284.

Кожомбердиев И. К. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-тюбе // Известия АН КиргССР. Серия общественных наук. 1960. Т. II, вып. 3. С. 109–123.

Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П. Н. Кожемяко. Фрунзе: Изд-во АН КирССР, 1963. С. 33-77.

Кожомбердиев И. К. Археологический отчет о работах в Токтогульском районе за 1967 год. Фрунзе, 1968 // Фонды отдела археологии Института истории НАН РК. Инв. №. 342.

Кожомбердиев И. К. Материалы для археологической карты Кетмень-Тюбинской котловины // Кетмень-тюбе / Под ред. В. М. Плоских, Д. Ф. Винника. Фрунзе: Илим, 1977. С. 219-227.

Кожомбердиев И. Кенкольская культура // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: ЛОИА АН СССР, 1983. С. 51–52.

Кожомбердиев И. К. Могильник Кум-Арык // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Отв. ред. В. А. Кольченко, Б. Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012. С. 64-81.

Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Б. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75-106.

Кожомбердиева Э. И. История изучения кенкольской культуры // Древности Евразии / Отв. ред. С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М.: МГУ, 1997. С. 10-24.

Кожомбердиева Э.И. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры // Древности Евразии/ Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М.: МГУ. С. 44-48.

Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. Аварийные работы на могильнике Караол-добе в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. 2007. Вып. 2. С. 21-34.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги/ Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Перемена, 2006. С. 490-511.

Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесотепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Под. ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула:Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 218 – 254.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийской степи. 2018. № 1. С. 56 – 86.

Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник ВГУ. Серия 4. Историческая. 2015. № 5(35). С. 98-111.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Курбанов Ш.Ф. Памятники античного периода верховьев Зеравшана. Душанбе: Ирфон, 2014.

Курманкулов Ж., Перевозчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Ширик-Рабат в 2010 г. // Отчет об археологических исследованиях по программе «Культурное наследие» в 2010 г. Алматы, 2011. С. 120-122.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 392 с.

Левин М.Г. Рецензия на статью Е.В. Жирова «Разновидности брахикефалии» // КСИИМК. 1947. Вып. VI-VII. С. 291-292.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи I тыс. н.э. (ТХАЭЭ. Т. 11). М.: Наука, 1971.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996.

Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967. № 2. С. 29-37.

- Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968.
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Могильники Западной Ферганы. Т. I). М.: Наука, 1973а.
- Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы (Могильники Западной Ферганы. Т. III). М.: Наука, 1973б.
- Ли Чжи Ын. Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. С. 41-55.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 88-100.
- Луконин В. Г. Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 1979.
- Лысенко Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. СПб.: Изд-во СОГУ, 2002.
- Любчанский И.Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II – начале VI века н.э.: полихромные изделия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). – Сер. История. Вып. 38. – С. 11 – 18.
- Максимова А.Г., Мерсчиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.И. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968.
- Максимова А.Г., Мерсчиев М.С. Восточная округа Тараза в первом тысячелетии новой эры. Алма-ата, 1971// Архив Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана. Дело № 1183.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194-232.
- Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Малашев В.Ю. Кочевнические памятники Казахстана, Средней Азии и происхождение позднесарматской культуры // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. II / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 251-255.
- Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II-III вв. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2013.
- Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры культуры: к постановке проблемы // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Волгоград, 2010. С. 37-56.
- Малашев В.Ю., Мошкова М.Г., Болелов С.Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. – IV в. н.э. // РА. 2007. № 3. С. 121-132.

Малашев В.Ю., Торгоев А.И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // РА. 2018. № 4. С. 36-52.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Восточная литература, 2008.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-ата: Изд-во АН КазССР, 1950.

Маршак Б., Грене Ф. (с дополнениями П. Бернара). Кушанская живопись на ткани // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара / Под ред. К. Абдуллаева. Самарканд: Изд-во «Noshirlik yog'dusi», 2010. С. 154-163.

Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А.И. Милюкова. М.: Ин-т археологии РАН, 1999. С. 219-236.

Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953.

Медведская И.Н. К вопросу о становлении мидийской культуры // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа/ Отв. ред. А. С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С.186–198.

Мерциев М. С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV веков и захоронение на нем воина IV—V века // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С.79-92.

Миклашевская Н.Н. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // Научные труды ТГУ. 1964. Вып.235. С.67-85;

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2007.

Михайлова Е.Р. Находки кварцитовых огнив на территории Северо-Запада Восточной Европы // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., Псков: Ин-т археологии РАН, 2011. С. 175 – 182.

Мокрынин В.И. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. Бишкек: Илим, 2010. 230 с.

Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Сост. А.Г. Фурасев. – СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 99-113.

Мошкова М.Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II-IV вв.н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1994. С. 18-23.

Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 1989.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири / Отв. ред. А.П. Смирнов. – М.: Наука, 1973 – С. 257-272.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Государственного Университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: изд-во ВГУ, 1999. С. 172-212.

Наглер А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир/ Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 87-91.

Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I тыс. н. э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан – погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по

Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Кыркескен // АО 1976. М.: Наука. 1977. С. 519-520.

Нурмуханбетов Б. Раскопки некрополя Кок-Мардан // АО 1977 г. - М.: Наука. 1978а. С. 517.

Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан // КСИА. 1978б. Вып. 154. С. 99-103.

Нурмуханбетов Б.Н. Исследование могильника Кок-Мардан // АО 1979. М.: Наука, 1980. С. 438-439.

Нурмуханбетов Б.Н. Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы: Хикари. 2011. С. 42-73.

Нурмуханбетов Б.Н., Воякин Д.А. Могильник Мардан (Мазраты Мардана, Талтакай) //Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: Баур, 2007. С. 140-148.

Обельченко О.В. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники – памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Ташкент, 1954.

Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУз. 1961. Вып. 2. С. 97-176.

Обельченко О.В. Могильник Акджар-тепа // ИМКУз. 1962. Вып. 3. С. 57-70.

Обельченко О.В. Агалыксайские курганы // ИМКУз. 1969. Вып. 9. С. 56-72.

Обельченко О.В. Культура античного Согда: по археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.: Наука, 1992.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Нац. Музей Удмуртской Республики, 2011.

Ошанин Л.В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа // ТЮТАКЭ. 1959. Т. IX. С. 11-101.

Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки / Под ред. А. Каниметов, Б.И. Маршак, В.М. Плоских, Я.А. Шер. Л.: Искусство, 1983.

Перевалов С. М. О племенной принадлежности сарматских союзников в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С.203-210.

Перевозчиков И.В. Антропологический тип «кенкольцев» // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 25. С. 130-139.

Перевозчикова С.А. Калачиковидные украшения на территории Евразии в первой половине I тыс. н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). Сер. История. Вып. 36. С. 7–12.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, Изд-во МКТУ, 2000.

Подушкин А.Н. Погребение воина-катафрактария в Южном Казахстане // Культурное наследие Южного Казахстана / Под ред. К.М. Байпакова. Шымкент: Южно-Казахстанский обл. историко-краеведческий музей, 2002. С. 71-76.

Подушкин А.Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Канзюй (Кангюй) II в. до н.э. - VI в. н.э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. 2006. Вып. 2. С. 208-229.

Подушкин А.Н. Некоторые итоги археологического исследования могильника Кылышжар в 2006 году // Кадырбаевские чтения – 2007/ Отв. ред. А.З. Бейсенов. Актобе: Принта, 2007. С. 138-144.

Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане (историко-археологический аспект в рамках исследования памятников арысской культуры) // Труды Центрального музея. Том II. Алматы, 2009. С. 173-182.

Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб: Инфо-ол, 2010. С. 201-217. Подушкин А.Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // Stratum plus. 2012. № 4. С. 31-51.

Подушкин А.Н. Эпиграфические артефакты городища Культобе // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники / Под ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 82-95.

Подушкин А.Н. Комплекс катакомбы 18 могильника Культобе с фибулой сарматского типа // Нижневолжский археологический вестник. 2014а. Вып. 14. С. 118–129.

Подушкин А.Н. Раскопки катакомбы 1 восточной группы насыпей могильника Культобе в 2013 г. // Кадырбаевские чтения – 2014 / Под ред. А.А. Бисембаева. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2014б. С. 138 – 144.

Подушкин А.Н. Материалы могильника Культобе I в. до – II в. н. э.: о сарматах и сюнну в Южном Казахстане // Кадырбаевские чтения 2016 г. / Под ред. А.А. Бисембаева. Актобе: Актобе: Принта, 2016. С. 204–212.

Подушкин А.Н. Тамгообразные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до н. э. – IV в. н.э. // Мир Большого Алтая. 2017. Вып. 3(4). С. 60-101.

Попова В.Н. Структурно-семантическая природа топонимов Казахстана (Сравнительно-историческое исследование). Дисс... канд. филол. наук. Алматы, 1997.

Пулатов У.П., Салтовская Е.Д. Раскопки нижнего горизонта Тиркаштепа // АРТ. 1987. Вып. XX. С. 332 – 345.

Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 243-264.

Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: СГУ, 1992. С. 67–84.

Раев Б.А. Металлические сосуды кургана «Хохлач». Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. Л. С. 89-94.

Раев Б.А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // СА. 1979. № 4. С. 201-211.

Раев Б.А. «Княжеские погребения» сарматского времени в г. Новочеркасске // Археологические памятники Европейской части РСФСР / Отв. ред. М.А. Тиханова. М. АН СССР, 1985. С. 126-131.

Раев Б.А. Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С.291-305.

Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 111-125.

Рапэн К. От Коктепе до Киндикли-тепе: новый подход к истории возникновения ирригации в северной части Зеравшанской долины // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной Конференции. Самарканд, 2010. С. 139 – 150.

Рапэн К., Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. «Аристократическая» гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии рудах французских ученых. Т. II. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 70–116.

Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III - середина VIII вв. н. э.). Ташкент: Media Land, 2006.

Ртвеладзе Э.В. Монеты Чача с изображением правителя, восседающего на зооморфном троне // Ташкент: вчера и сегодня. Ташкент, 2007. С. 22-27.

Ртвеладзе Э.В. К ранней истории Чача (Новые нумизматические и эпиграфические источники) // Общественные науки в Узбекистане. 2008. № 4.

Сагдуллаев А.С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987.

Саипов А., Исмагулов О., Исмагулова А.О., Надирбеков И.О., Сатаев М.А. Предварительные результаты изучения краниологических материалов из

могильника Бесиншитобе // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные и медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 5. С. 81-95.

Салтовская Е.Д., Пулатов У.П. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г. // АРТ. 1979. Вып. XIX. С. 388–397.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. 2007. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология», 2007.

Сарианиди В.И., 1987. Бактрийский центр златоделия // СА. 1987. № 1. С. 72-83.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989.

Свиридов А.Н. Гунно-сарматская эпоха Казахстана: проблемы методологического изучения // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. II / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 127-133.

Свиридов А.Н. Кангуйская проблема в истории Казахстана // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 113-128.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: НИПИ ПМК, 2002.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Южно-Казахстанская область. / Под ред. М.Х. Аслбекова и др. Алматы: Казак инциклопедиясы, 1994.

Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отарский район / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: Баур, 2007.

Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Тр.ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 57–82.

Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 37-58.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев: Вид. Олег Філюк. 2015.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья (Ученые записки Саратовского государственного университета. Вып. XVII). Саратов, 1947.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100-120.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия II-IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. № 2. С. 43-57.

Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья/ Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. С. 82-98.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Доклад, представленный в качестве дисс. док. ист. наук. М., 1992.

Скрипкин А.С. О начале и некоторых особенностях функционирования северного ответвления Великого шелкового пути // Античная цивилизация и варварский мир. Тезисы докладов IV археологического семинара. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1994. С. 32-33.

Скрипкин А.С. К проблеме сарматско-китайских культурных связей // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Тезисы докладов VIII международной конференции / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: РГПУ, 1996. С. 102-104.

Скрипкин А.С. Сарматы и Восток (Избранные работы). Волгоград: Изд-во ВГУ, 2010.

Смагулов Е.А. Арысская археологическая культура: миф и реальность // Известия НАН РК. Серия общ. наук. 2004. № 1. С. 284-301.

Смагулов Е.А. Продолжение исследования на некрополе Коныртобе 1 // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2005. № 1. С. 72-88.

Смагулов Е.А. Могильник Марданкуик // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы: Баур, 2007. С. 137-140.

Смагулов Е.А. Археологические исследования городища Алтынтобе в Отрарском оазисе // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие / Отв. ред. Б.Е. Кумекоев. Алматы: Ин-т археологии им А.Х. Маргулана, 2010. С. 207-225.

Смагулов Е.А. Культовые постройки храмового комплекса на городище Сидак (Южный Казахстан) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники / Отв. ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013а. С. 96 – 128.

Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана в 2011-2012 гг. // Поволжская Археология. 2013б. № 1(3). С. 17 – 31.

Смагулов Е.А. К изучению мелкой культовой пластики древнего Туркестана // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана» посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 2014а. С. 548 – 577.

Смагулов Е.А. Бронзовый амулет из Сидака // Поволжская Археология. 2014б. № 1 (7). С. 206-222.

Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017.

Смагулов Е.А. К вопросу о возрасте города Туркестан // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 17-31.

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Из домонгольской истории г. Туркестана // Известия МОН РК. Серия общ. наук. 1997. № 2. С. 66-75.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. К изучению погребальных сооружений Отырарского оазиса (погребальные платформы) // Вопросы археологии Казахстана. 2011. Вып. 1. С. 142-164.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011-2012 гг. // Известия НАН РК. Серия общ. и гум. наук. 2013а. № 3. С. 82-100.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурно-археологический комплекс цитадели древнего Ясы (Туркестан) // Археология Узбекистана. 2013б. № 1(6). С. 60–75.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Золото древнего Туркестана (предварительное сообщение) // Археология Казахстана. 2019. № 4(6). С. 7 – 18.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И. Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы / Туркестана // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. III / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 61-71.

Смагулов Е.А., Закиров С., Ержигитова А.А. Строительные материалы и архитектурные объекты цитадели древнего Туркестана // Актуальные проблемы археологии Евразии/ Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 507-535.

Смагулов Е.А., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. 1998. Вып. 2. С. 142-151.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые находки серий доисламских знаков тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сборник материалов международной научной конференции /Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: EVOPRESS, 2014. С. 274-282

Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1959.

Сорокин С. С.О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 3–14.

Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия). Учебное пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2002.

Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М., Дуйшаналиева А.Т. Археологический ландшафт Саймалуу-Таш. Книга-альбом. Бишкек: Улуу Тоолор, 2016.

Тереножкин А.И. Материалы бургулюкской и каунчинской культур в зоне Ташкентского канала // Древняя и средневековая культура Чача. / Отв. ред. Г.В. Шишкина. Ташкент: Фан, 1979. С. 8-39.

Терновая Г.А. О культовом назначении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I-VII // Известия НАН РК. Серия общ. и гум. наук. 2008. № 1. С. 218-238.

Терновая Г.А. К вопросу о сходстве в планировке и оформлении сармато-аланских храмов III-IV вв. и христианских памятников // Известия НАН РК. Серия общ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 163-176.

Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ. 1947. № 3, с. 93-101.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948а.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., Л.: АН СССР, 1948б.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы. 1962.

Торгоев А.И. Геральдический пояс с Верхнего Таласа // Археологические вести. 2005. Вып. 10. С. 88-91.

Торгоев А.И. Аварийные работы на могильнике Караол-дөбө // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. 2007. Вып. 2. С. 15-21.

Торгоев А.И., Кольченко В.А. Погребение позднесарматского времени с ювелирными украшениями на городище Красная Речка // Ювелирное искусство и материальная культура. 2017. Вып. 4. 166-174.

Торежанова Н.Ж., Торгоев А.И., Кулиш А.В. Раскопки замка Бака-тобе в 2015-2017 гг. // X Оразбаевские чтения «Историко-культурное наследие Казахстана: проблемы изучения, интерпретации и сохранения». Материалы Международной Конференции. Алматы:Қазақ университеті, 2018. С. 216-220.

Трофимова Т.А. Черепа из оссуарного некрополя возле Байрам-Али (Южная Туркмения) // ТИИАЭ АН ТуркССР. 1959. Т.V. С. 205-217.

Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С.179-189.

Труды Семиреченской экспедиции. Таласская долина (оригинал-макет текста) / Отв. ред А.Н. Бернштам. Алма-ата, 1949 (без илл. и прил.). Библиотека ИИМК РАН, Рq 1147.

Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117-328.

Туаллагов А.А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ: СОИГСИ, 2007.

Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Барнаул, 1997.

Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: ФАН, 1983.

Филанович М.И. Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента // У истоков древней культуры Ташкента / Отв. ред. Г.В. Шишкина. Ташкент: Фан, 1982. С. 91-124.

Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа в Ташкенте // ИМКУз. 1991. Вып. 25. С.77-88.

Филанович М.И. Городище Шаштепа // Археология Ташкентского оазиса. Ташкент: MegaBasim, 2010б. С. 62-64.

Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Узбекистан, 2010а.

Фирдоуси. Шахнаме: Критический текст в 9 томах / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути; Коммент. А.А. Старикова. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2000.

Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию акад. АН РУз Ю.Ф. Бурякова / Под ред. Т. Ш. Ширинова. Самарканд, 2004. С. 155 – 161.

Ходжаев А. Сведения китайских источников по некоторым малоизвестным вопросам истории государства Кангкя (Канцзюй, Кангуй) // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности / Под ред. Т. Рыскелдиева. Туркестан: Экономика, 2006. С. 296-311.

Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // ВКФ АН УзССР. 1966. № 4. С. 60-67.

Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980.

Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дис... докт.ист.наук. М., 1981.

Ходжайов Т.К. К антропологии кочевого населения античного Зарафшана // Общественные науки в Узбекистане. 1983. Вып. 11.

Ходжайов Т.К. К антропологии населения джетыясарской культуры // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации европейских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 469-484.

Ходжайов Т.К., Кияткина Т.П. Археолого-антропологическая характеристика населения джетыясарской культуры Восточного Приаралья // На путях биологической истории человечества / Отв. ред. А.А. Зубов, Г.А. Аксянова. Т. II. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 56-85.

Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Раннесредневековый некрополь Куюккала. М.: Ассоциация Экост, 2008.

Цуциев А.А. Аланы Средней Азии (I – VI вв. н.э.): проблема этногенеза. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999.

Цуциев А.А. Яныцзай: локализация и этническая принадлежность. К проблеме ранних алан // История и культура Арало-Каспия / Отв. ред. С.Е. Ажигали. Вып. 1. Алматы: Кус жолы, 2001. С. 43-49.

Чикишева Т.А. Физическая антропология ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии // “Terra Scythica”. Материалы международного симпозиума / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. С. 346-357.

Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III-VIII вв. Ташкент: Фан, 2006.

Шаров О.В. Погребение с золотой маской // Тайна Золотой Маски. Каталог выставки / Под. Ред. А.М. Бутягина. СПб.: Государственный Эрмитаж, С. 17-42.

Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур Евразии. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Мартынова. Кемерово: КГУ, 1987. С. 70-78.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009.

М.Б. Щукин. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб: Филологический ф-т СПбГУ. 2005.

Шуховцов В.К. Несколько заметок по топонимике Южного Казахстана // Мат. респ. научно-практической конференции молодых ученых по общественным наукам. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 151-154.

Щербасев Р.К., Дудаков С.А. Археологические исследования на городище Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях «Культурное наследие»-2004 / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Credo, 2005. С. 168-170.

Яблонский Л.Т., Пежемский Д.В., Суворова Н.А. Палеоантропология населения позднесарматского времени // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2010. С. 143-183.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Ягодин В.Н., Китов Е.П. Ягодин В.В. Типология погребальных комплексов могильника Казыбаба I во II-IV вв. н.э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного чинка Устюрта) // Stratum plus. 2017. № 4. С. 357-379.

Ягодин В.Н. Китов Е.П. Ягодин В.В. Могильник Дуана на Устюрте II-IV вв. н.э. (по данным археологии и антропологии) // Восток (Oriens). 2020. № 4.

Якубов Ю.Я. Таджикистан // Зороастризм и верования маздеистского культа. Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. II. Самарканд: МИЦАИ, 2017. С. 135 – 166.

Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик: "Лейтер-ибн-Марат", 1993.

Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв.н.э. // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 3. С. 60-72.

Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг.н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник (Европейская Сарматия. Сборник статей к 60-летию Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина) / Под ред. М.Ю. Вахтиной, Ю.Г. Виноградова. СПб., Кишинев: Нестор, 1997. С. 154-163.

Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях I-II вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 2000а. Вып. 3. С. 172-185.

Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // ВДИ. 2000б. № 4. С. 186–204.

Яценко С.А. Бывшие массагеты на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.) // История и культура Арало-Каспия. Вып. 1. Алматы, 2001а. С. 50-60.

Яценко С.А. Об этносе – противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г.н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Материалы IX Международной научной конференции 25-30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 2001б. С. 115-117.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001в.

Яценко С.А. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I-II вв.н.э.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. 2001в. Вып. 17. Азов, с. 363-373.

Яценко С.А. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб. Нестор-история, 2002. С. 79-82.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006а.

Яценко С.А. Костюм джетыасарской культуры на фоне соседних народов // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье / Под ред. Т. Рыскелдиева. Туркестан: Экономика, 2006б. С. 320-328.

Яценко С.А. К дискуссии о механизмах формирования среднесарматской археологической культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения/Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград, 2006в. С. 118-129.

Яценко С.А. Алания I-II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, , 2008. С. 281-310.

Яценко С.А. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I-III вв. н.э. // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 539-552.

Яценко С. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й пол. II –1-й пол. III вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 2011а. Вып. 12. С. 197-213.

Яценко С.А. Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. 2011б. Вып. 3. Алматы. С. 495-510.

Яценко С.А. Миграция идей в мире ранних кочевников (на примере «кочевых империй» Средней Азии и сармато-аланов) // X международная археологическая конференция «Проблемы археологии Восточной Европы» / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ, 2014. С. 197-199.

Яценко С.А. Приемы ограбления современниками курганов кочевой знати разных категорий (на примере сарматов рубежа I-II вв. н.э.) // *Казахское ханство в потоке истории* / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы, 2015. С. 615-629.

Яценко С.А. Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. – середины III в. н.э. // *Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической конференции* / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону, Таганрог: изд-во ЮФУ, 2017. С. 256-277.

Яценко С.А. 2018. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. *Stratum plus*. 2018. № 6. 217-242.

Яценко С.А. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I-IV // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 235-256.

Яценко С.А. Некоторые центральноазиатские элементы в культуре сарматов римского времени // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 135-145.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019.

An Y. Discovery of Gold – Silverware Unearthed from an Ancient Tomb at Zhaosu County, Yili, Xinjiang // *Wenwu*. 1999. № 9. P. 4-15 (на кит. яз.).

Antonini C S., Filipponi F., Pozzi S. Il castello e il complesso fortificato meridionale // *Gli scavi di Uch Kulah (Oazi de Bukhara). Rapporto preliminare, 1997-2007*. Pisa-Roma: Fabrizio Serro Editore, 2009.

Arts from the Land of Timur. An exhibition from a Scjtitish Private Collection / Ed. by M. Baskhanov, M. Baskhanova, P. Petrov and N.Serikoff. Edinburg: Sogdiana Books, 2012.

Ban Gu. “Book of Han” / *Hàn shū* / 漢書, 96 西域傳 – <https://zh.wikisource.org/wiki/漢書/卷096上> .

Böucharlat R., Pornet S. Les bâtiments quadrilobés de la region de Dhambul et les debuts de la sédenstration au Semireh’e occidental // *Recherhes archéologiques au Kazakhstan. Mémoires de la Mission Arhaéologiques Française en Asie Centrale*. Tome X. De Boccard, 1998. P. 39–52.

Carter M., Harper P., Meyers P. Arts of the hellenized East. Precious metalwork and gems of pre-islamic era. The a i-Sabah Collection, Kuwait. London: Thames and Hudson, 2015.

Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenlandishcen Geseleschaft*. 1917. Bd. 71. S. 347-389.

Chen Shou. *Sān guó zhì* / 三國志, 30 - 烏丸鮮卑東夷傳 -

Fan Ye. “The Book of the Later Han” / *Hou Han Shu* / 後漢書, 88 - 卷八十八西域傳第七十八- <https://zh.wikisource.org/wiki/後漢書/卷88> .

Fang Xuanling / 房玄齡. *Jin shū*, 3 武帝 - <https://zh.wikisource.org/wiki/晉書/卷003> .

Fedorov M. Chionite Rulers of Chach in the Middle of the Fifth to the Beginning of the Seventh Century (According to the Data of Numismatics) // Iran. 2010. Vol. 48. P. 59-67.

Ghirshman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les kouchans. Le Caire, 1946.

Gorbunova N.G. The culture of ancient Ferghana (BAR International series 281). Oxford: BAR Publ., 1986.

Grenet F. A View from Samarkand: The Chionite and Kidarite periods in the archaeology of Sogdiana (four to fifth centuries A.D.) // Coins, Art and Chronology. II: The first millennium C. E. in the Indo-Iranian borderlands / Ed. by M. Alram. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. P. 268-281.

Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-i Qumis, 1971 // The Journal of the Royal Society of Great Britain and Ireland. 1974. No 1. P. 8–22.

Henning W.B. The date of the Sogdian Ancient Letters // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1948. Vol. 12. P. 601-615.

Ilyasov J.Ya. Covered Tail and “Flying” Tassels // Iranica Antiqua. 2003. Vol. XXXVIII. P. 259-325.

Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. 1998. Vol. 3. Kamakura. P. 107–160.

Leus P., Kilunovskaya M. Recent Excavations of Xiongnu Graves on the Left Bank of the Ulug Khem in Tuva // The Silk Road. 2018. Vol. 16. P. 1-20.

Li Yanshou. Bei shi / 北史, 97 - 西域. - <http://chinesenotes.com/beishi/beishi097.html> .

Lurje P.B. Personal Names in Sogdian Texts (Iranisches Personennamenbuch. Band. II. Fasc. 8). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010.

McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. New York: The University of North Carolina Press, 1939.

Nagy M. Zwei spätrömerzeitliche Waffengräber am westrand der Canabae von Aquincum // Acta Archaeologica Academia Scientiarum Hungaria. Budapest, 2005. № 56. S. 403-486.

Pulleyblank E.G. The consonantal system of Old Chinese, 2 // Asia Minor. New Series. 1962. Vol. IX. Part II. P. 206-265.

Rapin C., Ismaiddinov M., Khasanov M. La tombe d’une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // Compte Rendus de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2001. P. 33-92.

Richthofen, von F. China, Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Vol. 1. Berlin: D. Reimer, 1877.

Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE – the 2nd Century CE // The Silk Road. Vol. 13. 2015. Seattle. P. 109-125.

Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Oxford Univ. Press, 1922.

Šhchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas – Empire et à l'époque des Grandes Migrations (BAR International Series, 1535). Oxford: Oxford Univ. Publ., 2006.

Sheyko K.A., Ivanov G.P., Ilyasov Dj.Y. Archaeological Research at the Qarshovul Tepa Site, Uzbekistan // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Ed. by C. Baumer and M. Novák. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 261-282.

Shiratori K. A new attempt at the solution of the Fu-lin problem // Memoirs of the Research department of the Toyo Bunko. No 15. 1956. Tokyo. P. 165-329.

Sima Qian / 史記. Shiji, 123 大宛列傳 - <http://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/XI-3-A-b-124/V-123/index.html.en>.

Simonenko A.V. Chinese and Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // Silk Road Art and Archaeology. 2001. Vol. 7. Kamakura. P. 53-72.

Sims-Williams N. The Sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Труды Центрального музея. Том II. Алматы, 2009. С. 153-171.

Sims-Williams N., Grenet F., Podushkin A. Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: Les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // Comptes-rendus de séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2007. Vol. 151. P. 1005–1034.

Tezcan M. Origin of the Kushans // The Turks. Vol. 1. Early Ages. Ankara: Yeni Türkiye, 2002. P. 250–270.

Treister M., Yatsenko S. 1998. About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundles in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st - 2nd Centuries AD. Silk Road Art and Archaeology. 1998. Vol. 5. P. 51-106.

Trousdale W. The long sword a scabbard slide in Asia. Smithsonian Contributions to Anthropology. No 17). Washington, 1975.

Vaissière É. de la. Sogdian traders: a history. Leiden, Boston: Brill, 2005.

Vallée-Raewsky J. Résultats préliminaires de la fouille des kourganes de Yangirabat et Akdzhar-tépé dans la région de Samarkand (Ouzbékistan) // L'archéologie Française en Asie Centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels. Paris, Bichkek, Kaboul. P. 399-410.

Ying-Shih Yu. Trade and Expansion Han China: Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley: Berkeley Univ. Press. 1967.

Zürher E. The Yuechi and Kanishka in the Chinese Sources // Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968. P. 346-390.

Список сокращений:

АРТ	– Археологические работы в Таджикистане
АСГЭ	– Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БФАН	– Башкирский филиал Академии Наук СССР
ВГУ	– Волгоградский гос. университет
ВДИ	– Вестник древней истории
ВКФ АНУзССР	– Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ЕНУ	– Евразийский национальный университет
ИАЭ СОРАН	– Институт истории, археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
ИМКУз	– История материальной культуры Узбекистана
КГУ	– Кемеровский государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МОН РК	– Министерство образования и науки Республики Казахстан
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СбМАЭ	– Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
СОГУ	– Северо-Осетинский государственный университет
СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
СЭ	– Советская этнография
ТГУ	– Ташкентский государственный университет
ТИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР
Тр. ИИАЭ	– Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
Тр. ХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
ТИИАЭ	– Труды Института истории, археологии и этнографии
ЮУрГУ	– Южноуральский государственный университет
ЮФУ	– Южный федеральный университет
BAR	– British Archaeological Reports

АВТОРЫ

АВИЗОВА Айман Карайдаровна – кандидат исторических наук, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент, aimanavizova@mail.ru .

ЕРЖИГИТОВА Айсулу Аскаровна – Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, aisulu6767@mail.ru .

ИВАНОВ Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, sak@yandex.ru .

КИТОВ Егор Петрович – кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, kadet_eg@mail.ru .

КУЛИШ Алексей Валерьевич – Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, alexei-1985@bk.ru .

РОГОЖИНСКИЙ Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, alexeyro@hotmail.com .

САИПОВ Амангелды Байдуллаевич – доктор педагогических наук, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент, 7281190@mail.ru .

СМАГУЛОВ Ербулат Акижанович – ум. в 2019 г., кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы.

ТОРГОВЕВ Асан Исакбекович – кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, torgoevasan@mail.ru .

ТОРЕЖАНОВА Набира Жанзаковна – Центральный государственный музей Республики Казахстан, г. Алматы, nabi2nabi@mail.ru .

ТУР Светлана Семёновна – кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, tur@email.asu.ru .

ЯЦЕНКО Сергей Александрович – ответственный редактор, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, sergey_yatsenko@mail.ru .

AUTHORS

AVIZOVA Aiman Karaidarovna – Ph.D., M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, aimanavizova@mail.ru .

ERZHIGITOVA Aisulu Askarovna – A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, MES RK, Almaty, aisulu6767@mail.ru .

IVANOV Sergei Sergeevich – Ph.D., Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, sak@yandex.ru .

KITOV Egor Petrovich – Ph.D., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, kadet_eg@mail.ru .

KULISH Alexey Valerievich – The State Hermitage Museum, St Petersburg, alexei-1985@bk.ru .

ROGOZHINSKII Alexey Evgenievich – Ph.D., A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, MES RK, Almaty, alexeyro@hotmail.com .

SAIPOV Amangeldy Baidullaevich – Prof. Dr. Hab., M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, 7281190@mail.ru .

SMAGULOV Erbulat Akizhanovich – died in 2019, Ph.D., A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, MES RK, Almaty.

TORGOEV Asan Isakbekovich – Ph.D., The State Hermitage Museum, St Petersburg, torgoevasan@mail.ru .

TOREZHANOVA Nabira Zhanzakovna – Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, nabi2nabi@mail.ru .

TUR Svetlana Semenovna – Ph.D., Altai State University, Barnaul, tur@email.asu.ru .

YATSENKO Sergey Aleksandrovich – Prof. Dr. Hab., Russian State University for the Humanities, Moscow, sergey_yatsenko@mail.ru .

Яценко С.А., Авизова А.К, Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П.,
Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.,Торежанова Н.Ж.,
Тур С.С., Иванов С.С.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КАНГЮЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Подписано в печать « » 09. 2020 г. Формат бумаги
А4. Бумага типографская. Объем 13,25 п.л. Тираж 100
экз. Типография «Элем». Заказ № 0101.
г. Шымкент. ул. Г.Иляева, 7
+ 7 702 331 44 37, +7 776 331 44 37
E-mail: alembaspasy@mail.ru

LIST OF ILLUSTRATIONS

Chapter 2

Essay on the Political and Social History of Kangju / Kanga “Nomadic Empire”.
The Vassal Territories (YATSENKO S.A.):

Fig. 2-1. The map of Kangju state with the main monuments mentioned in the book. The seas and lakes borders give after the Russian map of 1871 y. Compiled by Sergey Yatsenko.

Fig. 2-2. The probable political center of Kangju on the Lower Arys' River with the several mentioned monuments. Compiled by Sergey Yatsenko.

Fig. 2-3. The most preserved bricks of the 1st c. CE with the inscriptions of occupation administration of Chach from Kultobe of Arys', photo A.N. Podushkin.

Fig. 2-4. The main find points of the bricks fragments with Chach' inscriptions from Kultobe of Arys' before 2020, photo A.N. Podushkin.

Fig. 2-5. Some materials connected with Kangju expansion to Xinjiang in 84-85 CE: 1 – Kushan coins of Vima Takto:

https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/4e/Coin_of_Vima_Takto.jpg;
https://www.vcoins.com/en/stores/numiscorner/239/product/coin_india_kushan_empire_didrachm_80113_uncertain_mint_bronze/1212351/Default.aspx ; 2 – the monument to the Chinese general Ban Chao in Kashgar.

Fig. 2-6. The probable dynastic tamga-sign of Kangju rulers and the Sarmatian aristocratic signs of South Ural Region, descended from it. 1, 3, 5 – the early coins of Chach of the 3rd-4th cc. CE, after V.D. Shagalov & A.V. Kuznetsov; 2 – the horse harness from Pokrovka 2, barrow 9, after L.T. Yablonsky; 4 – the cauldron found near Shymkent city, after Yu.V. Demidenko.

Fig. 2-7. The scenes of battle and triumph in the bone art carving of Kangju: 1 – Kyzylbulak-IV, after A.A. Goryachev; 2 – Orlat, after Sergey Yatsenko.

Fig. 2-8. The barrow grave of the noble Kangju warrior near Kosagash Village, after A.N. Podushkin.

Fig. 2-9. The nomadic aristocrat from the barrow 2 in Araltobe, K. Altynbekov reconstruction.

Fig. 2-10. Kangju warriors with armor, after the engraving from Orlat, the colour reconstructions prepared by K.S. Akhmedjan.

Fig. 2-11. Costume of Kangju: 1-3 – Kenkol, catacomb 9, after A.N. Bernshtam; 4 – Orlat, after Sergey Yatsenko.

Fig. 2-12. The part of Borizhar / Borizhary - the biggest barrow necropolis of South Kazakhstan of Kangju time, after K.M. Baipakov & A.A. Erzhigitova.

Fig. 2-13. Materials on the conflict of Kangju with the Sasanian Shapur I ca 260 CE: 1 – golden dinar of Shapur I (<https://www.zeno.ru/showfull.php?photo=244127>); 2 – the inscription of Shapur I of 262 y. on the “Kaaba of Zoroaster” in Nakq-e Rostam

([https://en.wikipedia.org/wiki/Shapur I%27s_inscription_at_the_Ka%27ba-ye_Zartosht#/media/File:Shapur_Kabe_Zartosht_Pahlavi_scripts.png](https://en.wikipedia.org/wiki/Shapur_I%27s_inscription_at_the_Ka%27ba-ye_Zartosht#/media/File:Shapur_Kabe_Zartosht_Pahlavi_scripts.png)).

Fig. 2-14. Some graves of nomads who destroyed Kangju in the middle of the 4th c. CE.: a – Kzyl-Kainar-tobe, b – Aktobe-2.

Chapter 3

Kangju in the Regional Trade and Cultural Interactions. Kangju and the “Alanian Problem”

(YATSENKO S.A.):

Fig. 3-1. Map of the Chinese “Northern Road” (I) and “the Khorezmian Road” (II). Compiled by Sergey Yatsenko.

Fig. 3-2. The samples of coins used of the territory of Kangju state: 1 — China, the Eastern Han Dynasty, ‘wu shu’ type. Mardan cemetery (after D.A. Voyakin); 2 — Kushan coin of Huvishka, Kultobe of Turkestan, after E.A. Smagulov; 3 – the coinage of Samarkand, silver (<https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=251391>).

Fig. 3.3. Tamga-signs of Kangju merchants of the late stage of usage of Bayte III temple in Ustyrt Plateau, after Sergey Yatsenko.

Fig. 3-4. The zones of concentrations of the finds of Chinese types’ mirrors in Sarmatia.

Fig. 3-5. The zones of concentrations of the finds of Chinese types’ swords and the swords samples in Sarmatia: 1 – Lebedevka, after M.G. Moshkova; 2 – Kamyshevskii I; 3 – Alt-Weimar, after S.G. Botalov; 4 – Tsentral’nyi VI (2, 4 – after S.I. Bezuglov).

Fig. 3-6. The jewelry wares in the polychrome style, the probable Kangju production: 1 – Duzdak, after K.A. Akishev; 2 – Kultobe of Turkestan, after E.A. Smagulov; 3-4 – Sadovyi, after I.P. Zasetskaya; L.S. Klein; 5 – Kochkovatka; 6 – Tuzluki; 7 – Chaltyr (5-7 – after V.I. Mordvintseva).

Fig. 3-7. The modified image of dragon / ‘long’: 1 – Kobyakovo; 2 – Chaltyr; 3 – Traianus Column in Rome (1-2 – after I.P. Zasetskaya; 3 – after V.Yu. Malashev).

Fig. 3-8. Two flags of Alanian ruler in “Dachi” barrow decorated by gold and similar to the image in Orlat (Sergey Yatsenko reconstruction).

Chapter 4

The Fortified Settlements

4.1.

Baka-tobe Castle and the Cross-Shaped Buildings of Kangju
(TORGOEV A.I., KULISH A.V., TOREZHANOVA N.Zh.)

Fig. 4-1-1. The fortresses in the valleys of Talas, the Middle Syrdarya, Zeravshan Rivers and Fergana Valley. Compiled by Alexey Kulish, the topographic base of A.G. Akulov.

Fig. 4-1-2. The main monuments from the east from Taraz City. The exploration routs of M.S. Mershchiev in 1963 y. (after Максимова, Мерциев, 1971, fig. 1).

Fig. 4-1-3. The plan of Baka-tobe fortress. Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-4. Plan of the central building of Baka-tobe. Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-5. Window in the NW corridor of the central building, photo A.V. Kulish.

Fig. 4-1-6. Room in the south tower, photo A.V. Kulish.

Fig. 4-1-7. Vault in the NE corridor of the central building. The ledge of cornice is clearly visible, photo A.I. Torgoev.

Fig. 4-1-8. The western corner of the outer fortress wall (axonometric projection). The drawing of Alexey Kulish.

Fig. 4-1-9. The outer facade of fortress wall near the western corner, photo A.V. Kulish.

Fig. 4-1-10. The courtyard between the central building and the fortress wall, photo A.V. Kulish.

Fig. 4-1-11. The kitchen pottery. The layer of debris above the upper floor in the tower 3. The drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-1-12. The tableware and the tare pottery. The layer of debris above the upper floor in the tower 3. The drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-1-13. The tableware pots and stand for the fire. The layer of debris above the upper floor in the tower 3. The drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-1-14. The tare pottery. The layer of debris above the upper floor in the tower 3. The drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-1-15. The fortresses of Talas Valley and the northern foothills of Karatau Mountains: a – Chol-tobe, b – Baka-tobe, c – Aktobe of Baba-ata. Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-16. Fortresses of Tashkent and the Middle Syrdarya Basin: a – Shashtepa, b – Minguryk, c – Aktepe of Chilanazar, d – Aktobe 2 of Chardara, e – Kultobe of Turkestan (period II). Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-17. Fortresses of Bukhara Oasis: a – Kyzyl-Kyr I, b – Uch-Kulakh, c – Setalak-I. Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-18. Fortresses of Bactria, Sogdia and Ustrushana: a, b – Begram, c – Kindikli-Tepe, d – Tirkashtepa (building period 2), e – Jartepa. Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-19. The early fortresses of Parthia and Sogdiana: a – Shahr-e Qumis IV, b – Shahr-e Qumis VII, c – Shahr-e Qumis XIII, d – Tali Hamtuda, e – Kholiknazartepa, f – manor near Kindik-tepa. Compiled by Alexey Kulish.

Fig. 4-1-20. Fortresses of Fergana Valley: a – Ark-tepe, б – Bilovurtepe, в – Aral-tepe, г – Tepee 5, Kerkidan Group of settlements. Compiled by Alexey Kulish.

4.2.

Kultobe Hillfort in Turkestan City: Genesis of the Settlement Structure
(TORGOEV A.I., KULISH A.V.)

Fig. 4-2-1. Plan of the excavated part of Kultobe of Turkestan, drawing of Alexey Kulish. The western part of the settlement, excavated after 2014 y., presented after air photo, without measurement.

Fig. 4-2-2. The building period I, drawing of A.V. Kulish.

Fig. 4-2-3. The building period II, drawing of A.V. Kulish. .

Fig. 4-2-4. The arches of passageways in the corridor 1a, drawing of A.V. Kulish.

Fig. 4-2-5. General view of the early core of the citadel in periods I-III, photo E.A. Smagulov, 2013 y.

Fig. 4-2-6. The building period III, drawing of A.V. Kulish.

Fig. 4-2-7. Cladding of the cross-shaped building, photo E.A. Smagulov, 2011 y.

Fig. 4-2-8. The building period IV, drawing of A.V. Kulish.

Fig. 4-2-9. The building period V, drawing of A.V. Kulish.

Fig. 4-2-10. Room No 40, the circles formed by holes from driven posts, photo A.I. Torgoev, 2014 y.

Fig. 4-2-11. The building period VI, drawing of A.V. Kulish.

Fig. 4-2-12. Section of the fortress wall No 2: 1 – the section of fortress wall, the northern face, drawing of A.D. Iskanderova; 2-4 - axonometric reconstructions of the wall face after the building stages, by A.I. Torgoev & A.V. Kulish.

Fig. 4-2-13. The climbing to the wall. The masonry walls of the sloping adobe bricks are visible. Photo of A.I. Torgoev, 2014 y.

Fig. 4-2-14. The view of the south part of settlement. The rectangular tower of period I is clearly visible in the center. Photo of A.A. Erzhigitova, 2017 y.

4.3.

Chronology of Kultobe in Turkestan City and the Craft Traces in the Settlement (TORGOEV A.I., KULISH A.V., ERZHIGITOVA A.A.)

Fig. 4-3-1. Pottery from the floors levels of period III, drawing of Asan Torgoev:

1 – 9, 11 – room 3, second floor; 10 – the cross-shaped building, room A1. The upper floor.

Fig. 4-3-2. Pottery from the pits Ns. 1 and 2 в in the floor of period III-1, the room 5, drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-3-3. Pottery from the pit in room 5a (№ 2 – the colour is not shown), drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-3-4. Pottery from the layers and upper floor in the room 12, drawing of Asan Torgoev: 1 – the upper floor. 2 – 4 – the contents of the room.

Fig. 4-3-5. Pottery from the lower floor in the room 12, drawing of Alexey Kulish.

Fig. 4-3-6. Pottery in contents between the floors of the room 13, drawing of Asan Torgoev

Fig. 4-3-7. Pottery from the fair layer in the room 23 of period VI, drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-3-8. The tare pottery and tableware from the room 23 of period VI, drawing of Asan Torgoev. Fig. 4-3-9. The tableware pot from the fair layer in the room 23, photo of A.A. Erzhigitova.

Fig. 4-3-10. Cup from the fair layer in the NE part of the courtyard (room 39), photo of A.G. Donets.

Fig. 4-3-11. Pottery for the contents of pit dwelling in the courtyard (room 39), drawing of Asan Torgoev.

Fig. 4-3-12. Rooms 5 and 5a, view from the east, photo of A.I. Torgoev.

Fig. 4-3-13. Room 5, view from the south, photo of A.I. Torgoev.

Fig. 4-3-14. Room 5, pit No 1, the contents, photo of A.I. Torgoev.

Fig. 4-3-15. Artifacts from the rooms 5 and 5a, drawing of Asan Torgoev and photo of A.G. Donets: 1 – 3, 5, 7, 8, 10, 11, 13 – 17 – room 5, pit No 1; 6, 9, 18 – 20 – room 5a, between the first (upper) and second floors; 12 – room 5, second floor.

1 – 3 – jasper; 4 – jasper, gold; 5, 11 – glass; 6, 20 – terracotta; 7, 8 – gypsum; 9, 13 – 16 – the Egyptian faience; 12 – mother of pearl; 17 – iron; 18 – carnelian; 19 – rock crystal.

Fig. 4-3-16. Idols figurines from the rooms 5 and 5a and the analogies: 1 – room 5, pit No 1, drawing of T. Tleubaev; 2 – Hazara necropolis, barrow 7 (Bukhara Region), after Обельченко 1992, colour tab, p. 3; fig. after the photo of A.I. Torgoev; 3, 4 – Balabinskii I Sarmatian necropolis, after Скрипкин, 2010, fig. 2, 2, 3); 5 – room 5a, over the second floor, drawing of A.I. Torgoev from the original.

1, 2 – gypsum; 3 – chalk; 4 – bone; 5 – gypsum coloured by black.

Fig. 4-3-17. Artifacts from the floors of period III, drawing of Asan Torgoev: 1 – room 3, the second floor; 2 – room 13, the second floor; 3- room 13, over the lower floor; 4 – room 5, the lower floor; 5 – room 12, the lower floor.

1, 2 – stone; 3 – clay; 4 – cornelian; 5 – iron.

Fig. 4-3-18. The copper coin of Huvishka founded under the lower floor in the room 13, photo of A.V. Kulish.

Fig. 4-3-19. The terracotta nozzle from the “Corner House”, room 26, photo of A.G. Donets.

Fig. 4-3-20. The golden costume accessories from the castle: 1 – upper floor level in the room 3 (the courtyard), period V, photo of E.A Smagulov; 2 – the lower level of courtyard, before the castle and near the south tower (room 12), period V, photo of A.A. Erzhigitova.

Fig. 4-3-21. The golden hollow earrings from the treasure, photo of A.V. Kamensky.

Fig. 4-3-22. The golden earrings with two rings from the treasure, photo of A.V. Kamensky.

Fig. 4-3-23. The golden bell-shaped pendants from the treasure, photo of A.V. Kamensky.

Fig. 4-3-24. The stone slabs from the treasure, photo of A.V. Kamensky.

Fig. 4-3-25. The big and small beads: 1-3 – the treasure, photo of A.V. Kamensky; 4 – pit in the room 5a, photo of A.G. Donets.

Fig. 4-3-26. The hollow ball-shaped pendants, photo of A.V. Kamensky.

Fig. 4-3-27. The belts with the narrow transverse plates in the eastern part of Transoxiana: 1 – Tuyuk, barrow 73 (Alai Mountains), the secondary grave in the mound, skeleton No 5 (a – drawing for the expedition report of Yu.D. Baruzdin, b – drawing of Asan Torgoev from the original); 2 – Sidak (Sydak-ata-tobe), crypt No 3 (after Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2004, fig. 3.25, 11, 12; drawing of Asan Torgoev from the original); 3 – Pshakshi-Tobe, the secondary grave (after Байпаков, Авизова, Акылбек, 2017, fig. 14, 2, 4 – 7; the drawing of Asan Torgoev based on photo). 1 – leather, bronze and textile; 2 – silver; 3 – bronze.

4.4.

Settlements and Cities of Otrar Oasis (AVIZOVA A.K.)

Fig. 4-4-1. The oval settlements of ‘tell’ / ‘tobe’ type: Seitmantobe.

Fig. 4-4-2. “Tobe”-type settlements with the additional platform - Pshakshitobe: a – view from the SE; b – view from the top.

Fig. 4-4-3. Hillforts: a – Pushuk-Mardan; b – Kok-Mardan.

Chapter 5

Necropolises

5.1.

**The Origin and Chronology Problems of the Burial Constructions of Kangju
in the 2nd c. BCE – 4th c. CE.**

(TORGOEV A.I., ERZHIGITOVA A.A.)

Fig. 5-1-1. Borizhar (Borizhary) necropolis, barrow 30, drawing of A.A. Erzhigitova & A. Sulaimanova.

Fig. 5-1-2. Borizhar necropolis, pit grave 3. The hand-made pottery, drawing of A.A. Erzhigitova & A.I. Torgoev.

Fig. 5-1-3. Borizhar necropolis, pit grave 3. The iron arrowheads, drawing of A. Sulaimanova.

Fig. 5-1-4. Zhaman-Togai necropolis, barrow 21. Plan of the grave and artifacts, after Максимова и др., 1968.

Fig. 5-1-5. The T-shaped catacombs of Sogdiana: 1 – Agalyksai, barrow 8 (after Обельченко, 1969, fig. 2); 2 – Akjartepa (after Обельченко, 1962, fig. 1, without scale); 3 – Kok-tepa (after Рапэн, Исамиддинов, Хасанов, 2012, fig. 5, 6); 4 – grave 1, the excavation trench II, Sarazm settlement (after Исаков, 1983, fig. 2); 5 – Yangi-Rabat, barrow 1 (after Vallée-Raewsky, 2013, fig. 3); 6 – Sirlibai-tepa (after Иваницкий, Иневаткина, 1988, fig. 2, А, Б). Compiled by Asan Torgoev.

Fig. 5-1-6. Borizhar necropolis, catacomb 27, the burial chamber, photo A.A. Erzhigitova.

Fig. 5-1-7. Borizhar necropolis, catacomb 27, pottery, photo A.A. Erzhigitova.

Fig. 5-1-8. The T-shaped catacombs of the Lower Syrdarya Basin and Tien Shan Mountains: 1 – Shaushkum necropolis, barrow 50, catacomb 1 (after Максимова и др., 1968, fig. 11); 2 – Shaushkum necropolis, barrow 50, catacomb 2 (after Максимова и др., 1968, fig. 11); 3 – Shaushkum necropolis, barrow 56 (after Максимова и др., 1968, fig. 12, 1-3); 4 – Zhaman-Togai necropolis, barrow 9 (after Максимова и др., 1968, fig. 2, 1-4); 5 – Kyzylzhar necropolis, barrow 4 (after Подушкин, 2007, pl. 4); 6 – Karatobe necropolis, barrow 3 (after Подушкин, 2000, p. 54); 7 – Kyzylzhar necropolis, barrow 10 (after Подушкин, 2010, fig. 4); 8 – Kum-Aryk necropolis, barrow 33 (after Кожомбердиев, 2012, fig. 14). Compiled by Asan Torgoev.

Fig. 5-1-9. Borizhar necropolis, catacomb 9, artifacts, drawing A.A. Erzhigitova: 1 – bronze, 2, 4, 5 – pottery; 3 – stone and gold.

Fig. 5-1-10. Some dated artifacts from the T-shaped catacombs of the Middle Syrdarya Basin and Tien Shan Mountains: 1 – silver fibula from Kultobe, barrow 18; 2 – bronze buckle, Borizhar, catacomb 5; 3, 4 – bronze buckles, Kenkol, barrow 55. The drawings of Asan Torgoev.

5.2.

Necropolises of Otrar Oasis (AVIZOVA A.K.)

Fig. 5-2-1. Kok-Mardan necropolis, object No 3 (after Нурмуханбетов, 2011).

Fig. 5-2-2. Kok-Mardan necropolis, object No 4. The plan and sections (after Нурмуханбетов, 2011).

Fig. 5-2-3. Konyrtobe I necropolis: the excavation trench - 2004 plan (after Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005).

Fig. 5-2-4. Kok-Mardan necropolis, the artifacts.

Fig. 5-2-5. Konyrtobe necropolis: the artifacts.

Plate 5-2-1 (in the chapter' text). The distribution of burial types, the main burial rituals, the dead poses and the orientation of the heads in various necropolises.

Chapter 6

Tamga-Signs of Kangju

(YATSENKO S.A., KULISH A.V., SMAGULOV E.A., TOREZHANOVA N.Zh.)

Fig. 6-1. Air photo of the early fortress Kultobe of Turkestan, the part of the late antiquity buildings excavated before 2015 y.

Fig. 6-2. Tamga-signs types distribution on the pottery from the rooms in Kultobe of Turkestan: I – ‘khum’ big vessel; II - jars; III - pots; IV - cups; V – ‘tagora’ basins; VI – cauldrons; VII - censers; VIII – ‘khumcha’ vessels; IX - flasks.

Fig. 6-3. Tamgas on the ‘khum’ vessels in the room 13 of Kultobe.

Fig. 6-4. Tamgas from the “Corner House” in Kultobe.

Fig. 6-5. ‘Tagora’ basin in the room 40 of Kultobe.

Fig. 6-6. ‘Khum’ slipware vessel from the room 42 with the drawing of big tamga in Kultobe.

Fig. 6-7. The samples of the most popular signs in Kultobe of Turkestan.

Fig. 6-8. The pottery fragments with tamgas and the image of winged dog in Baka-tobe.

Fig. 6-9. The fragments of flasks (?) of 2016 and 2018 yy. and ‘khumcha’ vessel (?) of 2019 y. in Baka-tobe; the analogy to a zoomorphic image, after Ya.A. Sher.

Fig. 6-10. Images’ elements on the pottery fragments (upper row); the vessel fragment of 2016 y. in Boka-tobe: the drawing and reconstruction of composition (lower row).

Fig. 6-11. The Sarmatian and Caucasian ethnological analogies: 1-2 – Kirsanovskii III, barrow 2 (the grave plan and the iron stamp, after B.A. Raev); 3 – instruments of the branding of livestock of Adyg peoples, after Kh.Kh. Yakhtanigov.

Fig. 6-12. The symmetrical compositions with several tamgas in Kangju and on the neighbouring territories: 1 – Minguryuk hillfort (Tashkent); 2 – Chu-Ili Mountains; 3 – canyon near Karakabak ancient city, after Z.S. Samashev.

Chapter 7

Rock Art of the Late Antiquity (ROGOZHINSKII A.E.)

Fig. 7-1. Eshkiolmes, drawing of Alexey Rogozhinskii.

Fig. 7-2. Karsak Valley.

Fig. 7-3. Zheltau Mountains.

Fig. 7-4. Saimalytash I (Saimaluu Tash I).

Fig. 7-5. Saimalytash I (Saimaluu Tash I).

Fig. 7-6. Zhaltyraktash (Zhaltyrak-Tash), photo A. Sultanov.

Fig. 7-7. Zhaltyraktash (Zhaltyrak-Tash).

Yatsenko S.A., Avizova A.K., Torgoev A.I., Saipov A., Kulish A.V., Kitov E.P., Rogozhinskii A.E., Smagulov E.A., Erzhigitova A.A., Torezhanova N.Zh., Tur S.S., Ivanov S.S. Archaeology and History of Cangju State / Ed. by Sergey A. Yatsenko. Shymkent: Ælem, 2020, 216 pp + 112 pls. (in Russian). ISBN 978-9965-19-600-3.

SUMMARY

by the editor

The collective book is the first big special international study devoted to the little-studied Kangju / Kanga /康居"nomadic empire". Its heyday was in the 80 – 230 CE and the center located in the Middle Syr Darya Basin. That time Kangju was the most powerful state in the West of the Central Asia. The heyday of Kangju coincided with the great time of antiquity – with the simultaneous heyday of the Roman Empire, the Han Dynasty China, the Parthian Iran and the Kushan Empire. The role of Kangju was crucial in the emergence of the "Northern Road" from 20 BCE - an important route of the newly emerged Silk Road. At the same time, Kangju was the only state in the western part of Central Asia that consistently opposed China. It was a long-lived state with almost 5-century history (ca 130 BCE – 350 CE). The history of this state is closely related to the early fate of the famous peoples of the past – the Alans and the southern Huns (Chionites). The history of Kangju is an important part of the history of peoples in Kazakhstan, Uzbekistan, the Russian Steppe zone to the east from Volga, some parts of Kyrgyzstan and Tajikistan.

The Kangju early state emerged as a socio-cultural synthesis of nomads and settled farmers, groups that migrated from the East and descendants of the ancient population of Transoxiana. The Kangju peoples were the first to create a series of fortified settlements on vast territories in the northernmost oases of the Syr Darya Basin and Northern Tien Shan Mountains, including several cities, and laid roads here. Kangju successfully manipulated by the certain groups of nomadic Sarmatians, Alans, Wusun, and Xiongnu to increase its power.

However, paradoxically, today we know much less about the Kangju state than, for example, about the Saka of Semirechye / Jetytu, the tribes of the Pazyryk Culture, the Eastern groups of Sarmatians and other ancient inhabitants of Kazakhstan in antiquity. Different aspects of the life of this ancient state have not yet been practically studied. This is why our book looks to the future in many ways. We did not try to create a solid generalizing work on Kangju. Such generalizations have been made several times in the past on very limited material and have not been very successful.

The book was prepared as the part of Kazakhstan President scientific programm BR05233709 "The History and Culture of the the Great Steppe". The main idea of this collection of papers was proposed in February 2020 by Prof. Sergey A. Yatsenko (the editor, RSUH, Moscow) and Dr. Asan I. Torgoev (Hermitage Museum, St Petersburg). The chapters of the book present new,

unpublished materials, give new interpretations of already known facts, or summarize the materials of field research of previous years. The opinions expressed in various chapters reflect the positions of their 12 authors. This collection was devoted to one of the co-authors who died in October 2019 – Erbulat A. Smagulov (Almaty).

In **Chapter 1** the author analyzes the history of the archaeological study of Kangju state, from the first excavations of its settlements and necropolises by A. A. Ostroumov in 1887 up to the results of recent archaeological expeditions in Kazakhstan, Uzbekistan, Western Kyrgyzstan and Northern Tajikistan. The main attention is paid to different degrees of study of various aspects of history, everyday life and culture of Kangju in modern science and its causes. Unlike other Central Asian states of the late Antiquity (Khorezm, Wusun, Kushan Empire etc.) only for Kangju the colleagues recognize the appearance of a serious and unresolved "*Kangju Problem*". The historiography of this problem was only briefly considered by K.M. Baypakov & E.A. Smagulov in 2005 and by A.N. Sviridov in 2012.

There are several popular topics related to Kangju in the scientific literature: the localization of its political center and various vassal territories described in Chinese chronicles; the archaeological cultures that were the parts of Kangju state (in addition to the basic *Otrar-Karatau* and *Kaunchi* Cultures, it also included the peripheral *Kenkol* and *Jetyasar* Cultures; but it is important that the last two, according to the recently updated chronology, arose only in the 3rd c. CE, when Kangju lost, according to Chinese and Persian sources, its former vassal territories); the role of elite groups of Yuezhi origin in the different parts of Transoxiana; the pattern of use of a small cross-shaped buildings, typical of Kangju territory in the 1st-4th cc.; the idea of O.V. Obelchenko (1954) about the conquest of Transoxiana by the Sarmatians at the end of the 2nd c. BCE and their "return" to the European Steppes in the 1st c. CE; Kangju's relationship to the nomadic tribes of the Middle Sarmatian and Late Sarmatian Cultures; the numerous but unsuccessful searches for archaeological localization of the former Mongolian Xiongnu on the territory of Kazakhstan in the 1st - early 4th cc. CE.

One of the major problems in the study of Kangju is the today prevalence of very broad dates of its monuments and artifacts, which is partly due to the lack of attention to the rare imports with exact dates. Another serious problem is that archaeologists prefer to study the large fortified settlements with the layers of different cultures, but the lower layers of Kangju time are usually excavated in negligible areas. The very big necropolises of Kangju time were also partially studied (Borizhar – ca 1500 barrows, Torkent – ca 900 barrows) but their materials are mostly not published. The classification and dating of pottery (Levina, 1971), which has been used for 50 years, now requires the adjustment.

Today for the territory of Kangju state the crafts, art, religion, petroglyphs of that time, mining, irrigation, specificity of coins usage, early toponyms etc. are very poorly studied.

The **Chapter 2** devoted to the political history and the elite groups of Kangju. According to *Hàn shū*, 96, on the linguistic situation in Transoxiana, the population was Iranian-speaking. In Ardvisur-Yacht (V.14, 54), edited, probably, in the 1st c. CE, its capital Kanga / Beitian / 卑闐 was the “the sacred” for Zoroastrians.

Six stages of the political history of Kangju studied there. **Stage 1** (ca 130 BCE – the late 1st c. BCE) – the early period. Sima Qian visited this country in 126 BCE. Kangju at this time was a federation of tribes that had a supreme ruler. Its suburbs paid tribute to its neighbors. But Kangju hosted the migrant groups Xiongnu and Wusun (in 48 and in 11 BCE). In 20 BCE, an agreement was signed with China, which opened up great trade opportunities. The first important military action was the helping Ferghana in the war with China in 103 BCE. **Stage 2** (ca 20 BCE – ca 60-70 CE) is the first stage of Kangju reinforcement. The population has increased. The outskirts no longer pay tribute to Yezhi, the dependence on Xiongnu becomes formal. The state is hostile to Wusun, China's main ally. There are five neighbouring vassals (their centers are in 90-555 km from Kangju capital). At this time, in addition to the capital (which in “Shahnama” located North from Chach and today is localized near Arys River: [fig. 2-2](#)), 3 new cities are mentioned in chronicles and epigraphy (built by Xiongnu chief: the summer residence of supprime ruler; the city built by Chah – Sogdia coalition on the territory of “peoples from the tents” – Kultobe of Arys’ hillfort – [fig. 2-4](#)). **Stage 3** (the second half of the 1 c. CE) – the sharp increase in external expansion. Two large nomadic vassals appear in the north – Yancai / 奄蔡 or Alanliao / 阿蘭聊 on the NE Aral Sea and Yan / 嚴 in the South Ural – who pay a large tribute with northern furs, and a large vassal to the south – Suyi / 粟弋 (Sogdia). After 80 CE an alliance and marriage was made with the founder of Kushan Empire (Vima Takto). In 84-85 CE Kangju troops helped to Kashgar in Xinjiang and captured Turfan, successfully fighting Ban Chao general. The new trade “Northern Road” to South Ural (Yan) from the capital of China is active ([fig. 3-1](#)). **Stage 4** (ca 100 – 230 CE) – the most powerful status ([fig. 1-1](#)). That time there are new nomadic vassals far to the West, bordering the Roman Empire – Liu / 柳 (Sarmatians between Volga and Don), who pay a large tribute. **Stage 5** (225-266 - the first half of the 4th c. CE) – fighting the first Sasanides state crisis, the loss of vassal territories. Ca. 230 CE, after the war with Ardashir I, Kangju he lost all his northern vassals. After the war with Shapur I in 262 CE Persians occupied the former Kangju vassals – Sogdia and Chach. The probable new vassals became the tribes of new Kenkol Culture. However, in the political center the number of settled residents is growing and trade with China continues. **Stage 6** (ca. 350 CE) – Kangju destruction. It was caused by the invasion of enemies from the far North, along the Syrdarya River. Judging by the cultural elements from the graves of the conquerors on the destroyed settlements, they came from the South Ural ([fig. 2-14](#)). They were the future Hionites – the Late Sarmatians, who mixed with the descendants of the Xiongnu. It was, probably, a short and brutal raid along the Syr Darya. It could be

a revenge. After all, more than 100 years before that the nomads of South Ural paid a large tribute to Kangju... The latter then moved South.

According to the available data, Kangju had a strong central authority and a centralized army with a core of armored cavalry. It was, probably, the “typical early state” after H.J. M. Claessen or “the nomadic empire of type III” after N.N. Kradin. Unfortunately, all the excavated burials of aristocrats in the political center of the country were looted in ancient times, including the family catacomb near Kosagash; but the graves of the elite and their images on vassal territories are sometimes well preserved (figs. 2-7 – 2-9).

In **Chapter 3** the Kangju participation in the regional trade and the importance of Kangju materials for the study of groups of Alans’ origin are analyzed.

In the 1st – early 3rd cc. CE, except the “Northern Road”, there was also a trade route from Khorezm to the North (fig. 3-1). A series of merchant tamga-signs specific to Kangju are found on this road, among other things (fig. 3-3). There are many reasons to think that the trade route continued from South Ural by Sarmatian traders up to Tanais in Don Estuary (Sarmatian groups of these regions were Kangju vassals after Chinese sources). In the territory of Kangju foreign copper coins from Kushan Empire and China were sometimes used for trade. The list of Chinese wares and their imitations that fell to the nomads of the European Steppe looks very strange. These are usually two types of artifacts. These are the types of mirrors that were brought here many years after they disappeared in China; but they had no traces of active wear (apparently, they were copied in Ferghana by migrants from China, using the same alloys and technologies) (fig. 3-4). These are imitations of Chinese swords with "barbaric" details, which, according to the Chinese chronicle, were also made in Ferghana (and, probably, in Kangju) by the deserters from the Chinese armies (fig. 3-5). At the same time, the weapons were forbidden to be exported from China, and mirrors were unique and magical personal property of the Chinese, not subject to sale. Another group of alleged Kangju artifacts from Sarmatians are massive gold costume accessories in an original style that has no analogies in the Central Asian regions, in Parthian Iran, in Roman Empire, in the Caucasus, Bosphorus Kingdom etc. (fig. 3-6, 3-7) and only sometimes – on the territory of Kangju state (fig. 3-6, 1). It is logical to see them as products of the least studied in this aspect regions of Central Asia – Kangju and Ferghana. They were either gifts from the Kangju rulers to their Sarmatian vassals or relics of the eastern homeland.

Today it can be considered that Alans were an important element not only of the Middle Sarmatian, but also of the Late Sarmatian Cultures. Probably, these groups are called Alans-Scythians and Alans Massagetes by the Roman authors. In 1992 there were 8 major versions of the origin of Early Alans... Recently the anthropologists have refined these theories: the nomads of the Middle Sarmatian Culture had the origin in the NW Xinjiang (T.A. Chikisheva) and the peoples of the Late Sarmatian Culture had their motherland in the Lower Syrdarya / Yantsai

(Kitov E.P., Khojaiov T.K.). These groups in their further migration to the west could not pass the territory of South Ural that was dependent on Kangu since the 1st c. CE and also another vassal of Kangu – Yancai. And after settling in Europe they remained heavily dependent on Kangju. Therefore, it is not surprising that they have specific borrowings from Kangyu (some forms of tamga-signs of aristocracy, the types of mobil houses on wheels, the types of flags, jewelry etc.).

In **Chapter 4** the types of Kangju fortified settlements, the some buildings and traces of handicraft production were analyzed.

In **4.1. chapter** considered the fortress of cross-shaped form *Baka-tobe*, 18 m long, in the Lower Talas Basin, on the border with Moyinkum Desert (fig. 4-1-3 – 4-1-4). It has been under investigation since 2015. It was part of the fortress group in modern Beyzak county on the eastern border of Kangju with Wusun. The fortresses were built here by the separate clans, without forming a strict line of defense. Various types of pottery date back to Baka-tobe by the second half of the 2nd – first half of the 4th cc. CE. Among them sometimes there are vessels from more southern regions – Ferghana, Kenkol Culture, Chach and Sogdia. The fortress was destroyed in a fire during the invasion of enemies.

The planning of Baka-tobe is considered against a broad background of similar objects in Transiana, Iran and Afghanistan. Three types of architectural complexes of the cross-shaped form are described: 1. Small buildings (less than 18 m) with thick walls, with an entrance on the second floor, with one large and two small rooms inside (Kultobe of Turkestan, Aktobe 2 of Chardara etc.). 2. The base of the building is the quadrate with towers in the middle of each side (Minguryuk and Shashtepa in Tashkent etc.). This type had its origin in Iran. 3. A quadrate - shaped base with towers at the corners - the most common type (Kindekli-tepa in Sogdia, Aral-tepa in Ferghana etc.). This type also includes Baka-tobe. These three types correspond to the three main methods of defense of fortress corners in Central Asia (Ghirshman, 1946).

Since the late 1960s there have been two main attributions of such cross-shaped objects among Transoxiana researchers: a fortress with living quarters (Vainberg B.I., Levina L.M.) or a temple (Mershchiev M.S.). Over the past 10-15 years their interpretation as temples has prevailed. This version is criticized (the inconvenient entrance on the second floor; the rooms are not adapted for group rituals; almost always there are no reliable attributes of the cult; the complete absence of interior decoration etc.). Such objects were the fortresses of clans or large families.

The **4.2. chapter** analyzed the development of the structure of a small fortified rural settlement is considered - the only one for Kangju state, the fortified part of which (2700 sq. m) was completely excavated – *Kultobe of Turkestan*. Its Kangju layers studied in 2011-2019 (fig. 4-2-1). The settlement began with a cross-shaped fortress of one family, 18x18 m. Then a rectangular castle with three towers was added to it. Together they formed the citadel (fig. 4-2-5). To the east were residential buildings. The settlement existed for about 150 years (the 2nd –

mid. 4th cc. CE), the construction periods I-VI were identified. The longest was period III. There was no own production of pottery. Most of the inhabitants, even at the end of the village's existence, lived here only part of the year and the rest of the time grazed cattle in the neighboring Karatau Mountains. The 7 open courtyards without a roof, with high walls that protect from the wind were found (they mostly date from the period V). In each of the courtyards was a round winter temporary house similar to Kazakh “shoshala” yurt (fig. 4-2-10). Later the permanent families appeared here also. In period V a common defensive wall of the settlement appears, similar in shape to a hexagon; inside it was a space of 60x65 m. During period VI, before the destruction of the settlement from the northern nomads, it was surrounded by a powerful fortress wall which was rebuilt several times (fig. 4-2-12) and the population was concentrated in the eastern part (fig. 4-2-11). During this period, there was a large household consisting of 8-9 rooms and courtyards. It had a large hexagonal courtyard.

In **4.3. chapter** the authors clarify the chronology of Kultobe of Turkestan settlement and analyze the traces of crafts in it. The main part of the pottery dates from periods III and V (these complexes are similar) by the second half of the 2nd c. – early 4th cc. BCE. Among the vessels occasionally found originating from Bactria, Sogdia or from the territory of Kenkol Culture. The pottery of the latest period VI dated as a whole by the 4th-5th cc. CE. At this time, the settlement's pottery was, probably, imported from the nearby Otrar Oasis. In general, the origin of the settlement dates back to about the beginning of the 2nd c. CE, and its destruction (according to imports in the burials of enemies who destroyed neighboring settlements) by the mid. 4th c. CE. During period III (the mid. 2nd - mid. 3rd cc. CE) in the settlement worked a jeweler who also made small idols out of plaster. The traces of production found in the rooms 5 and 5a (figs. 4-3-12, 4-3-13). A master made women's accessories from gold with inserts of carnelian and rock crystal, beads and details of the long swords' scabbards of “Sarmatian type” from jasper. All these minerals are mined in the neighboring mountains. The crucible for melting gold, the glass beads for remelting, as well as the stocks of colored stones and gypsum were found. In period V in the western part of the castle, probably, lived a jeweler who worked with gold and polychrome jewelry. In several points were found the series of golden earrings (fig. 4-3-21), dress applications and the unique pendants. The nozzle from his furnace was, probably, found in secondary use in room 26 of period VI. So, already in the first fully excavated rural settlement of Kangju were found the traces of the work of two jewelers who made products of the types that were usually used among Sarmatians; they were still perceived as made in the cities of the Crimea or the Caucasus. The research of cities in future s will give us much more interesting results.

The **4.4. chapter** devoted to the main types of Kangju time settlements of Otrar Osias, on the border of Steppe and Kyzylkum Desert. In ancient times it had a circumference of about 55 km. Ca 50 Kangju settlements of several types were discovered there. The layers are dated widely by the 1st-4th/5th cc. CE. Their first excavations were organized in 1949 by A.N. Bernshtam. One of two early types - 11 *oval hills (tobe)*, 2-6 m high. They were not excavated, only the pottery fragments were collected on the surface. The second early type of settlement is 11 *hills (tobe) with an adjacent lower platform*. They are oval or rectangular. The height of the main hill is 11-17 m. Sometimes large public buildings stood on top of them. In Pshakshitobe such a building has been studied fragmentary. The building was rectangular, had about 20 rooms, the walls of which are covered with plaster, the floor is neatly paved with pottery fragments (there are many tamgas on it). 9 large *hillforts* are poorly studied, the largest of which were Otrar (9 settlements around it), Kok-Mardan (with 8 settlements around it), Kuik-Mardan, Pshuk-Mardan, Oksyz (with 6 settlements around it). For Kok-Mardan we know three types of houses (after K.M. Baipakov): 1. A one-room house. In its center – a rectangular hearth, along two walls-clay beds (*sufa*). The roof was supported by 4 pillars. At the entrance to the left were two rows of hearths in the wall for baking bread. The large vessels (*hum*) for food and liquids stood in corners and on couches. One of the corners was separated by a low wall and served as a kitchen. There were also similar houses sunk into the ground. 2. A house with two rooms. One of them was a storeroom. 3. A house with 3-5 rooms. It also had only one living room, and the rest were storerooms.

In **Chapter 5** the types of Kangju graves and the Post-Kangju necropolises planigraphy studied.

In **5.1. chapter** the chronology and evolution of types of grave pits in Transoxiana in the 2nd c. BCE – the 4th c. CE considered. The early Saka population buried the dead in the barrows in simple pits. In the 2nd-1st cc. CE the pits with protrusions along the upper edge for the coffin lid are known (**fig. 5-1-2 – 5-1-4**). In the 2nd c. BCE the catacombs of type II (Lyavandak type) appear from the Southern Ural with a single axis of the entrance pit and burial chamber. Based on them, the T-shaped catacombs of type I (Kenkol type) were formed in the 1st c. CE in Sogdia and in the Middle Syrdarya. Since the mid. 2nd up to the mid. 4th cc. CE the T-shaped catacombs dominate in both areas. In the Middle Aral Basin in big barrow necropolises (Boryzhar, Kultibe of Aral) only such graves are known. In Tien Shan Mountains the catacombs of type I brought by the conquerors in the 3rd c. CE and the catacombs of type II unknown there. In Ferghana the catacombs of type II are absent also, the type I concentrated in its eastern part. In Tien Shan we know the series of alcove graves with the burial in the western wall and the

head orientation of dead to the north. They are typical also for the Late Sarmatian Culture of the European Steppes. Since the mid. 4th c. after Hionites invasion to Transoxiana the catacombs in the barrows were gone. They were replaced by ground-level crypts with the burial rituals of Mazdeist (“Zoroastrian”) type.

In **5.2. chapter** the post-Kangju necropolises of Otrar Oasis studied. In Konyrtobe I and II and in Taltakai we see the special clay platforms for the groups of dead or the ground-level crypts. But some parts (objects III and IV with 18 or 24 dead) of Kok-Mardan barrow necropolis dated by Kangju time before the early 2nd c. CE (see chapter 5.1.). They included the catacombs of type II (Lyavandak type) and also alcove grave and pits. In object III the adults were buried in the catacombs, and the children – in the alcove graves.

The **Chapter 6** devoted to the tamga-signs of the late Kangu rural, well excavated fortified settlements Kul-tobe of Turkestan and Baka-tobe of the mid. 2nd – mid. 4th cc. CE. The detailed study of Kangju time Middle Syrdarya and Chach tamgas see, please, in: Yatsenko S.A. et al. *Tamgas of Pre-Islamic Central Asia*. Samarkand: IICAS, 2019, chapters 5-6. Unfortunately, some important materials could not be published then, and this is being done now. The difficulties of the identifying and mapping tamga-signs finds in individual rooms in settlements are discussed in details. For Kultobe of Turkestan our ideas were only partially realized because such work in the world of archeology was not specifically engaged in before, and our ideas were refined gradually (**fig. 6-2**).

In Kultobe the signs were usually applied to pottery before firing in the form of graffiti. They are concentrated in the north and east of the territory within the walls of periods V-VI. Most of them were used for the last 100 years of life in the settlement. The earliest signs on the big ‘hum’ vessels from the room 13 are very interesting (**fig. 6-2, 6-3**). Tamga No 2 found in Kultobe five times. It is widely known in the Great Steppe from the probable Yezhi petropoglyphs in Tomar Valley, the eastern border of Kazakhstan, up to the Don Estuary and the Central Crimea for Sarmatians since the early 2nd c. CE. Tamga No 3 was also the sign of Sarmatian aristocratic clan and was very popular in the various important sacred objects of Sarmaia. There was some connection between the host clans of these two signs, since they are found in Kultobe in one and the same room and in Sarmatia – in the neighbouring graves of Bitak necropolis on the outskirts of Scythian Neapolis. In the late 3rd – early 4th cc. some signs (Ns. 31, 34) were found in the temporal winter houses on the pottery of rare types. The latest series of signs we know only in the big house with 8-9 rooms and courtyards. The owners sign (No 25) is met repeatedly. But what mean the other three signs on the pottery from the same house that existed for a short time? Some popular signs (Ns. 10, 29) have the correct analogies only in Sarmatia .

In Baka-tobe fortress of great interest are the signs on the flasks of 2016 and 2018 yy. applied with an unusual tool-an iron stamp for livestock, 3-4 signs in a row covered carefully (fig. 6-8 – 6-10). Such compositions usually symbolized the union of several families, among them were the same signs (Яценко, 2001). Both compositions have been preserved in fragments. The sign “S” (No 1) is known on the similar iron stamp in the grave of Sarmatian noble man of the late 1st c. CE in Kirsanovskii III, in the Lower Don (fig. 6-11, 1-2). In Kangju there are also rows of tamgas on a stone grouped around a schematic figure of a man (Minguryuk, Beskepe) (fig. 6-12,1). The sign No 1 has been seen many times in the Eastern Crimea of the 1st – early 3rd cc. CE. Its first image there dated ca 20-30 CE (Artezian fortress). The sign No 2 also used by Crimean Sarmaians several times (one correct date for is the early 3rd c. CE). The signs 1-3 we see also on the early coins of Khorezm. The fragmented sign of 2019 y. on ‘humcha’ vessel we know in Kangju time in Turkestan and Otrar Oases and also in Sarmatia.

In **Chapter 7** proposed the probable Kangju petroglyphs that have not been specifically studied before are considered. Their identification based on the tamga-signs, the special "Post-Saka style" and the series of specific image subjects.

One of the most interesting is the composition with a wolf running after a wild goat in Eshkiolmes (fig. 7-1). On the body of the wolf we see Kangju tamga identical to the same one on the horse from Kangju belt in Orlat. Since the 1st c. BCE the H-shaped tamgas have spread to the territories under Xiongnu (Mongolia, Tuva). The compositions that are specific in style and subject matter, including such tamga as in Zhaltyraktash (fig. 7-6) and in Saimalytash I (Kyrgyzstan) are very interesting.

The **Chapter 8** devoted to some problems of Kangju physical anthropology.

Until recently were studied in detail the materials of Kaunchi Culture in Tashkent Oasis and Kenkol Culture. The South Kazakshtan did not attract attention. Later were studied the series of Jetyasar Culture and the giant Borizhar necropolis. The human remains from Borizhar indicated a varied diet and a large number of injuries, including combat. The teeth of both jaws of all peoples are strongly worn off and they were used for making belts, ropes, etc.

The most interesting phenomenon is the deformation of the skull (in Kangju time – usually circular). It interferes with the work of anthropologists but at the same time gives important information about some traditions and their distribution. In Transoxiana the other types of deformities are also known – the forehead + back of the head, as well as the crown of the head. The tradition of deforming skulls is occasionally found in some parts of Transoxiana since the Achaemenian time. It had, first of all, a prestigious function and denoted the origin of a famous clan (not

necessarily rich and strong at that time). For example, in Tulkhar necropolis (on the border of Tajikistan and Afghanistan) the deformed skulls were found in only three of the eight groups of barrows (kurgans), in which their proportion ranged from 22 to 50 %. Since the 1st c. CE from the Lower Syrdarya the custom of deforming skulls (from the initial deformation of the forehead and back of the head to the ring deformation) is widespread. Soon in many groups the proportion of such skulls reaches 60-100 % and becomes stronger, outwardly pronounced. The skull deformity was brought to the Tien Shan in the 3rd c. CE by the alien creators of Kenkol Culture, and it quickly spread to mestizo groups as well. In the 2nd – 4th cc. CE the intensive migrations and mixing of the population of different regions were observed, which also led to the spread of skull deformity.

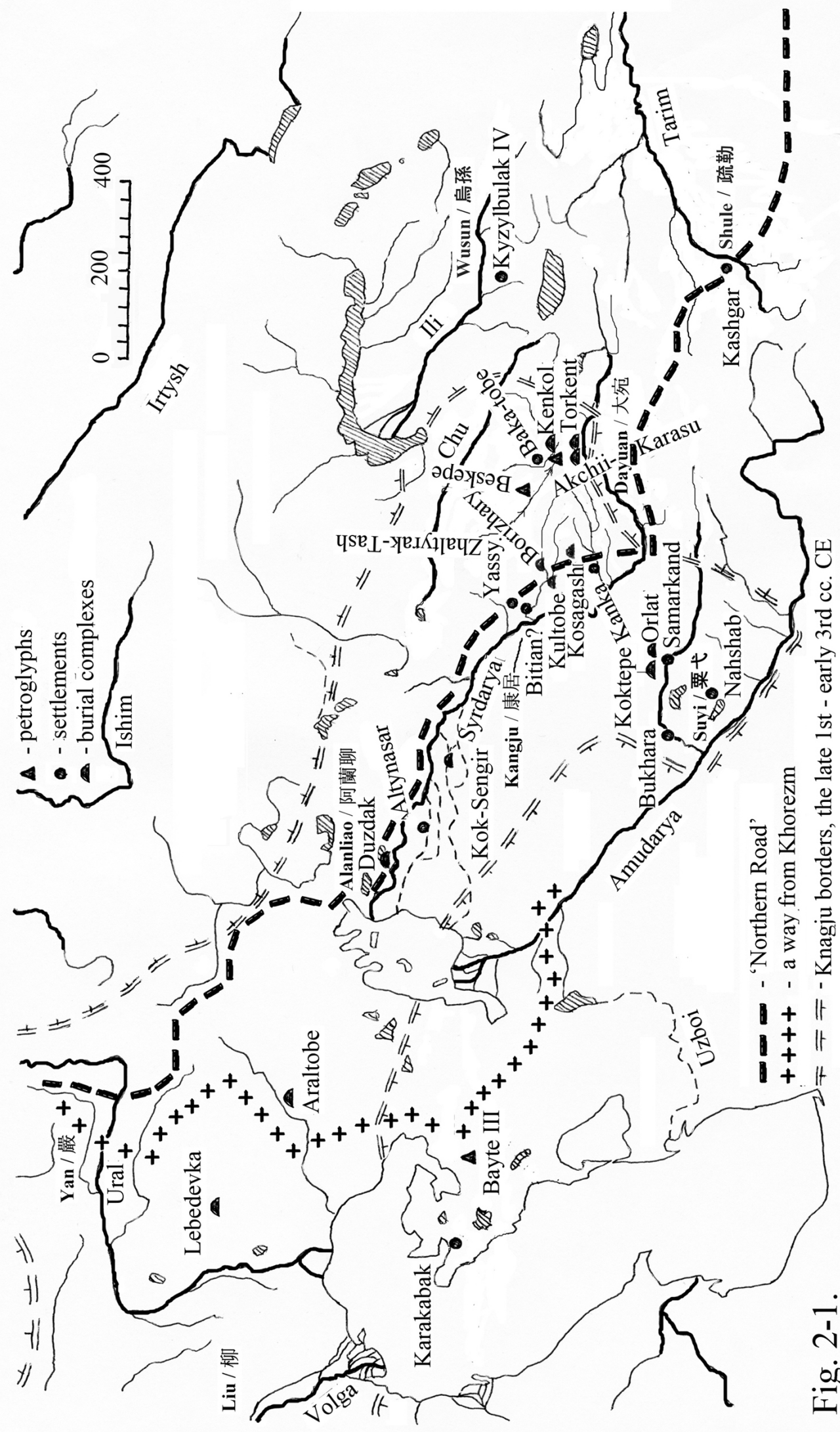

Fig. 2-1. - Knagju borders, the late 1st - early 3rd cc. CE

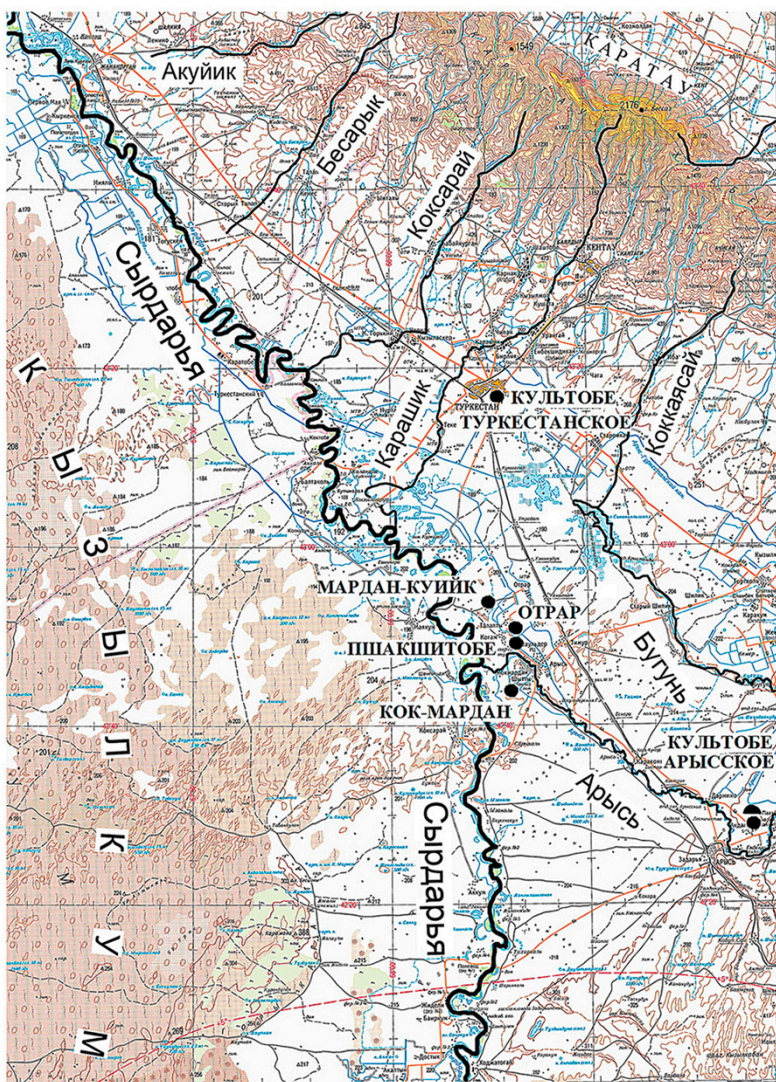

Fig. 2-2.

0

50 KM

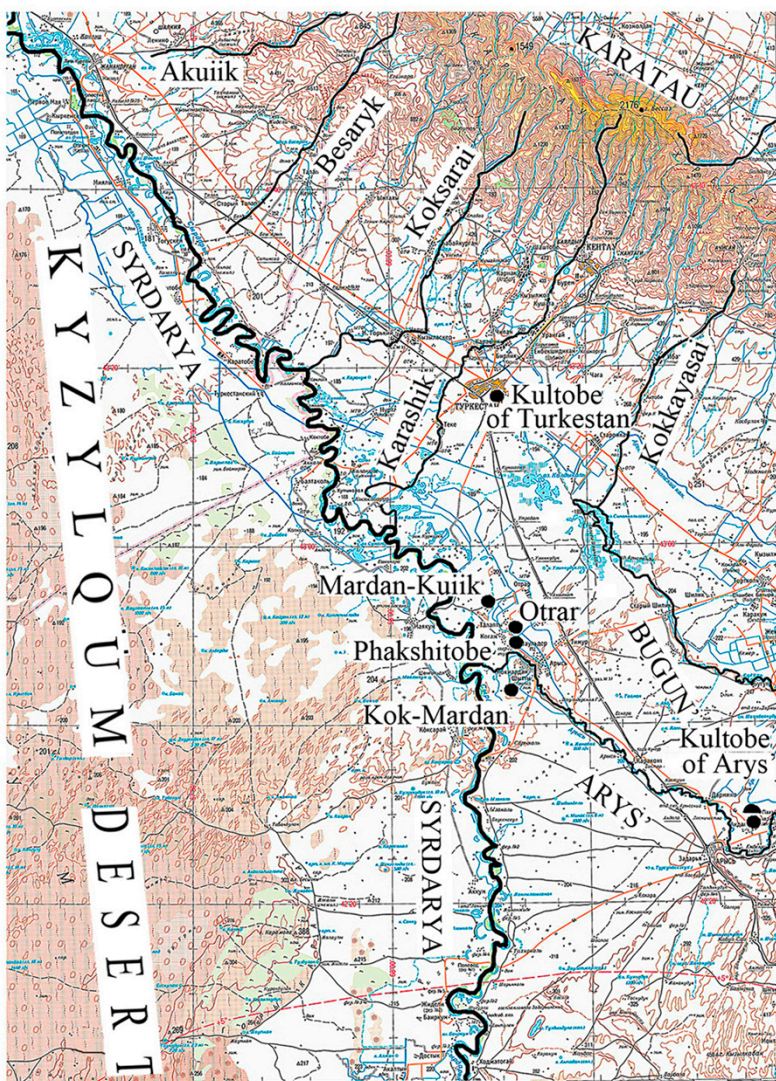
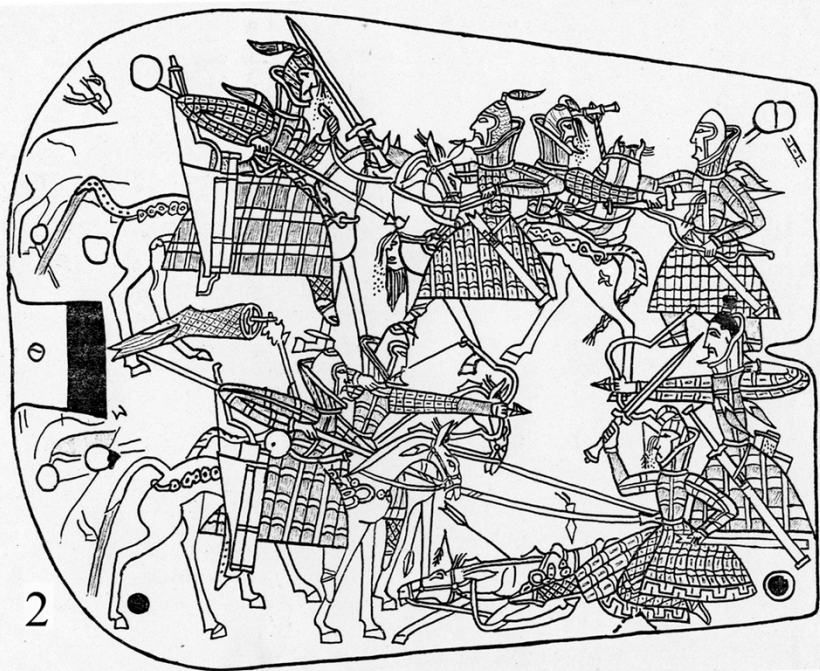
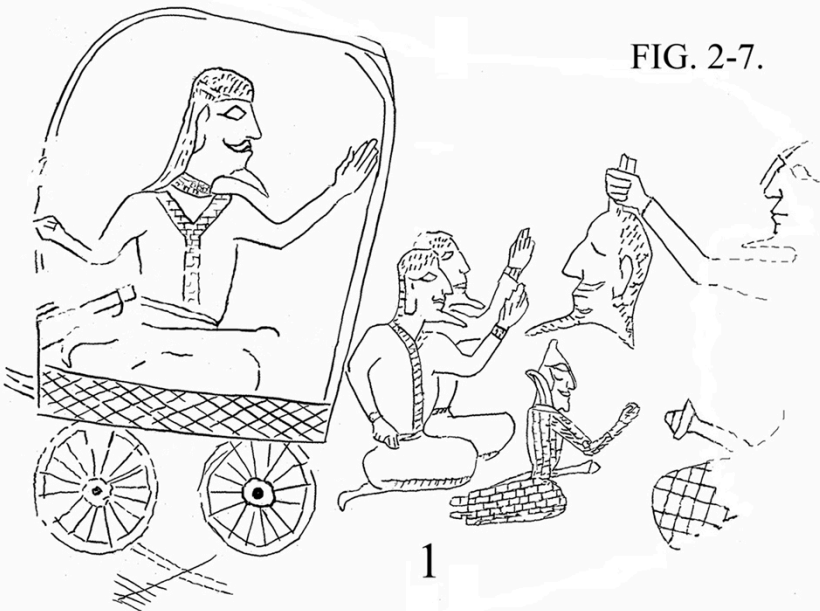

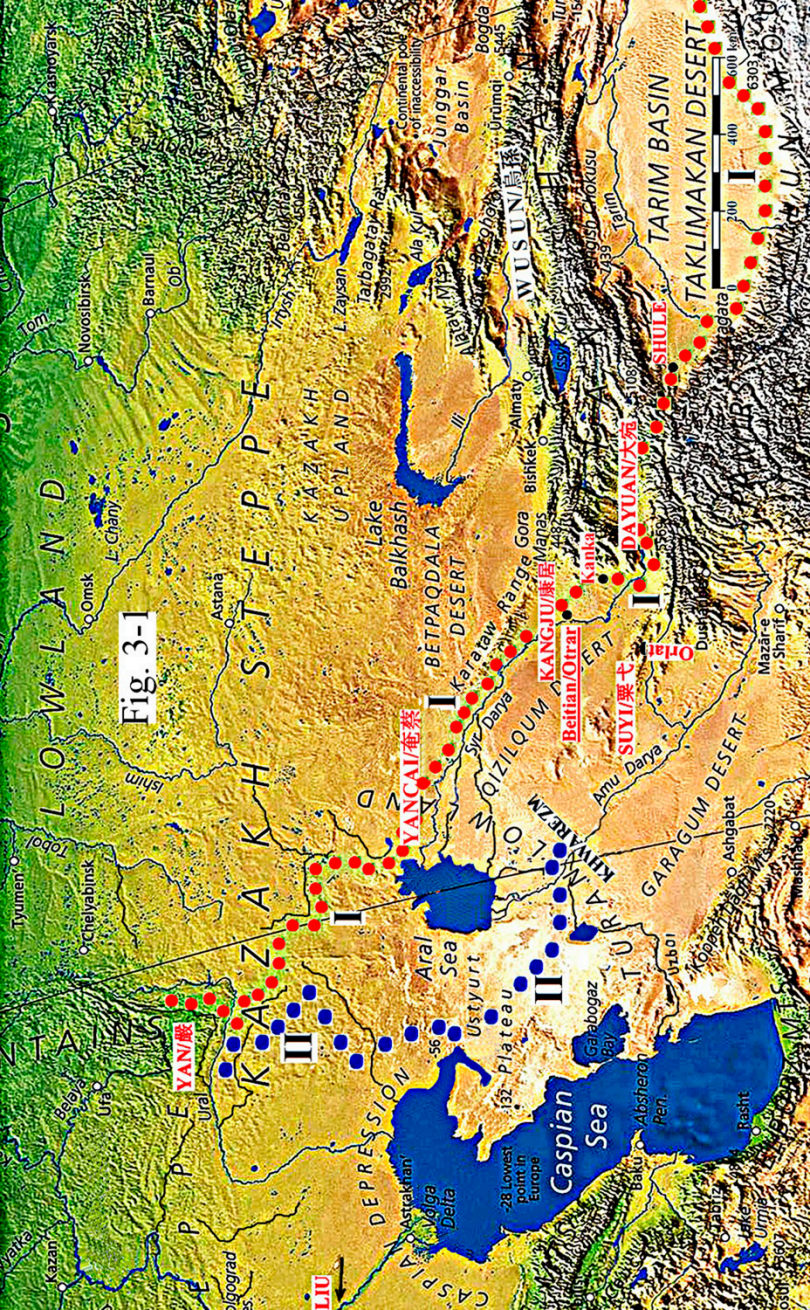
Fig. 2-2.

0

50 km

FIG. 2-7.

1

2

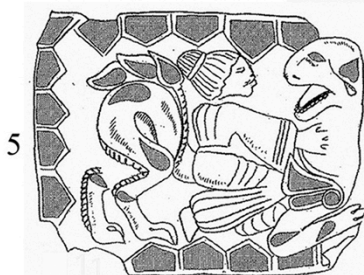
Fig. 3-6.

3

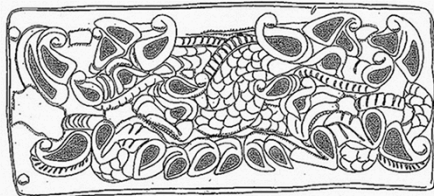
4

5

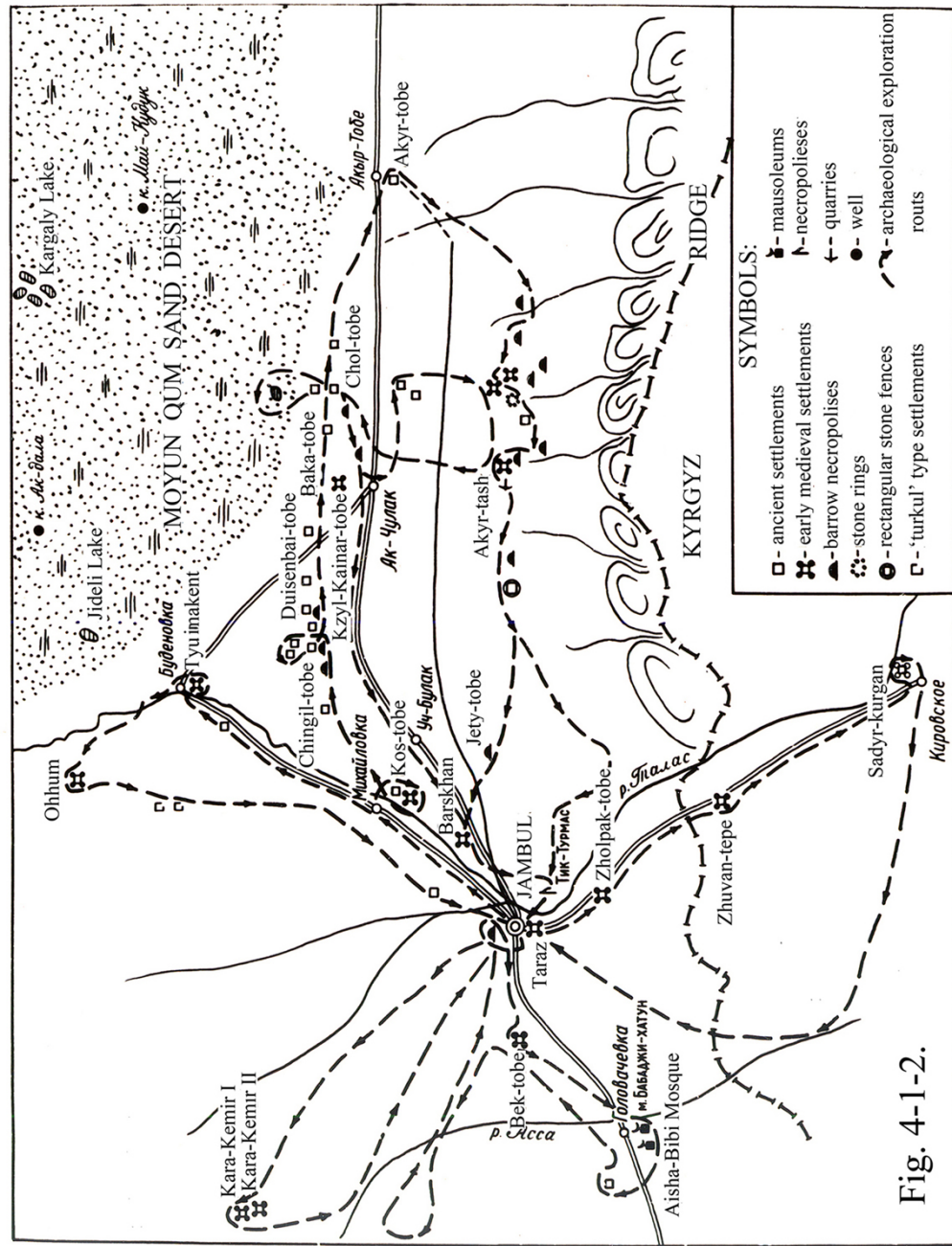

6

7

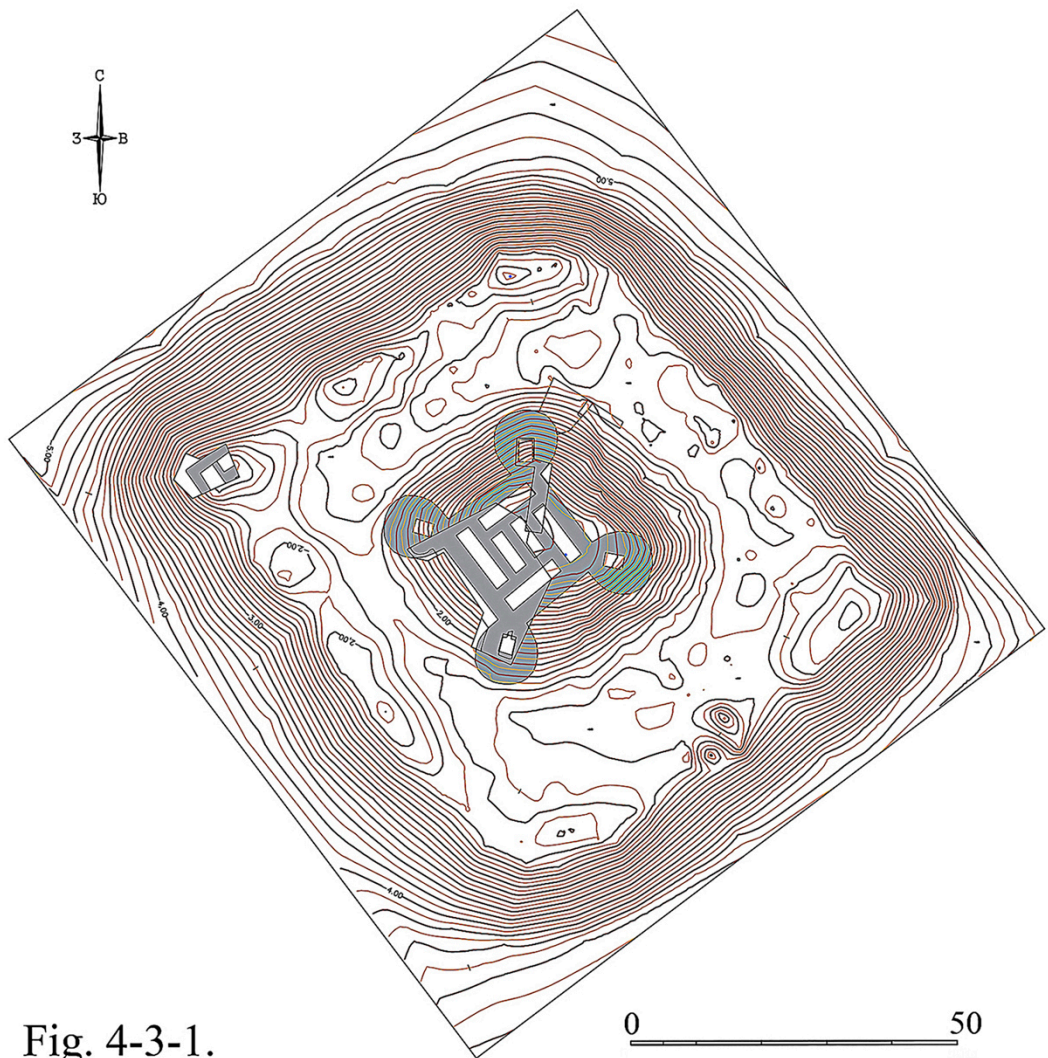
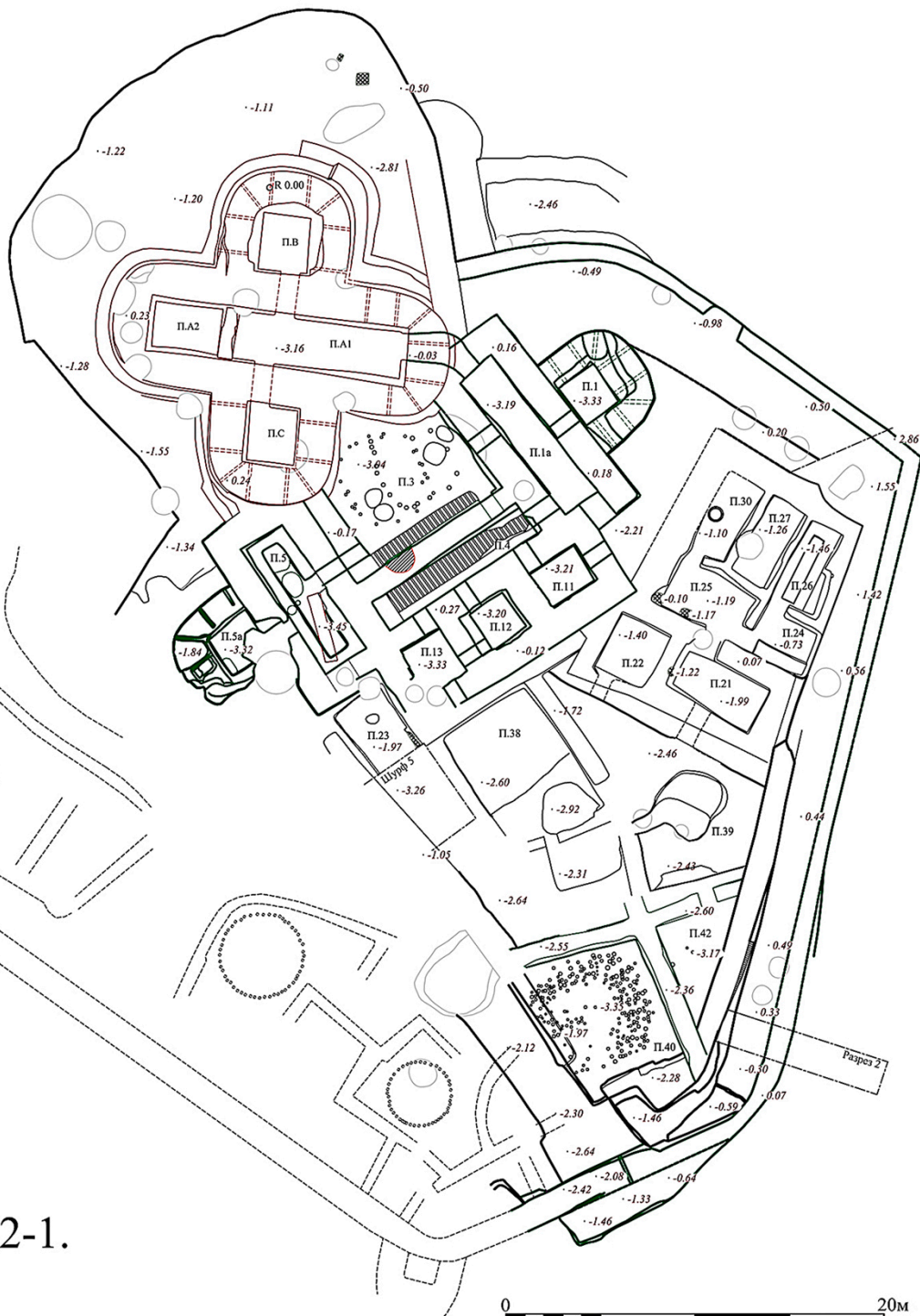

Fig. 4-3-1.

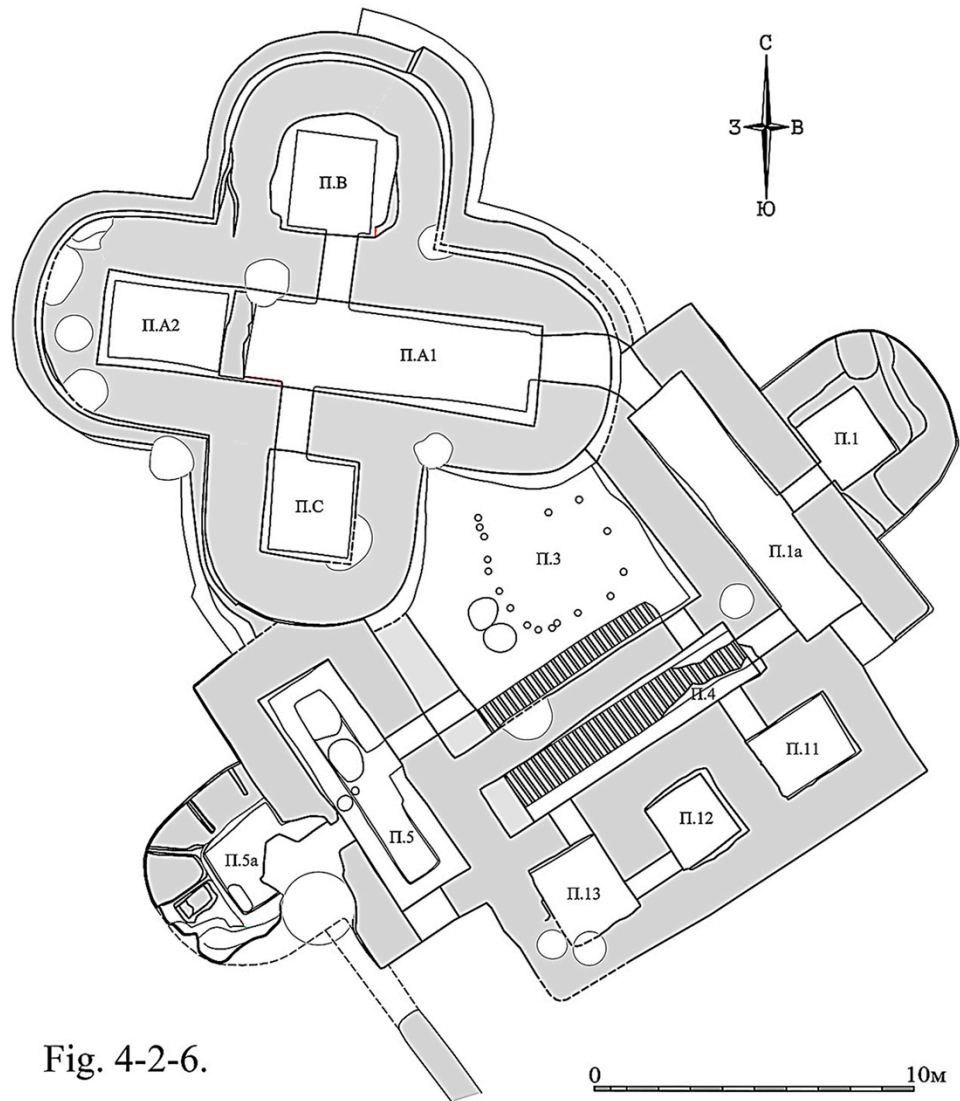

Fig. 4-2-6.

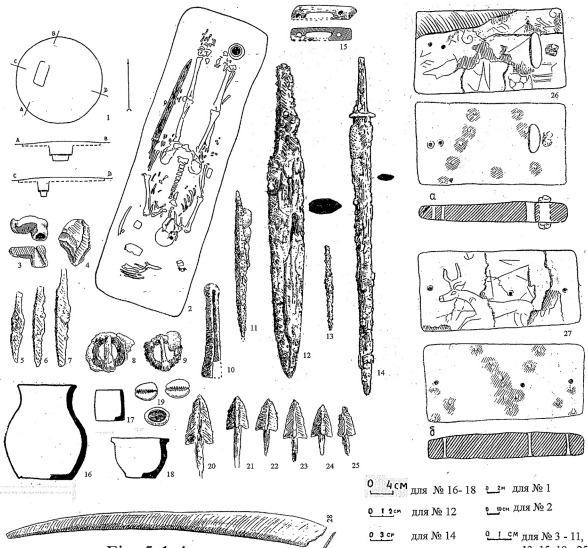
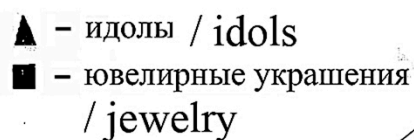

Fig. 5-1-4.

0 4 см для № 16-18 0 2 см для № 1
 0 1 см для № 12 0 1 см для № 2
 0 3 см для № 14 0 1 см для № 3-11,
 0 1 см для № 26, 27 13, 15, 19-25,
 28

I ♯ ♭ ⊗ ϕ ↑ ∩ } H ⊞ ⊠ ⅈ ∧ +

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14

II

15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 10 14 30

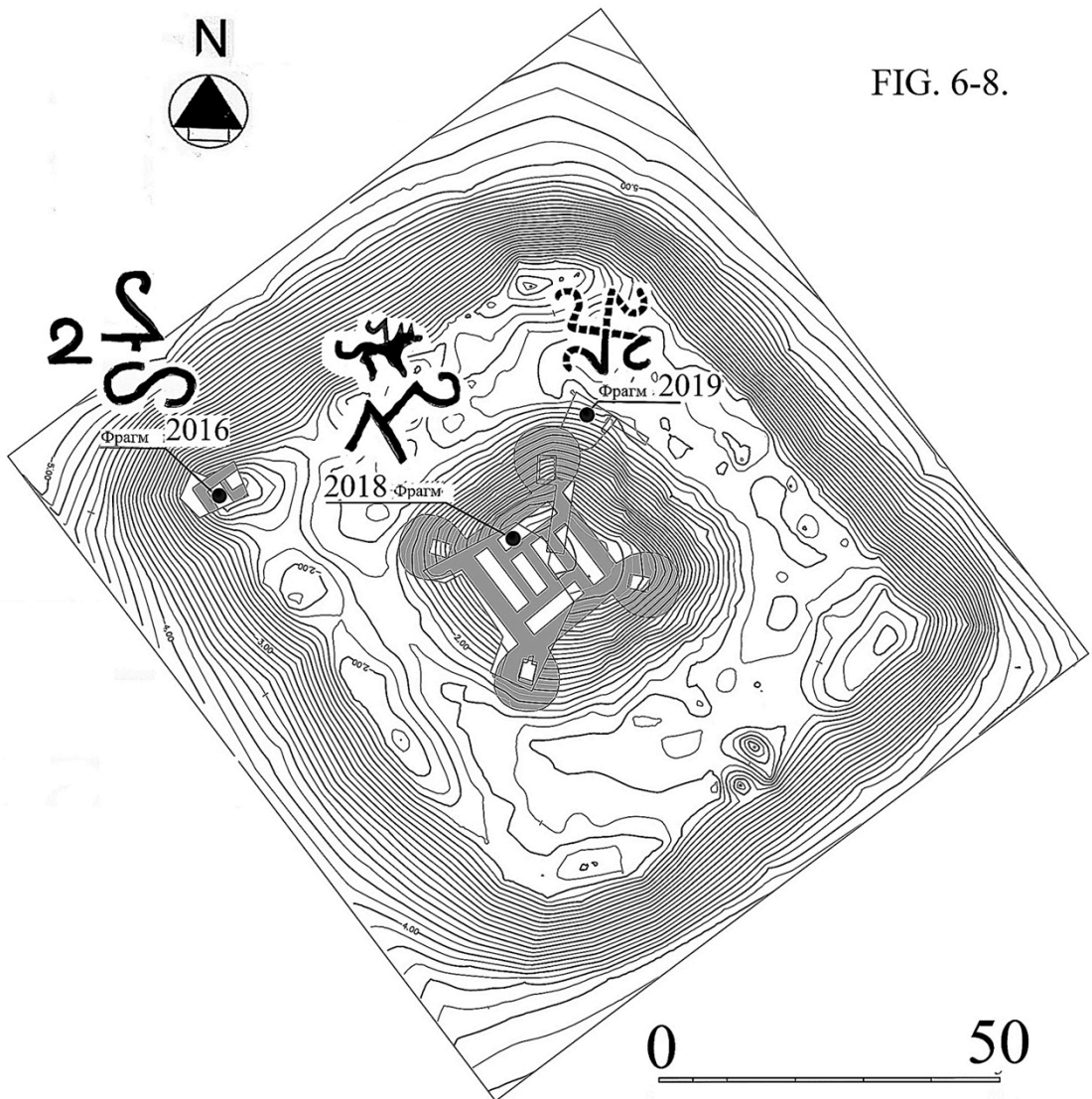
15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 10 14 30

III   IV   V VI VII VIII IX

31 32 11 33 34 35 36 37 38 39 40 41

FIG. 6-8.

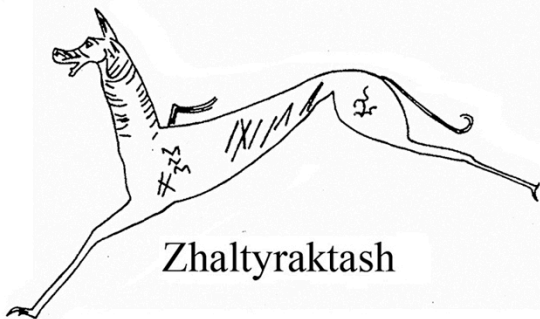
2016 г.

2019 г.

2018 г.

Zhaltyraktash

Fig. 6-9.